Проф. Л. М. Лопатинъ.

КУРСЪ ПСИХОЛОГІИ.

Лекціи, читанныя на Историко-Филологическомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго Университета и на Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ 1903—1904 ак. году.

МОСКВА.
Типо-Литогр. Ю. ВЕНЕРЪ преемн. О. Фалькъ.
Петровка. Рахмановскій пер., д. Грачева.
1903.

1в

„Пров 38“ Пров. 1959

2

ОБЩАЯ ЧАСТЬ.

I.

ОСНОВНЫЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКІЯ СООБРАЖЕНІЯ.

1) Психологія, по буквальному значенію слова, есть наука о душѣ (душевѣдѣніе). Когда впервые возникли психологическія теоріи, ихъ задача вполнѣ отвѣчала такому опредѣленію: ихъ авторы старались объяснить, въ чемъ заключается сущность души, взаимодѣйствіе какихъ элементовъ обусловливаетъ ея существованіе, принадлежитъ ли она по своей природѣ къ матеріальному міру, или, напротивъ, относится къ высшей, невещественной сферѣ бытія. У древнихъ философовъ до-Сократовской эпохи душѣ приписывались матеріальные признаки, ее отождествляли съ различными вещественными стихіями: воздухомъ, огнемъ, эеиромъ; послѣ Сократа побѣждаетъ идеальный взглядъ на наше духовное существо: по Платону, душа есть божественное въ человѣкѣ, вѣчный и самодвижущійся источникъ жизни, внутренно сродный безтѣлесному міру идей; для Аристотеля душа есть идеальная творческая форма тѣла. Черезъ позднѣйшую исторію мысли идетъ постоянная борьба между двумя взглядами на природу души - матеріалистическимъ и спиритуалистическимъ. Но какъ бы ни разнообразились воззрѣнія отдѣльныхъ психологовъ, всѣ они стремились освѣтить одинъ и тотъ же вопросъ: что такое душа?

Въ сравнительно недавнее время положеніе дѣла измѣнилось. Этотъ вопросъ о существѣ души отступилъ на второй планъ или даже и совсѣмъ былъ выброшенъ изъ психологіи. Предметомъ психологическихъ изслѣдованій были признаны я в л е н і я души, помимо вопроса о томъ, кто и что ихъ переживаетъ. Среди психологовъ возобладалъ взглядъ, по которому мы совсѣмъ не можемъ сказать съ увѣренностью, что такое душа сама по себѣ, да и существуетъ ли она, какъ независимый отъ тѣла источникъ своихъ особыхъ явленій. Начали стараться построить п с и х о л о г і ю б е з ъ д у ш и. При такомъ взглядѣ на нее, психо-

логію, какъ науку, придется опредѣлить такъ: психологія есть наука о душевныхъ я в л е н і я х ъ.

Должны ли мы удовлетвориться этимъ опредѣленіемъ? Легко замѣтить его основной недостатокъ: въ немъ сказывается извѣстная предвзятая оцѣнка. Можетъ быть, и правы тѣ, кто думаетъ, что п о я в л е н і я м ъ души ничего нельзя вывести о самой душѣ, но, можетъ быть, они и неправы, - какъ это знать навѣрное съ перваго шага, прежде чѣмъ мы приступили къ предмету психологическихъ изысканій? Вѣдь во всякомъ случаѣ, въ мысли, что можно хорошо знать я в л е н і я вещи (души) и при этомъ совсѣмъ не знать, что такое сама эта вещь, да и существуетъ ли она, - для нашего ума заключается нѣкоторая неловкость и трудность. Какъ же принять ее за что-то безспорное раньше всякихъ изслѣдованій? Не будетъ ли разумнѣе и осторожнѣе отказаться отъ всякаго предвзятаго взгляда, ничего не предрѣшать впередъ - - о содержаніи и границахъ нашихъ возможныхъ выводовъ и обобщеній и съ безпристрастнымъ терпѣніемъ и вниманіемъ изучать душу такъ, какъ она дана въ природѣ. Пускай она покажетъ себя такою, какъ она въ насъ есть, помимо нашихъ мнѣній и предразсудковъ. Съ этой точки зрѣнія наиболѣе цѣлесообразнымъ будетъ ограничиться слѣдующимъ весьма общимъ опредѣленіемъ: п с и х о л о г і я е с т ь н а у к а о з а к о н а х ъ и п р о ц е с с а х ъ д у ш е в н о й ж и з н и; принимая это опредѣленіе, мы не дѣлаемъ никакихъ предварительныхъ предположеній о томъ, обнаруживается ли внутреннее существо души въ ея собственной жизни, - или сама душа и жизнь души раздѣлены непроходимою пропастью, ничѣмъ другъ на друга не намекаютъ и представляютъ двѣ совсѣмъ особыя сферы существованія. Уже изъ этого очень общаго указанія предмета психологіи легко видѣть, какія серьезныя задачи подлежатъ ея рѣшенію и изслѣдованію. А между тѣмъ всякаго размышляющаго человѣка должно поражать то странное и грустное состояніе, въ которомъ находится психологія сравнительно съ другими науками. Возникла она очень давно. Отдѣльныя глубокія и цѣнныя наблюденія надъ душевною жизнью человѣка были сдѣланы уже въ тѣ времена, когда, напр., физика еще находилась въ совершенномъ младенчествѣ. А между тѣмъ теперь психологія, несомнѣнно, отстала отъ всѣхъ другихъ отдѣловъ научнаго знанія: справедливо можно сказать, что у нея нѣтъ ни прочныхъ и содержательныхъ законовъ, ни общепринятыхъ принциповъ объясненія; у нея даже оказывается чрезвычайно мало фактовъ, которые были бы признаны всѣми. Психологическая наука распадается на школы и секты, готовыя спорить обо всемъ. И все-таки едва ли можно сомнѣ-

ваться, что между всѣми спеціальными областями знанія психологія принадлежитъ наиболѣе важное мѣсто. И это не только потому, что она стремится раскрыть намъ нашъ собственный внутренній міръ и путемъ безпристрастнаго анализа обнаружить тѣ стимулы, которые движутъ и направляютъ нашу мысль, наше чувство и нашу волю. Значеніе психологіи представляется, можетъ быть, еще болѣе серьезнымъ въ виду того особаго положенія, которое она, по своему предмету, получаетъ въ общей системѣ человѣческихъ знаній: это положеніе слѣдуетъ назвать ц е н т р а л ь н ы м ъ.

Здѣсь приходится остановиться на истинѣ огромной важности: м ы в с е з н а е м ъ т о л ь к о ч е р е з ъ п р и з м у с в о е г о с о б с т в е н н а г о д у х а. Это безспорный и очевидный фактъ. Всякій предметъ дается намъ только въ нашихъ ощущеніяхъ, воспріятіяхъ, представленіяхъ, идеяхъ, сужденіяхъ. Что, напримѣръ, значитъ в о с п р и н я т ь предметъ, - положимъ, его видѣть? Мы тогда видимъ его, когда въ нашемъ сознаніи сочетались различныя зрительныя ощущенія свѣта, цвѣта и формы, и когда эти наличныя ощущенія сопоставлены нашимъ сознаніемъ съ прошлыми ощущеніями отъ того же предмета или отъ предметовъ съ нимъ однородныхъ. Другими словами, въ этомъ, казалось бы, простомъ актѣ усмотрѣнія лежащей передъ нами вещи мы имѣемъ очень сложный и чисто психическій процессъ. Или что значитъ в о о б р а з и т ь предметъ (положимъ, лицо знакомаго намъ человѣка, отсутствующаго въ настоящее мгновеніе)? Опять и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ очень сложный душевный процессъ чисто внутренняго воспроизведенія всѣхъ деталей воспоминаемаго образа, замѣченныхъ нами въ нашихъ опытахъ. Нечего настаивать, насколько еще болѣе сложными являются процессы нашего отвлеченнаго пониманія какихъ-нибудь общихъ истинъ о вещахъ, нашего логическаго доказательства научныхъ положеній о нихъ и т.д. Въ виду всего этого представляется совершенно несомнѣннымъ слѣдующее общее утвержденіе: м ы н и к а к и х ъ о б ъ е к т о в ъ н е з н а е м ъ п р я м о, м ы в с е п о з н а е м ъ ч е р е з ъ п с и х и ч е с к і е с и м в о л ы и л и з н а ч к и.

Но разъ это такъ, то уразумѣніе природы и законовъ нашихъ психическихъ процессовъ получаетъ принципіальное значеніе для оцѣнки всякаго другого нашего познанія. Нѣсколько примѣровъ пояснятъ мою мысль. Геометрія, положимъ, изучаетъ основныя свойства и законы пространства и формъ въ пространствѣ. Но что же такое пространство? Существу-

етъ ли оно въ самой природѣ, или оно только намъ к а ж е т с я въ ней? Есть ли оно изначальное вмѣстилище всѣхъ вещей, существующее абсолютно, данное раньше всего на свѣтѣ, какъ думалъ, напримѣръ, Ньютонъ, или оно только наше субъективное представленіе, подъ угломъ котораго мы все воспринимаемъ, какъ учили Кантъ и Шопенгауэръ? И если оно существуетъ помимо насъ, то совсѣмъ ли оно такое, какъ мы его представляемъ, или у него есть свойства, быть можетъ, даже измѣренія, о которыхъ мы ничего не подозрѣваемъ и которыхъ мы даже неспособны вообразить себѣ? Вамъ, быть можетъ, извѣстно, какіе горячіе споры идутъ объ этомъ, - между тѣмъ, можно ли надѣяться рѣшить эти вопросы, если мы не будемъ имѣть яснаго пониманія того, какъ воспринимаемъ мы пространство и какъ образуется въ насъ представленіе о немъ. Я не хочу этимъ сказать, что если мы рѣшили проблему о происхожденіи нашей идеи о пространствѣ, то тѣмъ самымъ мы получили всѣ нужныя данныя для рѣшенія вопроса объ его объективной, метафизической природѣ. Но все же едва ли подлежитъ сомнѣнію, что когда мы не знаемъ даже того, что такое идея пространства въ насъ, мы едва ли можемъ питать сколько-нибудь основательную надежду проникнуть въ его сущность, какъ оно дано помимо насъ. Или возьмемъ другой примѣръ. Физика изучаетъ общіе законы вещества. Но что такое вещество? Есть ли оно сама въ себѣ протяженная субстанція, какъ училъ Декартъ? Или оно состоитъ изъ абсолютно непротяженныхъ и недѣлимыхъ точекъ, которыя, однако, носятся въ пространствѣ, какъ думалъ Босковичъ? Или оно не то и не другое, а само въ себѣ оно есть абсолютно неизвѣстная основа того, что для нашего чувства является, какъ протяженность, непроницаемость, инерція, хотя по своей внутренней природѣ оно не имѣетъ ничего общаго съ этими свойствами, какъ полагаютъ сторонники феноменизма (Кантъ, Спенсеръ). Можно ли расчитывать надлежащимъ образомъ освѣтить эти вопросы, не уяснивъ себѣ сначала того, какъ слагается наше представленіе о физическомъ веществѣ, черезъ какія стадіи развитія оно проходитъ и какіе именно психологическіе процессы принимаютъ участіе въ его образованіи? Какъ иначе могли бы мы надѣяться выдѣлить въ нашемъ обычномъ понятіи о веществѣ объективные элементы отъ чисто субъективныхъ? Вполнѣ аналогическія соображенія относятся къ нашимъ понятіямъ о движеніи, энергіи, силѣ и т.д. Въ самомъ дѣлѣ, что такое движеніе? Таково ли оно въ самой природѣ, какъ нами воспринимается? Опять прежде всего является вопросъ: изъ чего слагается наше воспріятіе движеній? И, лишь путемъ вычитанія его чисто субъективныхъ моментовъ, мы можемъ питать надежду приблизиться

къ пониманію объективной сущности движенія.

Мы все познаемъ сквозь призму нашего духа, но то, что совершается въ самомъ духѣ, мы познаемъ безъ всякой посредствующей призмы. Въ противоположность явленіямъ физической природы, то, что составляетъ, по крайней мѣрѣ, нашу сознательную душевную жизнь (а только оно является прямымъ предметомъ психологическаго изученія), сознается нами какъ оно есть. Это положеніе настолько очевидно, что едва ли даже нуждается въ доказательствахъ и подробныхъ поясненіяхъ. Вѣдь состояніе сознанія настолько лишь и есть состояніе сознанія, насколько оно сознается. Что я ощущаю и какъ я ощущаю, то и есть мое ощущеніе, а чего я не ощущаю, то, очевидно, и не принадлежитъ къ моему ощущенію, какъ таковому. Чего я дѣйствительно желаю, то только и есть мое желаніе; что я въ самомъ себѣ чувствую, то и есть мое чувство. Это истины тождественныя; предполагать здѣсь какія-нибудь посредствующія призмы между нашимъ сознаніемъ и тѣмъ, что имъ сознается, совсѣмъ не имѣетъ смысла. А между тѣмъ изъ этого вытекаетъ чрезвычайно важный выводъ: свою сознательную душевную жизнь мы знаемъ въ ея настоящей, прямой дѣйствительности, безъ всякихъ посредствъ; въ нашемъ непосредственномъ, внутреннемъ переживаніи намъ открывается какъ бы уголокъ нѣкоторой абсолютной дѣйствительности, какъ она есть сама въ себѣ, а не только въ кажущемся и всегда могущемъ подлежать сомнѣнію явленіи чего-то другого, какъ дается намъ сплошь вся внѣшняя реальность. Въ сферѣ непосредственныхъ данныхъ сознанія нѣтъ уже различія между объективнымъ и субъективнымъ, реальнымъ и кажущимся, здѣсь все есть, какъ кажется, и даже именно потому, что оно кажется: вѣдь когда что-нибудь намъ кажется, это и есть вполнѣ реальный фактъ нашей внутренней душевной жизни. Такимъ образомъ, нашъ внутренній міръ есть единственная точка, въ которой безспорно подлинная дѣйствительность раскрыта для нашего прямого усмотрѣнія.

Изъ этого вытекаетъ огромное метафизическое значеніе психологіи: метафизика или онтологія есть та область философіи, которая стремится понять существующее въ его настоящихъ, истинныхъ признакахъ, какъ оно есть само по себѣ, помимо тѣхъ искажающихъ добавленій, которыя вносятся въ него для насъ ограниченностью и условностью формъ нашего чувственнаго воспріятія и опытнаго знанія. И вотъ,

если мы гдѣ-нибудь имѣемъ такой опытъ, содержаніе котораго не искажается никакими субъективными измѣненіями и добавленіями или въ которомъ непосредственно раскрыта нѣкоторая совсѣмъ подлинная реальность, то это только въ психологіи. И, наоборотъ, въ психологіи такая реальность дана самымъ несомнѣннымъ образомъ. По отношенію къ фактамъ нашего сознанія потому уже не можетъ быть рѣчи о субъективныхъ искаженіяхъ и прибавленіяхъ, что въ нихъ мы имѣемъ дѣло именно съ субъективнымъ, какъ таковымъ: въ чисто субъективныхъ вещахъ ложное ихъ воспріятіе представляетъ нѣчто по существу немыслимое. Допустимъ даже, что всѣ наши воспоминанія о прежде пережитыхъ состояніяхъ ложны и призрачны, что на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни времени, ни нашего прошлаго; все же въ насъ безспорно дано усмотрѣніе этихъ призрачныхъ вещей, и наличность этого усмотрѣнія въ насъ уже никакъ нельзя считать субъективнымъ обманомъ. Что непосредственно испытывается сознаніемъ, то очевиднымъ образомъ е с т ь именно такъ, какъ оно сознается, -- противъ этого принципа не можетъ быть никакихъ серьезныхъ возраженій. А если въ самихъ себѣ мы познаемъ нѣчто безспорно дѣйствительное, то этимъ устанавливается весьма большая вѣроятность того, что, правильно и осмотрительно исходя отъ непосредственно извѣстнаго въ себѣ, мы можемъ понять, хотя бы въ самыхъ общихъ очертаніяхъ и признакахъ, внутреннюю дѣйствительность и всякихъ другихъ вещей. Чтобы заранѣе осудить возможность такого а н а л о г и ч е с к а г о пониманія по самимъ себѣ всякой другой реальности, нужно предположить абсолютную внутреннюю разрозненность реальнаго міра или(что сведется къ тому же) совершенную неприложимость къ нему какихъ бы то ни было логическихъ категорій и точекъ зрѣнія. Но если только міровая жизнь обладаетъ какимъ-нибудь единствомъ, если существуетъ хотя какая-нибудь однородность и внутреннее подобіе въ элементахъ дѣйствительности, мы съ полнымъ логическимъ правомъ можемъ надѣяться, отправляясь отъ самихъ себя, постигнуть внутреннюю суть того, что кажется намъ внѣшнимъ. Въ такомъ случаѣ познанію достаточно имѣть хотя одну твердую точку, ему довольно въ ней одной встрѣтиться съ истинною дѣйствительностью, чтобы оно уже не было сплошною иллюзіей и обманомъ, - чтобы оно оказалось въ состояніи постигнуть всю реальность въ ея основныхъ очертаніяхъ, - конечно, если оно правильно оцѣнитъ то, что въ этой точкѣ ему открылось.

Въ связи съ сейчасъ изложенными свойствами психологіи находится ея отношеніе къ ф и л о с о ф і и. П с и х о л о г і я есть по преимуществу ф и л о с о ф с к а я дисциплина. Всѣ другія философ-

скія науки находятся въ тѣсной зависимости отъ ея данныхъ. Ея отношеніе къ нимъ въ значительной степени аналогично ея отношенію къ наукамъ физическимъ. Мы отчасти могли убѣдиться въ этомъ сейчасъ, разсматривая отношеніе психологіи къ метафизикѣ. Но, пожалуй, съ еще большимъ правомъ можно это утверждать объ ея отношеніи къ теоріи познанія, логикѣ, этикѣ, эстетикѣ . Теорія познанія (гносеологія) рѣшаетъ вопросъ о возможности, существѣ и предѣлахъ человѣческаго познанія но какъ же рѣшить этотъ вопросъ, если не имѣть яснаго и точнаго понятія о познавательныхъ процессахъ? А какъ имѣть такое понятіе, если не знать, какъ они совершаются? И мы, въ самомъ дѣлѣ, видимъ, что всякая теорія познанія вырастаетъ на психологическомъ фундаментѣ. Поэтому нѣкоторые мыслители, напримѣръ, Локкъ, сознательно строятъ теорію познанія на основаніи данныхъ психологіи. Но даже и тѣ изъ философовъ, которые старались обосновать теорію познанія въ полной независимости отъ какихъ-нибудь психологическихъ предположеній, не давая себѣ въ томъ отчета, все же невольно отправлялись отъ опредѣленныхъ психологическихъ взглядовъ. Примѣромъ тому можетъ служить Кантъ въ своей "Критикѣ чистаго разума". Логика, по самому общему опредѣленію, есть наука о нормальныхъ формахъ мышленія. Но вполнѣ очевидно, чтобы установить истинныя нормы, надо знать сначала процессы мысли, нормы которыхъ мы хотимъ установить, - оттого во всѣ времена логика такъ или иначе всегда была связана съ психологіей. Этика въ окончательномъ результатѣ рѣшаетъ вопросъ о томъ, что мы должны и можемъ требовать отъ нашей воли, говоря просто, - о томъ, какъ намъ жить и поступать. Но вѣдь для этого прежде всего надо знать природу и законы воли. Для психолога, который думаетъ, что въ человѣкѣ нѣтъ другихъ интересовъ, кромѣ эгоистическихъ, придется всю этику обосновать на эгоизмѣ. Наоборотъ, если признать альтруистическія побужденія, какъ нѣкоторую изначальную и всегда мощную силу въ душѣ, то этика получитъ совсѣмъ другое направленіе Эстетика есть наука о законахъ прекраснаго. Но какъ установить эти законы, если не знать во всей точности, что вызываетъ въ насъ художественное впечатлѣніе, и что нѣтъ? И въ исторіи эстетическихъ теорій особенно удобно наблюдать какъ измѣнялись взгляды различныхъ изслѣдователей, смотря по тому, какую окраску принимали ихъ психологическія убѣжденія.

Но если всѣ эти науки тѣсно связаны съ психологіей, это все-таки далеко еще не значитъ, что онѣ составляютъ только отдѣлы или части психологіи. Психологія все-таки остается особой наукой среди другихъ

философскихъ наукъ со своимъ спеціальнымъ предметомъ, спеціальными задачами и методами. Она изучаетъ душевные факты въ ихъ отличіи отъ всѣхъ другихъ явленій природы и въ ихъ детальныхъ законахъ. Въ своемъ предметѣ изслѣдованія она нерѣдко соприкасается съ другими философскими дисциплинами; но все же не совпадаетъ съ ними и относится къ нимъ со своей особой точки зрѣнія. Рѣшеніе различныхъ проблемъ въ другихъ философскихъ наукахъ находится въ многообразной зависимости отъ психологическихъ данныхъ, - но все же эти проблемы рѣшаетъ не психологія. Поясню это примѣромъ: теорія познанія неизбѣжно исходитъ изъ разсмотрѣнія природы и законовъ нашего мышленія; въ этомъ она совпадаетъ съ психологіей, которая между другими психическими процессами изучаетъ и процессы нашей познающей мысли, и ясно, что между выводами той и другой науки не должно быть никакого принципіальнаго противорѣчія. Тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ относится къ процессамъ нашего ума со своей особой точки зрѣнія. Укажемъ хотя слѣдующее простое различіе: теорія познанія рѣшаетъ вопросъ о самой возможности всякаго знанія вообще, потому что по самой своей задачѣ она необходимо должна ограничиваться только вполнѣ самоочевидными данными нашего разума и не предполагать никакихъ частныхъ выводовъ отъ - дѣльныхъ наукъ, - вѣдь она должна еще показать возможность какой бы то ни было науки. Между тѣмъ психологія есть уже спеціальная наука, которая изучаетъ человѣческое мышленіе во всемъ конкретномъ разнообразіи его проявленій.

Итакъ, задачи психологіи имѣютъ огромную важность; тѣмъ печальнѣе то несовершенное состояніе, въ которомъ психологія находится до нашихъ дней. Казалось бы, въ непосредственной очевидности и достовѣрности психическихъ данныхъ заключается очень многообѣщающее преимущество психологіи передъ другими науками. А что изъ него вышло для нея? Вѣдь до сихъ поръ многіе весьма разумные люди и съ самыми серьезными основаніями готовы сомнѣваться даже въ самомъ существованіи психологіи, какъ науки. Правда, за послѣднее время въ ней возникли нѣкоторыя отдѣльныя области, разработанныя сравнительно точно; но всѣ онѣ относятся къ сферѣ психофизическихъ и психофизіологическихъ изслѣдованій, въ которыя физическими и физіологическими пріемами изученія внесено, конечно, гораздо больше, чѣмъ спеціально психологическими методами. Во всякомъ случаѣ, онѣ представляютъ какъ бы маленькіе оазисы среди хаоса противорѣчащихъ другъ другу обобщеній, враждующихъ гипотезъ, неполныхъ описаній. Того, кто въ первый разъ знакомится съ психологической литературой, должно поражать, какъ мало въ ней уста-

новленнаго и безспорнаго, и какія слабыя стороны обнаруживаетъ въ ней даже то, что составляетъ первый шагъ въ каждой наукѣ - простое описаніе фактовъ. Болѣе того, какъ ни странно это, хотя дѣло идетъ о непосредственно переживаемомъ нами, нерѣдко оказывается спорною даже самая наличность фактовъ, казалось бы, ежеминутно допускающихъ провѣрку. Укажу нѣкоторые примѣры, хотя бы изъ сферы памяти: можно ли вспоминать боль? Можно ли вспомнить запахъ? Объ этомъ между психологами существуетъ разногласіе. Или, обращаясь къ области переживаемыхъ нами чувствъ, когда мы радуемся или печалимся, любимъ или ненавидимъ, жалѣемъ или злорадствуемъ, точно ли тутъ дѣло идетъ о чисто внутреннихъ духовныхъ состояніяхъ, выражающихъ наше стремленіе или отвращеніе къ окружающимъ насъ существамъ и предметамъ, или мы имѣемъ въ этихъ случаяхъ только физическія ощущенія? Нѣкоторые психологи настойчиво доказываютъ послѣднее. Можно привести примѣръ еще болѣе поучительный: мы постоянно думаемъ объ общихъ истинахъ, принципахъ, понятіяхъ. И вотъ, возникаетъ вопросъ: правда ли что въ нашемъ умѣ когда-нибудь бываютъ даны общія идеи и истины, или мы имѣемъ всегда только отдѣльныя представленія объ отдѣльныхъ конкретныхъ предметахъ? Можно ли думать о людяхъ вообще, о всякихъ людяхъ, или наша мысль всегда относится къ отдѣльнымъ, опредѣленнымъ лицамъ? Можно ли думать о добрѣ, справедливости, красотѣ по общему содержанію этихъ понятій? Объ этомъ идетъ огромный споръ черезъ всю исторію европейской мысли, еще начиная отъ реалистовъ и номинали - стовъ средневѣковой эпохи.

При указанной сейчасъ зависимости философіи отъ психологіи понятно, какъ должно отражаться плачевное положеніе психологіи на судьбахъ всей философіи, какъ науки.

2) Сила и слабость психологіи, принадлежащее ей по существу ея задачи центральное положеніе среди другихъ наукъ и ея весьма несовершенное научное состояніе еще и въ наше время,- безъ сомнѣнія, коренятся въ ея основномъ методѣ. Этотъ методъ есть с а м о н а б л ю д е н і е. Въ немъ есть одно огромное преимущество, о которомъ я говорилъ сейчасъ: внутренняя дѣйствительность нашего сознанія открыта нашему самонаблюденію въ ея подлинномъ видѣ,-такъ, какъ она есть. Предметы окружающаго насъ внѣшняго міра мы воспринимаемъ только черезъ ощущенія нашихъ внѣшнихъ чувствъ, и, чтобы они составили содержаніе нашего сознанія, необходимо, чтобы они были пропущены черезъ нашу психическую призму. Напротивъ, можно сказать, что пред-

методъ самонаблюденія является с а м а э т а п р и з м а: мы все воспринимаемъ черезъ наши психическія состоянія, но именно поэтому самыя эти состоянія мы уже должны воспринимать прямо, такъ какъ иначе мы не могли бы всего воспринимать въ нихъ. Состоянія сознанія, уже по самому понятію о нихъ, мы должны сознавать такими, каковы они есть на самомъ дѣлѣ, потому что въ противномъ случаѣ они не были бы состояніями самого сознанія, а назвать состояніями сознанія пришлось бы уже то, черезъ что мы сознавали бы ихъ. Въ этомъ очень важное преимущество метода самонаблюденія или интроспективнаго метода.

Но существуетъ и неизбѣжная ограниченность въ методѣ самонаблюденія: мы непосредственно знаемъ только свое собственное сознаніе, - - чужое для насъ закрыто. Непроницаемость индивидуальныхъ сознаній другъ для друга есть безспорный фактъ психологіи. Принадлежность переживаемыхъ состояній чужому *я* стоитъ непроходимою стѣною для нашего наблюденія и воспріятія. Если бы даже вообразить, что мысли и чувства другого лица цѣликомъ перенесены въ насъ, мы испытали бы ихъ, уже не какъ чужія, а какъ свои собственныя. Различіе сознающихъ *я* или различіе личностей есть тотъ абсолютный рубежъ, который обособляетъ всѣ внутреннія психическія состоянія въ безчисленныя замкнутыя другъ для друга сферы. Мы не можемъ заглянуть въ чужую душу, мы можемъ понять то, что въ ней происходитъ, только п у т е м ъ а н а л о г і и: состоянія чужого сознанія мы угадываемъ по аналогіи съ собственнымъ. Мы видимъ, что другой человѣкъ мимикой, жестами, голосомъ, движеніями, - выражаетъ радость или горе. Мы знаемъ по себѣ, что это значитъ, - когда приходится такъ говорить, прибѣгать къ такой жестикуляціи, такъ двигаться; и мы приписываемъ этому человѣку чувства, которыя испытали сами. Кто-нибудь сказалъ намъ, что у него болитъ зубъ; мы вспоминаемъ, какъ зубъ болѣлъ у насъ самихъ, и только черезъ это понимаемъ его. И мы приписываемъ ему тотъ самый рядъ ощущеній, который пережили сами. Мы слышимъ рядъ фразъ и схватываемъ ихъ смыслъ, пока онѣ произносятся; и тѣ мысли, которыя выражаютъ эти фразы для насъ, мы приписываемъ уму говорящаго. Что происходитъ во всѣхъ этихъ случаяхъ? Во всѣхъ подобныхъ примѣрахъ наблюдаемъ мы только знаки, дѣйствія, выраженія чужой психической жизни; но о внутреннихъ состояніяхъ другихъ людей мы всегда только догадываемся; мы ихъ приписываемъ имъ по аналогіи съ собою, но прямо ихъ не видимъ.

Такимъ образомъ, окончательнымъ критеріемъ всякой психической жизни является для насъ наше собственное сознаніе. Между тѣмъ наше со-

знаніе всегда индивидуально, - въ этомъ его естественная граница. Мы все испытываемъ по-своему и никогда не можемъ быть увѣрены, что испытываемъ совсѣмъ такъ, какъ другіе. Я знаю, что когда я вижу зеленое, и другіе утверждаютъ, что они также видятъ зеленый цвѣтъ. Но гдѣ ручательство, что мы видимъ при этомъ совсѣмъ одно и то же? Правда, въ данномъ случаѣ можно съ высокою степенью вѣроятности утверждать, если не абсолютное тожество, то, по крайней мѣрѣ, внутреннюю однородность переживаемыхъ нами и другими людьми ощущеній. Но вѣдь въ насъ далеко не все однородно съ тѣмъ, что испытываютъ и переживаютъ другіе. Въ каждомъ человѣкѣ, кромѣ черть типическихъ для всего человѣческаго рода, существуетъ безчисленное множество личныхъ особенностей. На многое въ жизни мы реагируемъ каждый по своему, и въ этомъ заключается наша личная своеобразность. У каждаго свой особый складъ ума, памяти, воображенія, характера, сердца. Напримѣръ, въ наукѣ установлены различные типы памяти: у однихъ она проявляется по-преимуществу въ области зрительныхъ ощущеній, у другихъ въ области слуховыхъ, у третьихъ двигательныхъ и т.д. Отъ этого зависятъ очень важныя особенности въ психическомъ развитіи процессовъ ума. Точно также существуютъ различные типы воображенія: напримѣръ, съ одной стороны - воображеніе ученаго, который создаетъ какую-нибудь чрезвычайно сложную гипотезу, объясняющую тѣ или другіе процессы природы, гдѣ все должно быть математически точно предусмотрѣно, ибо только черезъ это гипотеза получаетъ цѣну, - гдѣ приходится имѣть дѣло съ безчисленнымъ множествомъ предполагаемыхъ элементовъ, по качеству весьма простыхъ, но по количественнымъ опредѣленіямъ и отношеніямъ чрезвычайно сложныхъ; съ другой стороны - художественный типъ фантазіи, гдѣ все дѣло въ разнообразіи, въ живости, но гдѣ заразъ сознаніе вмѣщаетъ всего нѣсколько образовъ, даже неособенно отчетливыхъ, а только чрезвычайно интенсивныхъ, живыхъ и качественно разнообразныхъ. Подобное же замѣчаніе можно сдѣлать обо всѣхъ другихъ способностяхъ человѣческой души: если бъ каждый психологъ дѣлалъ свои выводы только на основаніи того, что онъ наблюдаетъ въ самомъ себѣ, - изъ такого во многихъ отношеніяхъ случайнаго матеріала какая могла бы получиться наука о всякой душевной жизни вообще?

Отсюда въ психологіи возникаетъ вполнѣ законное стремленіе пополнить с у б ъ е к т и в н ы й методъ чистаго с а м о н а б л ю д е н і я - о б ъ е к т и в н ы м ъ. Конечно, мы не знаемъ чужой душевной жизни, но мы можемъ догадываться о ея содержаніи по внѣшнимъ выраженіямъ съ такой высокой степенью вѣроятности, что она во многихъ

случаяхъ практически переходитъ въ полную достовѣрность. Мы изучаемъ чужую душевную жизнь, насколько она выражается въ с л о в ѣ и д ѣ й с т в і и. Мы изучаемъ ее этимъ путемъ и въ своихъ реальныхъ ежедневныхъ столкновеніяхъ съ другими людьми, и въ ея отраженіи, въ фантазіи геніальныхъ художниковъ и поэтовъ, и въ разнообразныхъ произведеніяхъ литературы, и въ памятникахъ исторіи. Не будь этихъ дополнительныхъ источниковъ нашихъ свѣдѣній о законахъ душевной жизни, мы едва ли достигли бы когда-нибудь до содержательныхъ опытныхъ обобщеній относительно ея внутреннихъ двигателей. Мы дѣлаемъ примѣненіе этого объективнаго метода не только въ общей психологіи, - изъ его разнообразныхъ видоизмѣненій вырастаетъ цѣлый рядъ спеціальныхъ психологическихъ дисциплинъ: психологія дѣтской души, психологія душевнобольныхъ, психологія животныхъ, психологія народовъ, психологія обществъ, психологія художественнаго творчества. Напримѣръ, если взять психологію дѣтской души, то, конечно, въ ней мы можемъ прибѣгать и къ самонаблюденію, лучше сказать, - къ воспоминаніямъ, къ тѣмъ наблюденіямъ, которыя мы непроизвольно сами надъ собой сдѣлали въ дѣтствѣ, но, несомнѣнно, такой источникъ для этого отдѣла психологіи будетъ весьма недостаточенъ. Какъ увидимъ впослѣдствіи, на одни воспоминанія въ психической сферѣ вообще трудно полагаться, тѣмъ болѣе это трудно, когда рѣчь идетъ о такомъ отдаленномъ отъ насъ времени и при этомъ о такой эпохѣ нашей жизни, когда въ насъ всего менѣе можно предполагать точность наблюденія. Поэтому въ этой области приходится прибѣгать къ методу объективному, т.е. къ наблюденію и даже экспериментированію какъ надъ отдѣльными дѣтьми, такъ и надъ цѣлыми ихъ группами. Тутъ наблюденіе индивидуальное неизбѣжно должно соединяться съ наблюденіемъ коллективнымъ. Результаты, получаемые отъ такого расширеннаго наблюденія, бываютъ иногда весьма важны и интересны, какъ въ теоретическомъ смыслѣ, такъ и въ практическомъ приложеніи, напримѣръ, къ вопросамъ воспитанія.

Вообще объективный методъ раскрываетъ намъ цѣлую массу явленій, о которыхъ мы бы и не знали, пользуясь лишь методомъ субъективнымъ. Но, съ другой стороны, гдѣ ясное приложеніе метода самонаблюденія оказывается невозможнымъ, - тамъ объективный методъ не дастъ сколько-нибудь полнаго пониманія психической жизни. Въ этомъ отношеніи весьма поучительный примѣръ представляетъ психологія животныхъ. Въ ней мы имѣемъ сколько-нибудь ясныя и правдоподобныя обобщенія лишь до тѣхъ поръ, пока мы можемъ утверждать значительную аналогію о совершающихся въ животныхъ внутреннихъ процессовъ съ нашими собственными душев-

ными процессами; напримѣръ, для насъ болѣе или менѣе понятенъ процессъ одушевленія у нихъ, особенно, если они обладаютъ тѣми же органами чувствъ, какъ и мы, процессъ воспоминанія, чувствованія; но есть другіе отдѣлы въ психологіи животныхъ, которые представляются въ высшей степени загадочными и едва ли когда будутъ доведены до полной ясности своего содержанія и до совершенной безспорности объясненій. Сюда, напр., относится вопросъ объ инстинктахъ у животныхъ. Фактъ существованія инстинктовъ извѣстенъ очень давно. Но психологическія объясненія этого явленія поражаютъ своими противорѣчіями. Одни видятъ въ нихъ привычки, внушенныя прошлымъ опытомъ, нѣчто вродѣ сознательныхъ дѣйствій ума и чувства; другіе усматриваютъ во всѣхъ проявленіяхъ инстинктивной жизни результатъ чисто механическихъ процессовъ въ мозгу и нервной системѣ животныхъ безъ всякаго соотвѣтствія для нихъ въ душевной ихъ жизни; третьи предполагаютъ нѣкоторую особую непостижимую родовую жизнь или родовое сознаніе животныхъ, которое дѣлаетъ свои внушенія отдѣльнымъ индивидуальностямъ въ интересахъ преуспѣянія рода и т.д. Всѣ подобныя предположенія и неясны, и мало доказательны; а зависитъ это, главнымъ образомъ, оттого, что чисто инстинктивныхъ дѣйствій у человѣка сравнительно мало; обыкновенно они очень быстро сливаются съ процессами сознательными, и потому, когда, напримѣръ, ставится вопросъ о тѣхъ таинственныхъ инстинктахъ, которые присущи психической жизни низшихъ животныхъ, мы дѣйствительно не находимъ въ себѣ ничего аналогичнаго имъ и потому не можемъ ясно представить ихъ себѣ и сколько-нибудь отчетливо объяснить внутренній механизмъ ихъ проявленій. Итакъ, главная причина неполнаго пониманія психической жизни животныхъ заключается въ томъ, что мы наблюдаемъ въ ней нерѣдко проявленія такихъ внутреннихъ состояній, для которыхъ не находимъ въ себѣ никакой аналогіи.

Наконецъ, мы пытаемся проникнуть въ чужую индивидуальность, воспроизводя внутреннюю біографію тѣхъ или другихъ лицъ, извѣстныхъ въ исторіи по сохранившимся о нихъ документамъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что объективный методъ въ психологіи даетъ намъ прежде всего ряды наблюденій надъ непосредственными проявленіями чужой душевной жизни, толкуемыхъ по аналогіи съ нашей собственной душевной жизнью.

Другое примѣненіе объективный методъ въ психологіи находитъ въ изслѣдованіи связей между состояніями психическими и физіологическими. Такъ возникаетъ особая наука, носящая названіе ф и з і о л о -

гической психологіи. Тѣсная зависимость душевной жизни отъ физическихъ перемѣнъ въ тѣлесномъ организмѣ есть непоколебимый фактъ опыта. Онъ былъ замѣченъ съ незапамятныхъ временъ и принципіально признавался во всѣхъ психологическихъ теоріяхъ, хотя ему давали различное объясненіе, освѣщеніе и оцѣнку. Возьмемъ двѣ противоположныя психологическія гипотезы - матеріалистовъ и спиритуалистовъ. По мнѣнію первыхъ, явленія сознанія суть не что иное, какъ измѣненія или функціи мозга. У нихъ, слѣдовательно, душевная жизнь не только ставится въ зависимость отъ тѣлесной, но прямо съ ней отождествляется. Напротивъ, по мнѣнію крайнихъ спиритуалистовъ, тѣло со своими отправленіями представляетъ только препятствіе для полнаго проявленія внутренняго содержанія души; какъ бы преломляясь въ тѣлѣ, дѣятельность души является ограниченной. Такимъ образомъ, оцѣнка вліянія тѣла на жизнь души дѣлается совсѣмъ различная, но все же обѣ гипотезы признаютъ зависимость между духовной и тѣлесной жизнью. При возрастающемъ знакомствѣ съ функціями мозга этотъ фактъ пріобрѣтаетъ все большее значеніе. Теперь мы знаемъ, что связь психическаго съ физическимъ еще гораздо тѣснѣе, чѣмъ можно было думать раньше. Она одинаково обнимаетъ и низшія явленія психической сферы и самыя высшія. Мы не знаемъ такихъ фактовъ нашей внутренней жизни, для которыхъ мы имѣли бы рѣшительное основаніе не предполагать абсолютно никакого физическаго корредата. Черезъ это физіологическая психологія пріобрѣтаетъ очень важное мѣсто среди вспомогательныхъ психологическихъ наукъ. При оцѣнкѣ ея значенія приходится однако имѣть въ виду и отрицательную сторону дѣла: въ настоящее время она еще находится едва ли даже не въ менѣе совершенномъ состояніи, чѣмъ психологія интроспективная. Довольно хорошо разработана физіологія органовъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, и въ этой области психологическая наука пріобрѣла нѣкоторыя твердыя обобщенія. Далѣе, сравнительно большіе успѣхи сдѣланы по вопросу о такъ-называемой локализаціи душевныхъ явленій, т.е. по опредѣленію тѣхъ отдѣльныхъ областей нашего мозга, которыя соотвѣтствуютъ спеціально тѣмъ или другимъ явленіямъ психической жизни. Существованіе такихъ соотвѣтствій можно считать установленнымъ фактомъ: есть, напримѣръ, область мозга, въ которой какъ бы сосредоточиваются, или, говоря точнѣе, съ которой нѣкоторымъ образомъ связаны представленія зрительныя, такъ что, когда эта область подвергается разрушенію или поврежденію, весь характеръ зрительныхъ предста-

вленій или всего зрительнаго сознанія у больного мѣняется, и онъ теряетъ способность пользоваться зрительнымъ запасомъ своихъ идей. Напримѣръ, увидѣвъ знакомаго на улицѣ, онъ можетъ оказаться не въ состояніи узнать его, потому что у него является разрушенной область зрительной памяти. Въ другомъ мѣстѣ есть область, въ которой сосредоточиваются наши слуховыя представленія; есть область, являющаяся преимущественно органомъ рѣчи, въ случаѣ разрушенія которой человѣкъ теряетъ способность говорить; при болѣе глубокихъ и широкихъ по захвату разрушеніяхъ больной теряетъ способность понимать и чужую рѣчь, хотя иногда еще сохраняетъ способность писать и т.д. Такимъ образомъ, какая-то локализація психическихъ явленій, т.е. какое-то пріуроченіе къ различнымъ пунктамъ мозговой коры, несомнѣнно, наблюдается; однако, простой фактъ подобной локализаціи едва ли значительно освѣщаетъ вопросъ о внутреннемъ характерѣ той зависимости, которая существуетъ между явленіями психическими и физическими. Между тѣмъ, что касается внутреннихъ процессовъ, происходящихъ въ нашемъ мозгѣ въ соотвѣтствіи съ переживаемыми нами психическими состояніями, объ этомъ теперь извѣстно немногимъ больше, чѣмъ прежде. По признанію всѣхъ серьезныхъ физіологовъ, мы здѣсь имѣемъ еще очень темную, непроницаемо-таинственную область. Обыкновенно въ ней не идутъ дальше очень шаткихъ гипотезъ и весьма неопредѣленныхъ, иногда совсѣмъ произвольныхъ схемъ.

Къ физіологической психологіи близко примыкаетъ П с и х о л о г і я э к с п е р и м е н т а л ь н а я. Она стремится изучать душевныя явленія въ условіяхъ, которыя мы избрали сами, и такимъ образомъ пытается внести въ психологію н а у ч н ы й о п ы т ъ. [Тѣ изъ васъ, кто изучалъ логику, помнятъ, конечно, различіе между опытомъ и наблюденіемъ. Послѣднее, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что мы, совсѣмъ не воздѣйствуя на предметъ, изучаемъ его такъ, какъ онъ есть, со всѣми осложняющими обстоятельствами. Экспериментъ же, напротивъ, есть вызовъ явленія въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, которыя устроили мы сами]. Повидимому, экспериментальной психологіи предстоитъ большое будущее, но, кажется, не будетъ слишкомъ суровымъ сказать, что до сихъ поръ она еще не успѣла оправдать возлагаемыхъ на нее огромныхъ упованій. Причина тому лежитъ отчасти въ чрезвычайной трудности предмета изслѣдованія, отчасти въ нѣкоторой ограниченности и случайности задачъ, которыя она себѣ ставила до сихъ поръ. Отъ экспериментальной психологіи, повидимому, прежде всего можно ждать рѣшенія проблемъ двоякаго рода: а) Точ-

наго установленія связи между физіологическими и психическими состояніями. Наиболѣе цѣнное пріобрѣтеніе въ этой сферѣ представляетъ законъ Вебера-Фехнера о характерѣ зависимости возрастанія ощущеній отъ возрастанія раздраженій. На этомъ законѣ намъ придется остановиться; теперь укажу его общую формулу, по которой "въ то время, какъ раздраженія возрастаютъ въ геометрической прогрессіи, вызванныя ими ощущенія возрастаютъ въ ариѳметической". Въ экспериментальной психологіи провѣрка этого закона составляетъ одну изъ главныхъ задачъ. Нельзя сказать, чтобы этотъ законъ былъ абсолютно установленъ: напротивъ, позднѣйшія изслѣдованія показали значительныя колебанія въ его примѣненіи, но въ общемъ смыслѣ его вѣренъ и, какъ увидите, чрезвычайно важенъ и не только по отношенію къ спеціальному вопросу о связи раздраженій съ ощущеніями, но вообще для основного вопроса объ отношеніи физической сферы явленій къ сферѣ явленій психическихъ

b) Изслѣдованія отдѣльныхъ душевныхъ явленій и фактовъ въ произвольно избранныхъ нами обстоятельствахъ тамъ, гдѣ факты это допускаютъ; въ большинствѣ случаевъ психическія явленія по произволу вызываться не могутъ, по крайней мѣрѣ, съ тою чистотою и точностью, какая нужна для того, чтобы экспериментъ назвать научнымъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ психологическіе эксперименты дѣйствительно возможны въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова. Наиболѣе могущественнымъ орудіемъ въ этой области изслѣдованій до сихъ поръ является г и п н о т и з м ъ съ открытою въ немъ с и л о ю в н у ш е н і я. Пользуясь внушеніемъ, мы можемъ въ загипнотизированномъ субъектѣ по произволу подавлять одни ряды душевныхъ фактовъ и давать исключительное развитіе другимъ. Мы можемъ вырвать у него одни чувства и желанія и навязать ему другія; можемъ заставить его воспринимать то, чего вовсе нѣтъ, и не воспринимать того, что находится прямо передъ нимъ; можемъ заставить его совсѣмъ забыть одни событія его прошлаго и съ галлюцинаторною яркостью переживать другія; напримѣръ, одного солдата заставили пережить сраженіе, въ которомъ онъ былъ раненъ, вновь, въ состояніи гипноза, и впечатлѣніе на него всей картины было настолько сильно, что въ тотъ моментъ, когда, по воспоминанію, въ него попала пуля, онъ упалъ въ глубокій обморокъ. Въ особенности странной представляется та власть, которую этимъ путемъ получаютъ психическія состоянія надъ процессами тѣла: напримѣръ, путемъ внушенія можно вызвать и прекратить параличъ, можно однимъ воображеніемъ вызвать настоящіе ожоги, заставивъ загипнотизированнаго вообразить, что его коснулись каленымъ желѣзомъ, когда его коснулись просто карандашемъ;

можно, сказавъ ему, что ему поставили мушку, вызвать соотвѣтственный нарывъ; можно вызывать и останавливать физіологическія отправленія, выдѣленія и т.д. Тутъ мы можемъ играть на психикѣ человѣка, какъ на инструментѣ, вызывать одни явленія и удалять другія, можемъ навязать ему воспоминанія о вещахъ, никогда не бывшихъ и т.д. Уже изъ этихъ примѣровъ съ гипнотизмомъ видно, какое вообще значеніе для психологіи можетъ имѣть изученіе анормальныхъ фактовъ душевной жизни. Въ этомъ коренится значеніе п с и х о п а т о л о г і и въ циклѣ психологическихъ наукъ.

Важное мѣсто между способами экспериментальнаго изслѣдованія душевныхъ явленій занимаетъ также такъ-наз. п с и х о м е т р і я, т.е. измѣреніе душевныхъ процессовъ. Въ настоящее время это одна изъ самыхъ популярныхъ задачъ психологическихъ изслѣдованій; ею, главнымъ образомъ, заняты психологическія лабораторіи, которыхъ появилось такъ много, которыя есть и въ Россіи; даже есть одна въ Москвѣ при психіатрической клиникѣ. Самая значительная изъ нихъ лабораторія Вундта въ Лейпцигѣ, гдѣ экспериментальныя изслѣдованія стали производиться впервые со всею научною точностью. И отъ этой области въ будущемъ можно ожидать многаго, однако, про теперешнее ея состояніе опять приходится сказать, что она еще не оправдала возлагаемыхъ на нее надеждъ. a) Въ ней не получено какихъ-нибудь безспорныхъ результатовъ принципіальнаго характера. b) Устанавливаемыя въ ней цифры значительно колеблются у разныхъ изслѣдователей. c) Смыслъ этихъ цифръ оказывается весьма проблематичнымъ. Въ частности, когда пытаются опредѣлить время какого-нибудь одного психическаго процесса, на самомъ дѣлѣ обыкновенно получаютъ время цѣлаго ряда послѣдовательныхъ процессовъ. Напримѣръ, когда пытаются установить время простой сенсоріальной реакціи, въ дѣйствительности опредѣляютъ время не только этой реакціи, но и тѣхъ сопровождающихъ ее процессовъ логическаго, волевого и эмоціональнаго характера (соображеній о задачѣ опыта, рѣшенія сдѣлать или не сдѣлать данное движеніе и т.п.), безъ которыхъ самый экспериментъ былъ бы невозможенъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ психологіи существуетъ цѣлый рядъ вспомогательныхъ дисциплинъ, которыя всѣ пользуются объективнымъ методомъ. Эти дисциплины чрезвычайно важны, но все же надо постоянно помнить, что методы всѣхъ этихъ дисциплинъ суть только вспомогательные для коренныхъ задачъ психологіи. Окончательный ключъ ко всему лежитъ все-таки въ самонаблюденіи и въ томъ, что даетъ оно. Только провѣряя показаніями собственнаго внутренняго опыта и перево-

дя на его языкъ, мы можемъ уразумѣть внѣшнія данныя о чужой психической жизни. Эти данныя прежде всего важны тѣмъ, что позволяютъ намъ возвыситься надъ своею индивидуальною ограниченностью, отличить наше особенное отъ общечеловѣческаго въ насъ, но все же чужія душевныя состоянія мы понимаемъ только тогда, когда нашли нѣчто имъ аналогичное въ самихъ себѣ: внѣшнее наблюденіе полезно тѣмъ, что заставляетъ насъ искать этихъ аналогій въ самонаблюденіи и понимать ихъ цѣну. Но если бъ наше самонаблюденіе совсѣмъ замолкло или если бъ мы совсѣмъ отвернулись отъ него, внѣшнее наблюденіе ничему бы не научило насъ о душевныхъ фактахъ. У отдѣльныхъ философовъ и ученыхъ неоднократно возникала мечта совсѣмъ покончить съ интроспективною психологіей и всецѣло замѣнить ее физіологіей мозга и нервной системы. Изъ этой мечты ничего не выходило и никогда ничего не выйдетъ, - нетрудно видѣть почему. Вообразимъ, въ самомъ дѣлѣ, наблюдателя, непринадлежащаго къ человѣческому міру (положимъ, жителя какой-нибудь высшей планеты), который обладаетъ такою тонкой чувствительностью, что онъ видитъ нашъ мозгъ насквозь, во всѣхъ его мельчайшихъ движеніяхъ, измѣненіяхъ и процессахъ, и который при этомъ одаренъ высокимъ и проницательнымъ умомъ. Но представимъ себѣ, что онъ не имѣетъ никакого понятія о томъ, что люди переживаютъ внутри себя, - объ ихъ ощущеніяхъ и мысляхъ, объ ихъ желаніяхъ, объ ихъ любви и ненависти, объ ихъ страданіяхъ и радостяхъ. Что же? Созерцая человѣческій мозгъ во всѣхъ подробностяхъ того, что въ немъ дѣлается, узнаетъ ли онъ человѣческую психологію и пойметъ ли человѣческую душу? Очевидно, нѣтъ. Онъ увидитъ безконечно сложныя движенія безконечно многихъ и разнообразныхъ частицъ, составляющихъ наши нервы и нервные центры, - нѣкоторыя изъ этихъ движеній будутъ ему до-тла понятны во всѣхъ своихъ перипетіяхъ, - нѣкоторыя въ своемъ окончательномъ направленіи, быть можетъ, покажутся ему загадочными, - но откуда онъ узнаетъ, какимъ изъ этихъ движеній соотвѣтствуютъ ощущенія, какимъ - понятія разума, какимъ - наши чувства, какимъ - тѣ или другія страсти? Эти частицы мозгового вещества обладаютъ опредѣленными механическими, физическими и химическими свойствами, но на нихъ вовсе не написано, отвѣчаютъ ли онѣ въ своихъ переталкиваніяхъ ощущеніямъ или мыслямъ, желаніямъ или отвращеніямъ. Между тѣмъ физіологъ, совсѣмъ отказавшійся отъ интроспективнаго метода, попадаетъ въ положеніе этого предполагаемаго небожителя, только съ тою важною разницею, что онъ далеко не имѣетъ исчерпывающаго и полнаго познанія о процессахъ въ мозгу: но точно такъ же и онъ въ движеніяхъ мозга ничего не можетъ увидѣть, кромѣ движеній.

Поэтому на практикѣ физіологи, пытающіеся строить психологію на чисто физіологическихъ данныхъ, всегда отправляются отъ какой-нибудь заранѣе усвоенной психологической системы и группируютъ физіологическій матеріалъ сообразно съ ея требованіями и предположеніями. При этомъ качество ихъ работы находится въ самой тѣсной зависимости отъ этихъ заранѣе усвоенныхъ взглядовъ. Яркимъ тому примѣромъ служитъ ф р е н о л о г і я; ея поклонники исходили отъ ложнаго психологическаго представленія о душевныхъ свойствахъ, наклонностяхъ и страстяхъ, какъ о простыхъ обособленныхъ и довлѣющихъ себѣ фактахъ психической жизни; и вотъ, соотвѣтственно этому предвзятому взгляду, они для каждаго свойства, каждой наклонности и страсти искали особаго мѣста въ видѣ возвышенія на поверхности черепа. Кто знаетъ, можетъ быть, въ ихъ наблюденіяхъ для будущей физіологіи и для будущей психологіи есть и какія-нибудь цѣнныя данныя, но въ цѣломъ эта система, конечно, не выдерживаетъ критики, потому что исходная точка ея въ психологическомъ смыслѣ оказывается совершенно несостоятельной.

3) Можно поэтому самымъ рѣшительнымъ образомъ сказать: б е з ъ с а м о н а б л ю д е н і я н ѣ т ъ п с и х о л о г і и... Тѣмъ важнѣе систематически рѣшить вопросъ о достоинствахъ и недостаткахъ самонаблюденія, какъ метода познанія. Важнѣйшее его преимущество мы уже знаемъ: мы воспринимаемъ психическую дѣйствительность такъ, какъ она есть, въ ея подлинныхъ признакахъ. Къ нему тѣсно примыкаетъ другое, на которое рѣже обращаютъ вниманіе: по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя душевныя явленія мы воспринимаемъ въ ихъ настоящей внутренней связи, въ ихъ дѣйствительной причинности. Въ этомъ заключается рѣзкое отличіе опыта внутренняго отъ опыта внѣшняго. Въ нашемъ внѣшнемъ воспріятіи мы усматриваемъ только слѣдованіе явленій другъ за другомъ, но не воспринимаемъ прямо того, что ихъ связываетъ другъ съ другомъ. Оттого въ немъ, при первомъ знакомствѣ съ какимъ-нибудь фактомъ, нужны цѣлые ряды наблюденій и опытовъ, чтобы убѣдиться, что одно явленіе есть причина другого. Напримѣръ, нагрѣтое тѣло расширяется; но когда мы это видимъ въ первый разъ, откуда мы можемъ знать, что это отъ тепла? Камень безъ поддержки падаетъ; какъ много нужно наблюдать и думать, чтобы придти къ идеѣ всемірнаго тяготѣнія и т.д. Въ психической сферѣ замѣчается совсѣмъ другое: здѣсь прямо въ отдѣльныхъ случаяхъ мы съ абсолютной увѣренностью усматриваемъ причинную связь. Я съ сознательной добровольностью двинулъ рукой, — я я знаю, что это я ее двинулъ, что причина ея движенія — моя воля, что рука не сама отъ себя двинулась и не по возбужденію отъ посторонней мнѣ силы. Что-

бы увѣриться въ этомъ, мнѣ едва ли нужно припоминать ряды прошлыхъ опытовъ, - вѣдь и въ каждомъ прошломъ опытѣ я различалъ добровольность моихъ движеній только по присутствію моей воли, а конечно, были въ прошломъ и движенія невольныя, напримѣръ, по рефлексу, судороги, подъ давленіемъ внѣшней силы и т.п. Или я чувствую жалость къ несчастному человѣку, составляю планы, какъ помочь ему, и осуществляю эти планы. Для меня непосредственно ясна причинная связь этихъ явленій: я составляю планы помочь, потому что жалѣю, и если бъ не жалѣлъ, нечего было бы мнѣ и хлопотать. Едва ли что уяснитъ намъ въ этомъ случаѣ наблюденіе надъ аналогичными внѣшними фактами. Какъ бы мы узнали, почему одинъ человѣкъ помогаетъ другому, если бы не наблюдали въ самихъ себѣ чувства жалости? Или я ненавижу человѣка и браню его. Едва ли нужны многіе опыты, чтобы убѣдиться, что въ моей бранѣ воплощается мое чувство къ этому человѣку. Или я рѣшаю математическую задачу и на основаніи извѣстныхъ данныхъ прихожу къ опредѣленному рѣшенію. Я при этомъ твердо знаю, что полученный результатъ вызванъ этими данными и что я потому только пришелъ къ нему, что надъ ними напряженно думалъ и искалъ соотвѣтствующаго имъ рѣшенія. Все это я прямо въ себѣ переживъ. Такъ судимъ мы и о другихъ людяхъ: сообразно съ ихъ характеромъ и настроеніемъ, - одного отъ нихъ ждемъ, другого нѣтъ.

Въ связи съ этимъ находится испытываемое нами чувство внутренней художественной правды по отношенію къ содержанію различныхъ произведеній литературы. Въ художественныхъ произведеніяхъ, которыя мы читаемъ, въ піесахъ, которыя мы видимъ на сценѣ, одни дѣйствія представляются намъ сообразными съ изображаемыми характерами, другія - нѣтъ. Что тутъ рѣшаетъ вопросъ? отъ чего зависитъ такое наше сужденіе? чѣмъ мы руководимся, когда ставимъ тотъ или другой приговоръ объ изображаемыхъ событіяхъ или лицахъ? Едва ли въ этомъ случаѣ рѣшающая роль можетъ принадлежать нашему внѣшнему наблюденію надъ аналогичными характерами, положеніями и дѣйствіями. Вѣдь характеры, изображаемые художникомъ, бываютъ индивидуальны; рядомъ съ типическими чертами у нихъ всегда дается нѣчто свое собственное, что два раза не повторяется: съ другой стороны, весьма возможно, что мы никогда не видали тѣхъ положеній и тѣхъ дѣйствій, которыя намъ приходится созерцать и судить. Положимъ, мы судимъ о внутренней сообразности въ развитіи душевныхъ состояній и дѣйствій такихъ типовъ, какъ Отелло и Макбетъ. Едва ли могли мы часто видѣть людей совершенно съ такимъ же характеромъ, совсѣмъ въ такомъ положеніи и съ такимъ же настроеніемъ. Вѣдь это люди другого времени, совсѣмъ другого душевнаго строя и жившіе совершенно въ другихъ условіяхъ, чѣмъ мы. Почему же мы такъ увѣренно судимъ о томъ,

что сообразно съ ихъ душевнымъ складомъ, и что нѣтъ, что могутъ они совершать, и чего не могутъ? И почему мы такъ глубоко вѣримъ въ правдивость даннаго намъ изображенія? Конечно, мы тутъ руководствуемся только внутренней сообразностью изображаемаго. Художественный геній Шекспира заставилъ насъ ярко представить душу своихъ героевъ, раскрылъ намъ ихъ внутренній міръ, а, слѣдовательно, тѣмъ самымъ раскрылъ и тѣ связи, которыя вызываютъ послѣдовательность переживаемыхъ ими состояній. До извѣстной степени ихъ внутренній міръ, когда мы проникаемся этими образами, становится нашимъ собственнымъ: мы его переживаемъ, какъ свой и, стало быть, и судимъ, какъ свой, точно такъ же, какъ мы судимъ свои собственные поступки по ихъ внутренней связи. Наоборотъ, если мы имѣемъ дѣло съ какимъ-нибудь фальшивымъ произведеніемъ, насъ отталкиваетъ безсвязность и взаимное несоотвѣтствіе изображаемыхъ душевныхъ состояній и дѣйствій, отталкиваетъ тогчасъ же, какъ только мы постараемся къ нимъ внутренно приблизиться, постараемся представить ихъ, какъ нѣчто такое, что мы могли бы пережить сами. Не будь этого непосредственнаго усмотрѣнія необходимости изображаемыхъ душевныхъ процессовъ, инстинктъ художественной правды едва ли могъ бы развиться въ человѣкѣ. Итакъ, въ очень многихъ случаяхъ критеріемъ явленій внутренняго міра въ отличіе отъ явленій міра внѣшняго служитъ намъ принципъ внутренней очевидности связей между причинами и дѣйствіями и прямо усматриваемаго соотвѣтствія между тѣми и другими. Сознательныя душевныя явленія открыты нашему самонаблюденію въ своихъ настоящихъ свойствахъ, - такими, каковы они на дѣлѣ; съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы непосредственно и прямо усматриваемъ соединяющую ихъ внутреннюю и причинную связь. Что же касается опыта внѣшняго, то, какъ мы могли убѣдиться, мы никогда не воспринимаемъ явленій и предметовъ внѣшней природы въ ихъ дѣйствительныхъ качествахъ и въ ихъ настоящемъ составѣ; не говоря уже ни о чемъ другомъ, они всегда окрашиваются для насъ чувственными свойствами (цвѣта, звука, запаха, вкуса и т.д.), которыхъ въ объективной природѣ самой по себѣ нѣтъ, и съ другой стороны, всѣ наши наблюденія надъ внѣшнимъ міромъ неизбѣжно страдаютъ отъ весьма тѣсныхъ границъ въ остротѣ нашей чувственной воспріимчивости. (Столъ, для непосредственнаго наблюденія, - сплошной, неподвижный предметъ, совершенно опредѣленной и простой формы. - Для отвлеченной физики это облако атомовъ, отдѣльныя частицы котораго, сравнительно съ величиной каждой изъ нихъ, находятся иногда очень далеко другъ отъ друга, которое постоянно движется, - формы котораго, разсматриваемыя детально, измѣнчивы и очень сложны).

Знаемъ мы также, что и причинную связь явленій физической природы мы никогда не усматриваемъ прямо и непосредственно, а всегда только дѣлаемъ о ней догадки и выводы.

Впрочемъ, и въ нашей душевной сферѣ мы далеко не во всѣхъ случаяхъ воспринимаемъ внутреннюю связь протекающихъ въ ней явленій. Сплошь и рядомъ мы не только ничего не наблюдаемъ въ ней, кромѣ слѣдованія фактовъ другъ за другомъ во времени, но и остаемся при этомъ глубоко убѣжденными, что ничего, кромѣ слѣдованія во времени, въ ней въ данномъ случаѣ и нѣтъ. Положимъ, я осматриваю какой-нибудь заинтересовавшій меня ящикъ: я осмотрю его верхъ, потомъ перейду къ бокамъ, потомъ огляжу низъ его, потомъ его раскрою и осмотрю внутренность. Черезъ это получится рядъ психическихъ событій, - рядъ воспріятій различныхъ частей ящика. Но я не только не буду наблюдать при этомъ причинной зависимости между отдѣльными моментами ряда (напримѣръ, чтобы воспріятія верха было п р и ч и н о й, или п о р о ж д а л о восприятіе боковъ), я буду, наоборотъ, глубоко увѣренъ, что тутъ вовсе и нѣтъ никакой причинной связи, а только простая послѣдовательность явленій. Я могъ бы начать осмотръ снизу или съ внутренности и увидалъ бы рѣшительно то же самое, только въ другомъ порядкѣ. И, напротивъ, если бы во время моего осмотра ящика вдругъ потухъ освѣщающій его свѣтъ, рядъ моихъ воспріятій прервался бы, все равно въ какомъ бы порядкѣ я ни осматривалъ ящикъ. Совершенно поэтому ясно, что въ данномъ психическомъ рядѣ явленія предшествующія вовсе не суть п р и ч и н ы послѣдующихъ; они только протекаютъ, но другъ друга не порождаютъ. Причина ихъ лежитъ не въ психическомъ рядѣ, а въ чисто физическихъ раздраженіяхъ нашего глаза, исходящихъ изъ внѣшней среды. Психически мы имѣемъ здѣсь только послѣдовательность и ничего больше. Такихъ примѣровъ можно было бы привести множество: къ нимъ относятся всѣ случаи, въ которыхъ рядъ психическихъ измѣненій въ насъ вызывается прямыми воздѣйствіями физическаго міра.

Существуетъ другая группа случаевъ, въ которыхъ, хотя причинная зависимость между данными въ нашемъ сознаніи психическими фактами и можетъ быть предположена, но прямо она не усматривается и не наблюдается. Положимъ, я попалъ въ мѣстность, въ которой не былъ очень давно, но гдѣ живалъ когда-то подолгу. И вотъ, всматриваясь въ окружающую меня обстановку, я вдругъ съ необыкновенною ясностью припоминаю какое-нибудь событіе, до такой степени забытое мною, что, кажется, его никогда и не было. Причина здѣсь, повидимому, налицо; она заключается въ моихъ теперешнихъ воспріятіяхъ, въ томъ, что я у в и д ѣ л ъ мѣсто, гдѣ произошло это событіе; воспоминаніе возникло во мнѣ, какъ

результатъ дѣйствія законовъ ассоціаціи идей по смежности и сходству. Тѣмъ не менѣе, я не имѣю непосредственнаго сознанія о той интимной связи, которая привязываетъ мое воспоминаніе къ переживаемымъ воспріятіямъ. Я не вижу той неизбѣжности, которая заставляетъ мое воспоминаніе возникнуть именно въ данный моментъ. Я могу даже быть очень удивленъ, что оно стоитъ передо мной такъ ярко, хотя казалось, что съ нимъ уже давно все кончено. Или возьмемъ другой случай: я озабоченно думаю о какомъ-нибудь вопросѣ, и вдругъ нежданно-негаданно въ мое сознаніе врывается воспоминаніе о какой-нибудь совершенно ничтожной и ничего не значащей для меня встрѣчѣ и развлекаетъ меня. Вѣроятно, и здѣсь мы имѣемъ одинъ изъ капризовъ ассоціаціи идей. Но въ чемъ онъ состоитъ, этого мы обыкновенно совсѣмъ не замѣчаемъ. Всего чаще мы бываемъ удивлены и раздосадованы такой внезапной помѣхой въ нашей внутренней работѣ.

Но есть еще и третья группа фактовъ, о которой я только что говорилъ. Мы хотимъ сдѣлать нѣкоторое опредѣленное движеніе рукой и совершаемъ его. Мы любимъ кого-нибудь и постоянно думаемъ объ этомъ лицѣ, желаемъ съ нимъ встрѣтиться и дѣлаемъ все отъ насъ зависящее, чтобы встрѣча состоялась. Мы ненавидимъ кого-нибудь, и намъ противенъ всякій успѣхъ, которымъ пользуется этотъ человѣкъ, особенно если этотъ успѣхъ относится къ обстоятельствамъ, которыя и заставили насъ его ненавидѣть, - мы стараемся разрушить его замыслы, - если наша ненависть совсѣмъ покорила нашу душу, мы будемъ искренно радоваться всякому его горю и несчастью. Напротивъ, если намъ кого-нибудь очень жаль, мы будемъ ломать себѣ голову, какъ помочь дорогому для насъ человѣку, и совершимъ цѣлый рядъ дѣйствій, чтобы вывести его изъ печальныхъ обстоятельствъ или, по крайней мѣрѣ, облегчить его положеніе. Если мы задумались надъ какимъ-нибудь труднымъ теоретическимъ вопросомъ, мы будемъ перебирать въ своемъ умѣ все, что относится къ интересующей насъ проблемѣ и будемъ настойчиво пытаться сопоставить эти данныя такъ, чтобы изъ нихъ вышло рѣшеніе, отвѣчающее смыслу разсматриваемаго вопроса и т.д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ (а ихъ можно было бы привести очень много) для насъ не можетъ быть сомнѣнія, гдѣ причины и гдѣ слѣдствія въ переживаемыхъ нами состояніяхъ и совершаемыхъ нами дѣйствіяхъ. Мы безусловно увѣрены, что если бы мы не хотѣли заданнаго рукѣ движенія, она сама отъ себя не совершила бы его. Мы очень хорошо знаемъ, что если бы мы не ненавидѣли, мы и не хотѣли бы сдѣлать нашему ближнему непріятности. Мы не менѣе хорошо знаемъ, что если бы данная задача не интересовала насъ ни въ какомъ отношеніи,

мы не стали бы надъ ней трудиться. Во всѣхъ подобныхъ примѣрахъ причинная связь между явленіями не только угадывается или выводится, она прямо и непосредственно усматривается и переживается. Для человѣка, желающаго насолить своему заклятому врагу, незачѣмъ обращаться къ учебникамъ психологіи или объясненіямъ людей, умудренныхъ житейскимъ опытомъ, чтобы понять причину своего желанія: объ этомъ ему лучше всего скажетъ его собственное сердце.

Такимъ образомъ, послѣдовательность психическихъ событій въ насъ представляетъ т р и главные типа: а) въ слѣдованіи психическихъ событій другъ за другомъ мы не только н е н а б л ю д а е м ъ ничего, кромѣ простого слѣдованія, но ничего больше и н е п р е д п о л а г а е м ъ. Причину каждаго даннаго звена мы полагаемъ не въ предшествующихъ душевныхъ фактахъ, а внѣ психической сферы, - въ физическихъ процессахъ внѣ нашего организма или внутри его. Сюда относится весь нашъ чувственный опытъ, - такъ протекаютъ всѣ наши ощущенія. b) Хотя мы наблюдаемъ только слѣдованіе событій другъ за другомъ, иногда для насъ довольно неожиданное, мы все-таки предполагаемъ ту или другую внутреннюю причинную связь между ними. Сюда относятся факты возникновенія воспоминаній, внезапнаго пробужденія новыхъ мыслей, случайной и непроизвольной игры нашего воображенія и т.п. c) Мы не только внутренно наблюдаемъ слѣдованіе психическихъ фактовъ другъ за другомъ, но и причинную связь между ними.

Какимъ же общимъ свойствомъ отличаются факты этой третьей группы? Во всѣхъ нихъ можно отмѣтить два признака: во-первыхъ, полное логическое соотвѣтствіе между содержаніемъ причины и содержаніемъ слѣдствія (одно оказывается выводимымъ изъ другого). Въ самомъ дѣлѣ, когда мы извѣстнымъ опредѣленнымъ образомъ движемъ нашею рукою, воспринимаемое нами движеніе руки есть только изображеніе или повтореніе того движенія, которое мы задумали раньше. Когда изъ жалости мы кому-нибудь помогаемъ, смыслъ нашихъ дѣйствій находится въ полномъ соотвѣтствіи съ нашимъ общимъ желаніемъ облегчить чужія страданія наиболѣе пригоднымъ для того путемъ. Когда мы обдуманно и сознательно рѣшаемъ какую-нибудь задачу, пріемы нашего рѣшенія представляютъ логически неизбѣжное слѣдствіе самаго существа задачи. Такъ, по крайней мѣрѣ, бываетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы поступаемъ цѣлесообразно, т.е. вѣрно понимаемъ условія, въ которыхъ намъ приходится дѣйствовать. Однако и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы заблуждаемся, наши дѣйствія находятся въ полномъ логическомъ соотвѣтствіи и съ нашими желаніями, и съ нашими ошибками въ оцѣнкѣ обстоятельствъ дѣла. Въ этомъ

смыслѣ всякіе сознательные поступки человѣка имѣютъ, по крайней мѣрѣ, с у б ъ е к т и в н у ю ц ѣ л е с о о б р а з н о с т ь. Во-вторыхъ, непремѣннымъ признакомъ фактовъ разсматриваемой группы является наличность в о л и и д ѣ я т е л ь н ы х ъ с т р е м л е н і й: во всѣхъ приведенныхъ сейчасъ примѣрахъ непремѣнно присутствуетъ наша воля - или въ началѣ или въ срединѣ процесса, - и непремѣнно присутствуютъ движущія нами дѣятельныя стремленія и побужденія. Понятіе д ѣ я т е л ь н о с т и, а к т и в н о с т и, у с и л і я представляетъ какъ бы особую п с и х о л о г и ч е с к у ю к а т е г о р і ю или высшее неразложимое понятіе, извлекаемое изъ того порядка душевныхъ явленій, о которомъ я говорю теперь. Въ этомъ понятіи мы обобщаемъ непосредственно усматриваемое и переживаемое въ нашихъ усиліяхъ и стремленіяхъ ихъ п р о и з в о д я щ е е или п р и ч и н я ю щ е е отношеніе къ ихъ эффектамъ, тотъ фактъ, что именно они, а не что-нибудь другое, суть п р и ч и н ы данныхъ дѣйствій: я двинулъ рукою, потому что хотѣлъ этого и только потому. Въ иныхъ случаяхъ это п р о и з в о д я щ е е или п р и ч и н я ю щ е е отношеніе нашей дѣятельной воли къ переживаемымъ нами состояніямъ, какъ е я дѣйствіямъ, достигаетъ замѣчательной наглядности. Положимъ, я х о ч у сдѣлать усиліе и дѣлаю его. Здѣсь мое настойчивое хотѣніе сдѣлать усиліе само уже есть своего рода у с и л і е (твердо выраженное стремленіе), и такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ причина есть усиліе въ его зарожденіи, дѣйствіе есть усиліе въ его развитіи, при чемъ всѣ моменты перехода отъ одного къ другому не только протекли передъ нами и пережиты нами, но они п р о д ѣ л а н ы нами, - вѣдь усиліе это н а ш е. Или я хочу сосредоточиться на чемъ-нибудь и сосредоточиваюсь. Не имѣемъ ли мы здѣсь того же самаго? Вѣдь само хотѣніе сосредоточиться есть уже неизбѣжное отвлеченіе своей мысли отъ всего другого. Или я хочу о чемъ-нибудь не думать и не думаю или, по крайней мѣрѣ, каждый разъ удаляю противныя мнѣ представленія. Опять и здѣсь повторное удаленіе данной мысли есть только продолженіе того перваго сопротивленія ей, которое я оказалъ ей именно тѣмъ, что не захотѣлъ о ней думать. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ лишь различіе моментовъ во времени и достигнутой интенсивности въ однородномъ содержаніи, - самомъ нашемъ усиліи.

Въ другихъ случаяхъ, напротивъ, мы уже не имѣемъ такой полной наглядности переживаемаго нами внутренняго причиннаго процесса; его звенья уже не имѣютъ качественной однородности; болѣе того, его отдѣльные моменты, вытекающіе изъ нашихъ дѣятельныхъ стремленій и ак-

товъ нашей воли, хотя и зависятъ отъ этихъ стремленій и актовъ, но очевиднымъ образомъ не отъ нихъ однихъ. Я двигаю рукой по своему желанію; но вѣдь это лишь до тѣхъ поръ, пока рука моя здорова, - если она будетъ парализована, она будетъ неподвижна, несмотря ни на какія мои усилія; хотя, съ другой стороны, она была бы неподвижна и теперь, при своемъ здоровомъ состояніи, если бы я н е х о т ѣ л ъ, чтобы она двигалась. Такъ и въ другихъ примѣрахъ, - чтобы помочь или повредить ближнему, надо быть способнымъ къ дѣйствію; чтобы разрѣшить научный вопросъ, надо имѣть здоровую и ясную голову и т.д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ наша воля является не единственнымъ факторомъ, рядомъ съ нею присутствуютъ и другіе, - въ видѣ помогающихъ или препятствующихъ ей условій дѣйствія. Вслѣдствіе этого не всѣ звенья ряда намъ одинаково ясны и понятны, - нѣкоторыя, напротивъ, остаются тусклыми и темными. Какъ увидимъ потомъ, въ этомъ отношеніи можно выставить слѣдующее обширное правило: наши дѣйствія ровно настолько намъ непосредственно понятны, насколько они зависятъ отъ насъ самихъ; наоборотъ, въ нихъ все загадочно и недоступно въ своемъ внутреннемъ механизмѣ для прямого наблюденія, что внесено вліяніемъ постороннихъ для насъ факторовъ. И тѣмъ не менѣе, каждый изъ разсмотрѣнныхъ случаевъ имѣетъ указанные сейчасъ два признака: логическое соотвѣтствіе между причинами и дѣйствіями и присутствіе въ насъ волевыхъ актовъ и дѣятельныхъ стремленій.

Эти на основаніи опыта полученные выводы о нашемъ непосредственномъ переживаніи внутренней причинности духа, вѣроятно, вызовутъ возраженія со стороны очень многихъ психологовъ. Между ними существуютъ цѣлыя школы, которыя отрицаютъ всякую духовную причинность вообще: наглядная иллюстрація къ тому общему факту, что въ психологіи очень часто самыя ясныя показанія опыта отвергаются ради предвзятыхъ теоретическихъ соображеній. Въ наши дни въ психологіи пользуется широкою популярностью взглядъ, по которому психическіе факты сами по себѣ не могутъ быть ни чему п р и ч и н о й. Они представляютъ изъ себя только субъективныя отраженія процессовъ въ нашемъ мозгѣ, а въ этихъ процессахъ нѣтъ никакой другой необходимости, кромѣ чисто-физической. Поэтому психическіе факты не имѣютъ никакого вліянія ни на то, что дѣлается въ мозгу, ни другъ на друга. Они только отражаютъ мозговыя измѣненія, но сами совершенно б е з д ѣ й с т в е н н ы. Именно такова точка зрѣнія такъ-называемаго э п и ф е д о м е н и з м а.

Впослѣдствіи мы подробно остановимся на этомъ взглядѣ, и я постараюсь вамъ показать, насколько поспѣшенъ и неправиленъ такой судъ

надъ прямыми свидѣтельствами внутренняго опыта. Теперь, мнѣ кажется, нѣтъ нужды излагать эти соображенія - и по простой причинѣ. Отвергая психическую причинность въ принципѣ, психологи всѣхъ школъ обыкновенно признаютъ ее на дѣлѣ и не могутъ поступать иначе въ виду требованій очевидности. Сторонники эпифеноменизма, напримѣръ, полагаютъ, что психическія явленія сами по себѣ ничего породить не могутъ, но это нисколько обыкновенно не мѣшаетъ имъ факты третьей группы, съ немногими измѣненіями, толковать такъ же, какъ ихъ растолковали сейчасъ мы. Правда, они не считаютъ волю п р и ч и н о й движенія руки, чувства и стремленія - п р и ч и н а м и нашихъ поступковъ, но зато они видятъ въ нихъ н е о б х о д и м ы я п р е д ш е с т в у ю щ і я о б с т о я т е л ь с т в а данныхъ эффектовъ. Они все-таки согласны (развѣ за очень немногими исключеніями), что не будь моего х о т ѣ н і я, моя рука не двинулась бы, - не будь во мнѣ жалости, я не сталъ бы помогать, не будь ненависти, я не сталъ бы отвращаться отъ человѣка или вредить ему. Для нихъ только и хотѣніе, и ненависть, и жалость, суть не болѣе, какъ субъективные показатели отвѣчающихъ имъ физическихъ процессовъ, которые и производятъ наблюдаемыя нами внѣшнія дѣйствія. Съ этой точки зрѣнія, опять выходитъ, что мы въ себѣ воспринимаемъ настоящую причинную связь происходящаго съ нами и вѣрно усматриваемъ отношеніе моментовъ дѣйствія между собою, - только дѣлаемъ это не прямо, а черезъ призму нашихъ субъективныхъ показателей. Различіе получается лишь въ теоретической тонкости, при чемъ однако остается вполнѣ непостижимымъ, откуда въ сознаніи берется такое ясновидѣніе истиннаго причиннаго порядка явленій, хотя мы ихъ воспринимаемъ не въ ихъ настоящемъ видѣ? Вѣдь по отношенію къ фактамъ второй группы (пробужденію внезапныхъ воспоминаній, неожиданныхъ мыслей и т.д.) это ясновидѣніе совершенно отсутствуетъ, отчего же оно съ неизбѣжностью возникаетъ тамъ, гдѣ замѣшана наша волевая сфера? На всѣ эти недоумѣнія доктрина эпифеноменизма едва ли можетъ дать толковый отвѣтъ. Для насъ, впрочемъ, важно другое: во всякомъ случаѣ фактъ внутренняго воспріятія причинныхъ связей совершающагося въ насъ такъ или иначе признается всѣми, а пускаться въ анализъ всѣхъ его возможныхъ объясненій было бы теперь неумѣстнымъ.

4) Непосредственное воспріятіе внутренней дѣйствительности душевной жизни и прямое усмотрѣніе причинной связи ея процессовъ суть такія преимущества самонаблюденія, которыхъ не имѣетъ никакой другой методъ познанія и которыя выдвигаютъ философское значеніе психологіи и даютъ ей особое положеніе среди другихъ наукъ. Однако, если велики

достоинства метода самонаблюденія, то не менѣе того велики и его недостатки. На одномъ изъ нихъ мы уже останавливались: своимъ самонаблюденіемъ мы невольно привязаны къ индивидуальному содержанію нашей собственной душевной жизни. Но это далеко не единственный его недостатокъ: рядомъ съ нимъ есть много другихъ, не менѣе серьезныхъ.

Среди недостатковъ, принадлежащихъ самой природѣ нашего самонаблюденія сравнительно съ наблюденіемъ внѣшняго міра, прежде всего приходится остановиться на той общей формѣ, въ которой намъ являются психическіе факты. Всѣ предметы внѣшняго опыта даны намъ въ п р о с т р а н с т в ѣ, всѣ факты внутренняго опыта даны намъ только в о в р е м е н и. Уже отсюда получается очень важное различіе между науками физическими и психологіей, которое служитъ не въ пользу послѣдней. Ко всѣмъ видамъ и процессамъ внѣшней природы прилагаются законы геометріи и наукъ, съ ней связанныхъ, - прежде всего, напримѣръ, механики; напротивъ, къ процессамъ нашего внутренняго опыта ни геометрія, ни механика въ сколько-нибудь опредѣленномъ значеніи этихъ терминовъ не имѣютъ никакого примѣненія. Между тѣмъ наше точное математическое знаніе какихъ бы то ни было явленій находится въ тѣсной зависимости отъ приложимости къ нимъ геометрическихъ и механическихъ схемъ, - вся исторія науки подтверждаетъ это. Вообще бытіе въ пространствѣ представляетъ для нашей мысли несравненно болѣе устойчивое содержаніе, чѣмъ бытіе только во времени. Въ пространствѣ за разъ дано безконечно много, притомъ въ очень многообразныхъ и абсолютно опредѣленныхъ отношеніяхъ, - вѣдь пространство по самому общему смыслу понятія о немъ есть ф о р м а с о с у щ е с т в о в а н і я явленій. Время, напротивъ, есть общая форма ихъ с л ѣ д о в а н і я, въ немъ все неудержимо протекаетъ и ничто не стоитъ неподвижно. Въ пространствѣ мы имѣемъ цѣлыхъ т р и измѣренія, - про время обыкновенно говорятъ, что въ немъ только о д н о измѣреніе. Однако и это одно измѣреніе отличается отъ измѣреній въ пространствѣ очень невыгоднымъ свойствомъ: длина въ пространствѣ предоставляетъ нѣчто, за разъ данное во всѣхъ своихъ частяхъ, ее можно поэтому пройти и впередъ, и, повторнымъ движеніемъ, назадъ; напротивъ, длина во времени выражается непрерывнымъ и абсолютнымъ исчезновеніемъ всѣхъ предшествующихъ моментовъ при наступленіи каждаго новаго, - поэтому возвратное движеніе по ней совершенно немыслимо. Оттого все данное въ пространствѣ и з м ѣ р и м о: каждую данную въ немъ величину мы можемъ сравнить съ другими, намъ извѣстными. И это относится не только къ неподвижнымъ предметамъ въ пространствѣ, - это одинаково справедливо и о процессахъ в

немъ. Вѣдь процессы въ пространствѣ сводятся къ различнымъ видамъ движенія. Между тѣмъ всякое движеніе проходитъ какія-нибудь разстоянія и измѣряется линіями пройденныхъ путей. Подобнымъ же образомъ измѣряется скорость движенія черезъ сравненіе проходимыхъ путей съ линіями знакомыхъ намъ движеній (напримѣръ, стрѣлки по циферблату часовъ). Наоборотъ, время, взятое отвлеченно отъ пространства, н е и з м ѣ р и м о въ точномъ смыслѣ слова. Вся суть времени въ томъ, что все, въ немъ данное, непрерывно проходитъ. Оттого явленія, которыя совершаются только во времени, могутъ быть измѣряемы лишь приблизительно и притомъ лишь косвеннымъ образомъ, - черезъ сопоставленіе съ пространственными измѣненіями (напримѣръ, когда мы измѣряемъ теченіе нашихъ душевныхъ состояній помощью движенія секундной стрѣлки). Но, какъ я вамъ указывалъ по поводу психометріи, измѣряются, въ концѣ концовъ, только внѣшнія дѣйствія, которыми мы обозначаемъ начало и конецъ для насъ психическаго процесса, самый же психическій процессъ для строгаго вычисленія совершенно неуловимъ. Это, несомнѣнно, очень важный недостатокъ, который дѣлаетъ мало доступнымъ изученіе психическихъ явленій съ количественной стороны.

Съ этимъ первымъ недостаткомъ всякаго самонаблюденія тѣсно связанъ второй: все подлежащее времени, какъ своей исключительной формѣ, неудержимо протекаетъ со всѣмъ своимъ содержаніемъ; поэтому, хотя вѣрно, что психическіе факты открываются нашему самонаблюденію въ своей внутренней полной дѣйствительности, но это относится только къ каждому переживаемому моменту, пока онъ переживается, т.е. къ п с и х о л о г и ч е с к о м у н а с т о я щ е м у, которое, какъ увидимъ потомъ, надо отличать отъ настоящаго въ абсолютномъ смыслѣ, какъ совершенно недѣлимаго момента въ а б с т р а к т н о м ъ в р е м е н и. Собственно, настоящее, какъ нѣчто недѣлимое, какъ абстракція, нами никогда не переживается и никогда внутренне не воспринимается. Такъ что воспринимаемое всегда есть что-то длительное, продолжающееся, хотя бы самое короткое время. Въ этомъ смыслѣ настоящее, съ которымъ имѣетъ дѣло наше сознаніе, есть только приблизительно настоящее. И мы имѣемъ всегда налицо только воспринимаемый нами нѣкоторый длительный процессъ, въ которомъ мы, однако, заразъ схватываемъ и начало, и конецъ. Какъ это возможно, это вопросъ чрезвычайно трудный, о которомъ много придется говорить. Вы увидите впослѣдствіи принципіальное значеніе этого факта, но во всякомъ случаѣ для непосредственнаго воспріятія настоящее дано уже, какъ нѣкоторое сочетаніе изъ прошлаго, будущаго и чего-то неуловимаго, что въ этомъ случаѣ составляетъ настоящее.

Но если даже такъ будемъ понимать настоящее, въ чисто-психологическомъ смыслѣ, то все-таки придется сказать, что наше настоящее содержитъ въ себѣ только очень ограниченный кругъ данныхъ, по крайней мѣрѣ, ясно сознаваемыхъ данныхъ; за разъ мы можемъ вмѣщать въ себѣ только весьма небольшое количество психическихъ фактовъ. Своего прошлаго мы не воспринимаемъ прямо, оно дается намъ только въ посредствующей формѣ в о с п о м и н а н і я. Ни одинъ душевный процессъ (сознаваемый, какъ таковой) не попадаетъ въ наше настоящее цѣликомъ; въ каждый настоящій моментъ мы переживаемъ только его отдѣльныя звенья, имѣя предшествующія звенья лишь въ в о с п о м и н а н і и, послѣдующія лишь въ о ж и д а н і и. Черезъ это вопросъ о природѣ воспоминанія получаетъ первостепенное значеніе для психологическаго метода. Конечно, большую часть нашей психической жизни мы имѣемъ, какъ данное воспоминаній. И вотъ, мы наталкиваемся на слѣдующій фактъ: наша память, по крайней мѣрѣ, сознательная (наша безсознательная память гораздо шире и богаче содержаніемъ, о чемъ подробно будемъ говорить впослѣдствіи), есть довольно тусклое, а во многихъ отношеніяхъ и прямо невѣрное зеркало пережитаго нами; не говоря уже о безчисленныхъ и и н д и в и д у а л ь н ы х ъ различіяхъ въ устройствѣ памяти у отдѣльныхъ людей, - наша способность воспоминанія уже по своимъ основнымъ свойствамъ обладаетъ важными недостатками, какъ общаго, такъ и спеціальнаго характера. Главный ея общій недостатокъ состоитъ въ н е п о л н о т ѣ воспроизведенія пережитыхъ процессовъ. Память наша сохраняетъ только наиболѣе рѣзкіе и яркіе моменты въ нихъ. Напротивъ, мелкія детали, хотя онѣ иногда могутъ имѣть очень существенное значеніе, обыкновенно теряются безслѣдно. (Это можетъ испытать на себѣ каждый, кто, только что переживъ что-нибудь, особенно заинтересованъ въ томъ, чтобы вспомнить всѣ подробности прогекшаго событія: онъ очень скоро съ грустью убѣдится, что очень многіе пункты въ воспоминаемой картинѣ оказываются пустыми и темными). Такимъ образомъ, наша память очень многое п р о п у с к а е т ъ въ пережитой нами дѣйствительности. Ея другой недостатокъ въ томъ, что она нерѣдко положительнымъ образомъ и с к а ж а е т ъ наше прошлое. Въ этомъ отношеніи, напримѣръ, приходится имѣть дѣло съ тѣмъ, что можно назвать т е н д е н ц і о з н о с т ь ю нашей памяти. Моменты тяжелые или постыдные въ нашемъ прошломъ обыкновенно плохо удерживаются памятью, - подчиняясь нѣкоторому побужденію самосохраненія, она какъ бы убѣгаетъ отъ нихъ: мы стараемся о нихъ забыть. Напротивъ, моменты пріятные или, хотя и безразличные но интересные своимъ разнообразіемъ запоминаются нами хорошо. Оттого

между прочимъ наша память въ общемъ имѣетъ наклонность къ невольному о п т и м и з м у, что сказывается въ любопытныхъ аберраціяхъ памяти: самые тяжелые періоды нашей жизни иногда не только вспоминаются потомъ съ удовольствіемъ, но серьезно разсматриваются самими воспоминающими, кк. время для нихъ очень счастливое или даже какъ самое счастливое время въ ихъ прошломъ. Вѣроятно, многимъ приходилось слыхать отъ людей, бывшихъ на войнѣ и испытавшихъ при этомъ самыя тяжелыя ощущенія горя, страха, отчаянія, холода, голода, быть можетъ жестокихъ физическихъ страданій отъ болѣзней и ранъ, что это все-таки было самое счастливое время ихъ жизни. Какъ объяснить этотъ фактъ ?Сказывается ли въ такой оцѣнкѣ просто слѣдствіе пріятнаго контраста между прежними волненіями и теперешнимъ спокойствіемъ, который заставляетъ думать о пережитыхъ бѣдствіяхъ съ удовольствіемъ ? Едва ли дѣло только въ этомъ: вѣдь тогда все-таки сохранялось бы сознаніе о бѣдственности прошлаго. Скорѣе здѣсь мы имѣемъ болѣе сложный случай: тяжелые моменты былого времени въ памяти испытавшихъ ихъ потускнѣли и сгладились, а то, что было въ немъ привлекательнаго, - разнообразіе впечатлѣній, подъемъ душевной энергіи, необычайная полнота жизни, - это все не только осталось въ воспоминаніи, но, быть можетъ, даже и выросло противъ своего дѣйствительнаго уровня. Въ самомъ дѣлѣ надо считаться и съ этимъ послѣднимъ факторомъ: на помощь памяти слишкомъ часто приходитъ в о о б р а ж е н і е и дополняетъ отъ себя забытые моменты событій. Оно нечувствительно передѣлываетъ прошлое, или украшая его или, напротивъ, омрачая, смотря по нашему настроенію. Оттого на свѣтѣ такъ много безсознательныхъ лгуновъ.

Рядомъ съ этимъ приходится указать на важные спеціальные недостатки нашей памяти. Далеко не всѣ психическія состоянія, при равныхъ условіяхъ, воспроизводятся въ нашемъ воспоминаніи одинаково хорошо. Напротивъ, здѣсь существуетъ огромная градація ступеней. Если, наприм., мы обратимся къ ощущеніямъ, то замѣтимъ, что мы сравнительно хорошо воспроизводимъ въ памяти цвѣта, оттѣнки, видимыя формы, движенія, звуки и ихъ различныя сочетанія. Но ощущенія такъ называемыхъ н и з ш и х ъ чувствъ воспроизводятся уже гораздо хуже. Попробуемъ, наприм., со всею отчетливостью вспомнить вкусъ или запахъ даже какого-нибудь очень знакомаго намъ вещества или предмета и мы скоро почувствуемъ внутреннее затрудненіе. Мы замѣтимъ, что въ нашемъ воспоминаніи не хватаетъ чего -то очень существеннаго. Если дѣло идетъ о запахѣ, то мы хорошо вспомнимъ его осязательное или органическое дѣйствіе (острый онъ или нѣтъ), вспомнимъ его отношеніе къ нашему самочувствію (пріятный онъ или непріятный); но самая суть запаха, его непередаваемое внутреннее качество, которое мы однако отлично знаемъ, пока предметъ нюхаемъ, отъ насъ куда- то ускользнетъ.

Если отъ него что и останется въ нашемъ сознаніи, то нѣчто весьма неясное тусклое и неопредѣленное. (Правда, въ этомъ отношеніи, повидимому, наблюдаются значительныя индивидуальныя колебанія и различія. Нѣкоторые люди утверждаютъ, что они очень хорошо воображаютъ себѣ запахи самыхъ разнообразныхъ веществъ. Однако и они обыкновенно соглашаются, что представляютъ разные запахи менѣе отчетливо и ясно, чѣмъ, напр., зрительные образы). То же самое относится и къ вкусу. Попытаемся вспомнить вкусъ чернаго хлѣба такъ же ясно, какъ мы, положимъ, вспоминаемъ цвѣтъ его. Опять и это едва ли удастся намъ; мы вспомнимъ не самый вкусъ, а скорѣе его сопровождающія обстоятельства: вяжущее дѣйствіе на ротъ, обонятельное воздѣйствіе на дыхательный процессъ и т.д. Но то, что во вкусѣ есть самаго существеннаго, опять внутренно куда-то уплыветъ отъ насъ или получитъ очень неясный обликъ.

И это относится далеко не къ однимъ ощущеніямъ обонянія и вкуса: въ душѣ, пожалуй, гораздо болѣе состояній слабо воспроизводимыхъ, чѣмъ хорошо воспроизводимыхъ. Это не означаетъ, однако, что они совсѣмъ забываются -разъ мы ихъ узнаемъ при всякомъ новомъ воспріятіи, какъ давно знакомыязначитъ мы ихъ п о м н и м ъ, хотя и не можемъ ихъ отчетливо воспроизвести воображеніемъ. Запахи воспроизводятся въ воображеніи плохо; тѣмъ не менѣе обоняніе справедливо называется чувствомъ памяти, потому что запахи, прежде испытанные, потомъ очень живо напоминаютъ обстоятельства, при которыхъ они были восприняты. Въ этомъ отношеніи нужно очень различать между з а п о м и н а е м о с т ь ю д у ш е в н ы х ъ с о с т о я н і й и и х ъ в о с п р о и з в о д и м о с т ь ю по произволу. Возьмемъ чувство боли, -оно оказывается въ положеніи совершенно аналогичномъ обонятельнымъ и слуховымъ ощущеніямъ. И тутъ мы вспоминаемъ скорѣе сопровождающія обстоятельства, чѣмъ самую боль. Мы помнимъ, длящаяся она или прерывистая, тупая или острая, рѣжущая или ноющая, выносимая или совсѣмъ нестерпимая, -т.е. мы вспоминаемъ свойства ея теченія, ея осязательнаго воздѣйствія, ея отношенія къ нашему общему самочувствію, а не то, что составляетъ въ ней для насъ самое главное и отъ чего зависитъ все остальное ; хотя мы тотчасъ же узнаемъ это главное, когда ощутимъ

Слабо воспроизводимыми оказываются факты и болѣе сложнаго, высокаго порядка. Попытаемся во всѣхъ подробностяхъ и со всею отчетливостью вспомнить какое-нибудь очень сильное чувство, нѣкогда владѣвшее всѣмъ нашимъ существомъ, но которое теперь уже прекратилось и мотивы для котораго совсѣмъ исчезли. Исполнить эту задачу легче, чѣмъ вспомнить боль или запахъ, но разрѣшается она все-таки лишь окольнымъ путемъ : чтобы вспомнить прежнее чувство, надо усиліемъ воображенія совсѣмъ отвлечься отъ

новыхъ обстоятельствъ нашей жизни и всецѣло перенестись въ прежнія житейскія отношенія Чѣмъ ярче мы ихъ себѣ представимъ, не думая ни о чемъ другомъ, тѣмъ яснѣе проснется въ насъ прежнее чувство, но уже не въ качествѣ безстрастной идеи о чувствѣ, а скорѣе въ видѣ его хотя и слабаго, но повторнаго переживанія. Какъ чужія чувства мы понимаемъ, только живо поставивъ себя въ положеніе другихъ людей и принудивъ себя внутренно пережить то, что они должны испытывать, такъ и свои собственныя чувства въ прошломъ мы воспроизводимъ ясно черезъ ихъ повторное симпатическое переживаніе.

Подобное же замѣчаніе можно сдѣлать и объ актахъ нашей воли. Во время совершенія нашихъ дѣйствій мы всѣмъ существомъ чувствуемъ ихъ полную зависимость отъ насъ и ихъ происхожденіе изъ нашихъ внутреннихъ рѣшеній и усилій. Но когда дѣло кончено, мы часто съ недоумѣніемъ спрашиваемъ себя: гдѣ же тутъ была наша добрая воля? И мы нерѣдко готовы свалить на неизбѣжное сцѣпленіе обстоятельствъ тѣ самые свои поступки, которые всецѣло вмѣняли себѣ, когда совершали ихъ. Только путемъ сосредоточеннаго и добросовѣстнаго воспроизведенія въ нашемъ воспоминаніи всѣхъ обстоятельствъ нашего поведенія мы можемъ до нѣкоторой степени воспроизвести для себя и добровольность ихъ, опять-таки черезъ повторное переживаніе. Что акты воли въ воспоминаніи воспроизводятся плохо, это доказывается и болѣе элементарными фактами. Напримѣръ, пока я по произволу двигаю рукою въ разныя стороны, я совершенно увѣренъ, что я самъ ею двигаю. Но когда движеніе кончилось, я уже могу испытывать сомнѣніе, точно ли я не былъ къ тому вынужденъ и дѣйствовалъ по собственному почину ? Сомнѣніе ослабляется здѣсь только доступностью повѣрки.

Напротивъ, легко воспроизводимыми, -кромѣ ощущеній зрительныхъ, слуховыхъ, нѣкоторыхъ осязательныхъ (въ особенности смѣшанныхъ съ ощущеніями мускульнаго чувства), нѣкоторыхъ чисто-мускульныхъ, и кромѣ всѣхъ безчисленныхъ представленій нашего воображенія, возникшихъ изъ разнообразныхъ комбинацій въ этихъ ощущеніяхъ, -оказываются всѣ логическіе процессы нашего ума по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается ихъ формальной стороны и ихъ объективнаго содержанія. Разъ мы хорошо усвоили рѣшеніе какой-нибудь задачи, мы всегда можемъ его повторить во всѣхъ его деталяхъ. Разъ мы ясно обдумали какой-нибудь предметъ, мы не только будемъ помнить общій выводъ, къ которому пришли, но при нѣкоторомъ сосредоточеніи мысли можемъ указать и всѣ основанія, которыя насъ къ нему привели, и т.д.

Сейчасъ высказанныя соображенія позволяютъ, повидимому, сдѣлать слѣдующее общее заключеніе: въ нашемъ сознаніи легче воспроизводятся о б ъ е к т и в н ы е его э л е м е н т ы, т.е. то, что въ немъ от-

носится къ внѣшнему міру и составляетъ содержаніе внѣшняго опыта, нежели элементы с у б ъ е к т и в н ы е , обнимающіе чисто внутреннюю область дѣятельности нашего я и его отвѣтныхъ реакцій на впечатлѣнія извнѣ. Вся психическая жизнь на всѣхъ стадіяхъ ея развитія можетъ быть охарактеризована, какъ непрерывная встрѣча нашего с у б ъ е к т а с ъ д а н н ы м ъ е м у о б ъ е к т о м ъ . И вотъ все, что въ ней относится къ дѣйствію объекта (непосредственное дѣйствіе объекта -ощущеніе, объединяющее разныя ощущенія воспріятіе, воспроизводящее воспріятія представленіе, обобщающее отдѣльныя представленія объективное понятіе), легче воспроизводится по своему содержанію, чѣмъ отвѣчающіе этому дѣйствію чисто субъективные моменты нашего существованія. Такъ въ ощущеніяхъ ихъ тонъ, т.е. ихъ непосредственно пріятное или непріятное дѣйствіе на наше самочувствіе, воспроизводится труднѣе, чѣмъ ихъ качество, т.е. данное въ нихъ объективное содержаніе. Оттого чѣмъ большую роль въ ощущеніяхъ играетъ тонъ, тѣмъ оно труднѣе воспроизводимо. Въ этомъ, быть можетъ, заключается главная причина, почему ощущенія органическія (напр., боли), а также ощущенія обонянія и вкуса воспроизводятся дурно: въ нихъ тонъ несомнѣнно преобладаетъ надъ качественной стороной. Напримѣръ, въ области запаховъ, мы довольно легко представляемъ себѣ даже самыя тонкія различія между ароматами отдѣльныхъ цвѣтовъ-розы, сирени, ландыша. Но едва ли кому-нибудь удастся (по крайней мѣрѣ въ нормальныхъ условіяхъ) вполнѣ адекватно и съ совершенной отчетливостью вообразить сильный запахъ гноя, совсѣмъ разложившагося трупа и т.п. Дѣло въ томъ, что весьма существеннымъ элементомъ ощущеній послѣдней категоріи является неотдѣлимое отъ нихъ о т в р а щ е н і е къ нимъ. Ихъ такъ же трудно вообразить себѣ, какъ трудно живо вообразить тошноту, когда не тошно. Отсюда же должна объясняться сравнительно трудная воспроизводимость во всемъ ихъ конкретномъ содержаніи нашихъ отдѣльныхъ чувствованій, эмоцій, прошлыхъ желаній, актовъ воли. Эти психическія состоянія мы воспроизводимъ двоякимъ путемъ: или черезъ подстановку отвлеченнаго понятія о данномъ состояніи (мы знаемъ, что радовались и, не вспоминая живыхъ подробностей пережитаго состоянія, просто подставляемъ знакомое намъ общее понятіе); или мы воспроизводимъ эти состоянія черезъ аналогичное повторное переживаніе. Оно не всегда доступно для насъ. Такъ можно воспроизводить только болѣе высокія и идеальныя чувства, которыя вытекаютъ изъ идейныхъ мотивовъ, изъ общаго смысла переживаемыхъ обстоятельствъ и т.д. Но такъ очень трудно воспроизвести чувствованія, вызываемыя непосредственнымъ физіологическимъ раздраженіемъ (страданіе отъ боли). Для этого нужно повторить раздраженіе.

5). Итакъ, наше психическое прошлое представляется намъ не совсѣмъ въ томъ видѣ, въ какомъ дѣйствительно переживались составлявшія его внутреннія состоянія. Съ нами происходитъ какъ бы перспективная иллюзія: наиболѣе существенное и центральное въ моменты переживанія потомъ сглаживается и стушевывается, - напротивъ, периферическое и производное въ нихъ выдвигается въ воспоминаніи на первый планъ. Эта иллюзія имѣетъ огромное вліяніе на односторонность и неточность психологическихъ описаній. У отдѣльныхъ изслѣдователей при извѣстномъ складѣ ума и при извѣстныхъ предвзятыхъ взглядахъ она очень помогаетъ игнорировать въ душевной жизни то, что въ ней есть самаго тонкаго, но въ то же время и самаго важнаго и основного.

Въ виду этого казалось бы, что нужно особенно дорожить наблюденіемъ надъ психическими фактами въ самый моментъ ихъ совершенія, т.е. поскольку они протекаютъ въ настоящемъ. И дѣйствительно, до извѣстной степени мы способны явиться наблюдателями того, что въ насъ дѣлается сейчасъ. Нашему сознанію всегда присуща какъ бы нѣкоторая сила внутренняго раздвоенія, благодаря которой оно одновременно является и тѣмъ, что сознаетъ, и содержаніемъ сознанія. Мы вѣдь не только чувствуемъ, думаемъ, хотимъ, мы въ то же время и знаемъ о томъ, что сейчасъ чувствуемъ или хотимъ, или думаемъ. Это превращеніе самого себя въ предметъ сознанія есть с а м о с о з н а н і е. Въ нѣкоторой мѣрѣ эта способность сказывается у насъ въ каждое мгновеніе нашего духовнаго бытія. Ясное самосознаніе проявляется въ насъ далеко не всегда, но если отчетливое самосознаніе въ насъ нерѣдко отсутствуетъ, нѣкоторая степень с а м о ч у в с т в і я все-таки должна быть дана во всѣ моменты нашего внутренняго существованія. Е с л и м ы с о в с ѣ м ъ н е ч у в с т в у е м ъ с е б я, м ы н е м о ж е м ъ ч у в с т в о в а т ь и н и ч е г о д р у г о г о, - это слѣдовало бы считать непреложной истиной психологіи. Пользуясь этой силой самораздвоенія, мы можемъ одновременно явиться и дѣятелями и зрителями своего душевнаго процесса. При извѣстномъ навыкѣ и самообладаніи мы можемъ присматриваться къ протекающему внутри насъ потоку психическихъ измѣненій и по горячимъ слѣдамъ схватывать и отмѣчать всѣ ихъ оттѣнки.

И все же этотъ способъ наблюденія за собою въ самый моментъ переживанія психическихъ фактовъ далеко не замѣняетъ анализа психической жизни при помощи воспоминанія. Самонаблюденіе въ моментъ переживанія по необходимости должно имѣть очень узкій кругозоръ; мы должны стараться ограничить свой анализъ лишь тѣмъ содержаніемъ, которое дано въ настоящемъ ; я уже не говорю о томъ, что такая задача по существу невыполнима до конца; настоящее неудержимо переходитъ въ прошлое и, стало-быть, на немъ нельзя сосредоточиться, какъ на таковомъ : вся-

кій психическій фактъ, какъ бы несложенъ и коротокъ онъ ни былъ, неизбѣжно имѣетъ нѣкоторую д л и т е л ь н о с т ь , и, слѣдовательно, для нашего сознанія въ немъ непремѣнно даны рядомъ съ настоящимъ содержаніемъ и его протекшіе моменты. Какъ я уже говорилъ, психологическое настоящее не есть настоящее въ подлинномъ смыслѣ, то отвлеченное настоящее, съ которымъ мы имѣемъ дѣло, когда представляемъ себѣ абстрактную идею времени. Такимъ образомъ строго настоящаго, совсѣмъ лишеннаго отношенія къ прошлому, въ насъ вовсе и нѣтъ. Правда, приходится различать въ длительномъ психическомъ процессѣ то, что непосредственно дается, и то, что воспроизводится лишь посредствомъ воспоминанія, но границы тутъ до такой степени тягучи и неуловимы, что, собственно говоря, во всей строгости провести наблюденіе только надъ настоящимъ нѣтъ возможности. Когда мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ, въ немъ всегда есть элементъ прошлаго. Всякое наше внутреннее воспріятіе какого бы то ни было психическаго содержанія есть синтезъ цѣлаго ряда моментовъ. Если мы, напримѣръ, переживаемъ зрительное ощущеніе, то сначала мы имѣемъ только общій толчокъ въ сознаніи, который еще не пріурочили ни къ какому опредѣленному факту нашей психической жизни. Далѣе оно является намъ, какъ впечатлѣніе зрительнаго характера вообще, но также еще весьма неопредѣленное; затѣмъ уже мы его внутренно опредѣляемъ какъ нѣкоторое качество (тотъ или другой цвѣтъ) и, обыкновенно, лишь послѣ этого мы способны усмотрѣть форму того, что видимъ. Эти моменты протекаютъ очень быстро другъ за другомъ, но все-таки различаются между собой. Аналогичныя соображенія относятся и ко всякому другому психическому состоянію.

Но и помимо этихъ неизбѣжныхъ ограниченій, самонаблюденіе въ настоящій моментъ и въ предѣлахъ даннаго въ немъ содержанія ведетъ къ очень серьезнымъ недостаткамъ въ получаемыхъ результатахъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ фактомъ огромной важности: п с и х и ч е с к і я с о б ы т і я в ъ н а с ъ , п р и в н и м а н і и к ъ н и м ъ с ъ н а ш е й с т о р о н ы , т е к у т ъ с о в с ѣ м ъ и н а ч е , ч ѣ м ъ к о г д а т а к о г о в н и м а н і я н ѣ т ъ . Сосредоточенное наблюденіе дѣйствуетъ на происходящіе въ насъ процессы ослабляющимъ или усиливающимъ, вообще искажающимъ ихъ образомъ. Положимъ, мы хотимъ замѣтить, какъ мы сердимся, и въ моментъ гнѣва начинаемъ усиленно наблюдать за собою, - мы, конечно, этимъ путемъ не узнаемъ, какъ мы о б ы к н о в е н н о сердимся. Ставши сами надъ собой посторонними наблюдателями, мы лишимъ наше чувство и его силы, и его цѣльности: уже не оно будетъ владѣть нами, а мы имъ. Поэтому мы или вовсе не увидимъ того, чего ожидаемъ, или будемъ сами передъ собою разыгрывать роль сильно сердящагося

человѣка, но безъ соотвѣтствующихъ ощущеній. Или, положимъ, мы захотѣли наблюсти во всѣхъ подробностяхъ, какъ мы размышляемъ о какомъ -нибудь вопросѣ. Будетъ великимъ самообманомъ съ нашей стороны, если мы подумаемъ, что въ этомъ случаѣ мы воспримемъ нашъ мыслительный процессъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ долженъ совершаться всегда. Напротивъ, онъ сразу облечется въ необычныя формы: онъ сдѣлается вялымъ, неустойчивымъ, прерывистымъ. Ровно настолько, насколько мы заинтересуемся самонаблюденіемъ, потеряетъ въ интересѣ тотъ вопросъ, разрѣшеніе котораго мы въ себѣ наблюдаемъ. Наше вниманіе будетъ разрываться между различными задачами, и мы испытаемъ довольно мучительное внутреннее раздвоеніе. Результатъ нашей умственной работы подъ усиленнымъ собственнымъ контролемъ едва ли будетъ обладать серьезною цѣнностью: избытокъ контроля неизбѣжно ослабитъ энергію нашей мысли. Аналогичное слѣдствіе получится и въ томъ случаѣ, если мы захотимъ, напримѣръ, сосредоточенно наблюдать, какъ именно мы получаемъ отъ чего-нибудь у д о в о л ь с т в і е. Удовольствіе необходимо мы получимъ тѣмъ меньшее, чѣмъ больше будемъ себя развлекать и отвлекать наблюденіемъ. Въ жизни разрушающее дѣйствіе на нормальный ходъ психическихъ дѣятельностей со стороны напряженнаго самонаблюденія самихъ дѣйствующихъ встрѣчается постоянно. Актеръ, который въ страстной, горячей сценѣ станетъ слишкомъ наблюдать за своими интонаціями, навѣрное сыграетъ слабо и холодно. Самонаблюденіе разрушитъ въ немъ то, что для него должно быть самымъ главнымъ: оно разрушитъ его увлеченіе. Ораторъ, который начнетъ безпокойно слѣдить за каждымъ своимъ словомъ, всего скорѣе собьется и запутается и т. д. Точно также искажающее и разъѣдающее вліяніе рефлексіи на самыя простыя и естественныя чувства составляетъ фактъ, слишкомъ хорошо извѣстный въ исторіи культуры и слишкомъ часто наблюдаемый въ нѣкоторыхъ ея періодахъ. (Напримѣръ, какое странное, иногда, даже отталкивающее впечатлѣніе производятъ хотя бы жизненные романы нашихъ сантиментальныхъ идеалистовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. А между тѣмъ по большей части это были истинно хорошіе, сердечные люди. Но они такъ трепетали надъ каждымъ своимъ душевнымъ ощущеніемъ, такъ усиленно анализировали свои страсти и такъ ими любовались, что ихъ чувства сразу теряли свою свѣжесть и непосредственность. Получалось что-то до того утрированное, что они сами не знали, какъ въ себѣ разобраться, и что о себѣ думать. Главное несчастье многихъ изъ нихъ заключалось только въ томъ, что они, послѣ самыхъ сильныхъ своихъ увлеченій, внезапно открывали, что никакого увлеченія у нихъ вовсе и не было).

При этомъ нельзя не отмѣтить, что недостатки самонаблюденія въ моментъ теченія психическихъ состояній представляютъ значительную ана-

логію съ недостатками самонаблюденія чрезъ воспоминаніе, о которыхъ я говорилъ выше. Самонаблюденіе въ моментъ психическихъ процессовъ дѣйствуетъ гораздо разрушительнѣе на то, что я назвалъ субъективными элементами душевной жизни, нежели на объективные ея элементы. Между тѣмъ субъективнымъ элементамъ внутренняго опыта принадлежитъ господствующая роль въ выясненіи связи между психическими состояніями. Положимъ, мы сосредоточенно наблюдаемъ какое-нибудь зрительное воспріятіе: отъ этого оно только усилится, выдѣлится изъ среды остальныхъ, протечетъ медленнѣе и въ то же время свободнѣе. Напротивъ, попробуемъ уловить во всѣхъ деталяхъ какъ въ насъ слагается какое-нибудь рѣшеніе воли. Своимъ наблюдательнымъ и созерцательнымъ настроеніемъ мы прежде всего свою волю затормозимъ. Выйдетъ то же, что я указывалъ относительно воздѣйствія самонаблюденія на наши душевныя движенія, страсти, поступки, умственную работу. Весь внутренній процессъ пріобрѣтетъ искаженный обликъ. Рѣшеніе воли или совсѣмъ не получится или получится не то, какое состоялось бы при нормальныхъ условіяхъ. Между тѣмъ во всѣхъ этихъ примѣрахъ мы имѣли именно с у б ъ е к т и в н ы е моменты внутренняго опыта.

б). Въ связи съ разсмотрѣнными до сихъ поръ недостатками самонаблюденія, намъ будетъ болѣе понятна та важная особенность внутренняго опыта, которая въ то же время есть самый коренной недостатокъ самонаблюденія вообще, какъ метода при изученіи психическихъ явленій. Далеко не всѣ психическіе факты обладаютъ опредѣленностью и устойчивостью своего содержанія, -тѣмъ, что можно назвать его н а г л я д н о с т ь ю и у д о б о о б о з р и м о с т ь ю . Существуютъ цѣлые ряды фактовъ, притомъ обладающихъ весьма серьезнымъ значеніемъ для психическаго бытія въ его цѣломъ, которые неопредѣленны по существу, которые съ трудомъ воспроизводятся въ воспоминаніи, которыхъ нельзя вмѣстить ни въ какомъ представленіи съ сколько-нибудь нагляднымъ содержаніемъ, которые неуловимы въ своемъ развитіи и ускользаютъ отъ сосредоточеннаго контроля наблюдающей мысли. И все же это суть факты, которые протекаютъ въ насъ каждое мгновеніе и безъ которыхъ нашъ душевный міръ не могъ бы обойтись ни одной секунды. Отсюда вытекаетъ странное положеніе психолога среди другихъ научныхъ изслѣдователей. Въ другихъ наукахъ мы всегда легко различаемъ между безспорными фактическими данными и тѣми предположеніями, выводами и объясненіями, которые на нихъ строятся. Въ психологіи самые факты не представляютъ б е з с п о р н ыхъ данныхъ: напротивъ, о нихъ спорятъ больше, нежели о чемъ -нибудь другомъ. И спорятъ не только о ихъ качествахъ, законахъ, толкованіи, - спорятъ о самой ихъ н а л и ч н о с т и , -притомъ наиболѣе основныхъ.

Несомнѣнно данное для однихъ психологовъ, оказывается несомнѣнно неданнымъ для другихъ. Недаромъ одинъ изъ геніальныхъ психологовъ нашего времени, Вильямъ Джемсъ, въ концѣ концовъ, приходитъ вообще къ сомнѣнію въ томъ, существуютъ ли самыя душевныя состоянія? Есть ли въ нашей душевной жизни что-нибудь, кромѣ физическихъ ощущеній ?- И на это сомнѣніе онъ себѣ не даетъ отвѣта. Дѣйствительно, въ психической сферѣ во всемъ можно сомнѣваться, поскольку дѣло идетъ объ отдѣльныхъ фактахъ, ее составляющихъ. Какъ понять это удивительное свойство психической сферы ? Для него едва ли можно указать другое объясненіе, кромѣ неопредѣленности, неуловимости, отсутствія наглядности въ очень существенныхъ элементахъ жизни нашего духа.

Нашъ умъ стремится къ *наглядному*. До нѣкоторой степени вѣрно сравненіе нашего ума съ нашимъ глазомъ, -нашъ глазъ хорошо видитъ то, что передъ нимъ, -внѣшнее ему, -но онъ очень дурно воспринимаетъ то, что съ нимъ непосредственно соприкасается, а тѣмъ болѣе, что происходитъ внутри его. Конечно, сравненіе не есть еще объясненіе; но все же духъ нашъ подобенъ глазу въ томъ отношеніи, что онъ лучше воспринимаетъ данное ему, -объектъ, нежели свои внутреннія движенія. Настоящею *наглядностью* (обозримостью, опредѣленностью) обладаетъ въ насъ только то, что относится къ воздѣйствіямъ внѣшняго міра и къ воспроизведеніямъ этихъ воздѣйствій. Напротивъ, себя самихъ мы чувствуемъ и сознаемъ постоянно, въ каждомъ своемъ дѣйствіи, въ каждомъ удовольствіи и страданіи, въ каждой мысли, въ каждомъ желаніи, - и все же мы не имѣемъ о своемъ внутреннемъ я такого яснаго, опредѣленнаго образа, какой имѣемъ, напр., о стоящемъ передъ нами матеріальномъ предметѣ. Предположимъ наблюдателя, умъ котораго весь охваченъ стремленіемъ къ наглядности во всемъ, что онъ мыслитъ, у котораго и все міросозерцаніе выработалось соотвѣтственно этой основной тенденціи его ума (такіе люди обыкновенно бываютъ склонны къ матеріализму)-, какъ это должно отразиться на его психологическихъ обобщеніяхъ? Въ душевной жизни онъ выдвинетъ на первый планъ ощущенія(въ виду ихъ сравнительной наглядности и въ виду ихъ ясно наблюдаемой связи съ физіологическими процессами) и воспроизведеніе ощущеній (такие наиболѣе наглядный внутренній фактъ). Все остальное содержаніе психической жизни онъ постарается вывести изъ этихъ фактовъ, игнорируя, а то и прямо отрицая то, чего изъ нихъ нельзя построить. Получится законченная психологическая система, но съ очень односторонним содержаніемъ. Типическимъ представителемъ такой манеры объяснять душевную жизнь былъ самый знаменитый представитель французской психологіи XVIII столѣтія Кондильякъ.(Онъ идетъ ну-

темъ дедукціи. Онъ воображаетъ себѣ статую, одаренную способностью чувствовать и воспроизводить ощущенія, и предполагаетъ, что въ ней одно за другимъпробуждаются внѣшнія чувства. И вотъ изъ различныхъ сочетаній между ощущеніями и сопровождающими ихъ удовольствіями и страданіями онъ постепенно выводитъ ,(впрочемъ съ весьма серьезными натяжками и скачками мысли) всѣ особенности ума, воли и чувства, какія мы наблюдаемъ въ собственной душѣ. Его ученіе пользовалось большой популярностью.). Аналогичный случай поисковъ за простыми, наглядными, легко измѣримыми элементами душевной жизни, какъ ея единственными слагаемыми, представляетъ психологія. Гербарта съ ея ученіемъ о представленіяхъ, ихъ связяхъ и столкновеніяхъ, какъ единственномъ содержаніи психическаго процесса.

Но и въ наши дни стремленіе найти въ наглядныхъ элементахъ психической жизни ключъ ко всему, что творится въ душѣ, пользуется неменьшимъ распространеніемъ среди психологовъ и очень отражается на содержаніи отдѣльныхъ психологическихъ объясненій и описаній. Какъ на рѣзкій примѣръ такого стремленія при объясненіи отдѣльныхъ областей душевной жизни, можно указать на теорію чувства у В. Джемса. По этой теоріи каждое чувство цѣликомъ сводится къ сопровождающимъ его органическимъ ощущеніямъ и тѣмъ представленіямъ, которыя изображаютъ для насъ причину нашего чувства. Такъ, обращаясь къ прежнему примѣру, чувство гнѣва, съ этой точки зрѣнія, сводится къ ощущеніямъ прилива или отлива крови въ лицѣ, біенія сердца, стѣсненнаго дыханія, сжатія кулаковъ, дрожанія мускуловъ и т.д. плюсъ представленіе объ извѣстномъ лицѣ, насъ чѣмъ-нибудь разсердившемъ. Въ чувствѣ гнѣва кромѣ этихъ чисто физическихъ ощущеній и кромѣ этого представленія н и ч е г о б о л ь ш е н ѣ т ъ . Другіе психологи протестуютъ противъ такого слишкомъ простого объясненія: они выдвигаютъ то, что я назвалъ бы волевымъ моментомъ въ чувствѣ. Вѣдь если бы данное лицо не вызвало въ насъ неудержимаго стремленія сопротивляться ему, разрушить или по крайней мѣрѣ остановить его нежелательныя для насъ дѣйствія, отчего бы идея о немъ такъ всецѣло овладѣла нами и отчего могли бы возникнуть вызванные ею физическіе эффекты ? Мы не будемъ теперь рѣшать вопроса о томъ, какая изъ спорящихъ сторонъ права въ этомъ дѣлѣ, -намъ тутъ интересно другое. Разныя чувства, -гнѣва, страха, жалости, любви, ненависти, стыда, нѣжности, любопытства, удивленія, -мы переживаемъ постоянно: и вотъ можно спорить и болѣе или менѣе безнадежно спорить о томъ, въ чемъ же собственно эти чувства состоятъ и что мы въ нихъ воспринимаемъ ? Нужно ли лучшее доказательство той печальной для психолога истины, что въ нашемъ внутреннемъ мірѣ, хотя онъ всецѣло открытъ нашему само-

сознанію, далеко не все ясно для насъ самихъ и далеко не все вмѣщается въ отчетливыя и опредѣленныя формулы.

Возьмемъ другой примѣръ. Каждый ежеминутно испытываетъ на себѣ ту огромную роль, которая принадлежитъ во всѣхъ психическихъ процессахъ дѣятельности нашего в н и м а н і я . Какъ разнообразно и тонко проявляется въ насъ его сила, какъ свободно передвигаетъ она всѣ элементы сознанія, какъ рѣшительно повышаетъ одни психическіе процессы и понижаетъ другіе, какъ загадочно умѣетъ она сосредоточиваться не только на отдѣльныхъ частяхъ нашихъ представленій, но и на чисто идеальныхъ сторонахъ ихъ и отношеніяхъ. И вѣдь она не приходитъ къ намъ откуда-нибудь извнѣ: м ы с а м и ее составляемъ, мы ее внутренно переживаемъ и чувствуемъ, какъ рядъ собственныхъ усилій, во всѣхъ видахъ ея проявленія. Она болѣе, чѣмъ что-нибудь другое, составляетъ принадлежность нашего собственнаго существа. Казалось бы, относительно свойствъ, а тѣмъ болѣе относительно существованія этой силы въ насъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній и никакихъ споровъ. А между тѣмъ существуютъ психологи, и очень почтенные, которые отнимаютъ у вниманія всѣ тѣ внутреннія качества, о которыхъ я говорилъ сейчасъ и совсѣмъ отвергаютъ его какъ, дѣйствительную активность нашего субъекта. Для Рибо, напримѣръ, акты вниманія состоятъ изъ чисто физическихъ ощущеній мускульнаго порядка-наморщиванія лба, бровей, стискиванія рта и т.д. Кромѣ этого въ нихъ ничего нѣтъ- всѣ внутренніе процессы въ насъ протекаютъ сами собой. Какъ могъ возникнуть такой взглядъ? Конечно, онъ продиктованъ предвзятымъ воззрѣніемъ на общую природу душевныхъ явленій. Но если бы акты вниманія воспринимались нами вполнѣ ясно и отчетливо, какъ, положимъ, мы воспринимаемъ красный или желтый цвѣтъ, - можно ли было бы въ описаніи ихъ такъ отважно идти противъ очевидности ?

Въ совершенно подобномъ положеніи находится въ современной психологіи и вопросъ о волѣ вообще, по отношенію къ которой вниманіе есть только одна изъ формъ проявленія, - быть можетъ самая основная въ психическомъ процессѣ. Отрицаніе воли, какъ особаго факта душевной жизни, несводимаго на другіе ея факты, является однимъ изъ очень распространенныхъ психологическихъ предположеній въ наши дни. Иногда это отрицаніе получаетъ очень рѣшительный видъ. Такъ, напримѣръ, по Мюнстербергу, въ волевомъ актѣ всегда присутствуютъ только два феномена сознанія : а) представленіе о будущемъ эффектѣ или движеніи и ь)воспріятіе достигнутой цѣли или выполненнаго движенія. Между этимъ представленіемъ и этимъ воспріятіемъ не посредствуетъ ничего психическаго ; переходъ отъ одного къ другому совершается меха-

нически въ нѣдрахъ нашего мозга, но въ сознаніи онъ не отражается нисколько. Эти основные моменты воли могутъ въ нашемъ сознаніи осложняться ощущеніемъ и представленіемъ сопровождающихъ ихъ движеній, логическими процессами выбора мотивовъ и т.д., но не въ нихъ суть воли. Подобнымъ же образомъ учитъ Пигенъ.

Сопоставимъ эту теорію съ ученіемъ Джемса о чувствѣ и постараемся объединить ихъ. Что тогда выйдетъ ? Въ чувствахъ ничего нѣтъ, кромѣ физическихъ ощущеній и представленій о вызвавшихъ ихъ предметахъ; въ волѣ ничего нѣтъ, кромѣ ощущеній движенія и представленій о движеніи. Въ окончательномъ результатѣ: въ насъ ничего нѣтъ, кромѣ физическихъ ощущеній и ихъ воспроизведеній въ формѣ представленія. При этомъ ни эти ощущенія, ни эти представленія никакого вліянія на наши реальныя дѣйствія не имѣютъ. Мюнстербергъ настойчиво утверждаетъ, что причинность нашихъ психическихъ состояній и нашихъ поступковъ всецѣло лежитъ въ автоматическихъ отправленіяхъ мозга: всѣ наши дѣйствія совершались бы совсѣмъ такъ же, какъ и теперь, если бъ и не было никакихъ ощущеній и представленій въ нашемъ сознаніи. Съ другой стороны, Джемсъ выставляетъ свой знаменитый парадоксъ: мы опечалены, потому что плачемъ, приведены въ ярость, потому что кого-нибудь бьемъ, боимся, потому что дрожимъ, а никакъ не наоборотъ. Положимъ, мы встрѣтили какого-нибудь звѣря: еще прежде, чѣмъ мы узнали его, уже сердце наше бьется, въ нашемъ организмѣ происходитъ страшное потрясеніе, и мы, еще ничего не сообразивъ, бѣжимъ. Такимъ образомъ, всякое чувство есть только сопровождающее обстоятельство, ничего отъ себя не прибавляющее къ физіологическому процессу и ко всѣмъ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя имъ въ насъ вызываются.

Въ этомъ убѣжденіи, - что въ насъ ничего нѣтъ, кромѣ ощущеній и представленій о нихъ , - несомнѣнно есть своя законченность и простота. Но возникаетъ невольное и неразрѣшимое недоумѣніе : отчего тогда наши ощущенія имѣютъ то, что въ психологіи называется т о н о м ъ ? Отчего эти совсѣмъ пассивныя отраженія слѣпыхъ и равнодушныхъ физическихъ процессовъ пріятны намъ или непріятны, окрашены удовольствіемъ или страданіемъ ? Откуда это берется и зачѣмъ? По основному закону эволюціи, въ живыхъ существахъ развиваются только такія свойства, которыя имъ полезны: въ этомъ и состоитъ дѣйствіе естественнаго подбора, что онъ самъ собой выдѣляетъ всѣ тѣ качества живыхъ существъ, которыя обезпечиваютъ имъ большій, сравнительно съ другими, успѣхъ въ борьбѣ за существованіе. Но какая намъ польза отъ нашихъ страданій, болей, мучительныхъ размышленій, усилій борющейся воли, угрызеній совѣсти, - если они ничего не могутъ измѣнить въ нашихъ поступкахъ, всегда совершаемыхъ съ абсолютнымъ автоматизмомъ ?

Можно, пожалуй, спросить и обще: зачѣмъ вся психика въ насъ, если ей нигдѣ и ни въ чемъ не принадлежитъ никакой реальной роли? Помимо всего другого, уже одни эти простыя соображенія лишаютъ разсматриваемый взглядъ всякаго правдоподобія.

7) Дальнѣйшій примѣръ я возьму изъ области того великаго спора, начало которому было положено еще въ средніе вѣка: я разумѣю споръ между номиналистами и концептуалистами или универсалистами. Универсалисты учатъ, что въ нашемъ умѣ кромѣ представленій о вещахъ существуютъ понятія о нихъ какъ нѣкоторыя совсѣмъ особыя психическія образованія съ универсальнымъ содержаніемъ, помощью которыхъ мы и мыслимъ всѣ общія положенія и истины. Напр., мы не только имѣемъ представленіе объ отдѣльныхъ людяхъ, но и понятіе о человѣкѣ вообще, у насъ не только есть представленіе о томъ или другомъ треугольникѣ, но и понятіе о всякомъ треугольникѣ вообще и т.д. Не будь этихъ универсальныхъ концепцій въ нашемъ разумѣ, наша обобщающая мысль была бы невозможна.

Номиналисты отвѣчаютъ на это, что мы можемъ воображать и представлять только отдѣльные предметы, только частное содержаніе со всѣми его индивидуальными особенностями въ данный моментъ. Мы никогда не мыслимъ человѣка вообще, а всегда представляемъ какого-нибудь опредѣленнаго человѣка или опредѣленныхъ людей съ извѣстными особенностями лица, фигуры, цвѣта волосъ и т.д. Мы никогда не мыслимъ треугольника вообще, который не былъ бы ни великъ, ни малъ, ни прямоуголенъ, но остроуголенъ, ни тупоуголенъ; представить что-нибудь подобное совсѣмъ невозможно. Мы всегда имѣемъ въ головѣ какіе-нибудь опредѣленные треугольники съ опредѣленными свойствами. Общность нашей мысли заключается не въ ея собственномъ содержаніи, а въ одинаковости употребляемыхъ нами названій и словъ. Словомъ человѣкъ мы обозначаемъ всякаго человѣка. Поэтому, говоря что -нибудь о людяхъ, мы предполагаемъ, что и думаемъ о чемъ -то обнимающемъ все человѣчество. На самомъ дѣлѣ этого вовсе нѣтъ, - въ нашемъ умѣ всегда бываютъ даны только образы отдѣльныхъ людей, и наша мысль всегда обращается съ ними. То же самое слѣдуетъ сказать и о всѣхъ другихъ общихъ сужденіяхъ. Когда мы ихъ произносимъ, въ нашемъ умѣ капризно мелькаютъ отдѣльные образы, факты, ощущенія и ничего больше. Къ нимъ сводится все содержаніе нашей мысли.

Номиналистическую теорію я считаю особенно поучительнымъ и въ то же время весьма живучимъ примѣромъ тѣхъ очевидныхъ крайностей, къ которымъ приводитъ стремленіе признавать только наглядные элементы въ душевной жизни. Развитая до конца, номиналистическая теорія послѣдовательно должна привести къ совершенному отрицанію самой наличности у насъ

разума. Она ничего не можетъ подѣлать съ слѣдующимъ несомнѣннымъ психологическимъ и логическимъ фактомъ: ни одно понятіе (и можно прибавить, - ни одно умственное дѣйствіе вообще) не исчерпывается сполна по своему содержанію какимъ-нибудь частнымъ представленіемъ или ассоціаціей такихъ представленій; и, наоборотъ, существуетъ великое множество понятій и умственныхъ дѣйствій, для которыхъ не существуетъ совсѣмъ даже приблизительно отвѣчающаго ихъ смыслу нагляднаго образа.

Поясникъ оба положенія нѣсколькими примѣрами. Предположимъ, что мы думаемъ о какой-нибудь самой простой геометрической истинѣ о треугольникахъ, которая относится ко всѣмъ треугольникамъ вообще. Что при этомъ происходитъ въ нашей головѣ ? Всего скорѣе въ нашемъ воображеніи всплываетъ въ этомъ случаѣ представленіе о какомъ-нибудь отдѣльномъ треугольникѣ, опредѣленной величины, съ опредѣленнымъ отношеніемъ сторонъ и угловъ, опредѣленной окраски (положимъ, нарисованномъ черными линіями) на опредѣленномъ фонѣ (положимъ, бѣломъ, по воспоминаніямъ о рисункахъ въ учебникахъ геометріи). Можетъ быть, въ теченіе нашихъ размышленій мы представимъ два треугольника или нѣсколько (во всякомъ случаѣ едвали очень много: сила нашего воображенія вообще ограничена, - и чѣмъ больше мы ихъ представимъ за разъ, тѣмъ меньшею отчетливостью будетъ обладать каждый отдѣльный образъ). Участіе воображенія въ нашихъ размышленіяхъ этимъ и ограничится. А между тѣмъ д у м а т ь мы будемъ о в с я к и х ъ треугольникахъ вообще, о в с ѣ х ъ треугольникахъ. Данный, наглядно воображаемый треугольникъ будетъ для насъ только примѣромъ или иллюстраціей того, на чемъ сосредоточилась наша мысль. И мы будемъ думать въ этомъ отдѣльномъ воображаемомъ треугольникѣ не объ его цвѣтѣ и не объ его формѣ, не о величинѣ его сторонъ или угловъ, а только о томъ, что есть и въ каждомъ другомъ треугольникѣ, какого бы цвѣта онъ ни былъ и какой бы величиной ни обладалъ, и мы допустимъ въ свое разсужденіе только такіе выводы, которые относятся къ общей природѣ всѣхъ треугольниковъ. Я спрошу: какъ это возможно? Не нужно ли для этого, чтобы въ нашей мысли состоялось р ѣ ш е н і е обратить вниманіе въ данномъ примѣрѣ только на то, что относится ко всѣмъ треугольникамъ вообще, а для этого не необходимо ли, чтобы въ нашемъ умѣ такъ или иначе присутствовала идея о всякихъ возможныхъ треугольникахъ? А вѣдь это-то и отрицаетъ номиналистическая теорія. Между тѣмъ не ясно ли, что если бы въ нашемъ умѣ былъ только образъ отдѣльнаго треугольника со всѣми его конкретными признаками, но не было бы въ насъ рѣшенія остановиться въ немъ только на томъ, что обще всѣмъ треугольникамъ, или не было бы способности исполнить это рѣшеніе , то не возникло бы въ насъ и никакого геометрическаго размышленія. Наше сознаніе было бы бездумно привязано къ этому отдѣльному представленію до тѣхъ поръ, пока по случайной

игрѣ ассоціацій на мѣсто треугольника не сталъ бы кругъ или квадратъ а то и такое представленіе, которое не имѣетъ ничего общаго съ геометрическими фигурами. Итакъ, для того, чтобы состоялось размышленіе о геометрической истинѣ, кромѣ участія нашей представляющей способности, нуженъ какой - то дополнительный процессъ, весьма отличный отъ воображенія; и онъ несомнѣнно въ насъ совершается, но о немъ номиналистическая теорія не даетъ никакого яснаго отчета.

Но здѣсь по крайней мѣрѣ мы имѣемъ такой случай умственнаго дѣйствія, въ которомъ представленіе по своему содержанію вполнѣ отвѣчаетъ тому понятію, которое мыслится его помощью. Данный треугольникъ дѣйствительно имѣетъ свойства треугольника вообще, у него только есть много и своихъ частныхъ свойствъ, которыми другіе треугольники не обладаютъ. Однако такое соотвѣтствіе въ содержаніи частныхъ представленій и общихъ мыслей дано нашему уму далеко не всегда.

Возьмемъ другой примѣръ: положимъ, насъ очень заинтересовалъ вопросъ объ экономическомъ, политическомъ и культурномъ значеніи Москвы, и мы его всесторонне обсуждаемъ. Мы можемъ высказывать по этому поводу самыя разнообразныя мнѣнія и горячо на нихъ настаивать. Но зададимъ себѣ другой вопросъ: что представляется и воображается намъ, когда мы говоримъ - Москва? Какія представленія, воспоминанія, образы проходятъ въ нашей головѣ по ассоціаціи съ этимъ словомъ ? И существуетъ ли какая-нибудь связь, и какая именно, между нашими теоретическими выводами о Москвѣ и тѣми вереницами образовъ и представленій, которыя проносятся въ нашемъ умѣ всякій разъ, когда мы мысленно къ ней обратимся? Съ перваго взгляда ясно, что отвѣтить на этотъ вопросъ нелегко. Разобраться во всѣхъ представленіяхъ и картинахъ, которыя промелькнутъ въ нашей головѣ по этому случаю, едва ли даже выполнимая задача. Но вотъ что несомнѣнно: если мы станемъ передавать другъ другу о томъ, что вообразилось намъ при словѣ "Москва" то не только окажется, что укаждаго изъ насъ протекли въ умѣ свои особые ряды воспоминаній и представленій, но что эти представленія будутъ постоянно мѣняться и у каждаго лица въ отдѣльности при новыхъ повтореніяхъ слова. Кто недавно пріѣхалъ въ Москву, тому всего скорѣе вспомнятся первыя впечатлѣнія отъ нея: видъ издали, вокзалъ, ближайшія къ нему улицы, домъ, въ которомъ онъ остановился и т. д. Многимъ вмѣсто всякихъ картинъ просто представится слово "Москва", изображенное печатными или писанными буквами. Въ связи съ обсуждаемыми вопросами можетъ быть промелькнетъ въ умѣ неоднократно географическая карта Россіи. У живущихъ въ Москвѣ уже давно особенно трудно предугадать теченіе ассоціацій: тутъ все зависитъ отъ впечатлѣній, настроеній, случайныхъ воспоминаній. Въ общемъ едва ли можно

ждать отчетливыхъ и раздѣльныхъ картинъ при опытахъ подобнаго рода: наша фантазія заразъ вмѣщаетъ лишь небольшое количество раздѣльныхъ представленій. А между тѣмъ, слово "Москва" само по себѣ не будетъ вызывать никакихъ отдѣльныхъ представленій въ особенности. Поэтому въ отвѣтъ на такое слово въ насъ всего скорѣе долженъ получиться пестрый и въ то же время неразличимо тусклый хаосъ мелькающихъ образовъ, обрывковъ воспоминаній, неясныхъ впечатлѣній. Одно будетъ для насъ ясно, если мы хорошенько подумаемъ, что между этимъ смутнымъ и чисто субъективнымъ хаосомъ въ нашемъ воображеніи и тѣми и для насъ и для другихъ вполнѣ понятными сужденіями о значеніи Москвы въ современной Россіи, которыя мы будемъ высказывать въ нашей бесѣдѣ, лежитъ цѣлая бездна, черезъ которую едва ли можно перекинуть какую-нибудь связующую нить. Въ примѣрѣ съ треугольникомъ, хотя наша мысль и отличалась отъ представленія, но все же она отправлялась отъ него: представленіе давало наглядный образецъ, какъ предметъ для прямого анализа мысли. Здѣсь уже нѣтъ такого отношенія. Мысль о большомъ городѣ, разсматриваемомъ при этомъ въ виду его очень отвлеченныхъ отношеній къ тому цѣлому, которому онъ принадлежитъ, слишкомъ обща и сложна, чтобы она могла воплотиться въ какомъ-нибудь наглядномъ образѣ. Протекающія въ насъ наглядныя представленія при процессахъ размышленія этого рода не являются уже органическими звеньями этихъ процессовъ, а оказываются въ отношеніи къ нимъ лишь внѣшнимъ сопровождающимъ обстоятельствомъ.

Возьмемъ еще примѣръ: положимъ, мы хотимъ дать опредѣленіе такимъ понятіямъ, какъ право, законъ, государство, нравственность, и съ этою цѣлью размышляемъ надъ ними. Нѣтъ никакого сомнѣнія, при обсужденіи каждаго изъ этихъ понятій въ нашемъ умѣ будутъ протекать разнообразныя ассоціаціи совершенно конкретныхъ представленій, воспоминаній, картинъ и т.д. Но возможно ли вообразить себѣ представленія, которыя находились бы къ этимъ понятіямъ въ такихъ же отношеніяхъ, какъ отдѣльный воображаемый треугольникъ относится къ треугольнику вообще? Положимъ, размышляя о правѣ, я вспоминаю вора, котораго на моихъ глазахъ городовой велъ въ участокъ. Но развѣ право и городовой, ведущій въ участокъ - одно и то же? Размышляя о законѣ, я могу вспомнить книжную полку, уставленную томами свода законовъ. Но если я буду имѣть въ головѣ только эту полку, развѣ это мнѣ что-нибудь уяснитъ въ понятіи о законѣ вообще? Чтобы это воспоминаніе могло мнѣ въ чемъ-нибудь помочь, мнѣ нужно имѣть понятіе о содержаніи этихъ книгъ, о тѣхъ весьма общихъ правилахъ и предписаніяхъ, которыя въ нихъ заключаются, т.е. я долженъ уже имѣть какую-нибудь идею о законѣ. Слишкомъ ясно, что въ этихъ случаяхъ конкретное представленіе и понятіе отстоятъ еще дальше другъ отъ друга, чѣмъ въ предыдущемъ примѣрѣ. Москву мы все-таки можемъ вообра-

жать въ ея отдѣльныхъ частяхъ, но ни полка книгъ, ни городовой съ воромъ не составляютъ м а т е р і а л ь н ы х ъ ч а с т е й права или закона, ибо и то и другое суть вещи отвлеченныя.

Фактъ очевидной несоизмѣримости между нашей представляющей и нашей мыслящей способностью заставляетъ сторонниковъ номинализма прибѣгать къ т е о р і и с и м в о л и з м а въ мышленіи. Смыслъ этой теоріи таковъ: мы никогда не мыслимъ нашихъ понятій прямо, а всегда помощью чувственныхъ символовъ, которые сами собою слагаются въ нашемъ умѣ для каждаго понятія. Мы не можемъ представить себѣ безконечной вселенной, и вотъ, чтобы мыслить ея миніатюрное и символическое подобіе, мы воображаемъ кругъ или шаръ, въ которомъ заключены другіе шары или круги, и этотъ кругъ или шаръ замѣняетъ для нашего ума вселенную. Мы не можемъ представить солнечной системы въ ея дѣйствительныхъ размѣрахъ - и вотъ мы воображаемъ себѣ въ маломъ размѣрѣ геометрическія кривыя, по которымъ движутся планеты вокругъ солнца, и маленькіе шарики, изображающіе для насъ солнце, планеты и землю. Мы не можемъ представить д е р е в о в о о б щ е, но сопоставляя различныя породы деревьевъ и отбрасывая ихъ отличительные признаки, мы наконецъ приходимъ къ тусклому символическому образу, который состоитъ изъ палочки изображающей для насъ стволъ, и идущихъ отъ нея въ разныя стороны маленькихъ палочекъ, - эта вѣтвистая палочка и замѣняетъ для нашего ума идею д е р е в а в о о б щ е и т.д.

Не нужно большихъ усилій критическаго анализа, чтобы замѣтить крайнюю несостоятельность такой теоріи. Прежде всего очень трудно оправдать изъ самонаблюденія, чтобы каждое понятіе нашего ума дѣйствительно имѣло въ нашемъ представленіи свой особый сколько-нибудь постоянный символъ. Если такіе постоянно сопровождающіе наши отвлеченныя понятія образы и существуютъ иногда, они обыкновенно менѣе всего символизируютъ содержаніе нашей мысли. Всего чаще такимъ постоянно сопровождающимъ образомъ является представленіе о написанномъ или напечатанномъ словѣ, обозначающемъ данное понятіе. У людей, обладающихъ такъ называемымъ п в ѣ т н ы м ъ с л у х о м ъ, (у которыхъ звуки вызываютъ зрительные образы; обыкновенно, высокіе звуки - яркіе цвѣта, низкіе-темные), такимъ неизмѣнно сопровождающимъ обстоятельствомъ ихъ отвлеченныхъ понятій будетъ та или другая окраска звукового состава употребляемыхъ ими словъ и т.д. Но даже отдаленное логическое соотвѣтствіе между содержаніемъ чувственнаго символа и отвѣчающимъ ему абстрактнымъ понятіемъ явится скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ.

Однако главное возраженіе противъ символической теоріи заключается, конечно, не въ этомъ: оно состоитъ въ томъ простомъ и ясномъ соображеніи, что символъ до тѣхъ только поръ символъ, пока мы понимаемъ его смыслъ. А если значеніе его для насъ затеряно, то онъ уже не символъ, и мы начинаемъ от-

носиться къ нему по его непосредственному, буквальному содержанію. Слово есть символъ выражаемой имъ идеи; но если мы забыли, что оно значитъ, для насъ останется только его звуковой составъ. Мы можемъ слушать самыя мудрыя рѣчи на непонятномъ для насъ языкѣ, но все же ничего не услышимъ, кромѣ безсмысленнаго ряда звуковъ. Все это истины очень простыя. А между тѣмъ изъ нихъ вытекаетъ очень важное заключеніе: чтобы мыслить символами, надо понимать эти символы, т.е. кромѣ символовъ, надо имѣть въ головѣ тѣ понятія, которыя ими обозначаются, - безъ этого у насъ не будетъ никакой мысли -ни символической, ни несимволической. Другими словами, чтобы мыслить о чемъ-нибудь символически, надо о томъ же самомъ при этомъ думать прямо и по его настоящему смыслу. Какъ въ примѣрѣ треугольника, чтобы мыслить геометрическую истину, нужно было, чтобы кромѣ представленія объ отдѣльномъ конкретномъ треугольникѣ въ нашемъ умѣ былъ данъ нѣкоторый дополнительный процессъ такъ тѣмъ болѣе при символахъ искусственныхъ и по содержанію далекихъ отъ обозначаемыхъ ими весьма абстрактныхъ понятій (какъ напримѣръ, когда мы воображаемъ маленькій кругъ въ качествѣ символа безконечнаго міра въ его цѣломъ) нуженъ аналогическій дополнительный процессъ сопоставленія символа съ тѣмъ, что въ немъ символизируется. Кромѣ чувственныхъ образовъ, въ нашемъ умѣ должно какъ - нибудь присутствовать нечувственное содержаніе идей - безъ этого никакой символизмъ невозможенъ.

Но такой выводъ обозначалъ бы полный крахъ номиналистической доктрины: согласившись съ нимъ, она признала бы то, въ отрицаніи чего заключается весь ея смыслъ . Однако какой же другой выходъ указать изъ этихъ затрудненій ? Скажемъ ли мы, что мы просто н е п о н и м а е м ъ никакихъ общихъ сужденій и никакихъ отвлеченныхъ идей ? Будемъ ли доказывать, что въ нашемъ умѣ въ соотвѣтствіе съ отвлеченными терминами проносится хаосъ совершенно безсмысленныхъ ассоціацій, которыя однако же въ послѣднемъ результатѣ приводятъ по неизвѣстнымъ причинамъ къ употребленію логически цѣлесообразныхъ новыхъ терминовъ, хотя и они въ нашей головѣ вызовутъ опять только тусклый хаосъ случайныхъ представленій; такъ что осмысленность нашихъ общихъ разсужденій есть только иллюзія, зависящая отъ осмысленнаго сочетанія словесныхъ знаковъ ? Конечно, можно договориться и до этого. Но является неумолимый вопросъ: какъ можетъ въ насъ возникнуть такая иллюзія ? Пускай сочетанія словесныхъ знаковъ по отношенію къ обозначаемому ими содержанію въ высшей степени цѣлесообразны, - какъ могли бы мы это замѣтить, если -бъ въ нашей головѣ ничего не было, кромѣ тусклаго хаоса ?

Итакъ, въ разсматриваемомъ спорѣ универсалисты оказываются правыми. Въ нашемъ мышленіи дѣйствительно присутствуютъ данныя сверхчувственнаго характера, не обладающія никакою наглядностью. И всѣ умственныя операціи имѣютъ дѣло съ ними: вѣдь въ каждомъ сужденіи, если не подлежащее, то по крайней мѣрѣ сказуемое имѣетъ непремѣнно общее содержаніе. Но, какъ ни странно это,

эти данныя настолько неуловимы въ своихъ психологическихъ качествахъ, они такъ легко ускользаютъ отъ самонаблюденія въ своей особой природѣ, что существуютъ до сихъ поръ очень серьезные изслѣдователи, которые совсѣмъ отрицаютъ самое ихъ существованіе. Въ этомъ долженъ заключаться величайшій урокъ для психолога въ смыслѣ осторожности и воздержанія отъ поспѣшныхъ обобщеній.

8) Теперь мы ознакомились съ важнѣйшими достоинствами и недостатками самонаблюденія или интроспективнаго метода въ психологіи. Его основное достоинство въ томъ, что для него душевные факты являются въ своей настоящей реальности и что внутренняя связь между ними въ очень многихъ случаяхъ непосредственно открыта для нашего прямого усмотрѣнія. Его недостатки коренятся въ томъ, что психическія явленія очень неустойчивы и непрерывно протекаютъ во времени, что ихъ нельзя измѣрить, что они далеко не сполна воспроизводятся въ нашемъ воспоминаніи, что ихъ нельзя наблюдать въ моментъ ихъ совершенія, не измѣняя ихъ хода, наконецъ, что многія изъ нихъ, и даже особенно важныя по своей роли въ общемъ обиходѣ психической жизни, оказываются по своему внутреннему существу неопредѣленными, лишенными чувственнаго облика, не имѣющими отчетливой наглядности для нашего внутренняго воспріятія. Изъ этихъ свойствъ нашего самосознанія можно вывести нѣкоторыя руководящія и предостерегающія правила психологическаго изслѣдованія, поскольку они ведутся интроспективнымъ методомъ. Я укажу важнѣйшія между ними.

а)Къ нашему самонаблюденію невозможно примѣненіе строгой научной индукціи съ экспериментальными методами, при установленіи связей и послѣдовательностей между явленіями. Строгій экспериментъ вообще для самонаблюденія недоступенъ. Въ нашемъ душевномъ мірѣ нельзя вызывать явленій по произволу или даже если мы этого въ отдѣльныхъ случаяхъ достигаемъ, никогда нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что всѣ обстоятельства опыта намъ извѣстны. Для самонаблюденія оказывается примѣнимою только простая, популярная индукція, о и по отношенію къ ней мы не можемъ быть убѣждены (въ виду плохой воспроизводимости и неуловимости отдѣльныхъ психическихъ фактовъ), что всѣ данныя приняты нами во вниманіе.

b)Для самонаблюденія является широко открытымъ методъ м ы с л е н н а г о а н а л и з а , въ значительной степени восполняющаго и дополняющаго индукцію въ ея обычномъ смыслѣ. Факты душевной жизни между всѣми явленіями дѣйствительности отличаются тѣмъ, что въ нихъ намъ нерѣдко бываетъ открыта ихъ внутренняя связь. Черезъ это въ ней отдѣльныя наблюденія даютъ гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ сферахъ знанія. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ такой непосредственно ясной связи можемъ слѣдить, что въ немъ первоначально и что производно, что причина и что слѣдствіе, въ чемъ условіе что дано, какъ обусловленное, въ чемъ выражается активность духа и въ

чемъ, напротивъ, сказывается его пассивность. Всего этого мы достигаемъ черезъ простое различеніе отдѣльныхъ данныхъ, присматриваясь къ тому, что совершается въ насъ. Это значитъ, что простое самонаблюденіе даетъ намъ во многихъ случаяхъ прямо то, что въ наукахъ о внѣшней природѣ достигается лишь строгимъ и детальнымъ примѣненіемъ методовъ экспериментальнаго из слѣдованія : въ самомъ дѣлѣ вѣдь вся задача экспериментальныхъ методовъ заключается въ установленіи причинной связи явленій.

с) Детальное усвоеніе всѣхъ малѣйшихъ перипетій психическаго процесса для самонаблюденія (въ виду неполноты воспроизведенія прошлыхъ явленій) вообще мало доступно. За то, вслѣдствіе сейчасъ указанной возможности мы сленнаго анализа отдѣльныхъ фактовъ по ихъ внутреннему значенію и смыслу въ сферѣ самонаблюденія мы способны сразу схватывать типическія черты явленій, Оттого психологъ до нѣкоторой степени оказывается въ положеніи геометра: какъ геометръ, всесторонне изслѣдуя отдѣльные примѣры, приходитъ къ самымъ общимъ заключеніямъ о линіяхъ, углахъ и фигурахъ, такъ и психологъ, мысленно сосредоточившись на отдѣльныхъ душевныхъ актахъ, можетъ усматривать и оцѣнивать ихъ т и п и ч е с к і я с в о й с т в а и о т н о ш е н і я . Въ самомъ дѣлѣ, при извѣстной долѣ проницательности, человѣкъ, даже и не знающій логики, могъ бы построить ея основные законы и правила, просто вдумываясь въ смыслъ какого-нибудь одного сложнаго разсужденія и мысленно выдѣляя мотивы, движущіе ходомъ заключеній въ немъ; вѣдь и исторически логика возникла изъ анализа отдѣльныхъ конкретныхъ логическихъ актовъ. Точно также переживъ одинъ какой-нибудь порывъ сильнаго чувства, дотолѣ намъ незнакомаго, мы не только будемъ знать, что оно въ насъ вызвало въ этомъ отдѣльномъ случаѣ, но будемъ знать и то, чего можно ждать отъ этого чувства въ будущемъ, или отъ другихъ людей, когда оно ими овладѣетъ. Кто испыталъ сильную борьбу между голосомъ совѣсти и могущественными побужденіями личнаго интереса и выгоды, тотъ знаетъ, чего эта борьба стоитъ, какой твердой воли требуетъ, и на какіе хитрые софизмы пускается нашъ эгоизмъ, чтобы отстоять себя. Другими словами, онъ будетъ имѣть о подобныхъ положеніяхъ т и п и ч е с к о е знаніе Такимъ образомъ вотъ два мощныя орудія интроспективной психологіи: п р я м о й м ы с л е н н ы й а н а л и з ъ и вытекающій изъ него т и п и ч е с к і й или о б о б щ а ю щ і й а н а л и з ъ .

Изъ сказаннаго сейчасъ вытекаетъ важный выводъ: не смотря на сравнительную неопредѣленность и неуловимость активныхъ элементовъ нашего сознанія, для интроспективнаго изслѣдованія оказываются наиболѣе доступными проявленія а к т и в н о с т и н а ш е г о д у х а . – Причина тому понятна; лишь въ проявленіяхъ этого рода нашему самонаблюденію и самовоспріятію открытъ причинный рядъ переживаемыхъ состояній въ его важнѣйшихъ зве

яхъ и въ его внутреннемъ значеніи ; оттого только къ этой категоріи явленій съ полною плодотворностью прилагаются методы п р я м о г о м ы с л е н н а г о и т и п и ч е с к а г о а н а л и з а . Говоря просто, мы только тѣ психическія явленія понимаемъ вполнѣ, въ которыхъ выражаются наши дѣйствія - внѣшнія или внутреннія, - наши стремленія и побужденія въ ихъ взаимной зависимости, наши влеченія и чувства; мы только то хорошо понимаемъ въ себѣ, что зависитъ отъ нашего собственнаго Я и выражаетъ его субъективныя реакціи на окружающій міръ, - мы видѣли тому многочисленные примѣры. Напротивъ, тѣ психическія состоянія, къ которымъ наше сознаніе относится п а с с и в н о , которыя ему, такъ сказать, навязываются извнѣ и помимо его, несмотря на ихъ сравнительно большую наглядность, гораздо менѣе открыты интроспективному анализу по отношенію къ ихъ внутреннимъ связямъ, управляющимъ ими законамъ и вызывающимъ ихъ причинамъ. Напримѣръ, точно установить физическую природу раздраженій, вызывающихъ тѣ или другія внѣшнія ощущенія, на основаніи одного самонаблюденія, очевиднымъ образомъ невозможно. Что дѣлается въ глазу, когда мы испытываемъ зрительныя ощущенія ? Конечно, простое самонаблюденіе при рѣшеніи этого вопроса ни къ чему насъ привести не можетъ, кромѣ самыхъ общихъ предположеній. Или какъ бы можно было вывести законъ Вебера только на основаніи самонаблюденія ? Точно также невозможно путемъ интроспекціи установить причины нашихъ органическихъ ощущеній, возникающихъ изъ процессовъ и измѣненій внутри нашего организма: будь иначе, діагнозъ всякихъ болѣзней былъ бы простъ до чрезвычайности. Обращаясь къ другой области, нельзя лишь на основаніи самонаблюденія съ увѣренностью отвѣтить на вопросъ, какія представленія еще сохраняются въ нашей памяти и какія исчезли изъ нея навсегда. Одинаково нельзя самонаблюденіемъ рѣшить, какія причины вызываютъ въ насъ то или другое содержаніе нашихъ сновидѣній, ихъ тусклость или отчетливость, ихъ осмысленность или безсвязность и т.д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ очевиднымъ образомъ самонаблюденіе нуждается въ помощи н а б л ю д е н і я в н ѣ ш н я г о и надъ другими людьми, и надъ физическими и физіологическими процессами въ нашемъ организмѣ вообще.

9) Теперь, когда намъ извѣстны сильныя и слабыя стороны самонаблюденія, которое все-таки, и это надо очень помнить, остается кореннымъ методомъ при нашемъ знакомствѣ съ своимъ собственнымъ душевнымъ міромъ, мы можемъ остановиться на нѣкоторыхъ п р е д о с т е р е г а ю щ и х ъ правилахъ, внимательное выполненіе которыхъ, быть можетъ, избавило бы психологію отъ той хаотической пестроты противорѣчащихъ другъ другу теорій и гипотезъ, которою она страдала въ теченіе всей своей исторіи.

а) Психологъ долженъ избѣгать исключительнаго сосредоточенія всѣхъ своихъ изслѣдованій на наглядныхъ и отчетливыхъ фактахъ въ жизни сознанія.

Онъ долженъ помнить, что наглядное, вполнѣ опредѣленное и отчетливое въ ней составляетъ лишь сравнительно небольшую и далеко не самую существенную область среди ея разнообразныхъ внутреннихъ двигателей.

b) Психологъ долженъ съ большою осторожностью относиться ко всякимъ попыткамъ дать окончательный анализъ психическихъ процессовъ на ихъ простѣйшіе элементы. Стремленіе разложить сполна всякое сложное явленіе на его составныя, далѣе неразложимыя части лежатъ въ самомъ существѣ науки и въ наукахъ о мірѣ внѣшнемъ (механикѣ, физикѣ, химіи):оно было главнымъ двигателемъ ихъ огромныхъ успѣховъ за послѣднія столѣтія.Но все же надо помнить,что оно плодотворно лишь тогда,когда назрѣла возможность его болѣе или менѣе обстоятельнаго выполненія. Въ противномъ случаѣ анализъ приведетъ не къ тому, чего отъ него ждутъ, а только къ одностороннему и искаженному изображенію фактовъ. Психологъ обязанъ помнить, какъ безконечно сложны даже по видимости простыя психическія явленія,какъ много въ каждомъ изъ нихъ неуловимыхъ, чисто идеальныхъ моментовъ и двигателей, и какое, съ другой стороны, органическое, нерасторжимое, внутреннее единство представляетъ душевная жизнь въ ея цѣломъ. Въ самой идеѣ разсматривать душевную жизнь,какъ простую сумму независимыхъ другъ отъ друга слагаемыхъ заключается важная научная натяжка: въ душевной жизни возможенъ только о т н о с и т е л ь н ы й , а никакъ не абсолютный анализъ (какой,напримѣръ, бываетъ въ химіи),когда мы просто выдѣляемъ составныя части изъ иx даннаго соединенія. Во всякомъ случаѣ вѣрнѣйшее средство не понять психическій процессъ, это остановиться въ немъ только на такихъ элементахъ,которые ярко выражена и болѣе другихъ бросаются въ глаза.Противъ увлеченія аналитическими задачами въ психологіи единственное средство должно заключаться въ возможно большей строгости требованій отъ о б р а т н а г о с и н т е з а . Каждый данный психическій процессъ долженъ строиться изъ предположенныхъ его элементовъ во всей конкретной и жизненной полнотѣ, а не только въ какихъ-нибудь своихъ отдѣльныхъ свойствахъ.Въ области подобныхъ изслѣдованій трудно быть достаточно скептикомъ : при чрезвычайной тонкости и сложности изучаемыхъ явленій,малѣйшее сомнѣніе въ возможности дѣйствительнаго выведенія всей совокупности ихъ признаковъ изъ ихъ предполагаемыхъ факторовъ, должно служить рѣшительнымъ препятствіемъ для признанія анализа законченнымъ. Между тѣмъ въ исторіи психологіи мы замѣчаемъ скорѣе противоположную тенденцію: требованія отъ обратнаго синтеза въ виду трудности задачи обыкновенно бываютъ очень снисходительны и нерѣдко только такою снисходительностью обезпечивается успѣхъ отдѣльныхъ психологическихъ гипотезъ.(Примѣромъ можетъ случить объясненіе Кондильяка происхожденія сужденій изъ природы ощущеній, сводящее всѣ умственные процессы къ простымъ ощущеніямъ.. Ощущенія одни ярче, другія тусклѣе, одни бол

захватываютъ сознаніе, другія менѣе. Но захватъ сознанія ощущеніемъ есть вниманіе къ этому ощущенію. Положимъ, въ насъ даны два захватывающихъ сознаніе ощущенія заразъ. Мы будемъ внимательны къ нимъ обоимъ. Но быть внимательнымъ къ двумъ ощущеніямъ и сравнивать ихъ одно и то же. А сравнивать ихъ значитъ судить о нихъ. Итакъ, сужденіе объ ощущеніяхъ ничѣмъ не отличается отъ самихъ ощущеній. Получается очень стройный взглядъ, но онъ весь зависитъ отъ того, что Кондильякъ вовсе не поставилъ себѣ вопросовъ: точно ли вниманіе ничѣмъ не отличается отъ простого захвата ощущеніемъ нашей способности чувствовать ? Точно ли быть внимательнымъ къ двумъ идеямъ, - особенно б ы т ь в н и м а т е л ь н ы м ъ въ смыслѣ Кондильяка, т.е. только въ томъ смыслѣ, что обѣ идеи обладаютъ яркостью, и сравнивать ихъ совсѣмъ одно и то же и т.д.?Вся разсматриваемая теорія построена на подобнаго рода быстрыхъ переходахъ въ отождествленіи между собой явленій, представляющихъ хоть какую -нибудь аналогію; ставится знакъ равенства тамъ, гдѣ есть только сходство. Такихъ примѣровъ можно много привести изъ исторіи психологическихъ гипотезъ).

с) Психологъ долженъ тщательно оберегаться отъ злоупотребленія ф и з і о л о г и ч е с к и м и с х е м а м и . Тѣсная зависимость психическихъ явленій въ нашемъ духѣ отъ физіологическихъ процессовъ въ нашемъ организмѣ, въ особенности въ нашемъ мозгу и нервной системѣ, есть фактъ несомнѣнный, и указаніе условій такой зависимости представляетъ весьма интересную тему научныхъ изысканій. Но все же изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что задача психолога состоитъ только въ томъ, чтобы для каждаго психическаго факта найти тотъ физико-химическій процессъ въ мозговыхъ клѣткахъ, который его вызываетъ. Такая замѣна психологіи физіологіей недозволительна, во-первыхъ потому, что какъ бы ни были тѣсно связаны психическая и физическая сферы явленій въ насъ, мы все-таки не имѣемъ права сразу рѣшить, въ чемъ эта связь заключается Состоитъ ли она въ томъ, что каждому психическому феномену отвѣчаетъ въ нервно-мозговой системѣ вполнѣ эквивалентный ему физіологическій процессъ, порождающій съ физической неизбѣжностью другіе процессы, которые въ нашей психикѣ отражаются какъ новыя явленія, вытекающія изъ перваго ? Такъ смотрятъ на дѣло очень часто и въ этомъ предположеніи состоитъ столь популярная теперь т е о р і я э п и ф е н о м е н и з м а в ъ п с и х о л о г і и . Но хотя она и очень популярна, она все же весьма далека отъ того, чтобы быть дѣйствительно доказанной. Впослѣдствіи мы напротивъ убѣдимся, что она вызываетъ противъ себя весьма серьезныя возраженія. А если такъ, то всегда возможно предположить, что отношеніе физическаго и психическаго въ насъ не такъ просто и не сводится только къ тому, что звенья психическаго ряда явленій въ насъ во всѣхъ случаяхъ представляютъ прямую функцію звеньевъ ряда физическаго, безъ всѣ

каго обратнаго воздѣйствія душевныхъ актовъ на направленіе физіологическихъ процессовъ. Быть можетъ, физическій и психическій ряды феноменовъ хотя и связаны въ насъ въ томъ смыслѣ, что постоянно оказываютъ многообразное в з а и м н о е вліяніе другъ на друга, но все же развиваются самостоятельно, каждый по своему, и поэтому для отдѣльныхъ звеньевъ процесса душевнаго не всегда можно указать вполнѣ соотвѣтствующій коррелатъ въ звеньяхъ цѣпи физическихъ процессовъ. Во-вторыхъ, при попыткахъ чисто физіологическаго объясненія душевныхъ фактовъ постоянно приходится имѣть въ виду чрезвычайную скудость нашихъ свѣдѣній о тѣхъ безконечно сложныхъ и тонкихъ процессахъ, которые совершаются въ нашемъ мозгу. Психологу поневолѣ приходится пускаться въ творчество и самому сочинять физіологическія схемы для объясненія всѣхъ операцій духа. Это отнимаетъ у изслѣдователей много времени и остроумія, а между тѣмъ результатъ довольно плохо вознаграждаетъ ихъ старанія : психическіе и физическіе факты слишкомъ разнородны между собою, и что бы мы ни придумывали для однихъ, это мало поясняетъ внутренній строй другихъ.

Между тѣмъ въ физіологической схематизаціи заключается и прямо опасная сторона для безпристрастнаго психологическаго изслѣдованія. Ничто такъ не толкаетъ къ одностороннему и даже прямо превратному освѣщенію душевныхъ фактовъ, какъ заранѣе составленное убѣжденіе въ томъ, что всѣ психическія явленія представляютъ лишь переводъ на языкъ нашего субъективнаго сознанія чисто физическихъ перемѣнъ въ нашей нервной системѣ. Ничто не побуждаетъ такъ могущественно къ совершенію поспѣшныхъ анализовъ и къ пренебреженію тѣми лишенными чувственной наглядности элементами сознанія, о значеніи которыхъ я уже говорилъ такъ много. Вѣдь при послѣдовательномъ проведеніи эпифеноменистическаго взгляда, мы съ самаго начала всякую психическую активность должны признать за простую иллюзію. Мы всѣ явленія сознанія должны будемъ разсматривать, какъ чисто пассивныя отраженія въ немъ разныхъ перемѣнъ внѣ его. При этихъ условіяхъ долженъ непремѣнно возникнуть соблазнъ растолковать всю душевную жизнь изъ того, что я назвалъ о б ъ е к т и в н ы м и или п е р и ф е р и ч е с к и м и данными сознанія, - т.е. изъ ощущеній и воспроизводящихъ ихъ представленій, - вѣдь тогда всякое душевное состояніе вообще есть только субъективное ощущеніе различныхъ нервныхъ измѣненій .

10) Главная задача психолога должна заключаться въ б е з п р и с т р а с т н о м ъ о п и с а н і и данныхъ душевной жизни. Какъ мы уже знаемъ, эта задача чрезвычайно трудна въ виду тонкости и сложности психическихъ фактовъ. Въ этомъ отличіе психологіи отъ другихъ наукъ, въ которыхъ описаніе прямо даннаго составляетъ только вводную и несущественную часть. Но, съ другой стороны, отличіе психологіи отъ другихъ наукъ заключается

и въ томъ, что въ ней всестороннее описаніе можетъ доставить гораздо больше, чѣмъ въ нихъ: оно раскроетъ внутреннюю причинность феноменовъ, поскольку, по крайней мѣрѣ, они зависятъ отъ активности нашего я. Наконецъ, въ виду того, что во внутреннемъ опытѣ предъ нами обнаруживается истинная и несомнѣнная дѣйствительность, такое описаніе должно открыть очень важныя перспективы для философскихъ заключеній общаго характера.

Противъ сдѣланныхъ здѣсь выводовъ можно ждать одного принципіальнаго возраженія. Если психическіе факты въ столь значительной и важной долѣ своей оказываются неуловимыми и неопредѣленными, если къ нимъ не примѣнимы самые обычные пріемы наблюденія и опытнаго изслѣдованія, если въ области чистаго самонаблюденія ничего нельзя измѣрить и вычислить и, стало быть, она недоступна для математическихъ формулъ, - какое же можетъ быть з н а н і е о психической жизни ? Способна ли вообще психологія быть наукою? Не осуждена ли она самымъ существомъ своихъ задачъ на то, чтобы оставаться вѣчнымъ хаосомъ противорѣчивыхъ мнѣній?

Мнѣ кажется, отвѣтъ на эти недоумѣнія простъ: тѣмъ не менѣе мы кое-что знаемъ о своемъ духовномъ мірѣ и даже знаемъ довольно много,- это фактъ. Вѣдь все наше практическое знаніе жизни и свѣта, въ наибольшей своей части, слагается изъ того, что мы знаемъ о себѣ и вѣрно догадываемся о другихъ. Житейскій опытъ, личный и общественный, любое художественное произведеніе литературы, всякое обдуманное знакомство съ историческимъ прошлымъ, всякая философская теорія, въ своихъ первыхъ посылкахъ неизбѣжно опирающаяся на какія-нибудь непосредственныя данныя разума и чувственнаго опыта,- все это и многое другое съ разныхъ сторонъ научаетъ насъ о томъ, что творится и содержится въ насъ самихъ. Если бъ относительно нашего собственнаго психическаго міра въ нашемъ умѣ ничего не было, кромѣ дикаго хаоса противорѣчивыхъ заблужденій, мы ничего не могли бы ни понять, ни совершить въ жизни. А разъ мы кое-что о себѣ знаемъ,-а въ будущемъ, вмѣстѣ съ умственнымъ и духовнымъ ростомъ человѣчества, можемъ надѣяться узнать и еще больше,- то мы несомнѣнно можемъ систематизировать свое знаніе, установивъ градацію и связь между болѣе и менѣе общимъ, и болѣе или менѣе достовѣрнымъ. И конечно мы это сдѣлаемъ тѣмъ лучше, чѣмъ менѣе будемъ подчиняться предвзятымъ взглядамъ на дѣло. Съ другой стороны, принципіальная оцѣнка главнаго источника и предмета психологическихъ споровъ можетъ значительно смягчить противорѣчивость и шаткость отдѣльныхъ психологическихъ обобщеній. Такое систематическое, по обдуманному и ясно сознанному методу построенное знаніе о нашей душѣ не имѣетъ ли всѣ логическія права быть названнымъ н а у к о ю ?

Однако совсѣмъ другой вопросъ, можетъ ли психологія стать наукою въ томъ точномъ, - употребляя выраженіе Дюбуа-Реймона,-астрономическомъ смыслѣ,

въ какомъ мы называемъ науками механику или физику? Дойдетъ ли когда-нибудь психолсгія до такого совершенства, что будетъ безошибочно предсказывать въ какой часъ и минуту въ данномъ человѣкѣ возникнетъ та или другая идея или будетъ имъ совершенъ тотъ или иной поступокъ,- подобно тому, какъ астрономъ предсказываетъ, когда должно быть затменіе луны или солнца? На это надежда въ самомъ дѣлѣ очень плохая. Но развѣ только для одной психологіи? Если ли хоть малѣйшая вѣроятность, чтобы такой астрономическій обликъ получили когда-нибудь исторія или соціологія? Достигнетъ ли его когда-нибудь біологія,- вѣдь теперь ей еще очень далеко до этого. Помимо всего другого, такой астрономическій обликъ не мыслимъ там гдѣ наше познаніе имѣетъ дѣло съ н е о г р а н и ч е н н о ю с л о ж н о с т ь ю д а н н ы х ъ . Въ этомъ смыслѣ нужно признать, что нѣкоторыя науки самымъ существомъ своихъ задачъ осуждены быть не точными и не астрономическими. Науки о духѣ относятся къ этой категоріи наукъ. Означаетъ ли это, что мы должны отъ нихъ отказаться?Вѣдь неточное и не могущее давать абсолютныхъ предсказаній знаніе не значитъ еще л о ж н о е знаніе.

Не надо забывать и важнаго преимущества въ наукахъ о духѣ. Въ психологической области мы не имѣемъ исчерпывающихъ и математически предопредѣляющихъ ходъ явленій формулъ, но зато намъ открыта внутренняя качественная сторона этихъ явленій: мы съ абсолютною достовѣрностью знаемъ,что значитъ думать, хотѣть или чувствовать. Въ наукахъ точныхъ наблюдается нѣчто обратное: въ нихъ формулы даны въ изобиліи, но зато онѣ только въ сущности и даны. Формулы дѣйствія электричества, напр.,установлены съ поражающей строгостью, но развѣ не загадка, что такое само электричество -развѣ тутъ все намъ ясно и теперь ? Формулы движенія тѣлъ даны. Но что такое тѣло, что такое вещество, что такое движеніе, что такое пространство? Вѣдь это все загадочныя, неизвѣстныя данныя, и когда для насъ настанетъ ихъ а б с о л ю т н о е пониманіе, да и настанетъ ли когда-нибудь ?

II.

О ПРЕДМЕТѢ ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ИЗУЧЕНІЯ.

1). Теперь, когда мы ознакомились съ основными методологическими требованіями въ психологіи, мы можемъ перейти къ ея предмету. Первая задача всякой науки состоитъ въ томъ, чтобы ясно выдѣлить предметъ своего изученія въ его основныхъ особенностяхъ отъ всѣхъ другихъ. Съ этого должна начинать и психологія, и дѣйствительно обыкновенно ее начинаютъ съ указанія различій психическихъ фактовъ(какъ объектовъ внутренняго опы-

та) отъ тѣсно связанныхъ съ ними, но весьма неоднородныхъ съ ними по качеству явленій и предметовъ физическихъ (какъ объектовъ внѣшняго опыта). Какія же это различія ? Мнѣ кажется, ихъ можно свести къ слѣдующимъ существеннымъ пунктамъ .

а). Психическіе факты непротяженны (по крайней мѣрѣ въ физическомъ значеніи этого понятія), тогда какъ всѣ предметы и явленія физической природы обладаютъ протяженностью. Это аксіома, которую признаютъ психологи, принадлежащіе къ самымъ разнообразнымъ направленіямъ. Каждое тѣло, какъ бы мало оно ни было, обладаетъ какою-нибудь длиною, какою-нибудь шириною, какою-нибудь глубиною; у него всегда есть какой-нибудь опредѣленный пространственный объемъ; оно всегда имѣетъ какую-нибудь опредѣленную форму (оно или кругло, или кубично, или представляетъ какую-нибудь другую многогранную фигуру; оно ограничивается или прямыми или кривыми поверхностями);его очертанія могутъ быть неопредѣленными, но они всегда будутъ даны. Его отношеніе къ другимъ тѣламъ опредѣляется его положеніемъ и разстояніемъ отъ нихъ въ пространствѣ. И что справедливо о всякомъ тѣлѣ, взятомъ въ его цѣломъ, то относится и къ его малѣйшимъ частямъ. Сколько бы мы его н дѣлили, мы всегда получимъ протяженныя части съ опредѣленнымъ объемомъ, величиной, формой и положеніемъ. А если протяженны сами тѣла, то протяженны и всѣ явленія, происходящія съ ними :физическія явленія состоятъ изъ движеній или всей массы данныхъ тѣлъ, или ихъ мельчайшихъ частицъ. А движеніе есть перемѣна мѣста въ пространствѣ въ опредѣленномъ направленіи. Такимъ образомъ можно сказать, что явленія физической природы сводятся къ пространственной перестановкѣ протяженныхъ величинъ.

Напротивъ, о явленіяхъ нашей психической жизни нельзя утверждать ничего подобнаго: они совершенно очевидно не имѣютъ никакихъ пространственныхъ свойствъ и опредѣленій.Наши мысли и чувства не имѣютъ ширины и длины, наши желанія и рѣшенія воли не круглы и не продолговаты и не имѣютъ никакой другой геометрической формы.Наша мысль о задачѣ психологіи, напримѣръ, не кругла и не квадратна и не треугольна и нѣтъ у нея никакой другой фигуры. Наши психическіе акты вообще, какъ они даны въ сознаніи, не состоятъ изъ физическихъ молекулъ, которыя двигались бы въ тѣхъ или иныхъ направленіяхъ, - все это мы абсолютно знаемъ изъ самонаблюденія. Объ этомъ прекрасно говоритъ Юмъ:"Что протяженно, то должно имѣть опредѣленную фигуру, напримѣръ, быть квадратнымъ, круглымъ, треугольнымъ. Но ни одинъ изъ этихъ признаковъ нельзя приписать, положимъ, какому-нибудь желанію, или вообще какимъ-бы то ни было впечатлѣніямъ и представленіямъ.(за исключеніемъ тѣхъ, которыя почерпаются изъ зрѣнія и осязанія).-Моральная оцѣнка не

можетъ помѣщаться направо или налѣво отъ страсти, и запахъ или звукъ не могутъ имѣть ни круглой, ни четыреугольной формы. Эти предметы и воспріятія такъ далеки отъ того, чтобы требовать себѣ опредѣленнаго мѣста, что они совсѣмъ не соединимы съ какими-нибудь мѣстными опредѣленіями. Даже воображеніе не можетъ приписать имъ что-либо подобное".

Итакъ, психическіе факты протяженностью не обладаютъ. Противъ этого возможно одно возраженіе : мы воспринимаемъ протяженность, какъ непосредственный предметъ сознанія и постоянно о ней мыслимъ, (мы ее видимъ, осязаемъ и постоянно воображаемъ), не значитъ ли это, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя психическія состоянія обладаютъ протяженностью? На это можно отвѣчать коротко: во всякомъ случаѣ это протяженность н е ф и з и ч е с к а я : и д е я п р о т я ж е н н о с т и и п р о т я ж е н н о с т ь э т о й и д е и - не одно и то же. Напримѣръ, въ нашемъ представленіи о безконечной вселенной несомнѣнно содержится признакъ безконечнаго протяженія; но, вѣроятно, даже самый упорный матеріалистъ не рѣшится утверждать, что само это представленіе, какъ субъективный продуктъ нашего мозга, имѣетъ безконечные размѣры и наполняетъ безконечное пространство. Итакъ, отъ п р е д с т а в л я е м о й протяженности въ нашихъ воспріятіяхъ и мысляхъ нельзя дѣлать заключенія къ ф и з и ч е с к о й протяженности этихъ воспріятій и мыслей. Спрашивать кругла или четыреугольна наша идея о пространствѣ нелѣпо никакъ не менѣе, чѣмъ задавать такой вопросъ о нашемъ желаніи или о голосѣ нашей совѣсти.

Въ самомъ дѣлѣ, - и это надо постоянно помнить, - мы никогда не воспринимаемъ и не представляемъ р е а л ь н о й , ф и з и ч е с к о й протяженности, какъ она есть въ вещахъ, - нашему сознанію доступенъ только и д е а л ь н ы й о б р а з ъ протяженности .(См. объ этомъ въ моихъ: "Положительныхъ задачахъ философіи", часть I, стр. 43-44). α) Мы не воспринимаемъ прямо реальной протяженности вещей, какъ онѣ существуютъ внѣ насъ (напримѣръ, видимое нами солнце есть очень небольшой яркій дискъ; дѣйствительное солнце есть невообразимо огромное небесное тѣло, во множество разъ превосходящее величиною всю землю. Очевидно, видимая протяженность солнца и его реальная протяженность не одно и то же). β) Мы не воспринимаемъ прямо и реальной протяженности тѣхъ процессовъ и явленій, которые совершаются въ нашемъ собственномъ организмѣ и въ частности въ нашей нервно-мозговой системѣ. Мы не имѣемъ никакого непосредственнаго знанія о тѣхъ движеніяхъ которыя происходятъ въ клѣткахъ нашего мозга, - не видимъ ни ихъ формъ, ни ихъ размѣровъ. Вообще о томъ, что происходитъ внутри нашего организма мы знаемъ хуже, чѣмъ о внѣшнемъ мірѣ. Какую же протяженность мы воспринимаемъ прямо ? Только протяженность видимыхъ нами цвѣтныхъ образовъ, протяженность ощущаемыхъ нами осязательныхъ качествъ (твердаго,

мягкаго, гладкаго, шероховатаго),неопредѣленную протяженность больныхъ частей нашего организма(напр., зуба, пальца и т.д.).Но вѣдь цвѣтъ, осязаемыя свойства, боль все это факты чисто психическіе - въ физической природѣ ихъ нѣтъ. Напримѣръ, видимаго мною краснаго пятна въ моемъ мозгу,Какъ физическомъ тѣлѣ въ природѣ, нигдѣ нѣтъ, - всѣ атомы мозга сами по себѣ безцвѣтны,- это пятно существуетъ только въ моемъ сознаніи, а слѣдовательно,только въ сознаніи дана и его протяженность. Красное пятно, въ этомъ своемъ психическомъ качествѣ к р а с н а г о , не занимаетъ въ моемъ мозгу никакого геометрическаго мѣста, въ мозгу въ соотвѣтствіи съ моимъ воспріятіемъ пятна даны только разнообразныя движенія разныхъ частицъ въ разныхъ клѣткахъ, весьма мало похожія на видимую мною форму пятна. Другой примѣръ:я, положимъ,очень живо вообразилъ себѣ сатира съ человѣческимъ туловищемъ, копытами и рогами. Образъ сатира будетъ имѣть совершенно опредѣленную протяженность для моего сознанія. Но значитъ ли это, что сатиръ со всѣми своими аттрибутами появится въ моемъ мозгу, составитъ его часть и займетъ въ немъ мѣсто, какъ нѣкоторое физическое тѣло?А вѣдь сюда вообще можно отнести всѣ созданія нашей фантазіи : Гамлета, Фауста, Чацкаго, Евгенія Онѣгина, Печорина - ф и з и ч е с к и нигдѣ не было, Хотя всѣ художественные образы имѣютъ какой-нибудь опредѣленный пространственный обликъ, однако ни Онѣгина, ни Печорина, ни Чацкаго не было даже въ мозгу ихъ творцовъ, въ смыслѣ физическихъ пространственныхъ образованій: для физіолога въ ихъ мозгу только совершались извѣстные физико-химическіе процессы въ соотвѣтствіи съ этими образами, - по своему виду и свойствамъ вовсе на нихъ непохожіе. Итакъ, ф и з и ч е с к о ю протяженностью психическіе факты не обладаютъ: въ нашихъ психическихъ состояніяхъ мы всегда воспринимаемъ только и д е а л ь н о е , а не р е а л ь н о е пространство.

b) К а ч е с т в е н н о е р а з н о о б р а з і е д у ш е в н ы х ъ я в л е н і й Душевныя явленія въ своей совокупности не представляютъ однороднаго цѣлаго, отдѣльныя формы котораго образовали бы лишь разныя сочетанія качественно однородныхъ элементовъ, подобно тому, какъ въ физической сферѣ всѣ явленія объясняются изъ сочетаній матеріальныхъ частицъ и ихъ движеній. Частицы вещества однородны по своимъ механическимъ и физическимъ свойствамъ. Различія въ процессахъ природы объясняются количественными различіями массъ и движеній. Послѣднія частицы матеріи - атомы, по господствующему представленію, признаются а б с о л ю т н о о д н о р о д н ы м и . Въ этомъ - существенное отличіе современнаго научнаго воззрѣнія отъ основного взгляда древнихъ атомистовъ Однако, и въ древнемъ атомизмѣ качественная однородность атомовъ не отвергалась совершенно. Различіе атомовъ было все-же количественнаго характера: объ-

ема и формы (различіе формы зависитъ отъ величины угловъ, линій, плоскостей). Такимъ образомъ, мы въ физической природѣ имѣемъ качественную однородность при огромномъ количественномъ разнообразіи явленій. Совсѣмъ иное наблюдаемъ мы въ психической сферѣ. Каждое явленіе души обладаетъ своимъ особымъ, индивидуальнымъ качествомъ, которое составляетъ его принадлежность, отдѣляющую его отъ всѣхъ другихъ психическихъ состояній. Ощущеній звука нельзя выразить въ терминахъ ощущеній свѣта и ощущеній зрѣнія нельзя перевести на языкъ обонянія. Какъ мы не объяснимъ слѣпорожденному, что такое свѣтъ, такъ мы не сумѣемъ растолковать человѣку, лишенному способности различать цвѣта, чѣмъ желтое отличается отъ краснаго. Точно также ощущенія специфически отличаются отъ представленій, идеи отъ актовъ воли, чувства отъ мыслей; въ свою очередь, каждое чувство въ своей особой субъективной окраскѣ имѣетъ индивидуальную физіономію, которая отдѣляетъ его отъ всѣхъ другихъ чувствъ. Мы можемъ эмпирически прослѣдить послѣдовательное возникновеніе въ насъ различныхъ психическихъ продуктовъ, но мы не въ состояніи геометрически построить этой послѣдовательности изъ какихъ-нибудь однородныхъ простыхъ единицъ. Такихъ единицъ нѣтъ въ жизни сознанія, и поэтому всѣ усилія отыскать ихъ были и будутъ неудачны.

с) Творческій характеръ психической причинности. Это свойство вытекаетъ изъ предшествующаго. Въ общемъ можно сказать, что причинная связь явленій дѣйствительности подразумѣваетъ отношенія двоякаго рода: "во-первыхъ, явленіе послѣдующее можетъ слагаться изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и явленіе предшествующее, и отличаться отъ него только нѣкоторымъ перераспредѣленіемъ ихъ, необходимость котораго, однако, была уже сполна заложена въ предшествующихъ отношеніяхъ между этими элементами. Такъ бываетъ, напримѣръ, когда въ матеріальной средѣ одна форма движенія съ математическою неизбѣжностью смѣняетъ собою другую". Билліардный шаръ натолкнулся на другой, и они уже катятся оба. Вещество ихъ осталось прежнее, а направленіе и скорость движеній съ механической необходимостью вытекаютъ изъ первоначальнаго движенія перваго шара, изъ свойствъ даннаго имъ толчка и т.д. Въ физической природѣ всѣ процессы подводятся подъ этотъ типъ, - по крайней мѣрѣ, ихъ всегда стараются подъ него подвести. Такое отношеніе явленій есть механическая причинность. "Во-вторыхъ, послѣдующее состояніе можетъ и не быть логически неизбѣжнымъ продолженіемъ состоянія предшествующаго, но выражать нѣкоторое новое, качественно различное отъ прежнихъ, раскрытіе потенцій внутренней силы, лежащей въ основѣ данной чреды явленій". Такая причинность есть творческая. Само собою очевидно, къ какому изъ этихъ двухъ типовъ причинной связи должна принадлежать послѣдователь-

ность психическихъ феноменовъ: вопросъ рѣшается тѣмъ фактомъ, что каждое психическое явленіе имѣетъ свою качественную индивидуальность и въ этомъ отношеніи всегда представляетъ нѣчто **новое**, сравнительно съ тѣмъ, что было въ душѣ раньше. Съ этой точки зрѣнія, душевная жизнь есть непрерывный рядъ новыхъ пріобрѣтеній. Когда она просыпается впервые, сознаніе начинаетъ наполняться ощущеніями, которыя раньше не существовали, потому что не было самой душевной жизни, часть которой они составляютъ. Новорожденный ребенокъ впервые раскрылъ глаза и получилъ различныя зрительныя впечатлѣнія. Раньше этого момента ничего подобнаго этимъ ощущеніямъ въ немъ не было. Откуда они взялись? Ихъ не было ни въ ребенкѣ, ни во внѣшней природѣ. Правда, аналогичныя ощущенія существовали у другихъ людей, но сознаніе одного человѣка недоступно для другого. Поэтому въ сознаніи ребенка появленіе зрительнаго ощущенія есть абсолютный **новый фактъ**. А между тѣмъ посмотримъ, что происходитъ, въ соотвѣтствіи съ этимъ фактомъ, въ физическомъ организмѣ ребенка. Тутъ мы имѣемъ уже послѣдовательность явленій другого типа. То возбужденіе нервовъ и мозговыхъ центровъ, которое физически вызываетъ ощущенія, можно съ полнымъ правомъ разсматривать, какъ продолженіе движеній внѣшней среды, преобразованное внутри организма, соотвѣтственно особому строенію этого послѣдняго; а это внутреннее строеніе организма ребенка само есть результатъ предшествующихъ процессовъ, сводящихся къ движенію. Такимъ образомъ, говоря кратко, это преобразованіе есть математически неизбѣжное продолженіе прежнихъ движеній по законамъ механики. Мы имѣемъ два параллельныхъ факта: одинъ чисто творческаго порядка и характера, другой - чисто механическаго, тѣсно связанные между собой, но совсѣмъ различно возникающіе и различно проявляющіеся.

Ощущенія, умножаясь, вызываютъ въ душѣ другіе, болѣе сложные процессы и постепенно, рядомъ съ міромъ чувственныхъ ощущеній и элементарныхъ эмоцій, вырастаетъ **новый, качественно различный** отъ него міръ высшихъ чувствъ, абстрактныхъ понятій, рѣшеній сознательной воли. Подъ творческимъ характеромъ психической причинности я только и разумѣю это постоянно свойственное душевной жизни стремленіе порождать **качественно новыя явленія**. Именно эту особенность психической области имѣетъ въ виду Вундтъ, когда говоритъ о "творческомъ синтезѣ".

d) **Направляющее воздѣйствіе субъективной оцѣнки на теченіе психическихъ процессовъ**. Въ противоположность безразличной инерціи физическихъ тѣлъ которыя одинаково стремятся пребывать во всякомъ разъ возникшемъ состояніи движенія или покоя, въ духовной сферѣ каждое состояніе вызываетъ или положительное или отрицательное отношеніе нашей психической индивидуаль-

ности, стремленіе его или удержать и усилить, или удалить и ослабить. Этотъ общій фактъ нашего избирающаго вліянія на ходъ душевныхъ событій одинаково наблюдается на всѣхъ ступеняхъ душевной жизни, начиная отъ побужденій, исходящихъ изъ чувственныхъ удовольствій и страданій, и кончая сложнѣйшими эмоціями и высшими проявленіями воли въ теоретическихъ и практическихъ дѣйствіяхъ. Извѣстная оцѣнка присутствуетъ на самыхъ элементарныхъ ступеняхъ душевной жизни: тональная окраска составляетъ принадлежность всѣхъ ощущеній(всякое ощущеніе имѣетъ три стороны : качество, силу и тонъ ,т.е.ихъ пріятность или непріятность для насъ)и если мы начнемъ сравнивать ощущенія, мы всегда услѣдимъ, что ни одно изъ нихъ для насъ не бываетъ совсѣмъ безразличнымъ, въ смыслѣ пріятности или непріятности,тонъ Оцѣнка сказывается тѣмъ рѣзче и разнообразнѣе, чѣмъ больше проявляется активность сознанія. Поэтому, можно сказать, что оцѣнка движетъ всѣми нашими актами, и внѣшними, и чисто внутренними, хотя ее могутъ диктовать самые разнообразные принципы: наши предпочтенія могутъ опредѣляться эгоистическимъ интересомъ, и внушеніями нравственнаго или эстетическаго чувства, и стремленіемъ къ достовѣрному знанію.

е) Сейчасъ разсмотрѣнное свойство душевныхъ процессовъ ведетъ за собою ихъ дальнѣйшій признакъ: т е л е о л о г и ч н о с т ь и л и ц ѣ л е с о о б р а з н о с т ь п с и х и ч е с к и х ъ а к т о в ъ . Всякая душевная дѣятельность опредѣляется какимъ-нибудь интересомъ, - это значитъ, всякая душевная дѣятельность руководствуется какою-нибудь ц ѣ л ь ю и неизбѣжно содержитъ ее въ себѣ. Чувственное наслажденіе и страданіе влекутъ къ дѣйствіямъ, задача которыхъ- въ животномъ самосохраненіи и самоудовлетвореніи данной индивидуальности. Различными эмоціями нравственнаго порядка направляется наше отношеніе къ себѣ и другимъ, порождая себялюбіе и благожелательность,душевную чистоту и порочность. Различіемъ истиннаго и ложнаго, логически сообразнаго и нелѣпаго- опредѣляется нашъ выборъ между идеями и сочетаніе ихъ въ сужденія и умозаключенія и т.д. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ преслѣдуется извѣстная цѣль, въ чемъ бы она въ частности ни полагалась : въ физическомъ благоденствіи, въ торжествѣ личныхъ страстей, въ общемъ благѣ, въ теоретической истинѣ или въ высшей нравственной правдѣ. Цѣли могутъ сознаваться ясно или смутно, вполнѣ понимаются или неопредѣленно чувствоваться; однако, и человѣкъ, и животное, когда они о чемъ-нибудь стараются и за что-нибудь борются, такъ или иначе представляютъ себѣ, чего они хотятъ.

Изъ сейчасъ указанныхъ различій ясно, что психическій ходъ явленій и ходъ физическій направляются различными законами. По крайней мѣрѣ 4 послѣдніе признака показываютъ именно то, чѣмъ психическая причинность противопоставляется причинности природной или физической. Въ самомъ дѣлѣ,

этихъ признаковъ въ природной причинности нѣтъ, за то въ ней наблюдаются свойства прямо противоположныя. Вмѣсто качественнаго разнообразія, мы въ ней имѣемъ качественную однородность явленій: явленія физической природы представляютъ собою движенія по существу однородныхъ атомовъ. Вмѣсто причинности творческой, въ послѣдовательности явленій природы мы находимъ причинность механическую, - по крайней мѣрѣ, въ сведеніи къ ней причинныхъ отношеній заключается всѣми признанный идеалъ физической науки. Вмѣсто направляющихъ воздѣйствій интереса и оцѣнки, въ физической природѣ мы имѣемъ неограниченное господство закона инерціи. Наконецъ, вмѣсто подчиненія цѣлямъ, механическіе процессы природы не знаютъ никакихъ цѣлей. Въ самомъ дѣлѣ, говорить о цѣляхъ въ механическомъ процессѣ, взятомъ самомъ по себѣ, явно не имѣетъ никакого смысла. Если мы утверждаемъ существованіе нѣкоторыхъ окончательныхъ цѣлей для механическихъ дѣйствій природы, мы неизбѣжно предполагаемъ нѣчто высшее природы; мы начинаемъ ссылаться на Божественный разумъ, на душу міра, на воплощающуюся въ природѣ идею, т.е. вносимъ психологическій моментъ въ первоначальный источникъ міровой жизни.

И, наоборотъ, то, что въ частности составляетъ положительное содержаніе физической причинности, въ причинности психической, очевидно, отсутствуетъ. Вундтъ вѣрно указалъ на важную особенность природной причинности, - на возможность выражать ее въ уравненіяхъ, которыя онъ такъ и называетъ причинными уравненіями (Causalgleichung). Въ этихъ уравненіяхъ мы имѣемъ дѣло съ понятіями массы, скорости, силы, разстоянія и т.п. Но онъ же показываетъ, что такихъ уравненій въ психологической сферѣ построить невозможно, а понятія массы, скорости, разстоянія явно не имѣютъ примѣненія къ психическимъ фактамъ.

Рядомъ съ перечисленными пунктами различія между психическими и физическими явленіями обыкновенно указывается еще одинъ имѣющій огромное принципіальное значеніе (Вундтъ, напримѣръ, ставитъ его на самое первое мѣсто, называя принципомъ актуальности). Отъ оцѣнки этого пункта зависитъ тотъ взглядъ, который мы усвоимъ на положительную природу душевныхъ процессовъ. Поэтому намъ придется болѣе подробно остановиться на этомъ пунктѣ.

2) Выше уже было сказано о стремленіи современныхъ психологовъ создать психологію безъ души: среди нихъ пользуется огромнымъ распространеніемъ мнѣніе, что предметъ психологіи только явленія души, а никакъ не сама душа въ смыслѣ того существа или той внутрен-

ней силы, которая реализуетъ себя въ этихъ явленіяхъ. Какъ сейчасъ увидимъ, такое ограниченіе задачъ психологическаго изслѣдованія находится въ самой тѣсной зависимости отъ признанія того пункта различія между психической и физической сферой, къ обсужденію котораго мы теперь переходимъ. Въ виду этого онъ требуетъ всесторонней критической оцѣнки: отъ нея зависитъ тотъ взглядъ, который мы усвоимъ на положительную природу душевныхъ процессовъ. Между тѣмъ прежде чѣмъ мы перейдемъ къ изученію отдѣльныхъ психическихъ процессовъ въ ихъ частныхъ особенностяхъ, очевидно, надо сначала самому себѣ опредѣленно отвѣтить на вопросъ: что такое всякій психическій процессъ вообще? Иначе всѣ наши объясненія будутъ страдать сбивчивостью и туманностью. Въ нашемъ внутреннемъ мірѣ съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло, - только ли съ отраженіями и тѣнями чего-то, что однако всегда находится внѣ ихъ и никогда само въ нихъ не переходитъ, или съ чѣмъ нибудь большимъ ? Какъ мы могли убѣдиться, въ явленіяхъ сознанія мы воспринимаемъ ихъ п о д л и н н ы я свойства, ихъ н а с т о я щ у ю дѣйствительность. Какая же это дѣйствительность, - только ли дѣйствительность абсолютно мимолетныхъ призраковъ, тотчасъ же исчезающихъ, едва они возникли, - или дѣйствительность болѣе живая и полная, болѣе отвѣчающая нашимъ обычнымъ требованіямъ отъ всякой дѣйствительности вообще? Никто не станетъ отрицать великой важности этихъ вопросовъ.

Предполагаемое различіе между физическими явленіями съ одной стороны и психическими съ другой, о которомъ я теперь говорю, можно изложить слѣдующимъ образомъ: причинная связь физическихъ явленій представляется намъ отмѣченной болѣе с у б с т а н ц і а л ь н ы м ъ характеромъ, нежели причинность явленій духа. О какомъ бы физическомъ процессѣ ни поднялся вопросъ, мы всегда стараемся разложить этотъ процессъ на опредѣленныя движенія вещества. Иначе сказать, для всѣхъ измѣненій и событій въ природѣ мы предполагаемъ, какъ что-то неизбѣжное, нѣкоторый опредѣленный субстратъ этихъ измѣненій и событій. И въ такомъ субстратѣ мы не видимъ чего-нибудь отдаленнаго отъ явленій, возвышающагося надъ ними, пребывающаго въ таинственной умопостигаемой сферѣ, - совсѣмъ напротивъ, мы вполнѣ увѣрены въ непремѣнномъ присутствіи вещества въ каждомъ явленіи физическаго міра. Мы знаемъ, что не можетъ быть движенія, если не дано движущагося тѣла, и мы знаемъ также, что тѣло не находится гдѣ нибудь внѣ своего движенія, но что движеніе его лишь настолько и существуетъ, насколько оно с а м о движется. Коротко говоря, въ нашихъ глазахъ всѣ процессы образуются частицами вещества, поскольку онѣ движутся въ разныхъ направленіяхъ съ разнообразною скоростью. Мы безусловно убѣждены въ с о о т н о с и т е л ь н о с т и вещества и его состояній, т.е. мы непоколебимо знаемъ, что не можетъ быть матеріальныхъ состояній, ес-

ли ихъ не переживаетъ никакое вещество, и не можетъ быть вещества, которое не находилось бы въ какомъ -нибудь опредѣленномъ состояніи движенія или покоя. Между тѣмъ, вещество съ полнымъ правомъ должно быть названо с у б с т а н ц і е й матеріальной дѣйствительности: оно- основа и носитель всѣхъ процессовъ вселенной, оно всегда равно себѣ, не возрастая и не уменьшаясь въ количествѣ, - чрезъ многообразное движеніе своихъ частицъ оно всегда сохраняетъ свою неизмѣнную природу. Единицы этого субстанціальнаго бытія суть атомы, съ ихъ недѣлимостью, съ ихъ разъ навсегда данными свойствами, никогда не исчезающіе и не возникающіе. Итакъ, для физической области неизбѣжная с о о т н о с и т е л ь н о с т ь я в л е н і й и с у б с т а н ц і й есть аксіома, признанная всѣми.

Совсѣмъ иначе судятъ обыкновенно о жизни духа: здѣсь общераспространенный взглядъ склоняется въ другую сторону. По весьма популярному теперь мнѣнію, факты душевной жизни суть ч и с т ы я я в л е н і я или ч и с т ы я с о с т о я н і я и с о б ы т і я, въ которыхъ ничто субстанціальное не присутствуетъ и не выражается. Душевныя явленія не имѣютъ никакого носителя, они не привязаны ни къ какому субстрату, - въ этомъ ихъ основная и наиболѣе рѣзкая особенность. Наша душа есть только м н о ж е с т в е н н о с т ь п с и х и ч е с к и х ъ я в л е н і й, связанныхъ между собою; это совокупность перемѣнъ, въ которыхъ однако совершенно отсутствуетъ то, что п о д л е ж и т ъ перемѣнамъ. Другими словами, никакой души, какъ существа, какъ субъекта душевныхъ состояній, нѣтъ вовсе; въ дѣйствительности въ насъ дана лишь послѣдовательная смѣна чистыхъ психическихъ событій. Чрезвычайно законченное выраженіе этого взгляда мы находимъ у Вундта и у Паульсена.[x)]

И вотъ возникаетъ вопросъ огромной важности: правы -ли мы въ такомъ двойственномъ приговорѣ? Истина о соотносительности явленій и субстанцій т.е. о томъ, что гдѣ дано явленіе, тамъ тѣмъ самымъ дано то, что его переживаетъ (субстратъ, субъектъ, субстанція) прилагается ли только къ физической природѣ, или она должна имѣть силу вездѣ, гдѣ вообще можно говорить о какихъ бы то ни было явленіяхъ ? Вѣдь, казалось бы, самое понятіе о явленіи всѣмъ своимъ содержаніемъ указываетъ на неизбѣжность признать всеобщій характеръ этой истины. Что значитъ явленіе, въ которомъ н и ч т о и н и ч е м у не я в л я е т с я ? Что понимать подъ с о с т о я н і е м ъ, которое не переживается никѣмъ и ничѣмъ ? Какъ мыслить с о б ы т і я, которыя ни съ кѣмъ не случились и однако обладаютъ несомнѣнною реальностью ? По крайней мѣрѣ, нужно настолько считать дѣло яс-

x) *Паульсенъ. "Введеніе въ философію". Изданіе Московск. Псих. Общ.*

нимъ, чтобы согласиться, что слова: явленіе, состояніе, событіе -здѣсь совершенно не годятся. Абсолютное явленіе не есть уже явленіе, а что-то другое; и то же самое слѣдуетъ сказать объ абсолютномъ состояніи, абсолютномъ событіи и всякомъ другомъ явно о т н о с и т е л ь н о м ъ опредѣленіи, возведенномъ въ а б с о л ю т н о е достоинство. Невольно возникаетъ недоумѣніе: зачѣмъ употреблять слова, которыя завѣдомо потеряли свой смыслъ? Допустимъ, что сейчасъ изложенный взглядъ на душу вѣренъ, и что душевная жизнь представляетъ изъ себя простую совокупность многихъ фактовъ, которые мы обозначаемъ словами: мысль, ощущеніе, желаніе и т.д. Вѣдь тогда выйдетъ, что психическая жизнь всецѣло слагается изъ этихъ фактовъ, какъ своихъ единственныхъ элементовъ, и, кромѣ нихъ, ничего не содержитъ. И разъ мы приписываемъ ей какую- то свою особую, самостоятельную дѣйствительность, отличную отъ механическихъ процессовъ природы, мы должны прежде всего приписать такую дѣйствительность ея элементамъ, по отношенію къ которымъ она есть только сумма. А тогда сейчасъ же окажется, что эти элементы мы никоимъ образомъ не можемъ называть явленіями, а всего скорѣе должны ихъ обозначить какъ с у б с т а н ц і а л ь н ы я е д и н и ц ы душевной жизни или ея единственный с у б с т р а т ъ : они составляютъ единственный матеріалъ, изъ котораго она непрерывно строится, единственную основу, на которой многообразно развиваются и развѣтвляются ея формы. Въ самомъ дѣлѣ, при разсматриваемомъ взглядѣ на психическое существованіе, отношеніе психическихъ фактовъ въ душевной жизни въ ея цѣломъ является вполнѣ аналогичнымъ отношенію между матеріальными атомами и тѣлами, которыя образуются чрезъ ихъ соединеніе: и тамъ и здѣсь бытіе цѣлаго представляетъ простой результатъ суммированія слагающихъ его факторовъ.

И тѣмъ не менѣе, я думаю, никто изъ психологовъ не согласится назвать непосредственно переживаемыя состоянія нашего сознанія реальными с у щ е с т в а м и , с у б с т а н ц і я м и, независимыми с у б ъ е к т а м и . [x] Почему это такъ ? Отвѣтъ, мнѣ кажется, ясенъ: по всѣмъ ихъ признакамъ субстанціальная роль совершенно не пристала къ нимъ. Ей, во-первыхъ , противорѣчитъ то, что можно назвать м г н о в е н н о с т ь ю психическихъ фактовъ: всякое состояніе души, едва достигнувъ сознанія, не медленно смѣняется другимъ, которое можетъ быть сходно съ предшествующимъ, но не есть съ нимъ одно и то же. Такъ, мысль, впервые промелькнувшая въ нашемъ умѣ, и та же самая мысль, но уже успѣвшая привлечь къ себѣ наше вниманіе, суть два различныя психическія состоянія, не только по-

x) *Впрочемъ, родоначальникъ чистаго феноменизма Давидъ Юмъ прямо называетъ психическія состоянія с у б с т а н ц і я м и , хотя при*

попадающія въ разные моменты времени, но и отличающіяся по своимъ внутреннимъ качествамъ и по своему значенію для нашей личности. Зубная боль, которую я испытываю сейчасъ, не есть та боль, которую я чувствовалъ нѣсколько минутъ назадъ; эту прошлую зубную боль я могу вспомнить, но уже не могу ея ощущать; и наоборотъ, если бы причины, вызывающія болѣзненныя ощущенія въ моемъ зубѣ въ настоящую минуту, мгновеніе назадъ исчезли, я теперь бы уже ничего не чувствовалъ, но моя прошлая боль отъ того не стала бы не бывшею. И то же самое можно повторить относительно всѣхъ другихъ явленій душевной жизни: они представляютъ потокъ неудержимой смѣны : однажды возникнувъ, они тотчасъ же замѣщаются другими, исчезая въ своемъ прежнемъ видѣ, - и вполнѣ ясно, что называть такія мимолетныя образованія существами, самостоятельными субъектами, а тѣмъ болѣе субстанціями было бы недозволительнымъ злоупотребленіемъ словъ.

Во-вторыхъ, не меньшимъ препятствіемъ для признанія изначально самостоятельной реальности отдѣльныхъ психическихъ фактовъ является неизбѣжная о т н о с и т е л ь н о с т ь всѣхъ состояній души. Нѣтъ ощущенія, которое не было бы въ отношеніи къ другому ощущенію, потому что оно всегда обусловлено отношеніемъ къ тому, что бываетъ раньше или одновременно съ нимъ: не будь этого, оно само было бы другимъ. Одинаково соотносительными между собою оказываются и цѣлыя группы психическихъ фактовъ: напримѣръ, нѣтъ познанія безъ чувства, какъ нѣтъ чувства безъ познанія, или познанія безъ воли. Это безспорная истина психологіи.

Ощущенія, представленія, мысли, чувства, желанія никогда не встрѣчаются въ реальной отдѣльности и независимости, подобно физическому атому, который можетъ выдѣлиться изъ любого сочетанія, въ которое онъ вошелъ, и существовать внѣ его, сохраняя, однако, всѣ свои свойства; психическія состоянія, напротивъ, всегда входятъ неотторжимыми звеньями въ ту общую совокупность внутреннихъ фактовъ, которую мы называемъ душевною жизнью. И эта жизнь не возникаетъ, какъ механическое сложеніе, изъ заранѣе готовыхъ элементовъ, - въ ней цѣлое существуетъ прежде частей. Говоря словами Паульсена, "отдѣльные элементы какъ бы производятся или съ внутреннею необходимостью поставляются цѣлымъ, какъ принадлежащіе къ нему моменты, необходимые ему для выраженія его самого".

Въ виду этихъ психологическихъ данныхъ, сторонникамъ обсуждаемаго нами ч и с т о - ф е н о м е н и с т и ч е с к а г о взгляда на душевную жизнь приходится значительно измѣнять первоначальную точку зрѣнія. Они объявляютъ, что подлинное бытіе души состоитъ въ е д и н с т в ѣ ея жизни, во внутренней с в я з и ея явленій. И они не замѣчаютъ, какъ

этомъ даетъ понятію с у б с т а н ц і я весьма своеобразное толкование.(A treatise on human nature . 1874 vol. I, pp.518,527).

дурно вяжется этотъ выводъ съ ихъ основнымъ предположеніемъ о томъ, что душевная жизнь есть лишь сумма абсолютныхъ психическихъ событій. Они не хотятъ видѣть , что при этомъ предположеніи реальное е д и н с т в о и с в я з ь явленій не суть что нибудь по себѣ понятное, но представляютъ чрезвычайно трудную проблему, - трудную до неразрѣшимости. Вѣдь событіе существуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока оно совершается: кончилось событіе, кончилось и то, что составляло его реальность, какъ событія , - это самоочевидныя, тавтологическія истины. Но если это такъ и если, съ другой стороны, психическая жизнь слагается изъ чистыхъ, а а б с о л ю т н ы х ъ событій - что можетъ связывать эти событія между собою, что стоитъ между ними, скрѣпляя ихъ не въ воображаемое только или отвлеченно-мыслимое, но въ р е а л ь н о е е д и н с т в о ? Поясню мою мысль слѣдующимъ примѣромъ : положимъ, мы имѣемъ тѣло, которое движется по прямой линіи вслѣдствіе полученнаго толчка. Каждое нахожденіе тѣла въ любой точкѣ на данной линіи можно разсматривать какъ извѣстное событіе съ нимъ. И эти событія тѣсно между собою связаны: нахожденіе тѣла въ точкѣ c въ данный моментъ есть необходимый результатъ его нахожденія въ точкѣ b въ моментъ предшествующій и въ точкѣ a въ моментъ еще болѣе ранній. Что же ихъ связываетъ ? Слишкомъ ясно, что связь между этими событіями устанавливается исключительно тѣмъ, что тѣло оказывается даннымъ во все продолженіе движенія. Когда тѣло достигло точки b , его нахожденіе въ точкѣ a абсолютно исчезло(его въ точкѣ a абсолютно н ѣ т ъ, разъ оно оттуда вышло), но не исчезло тѣло, которое прошло черезъ a, - оно осталось со всѣми своими свойствами и прежде всего со свойствомъ и н е р ц і и , которое въ данномъ случаѣ выражается въ стремленіи продолжать пріобрѣтенное движеніе по прямой линіи съ опредѣленною скоростью. Но вообразимъ себѣ, что это тѣло, въ моментъ своего нахожденія въ b , какимъ - то чудодѣйственнымъ актомъ было совсѣмъ уничтожено, -тогда, очевидно, за нахожденіемъ тѣла въ b не послѣдуетъ никакихъ дальнѣйшихъ событій, - мы не найдемъ его ни въ c, ни въ d и ни въ какихъ другихъ точкахъ. И ясно, почему такъ будетъ: все, что содержалось и присутствовало въ событіи нахожденія тѣла въ извѣстной точкѣ, безусловно окончилось вмѣстѣ съ этимъ событіемъ .

Но явленія души, будучи ч и с т ы м и , а б с о л ю т н ы м и событіями, не оказываются ли всегда именно въ этомъ положеніи ? Разъ они событія ч и с т ы я , послѣ нихъ, очевидно, ничего не должно оставаться, какъ скоро они исчезаютъ въ своемъ качествѣ событій. Психическая жизнь тогда должна представлять рядъ моментовъ, каждый изъ которыхъ обращается въ совершенное ничто, когда наступаетъ другой, - и этотъ другой, въ очередь, имѣетъ ровно настолько дѣйствительности, насколько

онъ самъ длится. Иначе сказать, каждый изъ нихъ будетъ тогда являть нѣчто вполнѣ завершенное въ себѣ и особенное отъ того, что не есть онъ самъ. Съ этой точки зрѣнія, - какимъ образомъ возможна жизнь духа, какъ единое, связное цѣлое ? Какъ одни состоянія души могутъ порождать другія ? И какъ мыслимъ р е а л ь н ы й с и н т е з ъ явленій сознанія т.е. ихъ усвоеніе въ одномъ усмотрѣніи ? Вѣдь при такомъ взглядѣ всякіе акты синтеза окажутся тоже лишь отдѣльными явленіями, столь же обособленными въ себѣ, какъ и всѣ другія, и стало - быть, н и ч е г о н е с и н т е з и р у ю щ и м и . Продолжимъ немного сейчасъ сдѣланное сравненіе: положимъ, что вмѣсто движенія одного тѣла по данной прямой, мы имѣемъ рядъ чудесныхъ проявленій всемогущаго творчества, посредствомъ которыхъ на всемъ протяженіи данной линіи послѣдовательно создаются все новыя тѣла, причемъ каждое изъ нихъ, едва возникнувъ, такимъ же дѣйствіемъ всемогущества тотчасъ уничтожаѣтся, чтобы быть замѣненнымъ другимъ, столь же кратковременно существующимъ тѣломъ, непосредственно рядомъ съ нимъ. Для постороннаго наблюдателя такая смѣна все новыхъ, немедленно исчезающихъ, моментальныхъ созданій могла бы представить картину движенія одного тѣла.(Подобную вещь мы имѣемъ въ кинематографѣ, гдѣ рядъ смѣняющихъ быстро другъ друга картинъ, производятъ впечатлѣніе чего- то одного, находящагося въ движеніи).Но въ дѣйствительности тутъ не было бы ни движенія, ни движущагося тѣла и въ послѣдовательномъ чудесномъ наполненіи точекъ предполагаемой прямой не существовало бы никакой внутренней реальной связи. Такъ и душевная жизнь для строго проведеннаго феноменистическаго взгляда, - хотя онъ и кажется иногда правдоподобнымъ и простымъ, - должна разлетѣться на безчисленные клочки, одинаково призрачные, ничтожные и неуловимые.

Паульсенъ говоритъ:"Это фактъ, что явленія внутренней жизни выступаютъ не изолированно, и что каждое такое явленіе переживается съ сознаніемъ принадлежности его къ единому цѣлому данной индивидуальной жизни.Но какъ можетъ происходить нѣчто такое, этого я не умѣю сказать, такъ же, какъ не умѣю сказать и того, какъ вообще возможно сознаніе". Это заявленіе, хотя выраженное въ болѣе сдержанной мягкой формѣ, чрезвычайно напоминаетъ очень извѣстное признаніе Дж.-Ст.Милля. Въ своей же "Критикѣ философіи В. Гамильтона",онъ откровенно объявилъ, что защищаемая имъ самимъ психологическая теорія, которая разсматривала душевную жизнь- какъ простую серію психическихъ состояній, совершенно не въ силахъ объяснить наше сознаніе единства этой жизни. Въ одномъ мѣстѣ Милль сравниваетъ нашъ духъ съ нитью, на которую нанизано жемчужное ожерелье. Онъ говоритъ:"Если вы выдерните нитку изъ вашего жемчужнаго ожерелья, что останется?Отдѣльныя жемчужины, а ужъ никакъ не ожерелье". Въ самомъ дѣлѣ, Паульсенъ имѣлъ полное основаніе высказаться гораздо рѣшительнѣе:фактъ единства

психическаго существованія не только не вытекаетъ изъ предпосылокъ феноменистической теоріи и, слѣдовательно, не можетъ быть растолкованъ изъ нихъ - о н ъ и м ъ б е з у с л о в н о п р о т и в о р ѣ ч и т ъ; между тѣмъ что же останется отъ душевной жизни, если откинуть ея внутреннюю связность и единство ? Еслибъ Паульсенъ болѣе строго оцѣнилъ совершенную непригодность своей точки зрѣнія предъ лицомъ самаго основного факта въ бытіи сознанія, онъ, быть можетъ, снисходительнѣе отнесся бы къ гипотезѣ душевной субстанціи, которую онъ такъ безпощадно высмѣиваетъ. Вѣдь если какя нибудь совсѣмъ безспорная вещь (въ данномъ случаѣ - наша собственная психическая жизнь) является непонятною и невозможною безъ извѣстнаго предположенія, - выходъ остается одинъ: с д ѣ л а т ь э т о п р е д п о л о ж е н і е . Допустимъ даже, что предположеніе душевной субстанціи не въ состояніи дать никакихъ положительныхъ объясненій конкретному содержанію нашего внутренняго опыта и господствующихъ въ немъ законовъ; огромная заслуга этого прдположенія - уже въ томъ, что оно позволяетъ мыслить, безъ вопіющихъ логическихъ противорѣчій, самое с у щ е с т в о в а н і е сознанія.

Итакъ, феноменистическая теорія, обращающая душевную жизнь въ простую совокупность безсубстратныхъ явленій, въ окончательномъ результатѣ должна давать такое изображеніе нашего внутренняго міра, всѣ подробности котораго противорѣчатъ сами себѣ и не уживаются другъ съ другомъ. Жизнь духа оказывается какимъ - то чудовищнымъ хаосомъ абсолютно неуловимыхъ и безсвязныхъ призраковъ, къ которымъ никакія логическія категоріи и точки зрѣнія, очевидно, не примѣнимы, и которые явно не отвѣчаютъ тому, что дѣйствительно совершется въ душѣ. Здѣсь слѣдуетъ снова повторить: Органическая цѣлостность и всеохватывающая взаимная зависимость суть основныя черты душевныхъ процессовъ, съ которыми вынуждены считаться психологи всѣхъ направленій. Въ психической жизни нѣтъ независимыхъ слагаемыхъ, входящихъ въ случайные для нихъ аггрегаты подобно камнямъ, которые которые случайно попадаютъ въ разныя кучи; въ ней отдѣльные моменты развитія оказываются во всемъ своемъ содержаніи и составѣ вполнѣ обусловленными внутреннимъ единствомъ и содержаніемъ цѣлаго. Въ этомъ азбучная истина психологіи: каждое душевное явленіе развивается на фонѣ другихъ и въ связи съ ними, и если его вырвать изъ этой связи и поставить одиноко, отъ него ничего бы не осталось; изъ этого правила нѣтъ исключеній. Итакъ, психическая жизнь не слагается изъ элементовъ разрозненныхъ и замкнутыхъ въ себѣ. Она не состоитъ и изъ такихъ элементовъ, которые обладала бы дѣйствительной мгновенностью: ничто мгновенное въ абсолютномъ смыслѣ не можетъ быть предметомъ сознаванія, всякое психическое состояніе должно имѣть длительность, безъ этого его нельзя было бы ни сознать, ни почувствовать, -каждый душев

ный фактъ представляетъ изъ себя цѣлый процессъ, который, какъ бы коротокъ онъ ни былъ, усвояется нашимъ сознаніемъ только черезъ постепенное прохожденіе его моментовъ, - это опять самая элементарная истина психологіи, въ послѣднее время нашедшая себѣ всестороннее подтвержденіе экспериментальнымъ путемъ .

3). На это всего скорѣе слѣдуетъ ждать такого возраженія: все таки остается общепризнанной истиной, что мы знаемъ и воспринимаемъ только одни явленія. Это одинаково вѣрно и о физическомъ мірѣ, и о нашей собственной внутренней жизни. Вѣдь и въ физической дѣйствительности ея субстанція - вещество - никогда не бываетъ предметомъ непосредственнаго воспріятія, она всегда предполагается. Тѣхъ свойствъ, которыя приписываютъ веществу физики: неуничтожимости, непроницаемости, инертности - мы не видимъ и не слышимъ, мы только умозаключаемъ о нихъ на основаніи сопоставленія многочисленныхъ опытовъ. Соотносительности явленій и субстанцій не замѣчается ни въ физической, ни въ психической области, насколько онѣ намъ доступны. То, что намъ бываетъ дано, всегда есть явленіе; напротивъ, субстанція всегда только п р и д у м ы в а е т с я , но никогда не дается намъ.

Отвѣтъ на это соображеніе, мнѣ кажется, не труденъ. Во-первыхъ, если даже с у б с т а н ц і я только придумывается нами, то это дѣлается не по пустой прихоти, но по совершенной невозможности иначе понять явленія. Въ этомъ мы могли убѣдиться сейчасъ, въ этомъ одинаково убѣждаетъ и примѣръ физики: если совсѣмъ отбросить понятіе о веществѣ, едва ли что-нибудь останется отъ какихъ бы то ни было физическихъ объясненій. Во-вторыхъ, отсутствіе въ нашемъ внѣшнемъ опытѣ непосредственнаго воспріятія физической субстанціи ничего не говоритъ противъ неизбѣжной соотносительности явленій и субстанцій самихъ по себѣ. Надо постоянно помнить: мы не только физической с у б с т а н ц і и не воспринимаемъ прямо, - мы не воспринимаемъ прямо и физическихъ я в л е н і й , а только предполагаемъ ихъ. Картину физической природы мы имѣемъ не такъ, какъ она существуетъ въ себѣ, а въ ея и з о б р а ж е н і и въ нашихъ психическихъ состояніяхъ; мы воспринимаемъ не самыя физическія явленія, а ихъ п с и х и ч е с к і е з н а к и въ нашихъ ощущеніяхъ, - это безспорная истина психологіи. Не менѣе безспорно, что эти знаки представляютъ далеко не точную копію своихъ оригиналовъ. Разнообразно окрашенный, звучащій, полный всякими другими чувственными качествами міръ сплошныхъ предметовъ, который мы видимъ, слышимъ и осязаемъ, конечно, мало похожъ на міръ безцвѣтныхъ, беззвучныхъ и неосязаемыхъ безконечно малыхъ атомовъ, съ которымъ имѣетъ дѣло физика. Но для э т о г о а т о м н а г о м і р а истина соотносительности явленій и субстанцій не можетъ подлежать нака-

кому сомнѣнію: его иначе совсѣмъ нельзя мыслить. Для него совершенно очевидно, что въ немъ нѣтъ явленій, которыя происходили бы не съ субстанціями, и нѣтъ субстанцій, которыя не участвовали бы въ явленіяхъ. Вся жизнь природы съ точки зрѣнія атомизма есть непрерывный рядъ движеній какихъ-нибудь опредѣленныхъ матеріальныхъ частицъ. Слѣдовательно, вопросъ можетъ быть только о томъ, что мы прямо видимъ, слышимъ, осязаемъ и воспринимаемъ другими чувствами, т.е. о п с и х и ч е с к и х ъ з н а к а х ъ, или отраженіяхъ физической дѣйствительности въ нашемъ сознаніи. Эти отраженія, будучи состояніями п с и х и ч е с к и м и, такъ же ли соотносительны съ какою нибудь субстанціей, или они представляютъ собою чистыя, абсолютныя событія ? Мнѣ думается, что утверждать безъ дальнѣйшихъ разсужденій послѣднее, какъ что то по себѣ очевидное, значитъ не только предрѣшать вопросъ, но и вызывать противъ себя всѣ противорѣчія чистаго феноменизма, указанныя выше.

Можетъ быть, на это возразятъ такимъ образомъ: нѣтъ необходимости совсѣмъ отвергать у психическихъ явленій всякую субстанцію; отличіе физическихъ и психическихъ явленій - не въ томъ, что у первыхъ есть извѣстный субстратъ, а у послѣднихъ его совершенно нѣтъ, - оно лежитъ въ другомъ пунктѣ. Въ явленіяхъ физической природы я в л е н і е и с у б с т а н ц і я дѣйствительно представляютъ соотносительныя понятія: въ физическо области свойства явленій суть тѣмъ самымъ свойства присутствующихъ и дѣйствующихъ въ нихъ субстанціальныхъ единицъ (атомовъ), поскольку они находятся въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Поэтому, еслибъ мы воспринимали физическі явленія такъ, какъ они происходятъ въ себѣ, мы воспринимали бы и ихъ субстанціи, ибо въ противномъ случаѣ намъ н е ч е г о было бы воспринимат въ нихъ. Вѣдь въ физическихъ явленіяхъ, какъ таковыхъ, ничего кромѣ движущихся атомовъ нѣтъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ психической сферой. Для нея такую с о о т н о с и т е л ь н о с т ь надо рѣшительно отринуть; въ явленіяхъ души субстанція душевной жизни не присутствуетъ и не выражается въ своихъ дѣйствительныхъ качествахъ. Нужно принять за непоколебимое правило: въ психическихъ явленіяхъ такъ же мало отражается сущность души, какъ и сущность матеріи. Сущность души, будучи в е щ ь ю в ъ с е б ѣ, не вмѣщается ни въ какомъ опытѣ и не можетъ быть выражена въ его терминахъ. Итакъ, если угодно, мы можемъ предположить существованіе субстанціи душевныхъ явленій; но мы должны постоянно помнить о ея совершенной непостижимости и всегда переносить ее въ безобидную и невѣдомую область метафизическихъ сущностей.

Такой взглядъ, признающій существованіе абсолютно непостижимой сущности духа, пользуется огромною популярностью. Обыкновенно думаютъ, что въ этомъ утвержденіи мы не покидаемъ почвы опыта, отказываемся отъ безуслов-

нихъ истинъ и возвышаемся надъ всякими метафизическими гипотезами. Однако, вполнѣ ли это такъ ?Если мы совершенно серьезно убѣждены, что область нашего вѣдѣнія условна и ограничена, что есть нѣчто, въ нее не попадающее, и что это нѣчто составляетъ самую сущность, самую субстанцію души ,- не значитъ ли это имѣть о сущности души нѣкоторое опредѣленное мнѣніе?И разъ мы утверждаемъ, что эта сущность б е з у с л о в н о - н е п о с т и ж и м а,то не предполагаемъ ли мы тѣмъ самымъ, что она всецѣло возвышается надъ своими явленіями и не выражается въ нихъ, что она по отношенію къ нимъ представляетъ совсѣмъ отдѣльное бытіе,не имѣющее съ ними никакой аналогіи и никакого соотвѣтствія въ своихъ абсолютно неизвѣстныхъ признакахъ? Потому что, еслибъ какое нибудь соотвѣтствіе существовало или было бы вѣроятнымъ, мы могли бы надѣяться когда нибудь подойти ближе къ ея познанію, и,слѣд.,не могли бы считать ее а б с о - л ю т н о н е п о с т и ж и м о ю сущностью.Другими словами,послѣдовательно проводя взглядъ, утверждающій познаваемость только явленій души и отрицающій познаваемость ея субстанціи, мы неизбѣжно придемъ къ мысли Канта, что подлинная сущность духа есть в е щ ь в ъ с е б ѣ ,не задѣваемая никакими формами и поэтому пребывающая въ непостижимой трансцендентной области.Объ этой области мы, конечно, ничего не знаемъ положительнаго, но все же оказывается,знаемъ о ней настолько, чтобы рѣшительно противополагать ее міру явленій, отрицать между ними всякую соотвѣтственность и вырывать между ними непроходимую пропасть.

Воззрѣніе на душу, какъ на непостижимую в е щ ь в ъ с е б ѣ ,которая всегда пребываетъ въ невѣдомой умопостигаемой области, можетъ ли быть строго доказано?Мнѣ кажется, что прежде нужно поставить другой вопросъ: понятіе,которое дается этимъ воззрѣніемъ, имѣетъ ли законченный смыслъ или оно все расплывается въ логическихъ противорѣчіяхъ? И вотъ, едва мы захотимъ подвергнуть его анализу, какъ сразу натолкнемся на множество затрудненій.

Источникъ ихъ въ допущеніи полной н е и з в ѣ с т н о с т и и н е п о с т и ж и м о с т и дѣйствительной сущности и з в ѣ с т н ы х ъ намъ и п о с т и ж и м ы х ъ явленій.Сдѣлаемъ это допущеніе,- и,какъ его естественное и неизбѣжное слѣдствіе,получается выводъ,что свойства и законы явленій,не имѣютъ ничего общаго съ свойствами«внутренними законами ихъ сущностей; ибо, какъ я уже говорилъ выше, ровно настолько, насколько между тѣми и другими существовала бы общность и соотвѣтственность въ признакахъ, сущности оказались бы постижимыми чрезъ свои явленія. Между тѣмъ явленія обладаютъ несомнѣннымъ существованіемъ, - обыкновенно предполагается, что мы только ихъ непосредственно и знаемъ; съ другой стороны, если мы вѣримъ въ непостижимыя сущности, мы должны,оче-

видно, и имъ приписывать вполнѣ реальное бытіе. Что же получимъ ?Двѣ дѣйствительности,-феноменальную и субстанціальную,-ни въ чемъ не сходныя, никакъ другъ друга не отражающія и не задѣвающія. А тогда возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ. И прежде всего: п о ч е м у м ы д о л ж н ы п р и з н а т ь б ы т і е т а к и х ъ с у щ н о с т е й ? Разъ онѣ не имѣютъ ничего общаго съ явленіями,-что онѣ могутъ объяснить въ нихъ?Скажутъ ли, что, несмотря на свою непостижимость, онѣ все-таки производятъ изъ себя явленія и связываютъ ихъ между собою? Но именно возможность для нихъ такой роли возбуждаетъ самое законное сомнѣніе. Казалось бы, слѣдовало ожидать, что въ дѣйствіяхъ любого предмета или существа должна осуществляться е г о природа, а не чужая, и что въ нихъ должны реализоваться е г о свойства, а не свойства ему противоположныя. Если бытіе предполагаемыхъ сущностей протекаетъ внѣ всякихъ свойствъ и отношеній міра являемаго, - какъ онѣ, тѣмъ не менѣе, скажутся причинами, опредѣляющими содержаніе этихъ отношеній и свойствъ ?Можетъ ли принципомъ объясненія какого нибудь факта служить простое отрицаніе этого факта?А вѣдь въ идеѣ"непостижимыхъ сущностей"нѣтъ никакого другого логическаго содержанія, кромѣ отрицанія всего, что мы можемъ утверждать о мірѣ явленій

Въ связи съ этимъ находится другой важный вопросъ: можно ли въ этомъ случаѣ употреблять самое понятіе "сущность"?Въ самомъ дѣлѣ, слово "сущность" можетъ имѣть или формальное, или реальное значеніе. Въ первомъ значеніи оно выражаетъ общую логическую природу даннаго предмета или явленія, совокупность его основныхъ и постоянныхъ свойствъ, то, что разумѣлъ Аристотель подъ своимъ терминомъ τὸ τί ἦν εἶναι .Мы понимаемъ сущность въ этомъ значеніи, когда, напримѣръ, говоримъ: волнообразное движеніе эѳира составляетъ сущность свѣта. Вполнѣ очевидно, что с у щ н о с т ь въ этомъ смыслѣ никакъ не можетъ имѣть непостижимую реальность, отличную отъ реальности предметовъ и явленій, для которыхъ она сущность. Во второмъ значеніи понятіе "сущности" сливается съ понятіемъ "субстанціи явленій" и указываетъ субстратъ, предметъ или вещь, которая переживаетъ свои состоянія и событія, какъ явленія въ ней. Такъ, мы можемъ сказать: эѳиръ есть сущность, лежащая въ основѣ явленій свѣта. Но какъ мы могли убѣдиться,"сущность" и въ этомъ смыслѣ(по крайней мѣрѣ, въ обыкновенномъ словоупотребленіи) обозначаетъ нѣчто, и м м а н е н т н о е явлені - ямъ, реально не отдѣлимое отъ нихъ, отвлекаемое отъ нихъ только разсудкомъ, но не обладающее обособленнымъ отъ нихъ существованіемъ. Такъ, эѳиръ существуетъ не внѣ своихъ движеній, а въ самыхъ движеніяхъ, - его частицы и л и движутся, и л и покоятся, и пока онѣ, наприм., движутся, движеніе есть ихъ собственное свойство. Какое же третье значеніе придумать для понятія "сущность", чтобъ оправдать особенное его употребленіе

для психической сферы и безъ логическихъ противорѣчій подвести подъ него абсолютно неизвѣстную и непостижимую сущность нашего духа? Вѣдь подъ "непостижимою сущностью"нашей душевной жизни мы во всякомъ случаѣ разумѣемъ какой то внутренній с у б ъ е к т ъ этой жизни, т.е. нѣчто наиболѣе тѣсно съ нею связанное. Но какъ же можетъ имѣть такую близость къ намъ то, что представляетъ абсолютную противоположность или даже абсолютное отрицаніе всего, что мы о себѣ знаемъ?Не будетъ ли для насъ, напротивъ,эта "сущность" самою далекою вещью на свѣтѣ?Внѣпространственная, внѣвременная, возвышающаяся надъ всѣми реальными связями, она,конечно,будетъ дальше отъ насъ,чѣмъ самыя отдаленныя созвѣздія неба,потому что какія бы огромныя разстоянія ни отдѣляли ихъ отъ насъ, онѣ все-таки связаны съ нами общею принадлежностью къ единой вселенной. А если эта непостижимая, въ самомъ строгомъ смыслѣ слова т р а н с ц е н д е н т н а я,"сущность"-не субъектъ нашего психическаго существованія, то что же она такое ?

Въ виду этого, я думаю,не будетъ слишкомъ суровымъ сказать,что теорія непостижимыхъ сущностей есть теорія м е т а ф и з и ч е с к а я въ томъ дурномъ значеніи,которое нерѣдко придается этому эпитету. Она есть плодъ злоупотребленія логическими процессами; она представляетъ безжизненный продуктъ незаконной абстракціи, - въ которомъ относительное различіе принято за дѣйствительное распаденіе на двѣ реальныя сферы.Она сказывается гипотетическимъ построеніемъ, явно непригоднымъ, чтобы дать разумное объясненіе чему бы то ни было, но достаточно обаятельнымъ, чтобы заставить своихъ защитниковъ разъ навсегда отвернуться отъ вопросовъ,которые сами собою становятся для непредубѣжденной мысли.

4). Изъ приведенныхъ выше соображеній мнѣ кажется,ясно, что главная бѣда сейчасъ разсмотрѣнной гипотезы заключается не въ простомъ утвержденіи непостижимости внутренней сути вещей, а въ безусловномъ характерѣ этого утвержденія и послѣдствіяхъ, которыя изъ него вытекаютъ. Про всякую, даже очень знакомую намъ, вещь можно сказать, что она не вполнѣ постигнута нами: мы не знаемъ всѣхъ явленій, которыя могутъ съ ней произойти, мы не знаемъ всѣхъ причинъ, которыя вызываютъ ея различныя состоянія, мы не знаемъ способа дѣйствія этихъ причинъ и т.д.и т.д. Все это дѣлаетъ наше знаніе неизбѣжно ограниченнымъ. Но,конечно, такая ограниченность знанія не есть его абсолютное отсутствіе : очевидно, не знать вполнѣ даннаго предмета, или н и ч е г о о немъ не знать, несмотря на хорошее знакомство съ его явленіями, -не одно и то же. Сказать,что, при самомъ полномъ знаніи явленій,мы ни на вершокъ не приближаемся къ познанію ихъ сущности, можно только при убѣжденіи, что свойства субстанціи и свойства явленій абсолютно различны и раздѣльны между собою, что п р и р о д а

субстанціи въ явленіяхъ не выражается. Въ этомъ убѣжденіи и лежитъ коренная ложь теоріи непостижимыхъ сущностей и, нужно прибавить, не ея одной.

Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто абстрактнаго и по существу своему отрицательнаго понятія о "вещахъ въ себѣ", мы можемъ подставить конкретное представленіе о любыхъ субстанціяхъ съ совершенно положительными качествами; но если эти качества предполагаемыхъ субстанцій не будутъ стоять ни въ какой связи со свойствами явленій, которыя имъ приписываются, если признаки субстанцій и признаки явленій ни въ какомъ отношеніи не будутъ дозволять логическаго выведенія другъ изъ друга, если они будутъ даже представлять взаимное логическое отрицаніе, - то несомнѣнно, что мы, настаивая на существованіи именно этихъ субстанцій для данныхъ явленій, окажемся предъ тѣми самыми затрудненіями, которыя заставили насъ покинуть гипотезу непостижимыхъ вещей въ себѣ. Поясню это примѣромъ.

Вообразимъ себѣ мыслителя, который допускаетъ абсолютно объективное бытіе пространства, подобно Декарту и Спинозѣ, т.е. видитъ въ немъ не только форму нашего созерцанія и не только чувственно воспринимаемый порядокъ внѣшней намъ дѣйствительности, а разсматриваетъ его какъ изначальное, абсолютное вмѣстилище всѣхъ вещей. Пускай при этомъ онъ, согласно такому воззрѣнію, приписываетъ полную объективную реальность матеріальнымъ движеніямъ, какъ перемѣнамъ мѣстъ въ пространствѣ, а также основнымъ свойствамъ тѣлъ, каковы протяженность, непроницаемость, форма, расположеніе частицъ и т.д. Но представимъ себѣ, что въ то же время онъ думаетъ, что субстанція матеріальнаго міра сама въ себѣ абсолютно непротяженна, что она состоитъ изъ элементовъ, не находящихся къ пространству ни въ какомъ отношеніи, не могущихъ ни занять въ немъ мѣста, ни двигаться, ни сталкиваться и передавать движеніе одинъ другому. Въ такомъ взглядѣ на матеріальную дѣйствительность не будетъ ли заключаться явное логическое противорѣчіе ?Во всѣхъ попыткахъ вывести свойства и процессы вещественнаго міра, какъ ихъ понимаетъ нашъ воображаемый мыслитель, изъ составленнаго имъ понятія о матеріальной субстанціи не будетъ ли онъ постоянно наталкиваться на одно и то же затрудненіе: на имъ же признанную неспособность этой субстанціи проявится въ пространствѣ, какъ нибудь наполнить его, начать двигаться и перемѣщаться? Между непротяженною сущностью и протяженностью ея явленія не окажется никакого моста, по той ясной причинѣ, что понятія протяженности и непротяженности взаимно отрицаютъ другъ друга. Неразрѣшимость проблемы въ данномъ случаѣ настолько очевидно, что, я думаю, за всю исторію человѣческой мысли нельзя указать сколько -нибудь отчетливой теоріи, въ которой рядомъ признавались бы и абсолютная непротяженность матеріальной субстанціи, и абсолютная

реальность пространства.

Но странно: когда та же самая, въ сущности, проблема является только въ обращенномъ видѣ, она уже не представляется такою трудною, и утвержденія вполнѣ аналогичныя сейчасъ разсмотрѣнному, находятъ себѣ легкій доступъ иногда въ наиболѣе скептическіе умы. Исторія психологіи, съ самаго ея возникновенія, полна примѣровъ чисто - м а т е р і а л и с т и ч е с к а г о воззрѣнія на субстанцію духовной жизни. Какъ объяснить этотъ фкатъ ? Вытекаетъ ли онъ изъ естественной склонности нашей фантазіи придавать внѣшній, чувственный обликъ всему, что мы считаемъ за субстратъ какихъ бы то ни было реальныхъ процессовъ? Или мы, сохраняя за понятіемъ матеріи вполнѣ строгое значеніе, пока остаемся въ области физики, тотчасъ же подмѣняемъ его другимъ, болѣе растяжимымъ и неопредѣленнымъ, какъ скоро переходимъ въ область психологическихъ гипотезъ?

Во всякомъ случаѣ, для насъ дѣло не въ этомъ, - для насъ важна та несомнѣнная истина, что е с л и у п о т р е б л я т ь п о н я т і е м а т е р і и в ъ е г о с т р о г о м ъ с м ы с л ѣ , -переходъ отъ нея къ внутренней жизни нашего сознанія невозможенъ совершенно такъ же ,какъ невозможенъ переходъ отъ непространственной вещи въ себѣ къ абсолютно-реальному протяженному міру. Что психическія явленія с а м и п о с е б ѣ непротяженны, это можно считать аксіомой современной психологіи. А что матерія протяженна и движется, это также едва ли можно считать за сомнительную физическую истину. Какимъ же образомъ она можетъ испытать состоянія, въ которыхъ нѣтъ никакого отношенія къ ея свойствамъ, и которыя представляютъ явное отрицаніе протяженія и движенія? И этимъ не ограничивается противоположность между психическими явленіями и ихъ предполагаемою физическою субстанціей. Нашу душевную жизнь характеризуетъ чрезвычайное качественное разнообразіе явленій, начиная отъ неограниченнаго богатства нашихъ чувственныхъ ощущеній. Но физическая матерія сама по себѣ и внѣ нашего воспріятія не обладаетъ никакими чувственными качествами; она не имѣетъ ни цвѣта, ни вкуса, ни запаха, она не звучитъ и не свѣтитъ, - она только движется. Какъ же она испытаетъ состоянія, представляющія рѣшительное отрицаніе этой ея нечувственной природы?

5) Въ предшествующемъ изложеніи уже было указано на громадное значеніе слѣдующаго принципіальнаго вопроса: какое воззрѣніе на душевную жизнь болѣе правильно? Феноменистическое, признающее, что все наше душевное существованіе слагается изъ ч и с т ы х ъ а б с о л ю т н ы х ъ явленій безъ всякаго субстрата, или р е а л и с т и ч е с к о е (с у б с т а н ц і а л и с т и ч е с к о е), по которому явленія душевной жизни суть только свойства, состоянія и дѣйствія нѣкото-

раго переживающаго ихъ существа, въ смѣнѣ испытываемыхъ имъ измѣненій сохраняющаго внутреннее единство?(Какъ извѣстно изъ элементарной логики, то, что переживаетъ измѣненія, или подлежащее свойствъ и состояній обозначается терминомъ с у б с т а н ц і я , который выражаетъ собою особую л о г и ч е с к у ю к а т е г о р і ю,т.е. одно изъ высшихъ и окончательныхъ обобщеній ума. Категоріи - это такія понятія разума, подъ которыя подводится все познаваемое и съ точки зрѣнія которыхъ мы обо всемъ судимъ.Обыкновенно категорій принимается три: с у б с т а н ц і я, с в о й с т в о , о т н о ш е н і е.Все, что мыслится, подойдетъ подъ какую-нибудь изъ нихъ. Иногда ихъ перечисляютъ иначе и признаютъ въ большемъ количествѣ (можно разсматривать, какъ особыя категоріи, понятія б ы т і я, с о с т о я н і я ,д ѣ й с т в і я).Аристотель признавалъ 10 категорій, Кантъ - 12. Но во всѣхъ перечисленіяхъ понятіе с у б с т а н ц і и или с у щ н о с т и присутствуетъ непремѣнно).

Едва ли нужно настаивать,какъ многое зависитъ отъ того, какой именно изъ указанныхъ двухъ взглядовъ на душевную жизнь мы себѣ усвоимъ. Вся ея картина во всѣхъ ея частностяхъ получитъ совсѣмъ различный смыслъ и вызоветъ совсѣмъ различную оцѣнку при томъ или другомъ взглядѣ на нее. И вотъ мы могли убѣдиться, что феноменистическое воззрѣніе,при строгомъ и послѣдовательномъ проведеніи его, не выдерживаетъ критики.Во-первыхъ, понятіе чистаго явленія,или чистаго состоянія,никѣмъ не переживаемаго, явно противорѣчитъ себѣ. Но если даже мы не будемъ обращать на это вниманія, мы всетаки должны видѣть, что если бы психическая жизнь на самомъ дѣлѣ состояла изъ абсолютныхъ явленій, она имѣла бы совсѣмъ другой видъ, чѣмъ какой имѣетъ въ дѣйствительности.Всѣ явленія души неудержимо протекаютъ во времени: состояніе, которое я испытываю сейчасъ,не есть то состояніе, которое было мною пережито секунду раньше , - то прежнее мое состояніе могло быть похоже на мое теперешнее, но оно всетаки уже прошло и кончилось. А что прошло, того нѣтъ. Поэтому, если бы душевная жизнь слагалась изъ чистыхъ явленій, мы не могли бы имѣть никакого представленія о нашемъ прошломъ, - вѣдь прошлыхъ явленій нѣтъ абсолютно.Наше сознаніе все было бы поглощено тѣмъ, что даетъ неуловимый моментъ настоящаго, - всецѣло къ нему приковано. Еслибъ даже въ этомъ настоящемъ мы переживали в о с п о м и н а н і е,т.е. внутренно представляемый образъ чего нибудь бывшаго раньше, мы не могли бы знать о томъ,что оно есть в о с п о м и н а н і е,т.е. внутреннее представленіе прошлаго событія, потому что мы не имѣли бы тогда никакой идеи объ отношеніи нашихъ внутренно переживаемыхъ въ настоящую минуту образовъ къ прежнимъ впечатлѣніямъ, - все прежнее для насъ совсѣмъ исчезало бы. Можно сказать больше: мы тогда не воспринимали бы и ни одного явленія, совершаю-

ющагося въ настоящемъ, въ его дѣйствительномъ цѣломъ. Вѣдь коренная особенность всѣхъ явленій души въ томъ, что они д л я т с я и т я н у т с я , хотя бы очень короткій срокъ. Слѣдовательно, въ каждомъ изъ нихъ въ каждый моментъ переживанія есть и прошлое и будущее. Это значитъ, что наше сознаніе, поглощенное настоящимъ, не могло бы усвоить ни одного переживаемаго явленія цѣликомъ , оно должно было бы всегда воспринимать лишь безконечно малые моменты теченія явленій, которые одни только и могутъ попасть въ настоящее мгновеніе въ его абсолютной недѣлимости. Но именно э т о - т о и недоступно для нашего сознанія: ничто дѣйствительно мгновенное не можетъ быть сознано нами. Это опять таки одно изъ самыхъ несомнѣнныхъ обобщеній психологіи.

Итакъ, душевная жизнь, открывающаяся нашему внутреннему опыту, и то, чѣмъ она должна была бы быть, еслибъ чистый ф е н о м е н и з м ъ былъ истиною, далеко не совпадаютъ между собою. Это значитъ, что отъ феноменистической гипотезы нужно отказаться, какъ совершенно недостаточной. Наше психическое существованіе есть связное и неразрывное цѣлое, въ которомъ все настоящее возникаетъ на фонѣ прошлаго. Душевная жизнь представляетъ внутренно единый процессъ сознаванія, который не слагается изъ своихъ отдѣльныхъ состояній, какъ куча песку изъ песчинокъ, а, напротивъ, порождаетъ и поставляетъ все особенное и отдѣльное въ немъ изъ своихъ собственныхъ нѣдръ. Въ немъ всѣ элементы находятся въ органическомъ взаимодѣйствіи и неразрывной зависимости. Наше внутреннее существованіе является для насъ потокомъ самыхъ разнообразныхъ событій, очертанія котораго теряются въ далекомъ прошломъ. Воспринимаемое нами настоящее какъ бы тонетъ и растворяется въ прошломъ, - вѣдь мы только то и сознаемъ отчетливо, что уже выразилось для насъ въ своемъ составѣ и качествахъ, т.е. другими словами, что уже п р о т е к л о передъ нами. Предметъ яснаго сознанія всегда есть прошлое.

Но какъ это возможно, если прошлое, по самому своему понятію, есть то, что прошло и кончилось ? Какимъ образомъ вообще наша внутренняя жизнь можетъ представлять картину неуклонно совершающагося во времени единаго и реальнаго процесса ? Какъ мы уже видѣли, это мыслимо лишь подъ тѣмъ условіемъ, что и въ психическомъ процессѣ, какъ во всякомъ другомъ процессѣ природы, дана пребывающая основа переживаемыхъ въ немъ измѣненій. Наша психика не только явленіе, - въ ней должна быть дана какая то субстанція, - безъ этого она совсѣмъ непонятна. Какъ физическаго міра нельзя понять, не предположивъ въ немъ вещества, которое остается во всѣ времена однимъ и тѣмъ же, какъ бы разнообразно ни двигались его частицы, такъ нельзя понять и нашего душевнаго міра, если не предположимъ единаго реальнаго существа, переживающаго психическія состоянія.

Листъ 6-й
ЛИТОГРАФІЯ Ю. ВЕНЕРЪ, МОСКВА.

Какое же это существо, какая субстанція лежитъ въ основѣ психическаго процесса? Есть ли она недоступная опыту и непостижимая для разума в е щ ь в ъ с е б ѣ ? (Теорія, которую можно обозначить именемъ агностицизма или ноуменизма - отъ Кантовскаго термина "ноуменъ"-).

Эта гипотеза уже была нами разсмотрѣна выше и мы могли убѣдиться въ ея несостоятельности. Если "вещь въ себѣ" абсолютно непостижима и невыразима ни въ какомъ опытѣ, тѣмъ самымъ предполагается, что ея свойства и свойства всего того, что нами внутренно сознается, не имѣютъ ничего общаго между собою. Такъ дѣйствительно и утверждаютъ всегда сторонники ученія о непостижимой сущности нашего духа. Но тогда является вопросъ: какимъ образомъ эта ни въ чемъ не похожая на міръ нашего сознанія сущность можетъ быть его основою ? Что она можетъ объяснить въ феноменахъ сознанія ? И какъ искать объясненія фактовъ сознанія въ томъ, что есть простое о т р и ц а н і е всего, что въ нихъ дано и содержится?Никакія явленія нельзя понять, если не предположить переживающую ихъ субстанцію ; но, съ другой стороны, чтобы эта субстанія что нибудь объясняла въ въ явленіяхъ, нужно, чтобы она обладала такими положительными свойствами, изъ которыхъ эти явленія дѣйствительно обосновываются.

Этого послѣдняго правила не выполняетъ и другая гипотеза. Я разумѣю, отчасти уже разсмотрѣнный нами матеріализмъ, т.е. ученіе, по которому субстанціальная основа явленій сознанія есть то же самое вещество, которое есть субстратъ и явленій физическихъ. Ахиллесова пята матеріализма - въ томъ, что сознаніе рѣшительно необъяснимо изъ матеріальныхъ условій:отъ матеріи нельзя перекинуть мостъ къ какимъ бы то ни было явленіямъ духа. Если реальность принадлежитъ одной матеріи и ея состояніямъ, если единственныя свойства матеріи - протяженность, непроницаемость и движеніе (а въ этихъ утвержденіяхъ - точка отправленія всякаго матеріализма), то и явленіями матеріи могутъ быть только различные виды движеній протяженно-непроницаемыхъ тѣлъ и никакихъ другихъ явленій въ ней происходить не должно. А это значитъ, что когда возникаетъ даже самое элементарное ощущеніе, мы имѣемъ въ этомъ фактѣ, съ точки зрѣнія матеріализма, нѣкоторый абсолютно непостижимый абсурдъ, и такимъ абсурдомъ должна неизбѣжно представиться вся психическая сфера существованія. Какъ бытіе чисто внѣшнее по всѣмъ своимъ свойствамъ, путемъ только внѣшнихъ передвиженій, можетъ вдругъ стать внутреннимъ, - міромъ нашего сознанія, съ его ощущеніями и чувствами, съ его единымъ, себя знающимъ Я, съ его мыслями и рѣшеніями воли ? Или, взявъ частный примѣръ: какъ простое перемѣщеніе и переталкиваніе въ себѣ б е з ц в ѣ т н ы х ъ атомовъ(а что атомы по себѣ безцвѣтны, признается еще со временъ Демокрита) превратится въ ощущеніе того или иного цвѣта? Вѣдь предположить такіе скач-

ки въ жизни вещества означаетъ прямо итти наперекоръ всѣмъ требованіямъ логическаго закона тождества. Коротко говоря, самый фактъ существованія душевныхъ явленій находится въ очевидномъ противорѣчіи съ основными посылками матеріалистической доктрины, - можно ли послѣ этого надѣяться въ ней найти сколько -нибудь подходящую почву для психологическихъ объясненій ?

Впрочемъ, я не стану повторять указанныхъ выше коренныхъ различій между психическою и физическою дѣйствительностью.

Главнымъ образомъ, я желалъ бы обратить вниманіе на другой недостатокъ матеріалистическаго воззрѣнія на субстанцію душевной жизни. Матеріалистическая гипотеза не въ состояніи служить именно той цѣли, ради которой мы только и могли бы остановиться на ней въ данномъ случаѣ. Вѣдь то, что насъ заставило обратиться къ идеѣ о какой-нибудь субстанціи психическихъ явленій, было сознаніе, что психическая жизнь, по всѣмъ ея непосредственно даннымъ признакамъ, не можетъ состоять изъ явленій ч и с т ы х ъ или а б с о л ю т н ы х ъ . Но представленіе о матеріальной субстанціи духа не доставляетъ никакой помощи для разрѣшенія противорѣчій чистаго феноменизма, - эти противорѣчія сохраняютъ полную свою силу и при матеріалистическомъ взглядѣ на природу души. Весьма важная особенность матеріалистической доктрины заключается въ томъ, что, несмотря на свое очень конкретное и реальное понятіе о субстанціальномъ бытіи въ вещахъ вообще, д у ш е в н о й ж и з н и о н а в ы н у ж д е н а д а в а т ь ч и с т о ф е н о м е н и с т и ч е с к о е т о л к о в а н і е . Для матеріализма каждый психическій фактъ есть только отраженіе, или сопровождающее обстоятельство, или эпифеноменъ опредѣленнаго движенія мозга. Онъ вмѣстѣ съ этимъ движеніемъ начинается, вмѣстѣ съ нимъ и кончается въ совершенной отъ него зависимости. Но каждое отдѣльное движеніе, въ свою очередь, есть лишь явленіе матеріальной жизни; итакъ, психическіе факты суть только я в л е н і я я в л е н і й. И эти я в л е н і я в д в о й н ѣ отличаются отъ отраженныхъ въ нихъ физическихъ явленій тѣмъ, что въ послѣднихъ субстанція ихъ присутствуетъ и выражается, - движенія въ мозгѣ суть движенія нѣкоторыхъ опредѣленныхъ атомовъ; напротивъ, въ психическихъ фактахъ, самихъ по себѣ взятыхъ, физическая субстанція совсѣмъ и очевидно отсутствуетъ: въ нашихъ ощущеніяхъ, чувствахъ и мысляхъ мы не воспринимаемъ ни атомовъ, ни молекулярныхъ движеній и никакихъ другихъ объективныхъ процессовъ мозга. Итакъ, наши психическія состоянія не оказываются ли чистыми событіями и абсолютными явленіями обыкновеннаго феноменизма, и его противорѣчія не воскресаютъ ли опять предъ нами ? Разъ мы принципіально допустимъ, что движенія мозга порождаютъ психическія состоянія, въ этомъ можно видѣть объясненіе того,

почему эти состоянія возникаютъ въ опредѣленной послѣдовательности во времени. Но какъ разрѣшимъ мы другой вопросъ, огромная важность котораго обнаружилась для насъ при анализѣ феноменистической теоріи, - какъ объяснить р е а л ь н ы й с и н т е з ъ психическихъ явленій, -фактъ существованія психической жизни, какъ внутренно-единаго цѣлаго ? Вѣдь это единство душевной жизни дано въ ней самой, оно ежесекундно осуществляется въ психическихъ явленіяхъ, какъ таковыхъ, а не въ томъ, что ихъ сопровождаетъ и порождаетъ, и о чемъ мы можемъ только гадательно умозаключать, - не въ движеніяхъ мозга, о которыхъ мы еще и теперь знаемъ такъ мало. Повторимъ недоумѣніе Милля : какимъ образомъ серія чистыхъ событій, замкнутыхъ въ себѣ, каждое изъ которыхъ неудержимо проходитъ вмѣстѣ со всѣмъ, что составляло его содержаніе, - какимъ образомъ она сознаетъ о себѣ, какъ о с е р і и , и воспринимаетъ свою реальность, какъ длящагося цѣлаго ? Явное внутреннее противорѣчіе въ такомъ представленіи измѣнится ли сколько-нибудь отъ того, что мы припишемъ нашему мозгу таинственную способность производить тѣ неуловимые призраки, изъ которыхъ будто бы долженъ слагаться міръ нашего сознанія ?

Несомнѣнно, затрудненія, соединенныя съ феноменистическимъ пониманіемъ душевной жизни, не только не уменьшаются при матеріалистической гипотезѣ, они даже возрастаютъ. Какъ мы могли убѣдиться, главную проблему для феноменизма въ его отвлеченномъ видѣ представляетъ фактъ реальнаго синтеза п о с л ѣ д о в а т е л ь н ы х ъ психическихъ состояній, при неизбѣжной мимолетности и мгновенности этихъ состояній; непонятно, какъ они могутъ сочетаться въ картину внутренно-единаго, непрерывнаго процесса. Для феноменизма на матеріалистической подкладкѣ во всей своей неразрѣшимости становится вопросъ о синтезѣ психическихъ явленій о д н о в р е м е н н ы х ъ . Въ самомъ дѣлѣ, то, что для самонаблюденія можетъ показаться простымъ и нераздѣльнымъ фактомъ сознанія, съ точки зрѣнія физіологической, предполагаетъ самыя разнообразныя движенія въ различныхъ центрахъ и областяхъ мозговой системы.Положимъ, я воспринимаю яблоко, - этотъ актъ въ сознаніи представляетъ несомнѣнное внутреннее единство. Между тѣмъ, для подробнаго психофизіологическаго анализа онъ выражаетъ совокупность самыхъ сложныхъ явленій: чтобы возникло ощущеніе цвѣта яблока требуется возбужденіе однихъ нервныхъ центровъ, чтобы получилось ощущеніе его формы - другихъ; ощущеніе его запаха пріурочено къ дѣятельности третьей группы мозговыхъ центровъ, ощущеніе его твердости - четвертой. Далѣе, когда я воспринимаю яблоко, я не только его ощущаю,я при этомъ у з н а ю , что это именно яблоко, а не какая-нибудь другая вещь, - опять и для совершенія этого акта у з н а н і я необходимо возбужденіе новыхъ, весьма сложныхъ группъ мозговыхъ элементовъ, отвѣ-

чающихъ ассоціаціямъ нашего прошлаго опыта. Наконецъ, видъ яблока вызоветъ во мнѣ какое-нибудь чувство, а можетъ быть и не одно,-для этого снова должны прійти въ дѣятельное состояніе различныя части мозга. Какъ бы въ частности ни локализировали мы всѣ эти процессы, для всякаго физіолога очевидно, что мы имѣемъ здѣсь безчисленные ряды разнообразныхъ движеній въ самыхъ различныхъ областяхъ мозга, иногда очень удаленныхъ другъ отъ друга. Допустимъ теперь, что матеріалисты правы, согласимся, что психическія явленія суть только отраженія движеній мозга, порождаемыя этими движеніями и по своему существованію находящіяся отъ нихъ въ постоянной и тѣснѣйшей зависимости, - притомъ отраженія, имѣющія характеръ абсолютныхъ событій, замкнутыхъ въ себѣ, потому что ихъ матеріальная подкладка въ самыя психическія явленія не переходитъ. Какъ могутъ сейчасъ перечисленные акты сознанія слиться въ одно нераздѣльное воспріятіе яблока ? Вѣдь отвѣчающія имъ движенія различны и происходятъ въ разныхъ мѣстахъ, раздѣленныхъ значительными промежутками: про движеніе, положимъ, въ центрѣ зрительномъ мы никакъ не скажемъ, что оно есть одно съ движеніемъ въ центрѣ осязательномъ,- отчего же ихъ психическія отраженія сливаются въ несомнѣнно единое психическое состояніе ? И въ чемъ они сливаются ? Слишкомъ очевидно, что для психическихъ состояній, возникающихъ въ различныхъ пунктахъ мозговой коры и существующихъ только въ нихъ (а иначе матеріализмъ не можетъ на нихъ смотрѣть), составить психически единичный продуктъ значитъ то же, что перестать быть собою и присутствовать тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Не нужно при этомъ забывать, что движеніе мозговыхъ центровъ, хотя каждое изъ нихъ имѣетъ свою обособленную дѣйствительность, все таки связаны между собою чрезъ движеніе въ лежащей между ними средѣ и въ соединяющихъ ихъ нервныхъ волокнахъ. Между тѣмъ, въ психической сферѣ отражаются далеко не всѣ мозговыя движенія, а только наиболѣе интенсивныя; слѣдовательно, психическія состоянія должны быть еще болѣе разрознены и обособлены въ себѣ, чѣмъ какія бы то ни было движенія мозга. И если они представляютъ изъ себя состоянія чистыя, они, какъ мы уже знаемъ, должны быть а б с о л ю т н о разрознены и замкнуты въ себѣ. Что же стягиваетъ эти обособленныя состоянія въ дѣйствія единаго сознанія ? А вѣдь этотъ вопросъ долженъ повториться рѣшительно о всѣхъ психическихъ фактахъ. Едва ли найдется среди нихъ хотя одинъ, который для своего возникновенія требовалъ бы возбужденія не болѣе, какъ одной мозговой клѣтки. Да еслибъ такіе факты и существовали, мы не должны забывать, что въ каждой органической клѣточкѣ совершаются невообразимо сложныя движенія частицъ.

Для наглядности увеличимъ нашъ масштабъ; станемъ на точку зрѣнія наблюдателя, настолько миніатюрнаго(въ этомъ пріемѣ не будетъ ничего не-

законнаго), что для него нашъ мозгъ приметъ размѣры солнечной системы. Сохранимъ при этомъ всѣ сдѣланныя нами матеріалистическія допущенія и, какъ примѣръ, по-прежнему возьмемъ воспріятіе яблока. Тогда можетъ выйти, что въ то время, какъ зрительное ощущеніе явится въ области, соотвѣтствующей нашей землѣ, ощущеніе обонятельное возникнетъ отъ него на разстояніи Юпитера, а ощущеніе осязательное на разстояніи, положимъ, Меркурія; точно также сопровождающія наши ощущенія ассоціаціи, полученныя отъ прежнихъ опытовъ, скопятся гдѣ -нибудь около Сатурна и т.д. И каждое изъ этихъ психическихъ состояній непремѣнно останется на своемъ мѣстѣ, будучи привязано къ тому особому движенію, которое его породило и въ каждое мгновеніе продолжаетъ порождать, пока оно не исчезнетъ. Какимъ же образомъ эти уединенныя психическія состоянія узнаютъ другъ о другѣ, какъ - то сойдутся и сольются въ одно ? Вѣдь мы иногда допускаемъ возможность одушевленныхъ жителей на другихъ планетахъ ; быть можетъ, эти жители думаютъ и чувствуютъ такъ же, какъ и мы. Но кому придетъ въ голову утверждать, что ихъ мысли и наши мысли составляютъ одну мысль, какъ единичный психическій фактъ. Вѣдь между обоими примѣрами существеннаго различія нѣтъ, ибо, собственно говоря, всякій мозговой центръ есть особый организмъ, и это становится все болѣе несомнѣннымъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго изученія механизма нервной системы.

Итакъ, матеріалистическая гипотеза не спасаетъ психологію отъ противорѣчій феноменизма - эти противорѣчія получаютъ при ней даже особенно рѣзкій видъ : при ней психическій синтезъ, въ какой бы то ни было формѣ, не только необъяснимъ, но оказывается наглядно немыслимымъ. Впрочемъ, о реальномъ психическомъ синтезѣ мнѣ придется много говорить впослѣдствіи. Теперь сказаннаго, я думаю, достаточно, чтобы освѣтить нашъ общій выводъ: психологическій матеріализмъ, подобно ученію о совершенной непостижимости сущности духа, содержитъ непроходимую пропасть между психическими явленіями и природой ихъ предполагаемой субстанціи, и въ этомъ заключается его психологическая и логическая несостоятельность.

И этотъ основной недостатокъ раздѣляютъ съ матеріализмомъ многія другія психологическія теоріи, пытающіяся дать положительный отвѣтъ на вопросъ о субстанціи душевныхъ явленій. Всякій разъ, когда душевной сущности приписывается природа, не отражающаяся въ психическихъ состояніяхъ какъ мы ихъ знаемъ изъ внутренняго опыта, и не переходящая въ нихъ, мы немедленно сталкиваемся съ затрудненіями, подобными тѣмъ, которыя такъ ярко выступаютъ въ матеріалистическомъ воззрѣніи, въ виду его простоты и ясности. Напримѣръ, въ психологіи Гербарта только отвлеченность и темнота основныхъ понятій отчасти прикрываютъ кричащее противорѣчіе между абсолютною неизмѣнностью душевной сущности, которая вся состоитъ изъ од-

ного простого качества, и вѣчно подвижнымъ разнообразіемъ душевной жизни. Гербартъ замаскировалъ это противорѣчіе, отожествилъ п р е д с т а в л е н і я въ психологическомъ смыслѣ съ актами самосохраненія простой душевной сущности, и не хотѣлъ замѣтить, что для такого отождествленія нѣтъ никакого основанія, что акты самосохраненія, по его же ученію, направлены исключительно на то, чтобы оберегать душу въ ея простомъ, всегда одинаковомъ состояніи, что они даже и обозначаютъ только пребываніе души въ этомъ состояніи и ничего больше, и поэтому никакъ не могутъ ни породить, ни содержать въ самихъ себѣ качественнаго разнообразія.

Едва ли въ лучшемъ положеніи находится ученіе, которое можно охарактеризовать какъ теорію у н и в е р с а л ь н а г о д у х а. По этой теоріи, въ психическихъ процессахъ всѣхъ одушевленныхъ тварей осуществляется единый міровой духъ. Онъ есть единственная субстанціальная основа в с ѣ х ъ с о з н а н і й, единственный субъектъ всѣхъ душевныхъ жизней; онъ существуетъ вѣчно, внѣ пространства и времени, въ единой безконечной интуиціи заразъ созерцая все, что было и будетъ. Какъ ни возвышенна такая концепція, она слишкомъ явно не сходится съ тѣмъ, что мы знаемъ о себѣ изъ внутренняго опыта. Если наше субстанціальное Я обладаетъ безконечнымъ знаніемъ вещей прошлыхъ и будущихъ, - отчего, реализуя свое знаніе въ своихъ мысляхъ и мнѣніяхъ, оно такъ часто ошибается? Если оно абсолютно внѣ пространства и времени, то какъ же оно испытываетъ дѣйствія окружающаго міра и послѣдовательно переживаетъ различныя состоянія? Если оно вѣчно стремится къ высшему добру, то какъ оно можетъ питать дурныя желанія? И если, наконецъ, мое "я" есть совсѣмъ одно и то же съ "я" другихъ одушевленныхъ существъ, то почему оно во мнѣ хочетъ одного, а въ другихъ-совсѣмъ другого? Вполнѣ ясно, чтобы стать м о и м ъ "я", абсолютное "я" должно внутренно переродиться, ограничиться и сократиться въ своей безконечности, -иначе мой психическій міръ будетъ стоять въ непрерывномъ противорѣчіи съ его свойствами. Психологъ такъ же мало можетъ удовлетвориться представленіемъ о всеобщемъ духѣ и обойтись безъ понятія объ индивидуальной субстанціи психической жизни, какъ физикъ не можетъ ограничиться въ своихъ изслѣдованіяхъ понятіемъ матеріи вообще, въ ея безконечномъ цѣломъ, не предположивъ ея отдѣльныхъ, конкретныхъ частицъ.

б) Итакъ, когда мы для явленій духа предполагаемъ субстанцію, свойства которой существенно отличны отъ того, что непосредственно дано въ этихъ явленіяхъ, т.е. субстанцію, т р а н с ц е н д е н т н у ю въ отношеніи къ нимъ, мы создаемъ понятіе безплодное, противорѣчивое, ничего не объясняющее въ тѣхъ явленіяхъ, ради которыхъ оно придумано, - стало быть, понятіе лишнее и не нужное; съ другой стороны, если мы, отбросивъ идею о какой бы то ни было субстанціи, начинаемъ смотрѣть на душевную

жизнь какъ на чистую послѣдовательность абсолютныхъ состояній, безъ всякаго реальнаго субъекта, который переживалъ бы ихъ, мы получаемъ о ней такое представленіе, которое глубоко расходится съ ея самыми основными признаками и, при этомъ, само распадается въ неисцѣлимыхъ внутреннихъ противорѣчіяхъ. Гдѣ же выходъ изъ этого двоякаго затрудненія ? Мнѣ кажется, онъ ясно подсказанъ всѣмъ предшествующимъ ходомъ разсужденій. Нужно понять разъ навсегда, что логически несообразное само по себѣ должно составить абсурдъ и въ психологіи. Если вѣрно, что я в л е н і е, по самому понятію о немъ, немыслимо безъ проявляющагося въ немъ д ѣ я т е л я и н о с и т е л я, который непремѣнно д а н ъ въ явленіи, ибо иначе явленіе не было бы явленіемъ, - такъ должно быть и въ душѣ, потому что логически нелѣпому нигдѣ нѣтъ мѣста. Правда ли, что мы явленія своего сознанія воспринимаемъ непосредственно ? Въ этомъ едва ли возможно серьезное сомнѣніе: вѣдь явленіями сознанія мы только то и называемъ, что сознаемъ и к а к ъ и п о с к о л ь к у сознаемъ, а что въ сознаніи не дано, то, очевидно, уже не будетъ его явленіемъ .Это значитъ, что явленія сознанія даны намъ такъ, какъ они есть, - въ совокупности своихъ дѣйствительныхъ признаковъ. А если это справедливо, то мы должны непосредственно и въ ея подлинной природѣ воспринимать и сознавать с у б с т а н ц і а л ь н у ю с и л у с о з н а н і я. Субстанція сознательной душевной жизни должна быть непосредственно открыта для насъ, какъ для насъ была бы окрыта субстанція жизни физической, еслибъ мы воспринимали ея явленія совсѣмъ такъ, какъ они совершаются въ природѣ, а не черезъ наши психическіе значки, какъ мы эти явленія воспринимаемъ въ дѣйствительности. Субстанція души не т р а н с ц е н д е н т н а, а и м м а н е н т н а своимъ явленіямъ. Явленіе духа должны быть не только показателями, но и прямою реализаціей его существа, потому что они суть его акты и состоянія, а духъ внѣ своихъ состояній и дѣйствій есть пустая абстракція, - словесный терминъ, а не дѣйствительность.

Согласимся съ этимъ, - и мы невольно должны прійти къ убѣжденію, что с п и р и т у а л и с т и ч е с к а я гипотеза есть единственная, которая съ правомъ можетъ имѣть мѣсто въ психологіи. Этотъ выводъ получается съ неизбѣжностью, какъ только мы распространимъ истину о с о о т н о с и т е л ь н о с т и я в л е н і й и с у б с т а н ц і й на психическую сферу. Мы знаемъ явленія нашего сознанія, но не воспринимаемъ у нихъ никакихъ матеріальныхъ признаковъ, - слѣдовательно, у нихъ и нѣтъ этихъ признаковъ. Но тогда этихъ признаковъ нѣтъ и у ихъ субстанціи, потому что ихъ субстанція въ нихъ и они въ ней. Далѣе, наша духовная жизнь обладаетъ извѣстными положительными свойствами, которыя

устанавливаютъ ея особую природу, сравнительно съ другими процессами дѣйствительности; этими свойствами должна обладать и субстанція духа, потому что свойства ея явленій суть ея собственныя свойства, поскольку она переживаетъ эти явленія, - потому что она и жизнь ея нераздѣльны, потому что внѣ своей жизни она - ничто. Итакъ, въ основѣ психическихъ явленій лежитъ нематеріальная, духовная субстанція. А вѣдь въ этомъ и заключается основной тезисъ спиритуалистической теоріи.

Съ геніальной прозорливостью проповѣдывалъ сейчасъ изложенные взгляды еще блаженный Августинъ, впервые сдѣлавшій попытку обосновать спиритуализмъ изъ данныхъ внутренняго опыта. Въ знаменитомъ мѣстѣ De Trinitate (X, 16) онъ говоритъ :"Такъ какъ нашъ духъ знаетъ себя, онъ знаетъ свою субстанцію, и такъ какъ онъ непосредственно сознаетъ себя, онъ сознаетъ свою субстанцію. - Но онъ совершенно не сознаетъ, воздухъ ли онъ, или огонь, или какое-нибудь тѣло, или что-нибудь тѣлесное. Итакъ, онъ и не есть что-нибудь изъ этого. - Потому что, еслибъ онъ былъ какою-нибудь вещественною стихіей, онъ понималъ бы ее иначе, нежели все другое , - воспринималъ бы ее, какъ нѣчто во-истину ему присущее, ибо къ нему ничего нѣтъ ближе, чѣмъ онъ самъ. Онъ сознавалъ бы ее такъ же прямо, какъ онъ сознаетъ, что онъ живетъ, помнитъ, мыслитъ и хочетъ".

Черезъ много столѣтій этимъ же самымъ путемъ пришелъ къ спиритуалистическому воззрѣнію на сущность души Декартъ. Его пространныя разсужденія въ Meditationes могутъ быть сведены къ слѣдующему простому ряду соображеній. Я съ безусловною достовѣрностью знаю о себѣ, что я думаю, сомнѣваюсь, отрицаю, утверждаю, хочу, воображаю, чувствую. Но я совершенно не знаю и не усматриваю въ себѣ, чтобъ я былъ воздухомъ, или вѣтромъ, или паромъ, или какою-нибудь другою тонкою стихіей, или, наконецъ, аггрегатомъ тѣлесныхъ органовъ. Я даже могу мысленно отбросить всю матеріальную дѣйствительность во всѣхъ ея видахъ, и все-таки моя внутренняя реальность, какъ сознающаго существа, оттого нисколько для меня не поколеблется. Итакъ, никакія матеріальныя опредѣленія не относятся къ природѣ моего внутренняго "я". Съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями этотъ аргументъ Декарта сталъ типическимъ у большинства представителей спиритуализма.

7). Выше мы пришли къ истинѣ, имѣющей большое значеніе и въ обще-философскомъ смыслѣ и по своему примѣненію къ частнымъ областямъ знанія, - къ истинѣ о неизбѣжной соотносительности явленій и субстанціи. Субстанція не трансцендентна, а имманентна своимъ явленіямъ. Отсюда, какъ мы уже имѣли случай убѣдиться, съ необходимостью вытекаетъ имматеріа-

листическій взглядъ на наше внутреннее сознающее существо.

Явленіе и субстанція представляютъ, такимъ образомъ понятія соотносительныя, но все же это понятія различныя; мы обозначаемъ ими двѣ неразрывныя стороны одной и той же дѣйствительности, которыя могутъ быть отдѣлены одна отъ другой только въ разсудочной абстракціи, а не сами по себѣ, - но все-таки между ними нельзя утверждать тожества. Такъ, движенія нѣтъ помимо и отдѣльно отъ вещества, которое движется, какъ нѣтъ и вещества, которое не находилось бы въ какихъ-нибудь опредѣленныхъ состояніяхъ движенія или покоя, - но все же движеніе не есть вещество. Слѣдуетъ сказать даже больше: въ извѣстномъ отношеніи явленіе и субстанція, при всей ихъ соотносительности, очевидно, противоположны между собою, - такая противоположность замѣчается въ ихъ отношеніяхъ къ опредѣленіямъ времени. Субстанція есть то, что пребываетъ, -напротивъ, явленія проносятся и мѣняются въ каждое мгновеніе; это различіе коренится уже въ самомъ общемъ значеніи этихъ понятій, поскольку, по крайней мѣрѣ, они прилагаются къ предметамъ наблюдаемаго нами конечнаго міра.

Явленіе есть состояніе, измѣненіе, преходящій способъ бытія вещи; мы только то и называемъ явленіемъ, что начинается и кончается. Поэтому каждое явленіе неизбѣжно предполагаетъ процессъ, звено или рядъ звеньевъ котораго оно составляетъ. Другими словами, явленіе есть то, что выражаетъ текущую сторону дѣйствительности. Въ виду этого можно сказать, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда явленія представляются намъ длящимися, они всегда слагаются изъ цѣлаго ряда болѣе элементарныхъ явленій, причемъ каждый новый членъ ряда наступаетъ послѣ исчезновенія и черезъ исчезновеніе предшествующаго, чтобы немедленно уступить мѣсто послѣдующему члену. Такъ, движеніе тѣла въ одномъ какомъ-нибудь направленіи можно разсматривать какъ одно длящееся явленіе; и все-таки, на самомъ дѣлѣ, оно состоитъ изъ безконечнаго ряда перемѣнъ мѣста, при чемъ, когда тѣло достигло извѣстнаго мѣста, его нѣтъ ни въ одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, которыя были имъ заняты прежде; и при этомъ въ каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ тѣло остается абсолютно неуловимый моментъ; еслибъ оно задерживалось въ каждой точкѣ даже на срокъ невообразимо малый, оно никуда не подвинулось бы, потому что для движенія даже на небольшое разстояніе нужно пройти дѣйствительно безконечное множество точекъ, - истина, которую такъ хорошо понимали еще древніе элейскіе философы. Предположить, что тѣло задерживается въ каждой точкѣ движенія, значитъ совсѣмъ отвергнуть движеніе. А вѣдь это должно значить, что всякое длящееся явленіе представляетъ собою серію явленій аб-

солютно мгновенныхъ. Дѣйствительно, здѣсь дѣло идетъ не только объ особой природѣ движенія,-повидимому, совершенно аналогичныя замѣчанія можно сдѣлать и о всякомъ другомъ видѣ явленій. Состояніе, переживаемое мною теперь, не есть состояніе мгновенія предшествующаго. Какъ бы ни были они похожи одно на другое, между ними все же остается существенная разница: одно только было, но его нѣтъ,- другое есть сейчасъ. Слишкомъ очевидно, что всѣ мои прошлыя состоянія, какъ бы ни были они близки къ настоящему моменту, уже не существуютъ совершенно такъ же, какъ нѣтъ вчерашняго восхода солнца, нѣтъ моей вчерашней прогулки, нѣтъ моего вчерашняго голода.

Если коренное свойство явленій состоитъ въ непрерывномъ исчезновеніи всего, что въ нихъ дано, то бытіе субстанціальное характеризуется, напротивъ, постоянствомъ своего пребыванія. Явленія никогда не бываютъ одними и тѣми же,- каждый новый самый неуловимый моментъ ихъ развитія неизбѣжно приноситъ новыя явленія, которыя становятся на мѣстѣ прежнихъ; напротивъ, все, что можно понять какъ субстанцію, всегда остается однимъ и тѣмъ же. Такъ, вещество, изъ котораго образована вселенная, въ настоящую минуту совершенно то же, что и милліоны лѣтъ назадъ, хотя оно тогда было дано и въ иныхъ сочетаніяхъ, нежели теперь. Оно осталось тѣмъ же самымъ, къ нему ничего не прибавилось и ничего отъ него не было отнято,-оно всегда подлежитъ перемѣнамъ въ движеніи и расположеніи своихъ частицъ, но никогда не поглощается этими перемѣнами. Явленія, происходящія съ нимъ, составляютъ ему, въ этомъ отношеніи, рѣзкую противоположность: движеніе, происходящее сейчасъ, можетъ быть очень похоже на какое-нибудь прежнее движеніе, но оно никакъ не одно съ нимъ; прежняго движенія теперь уже абсолютно нѣтъ, разъ оно прошло, и то, которое совершается сейчасъ, есть движеніе новое. Скажемъ ли мы, что мысль о пребывающей субстанціи, во всѣхъ перемѣнахъ сохраняющей внутреннее тождество съ собою, есть произвольная гипотеза, безъ которой можно обойтись? Но пускай кто-нибудь попробуетъ вообразить, что вещество міра, подобно отдѣльнымъ явленіямъ въ немъ, во всемъ своемъ составѣ цѣликомъ уносится съ каждымъ прошедшимъ мгновеніемъ, чтобы возникать вновь съ каждымъ новымъ моментомъ времени и опять немедленно исчезать,-что тогда выйдетъ? Вмѣсто одного міра, онъ ихъ получитъ безконечное множество, и каждый изъ нихъ будетъ такимъ же мимолетно мелькнувшимъ призракомъ, какъ и всѣ другіе; всякая связь и зависимость для него пропали бы изъ вселенной, потому что между этими мгновенными мірами, въ которыхъ все заразъ образуется вновь, не осталось бы ничего, что могло бы ихъ привязывать другъ къ другу. Въ подобномъ положеніи оказались нѣкоторые картезіанцы, которые, серьезно усвоивъ идею о полномъ то-

жествѣ сохраненія міра съ его повторнымъ твореніемъ, вздумали доказывать, что всѣ вещи, со всѣми ихъ свойствами и дѣйствіями, каждое мгновеніе создаются Божествомъ заново: въ послѣднемъ результатѣ имъ пришлось самого Бога обратить въ единственную субстанцію матеріальнаго міра, -въ тотъ субстратъ и основную вещественную стихію, которая течетъ во всѣхъ вещахъ и даетъ возможность возникать все новымъ и новымъ явленіямъ, - безъ этого вселенная являлась сплошнымъ логическимъ абсурдомъ. Къ этому именно выводу пришелъ Спиноза.

Субстанція пребываетъ въ своихъ измѣненіяхъ; она остается одною и тою же, тогда какъ ея явленія; дѣйствія, состоянія каждое мгновеніе становятся другими, - это означаетъ, что она имѣетъ бытіе с в е р х в р е м е н н о е :такъ, по крайней мѣрѣ, всего скорѣе слѣдуетъ опредѣлить его по сравненію съ текучимъ существованіемъ явленій.Очевидно, что внутреннее тожество субстанціи въ различные моменты ея бытія мыслимо только подъ условіемъ, что она не подчиняется основному закону времени, -закону непрерывнаго исчезновенія настоящаго въ прошломъ. Явленія всецѣло подлежатъ этому закону; напротивъ, глубочайшая характеристика всего субстанціальнаго - въ томъ, что оно надъ нимъ возвышается и немыслимо иначе. Это другое отношеніе къ закону времени, понятіе с в е р х в р е м е н н о с т и , мнѣ кажется, выражаетъ наиболѣе соотвѣтственнымъ образомъ.

[Однако, понятіе о с в е р х в р е м е н н о м ъ никакъ не нужно отожествлять съ понятіемъ в н ѣ в р е м е н н а г о или б е з в р е м е н н а г о , которымъ обыкновенно обозначается а б с о л ю т н а я н е п р и ч а с т н о с т ь временнымъ отношеніямъ и опредѣленіямъ.Такое смѣшеніе понятій находилось бы въ рѣшительномъ противорѣчіи съ установленнымъ нами принципомъ с о о т н о с и т е л ь н о с т и: субстанція дана не внѣ своихъ явленій, а въ нихъ, какъ пребывающій источникъ реализуемой въ нихъ энергіи; между тѣмъ явленія непрестанно протекаютъ и мѣняются, слѣдовательно, и она сама не можетъ быть совсѣмъ чужда и безразлична къ отношеніямъ временной послѣдовательности. Но то, что во времени, взятомъ отвлеченно въ немъ самомъ, является какъ неудержимое исчезновеніе каждаго достигнутаго момента, то для субстанціи осуществляется, какъ ея п о л о ж и т е л ь н а я д л и т е л ь н о с т ь или какъ ея дѣйствительное сохраненіе въ смѣнѣ разнообразныхъ состояній. Только черезъ это время становится формою р е а л ь н а г о п р о ц е с с а , а не оказывается лишь чисто отрицательною силой, поглощающею всякую дѣйствительность, едва она появится на свѣтъ. Другими словами, р е а л ь н о е значеніе времени коренится въ бытіи сверхвременномъ].

Въ виду полученныхъ результатовъ опять вернемся къ вопросу, на чрез-

вычайную важность котораго мы уже не разъ указывали, ибо въ прямой зависимости отъ него будетъ стоять вся наша принципіальная оцѣнка психическихъ данныхъ : душевная жизнь, какъ она непосредственно предстоитъ нашему самосознанію и нашему внутреннему опыту, составляетъ ли простую сумму чистыхъ явленій, во всѣхъ послѣдствіяхъ этого понятія, какъ учатъ феноменисты, или въ ея фактахъ прямо даны признаки субстанціальнаго существованія ?

Достаточно подумать надъ этимъ вопросомъ серьезно и безъ предубѣжденій, - и мы сразу поймемъ, куда съ неизбѣжностью склоняется его рѣшеніе. Мы непоколебимо убѣдимся, что мыслить духъ какъ простую серію чистыхъ психическихъ явленій или событій такъ же невозможно, какъ нельзя мыслить вещество въ видѣ простого преемства неудержимо смѣняющихся движеній. Одинаково мы убѣдимся, что субстанціальный элементъ душевной жизни не лежитъ гдѣ - то за предѣлами ея непосредственно сознаваемаго содержанія, а выражается въ ней самой. Въ самомъ дѣлѣ, если мы даже отбросимъ теперь тѣ отвлеченныя логическія противорѣчія въ гипотезѣ чистыхъ, безсубстратныхъ явленій, на которыхъ останавливались раньше, во всякомъ случаѣ мы должны видѣть, что если бы душевная жизнь состояла только изъ нихъ, она имѣла бы совсѣмъ другой видъ и образъ. И прежде всего, какъ мы это уже видѣли, ясно, что ея конкретное содержаніе было бы тогда безусловно ограничено рамками настоящаго безъ малѣйшихъ перспективъ въ прошлое или будущее. Прошлыхъ явленій у ж е н ѣ т ъ , -будущихъ е щ е н ѣ т ъ ,-а можетъ ли душевная жизнь слагаться изъ того, чего совсѣмъ не существуетъ? Съ этой точки зрѣнія, все содержаніе нашего сознанія въ каждое данное мгновеніе должно абсолютно исчерпываться явленіями настоящаго момента, во всей его неуловимой мимолетности, и въ немъ не можетъ быть дано ничего д л я щ а г о с я . Еслибъ даже какое-нибудь явленіе п р о д о л ж а л о с ь (т.е. въ сущности, однообразно п о в т о р я л о с ь въ каждый новый моментъ сознаванія, напримѣръ, ощущеніе боли, холода и т.д.), - сознаніе не могло бы этого замѣтить, потому что содержаніе пережитыхъ мгновеній для него абсолютно исчезло бы, и оно было бы постоянно обращено лишь къ тому, что дано теперь. Душевная жизнь дѣйствительно представляла бы только серію непрерывно пропадающихъ звеньевъ. Такъ было бы, еслибъ гипотеза духа, какъ чистаго явленія, была справедлива; но это ли мы видимъ въ дѣйствительности ?

Здѣсь насъ съ самаго начала встрѣчаетъ тотъ безспорный фактъ, что ни одно психическое дѣйствіе или состояніе не бываетъ мгновеннымъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, и не сознается, какъ мгновенное. Д л и т е л ь н о с т ь психическихъ феноменовъ есть неизбѣжное условіе ихъ с о з н а в а е м о с т и ,-это одинаково можно сказать о всѣхъ операціяхъ ду-

ши на всѣхъ ступеняхъ душевной жизни. Можно спорить о подробностяхъ формулы, выражающей это основное свойство всего психическаго, но несомнѣнно, что воспріятіе даже самаго элементарнаго ощущенія представляетъ изъ себя цѣлый процессъ, состоящій въ смѣнѣ (болѣе или менѣе быстрой) ряда моментовъ, причемъ всякая предшествующая ступень воспріятія въ общемъ процессѣ даетъ менѣе опредѣленное содержаніе, чѣмъ ступень послѣдующая. И все, что мы знаемъ о природѣ нашей чувственной воспріимчивости, заставляетъ утверждать съ полною увѣренностью, что еслибъ въ насъ въ самомъ дѣлѣ промелькнуло ощущеніе, продолжавшееся одинъ безконечно малый, совершенно недѣлимый моментъ времени, мы бы его совсѣмъ и никогда не замѣтили. Очевидно, подобное же обобщеніе съ еще большимъ основаніемъ должно быть сдѣлано о всѣхъ болѣе сложныхъ психическихъ явленіяхъ: наша мысль, рѣшеніе нашей воли, каждое наше чувствованіе не сразу пріобрѣтаетъ свой опредѣленный обликъ, а развиваются въ извѣстной постепенности въ послѣдовательномъ рядѣ моментовъ. Въ настоящее время это можно считать экспериментально доказанными фактами. Оттого мгновенность психическихъ феноменовъ всегда лишь о т н о с и т е л ь н а : всякое воспринятое нами мгновенное содержаніе можетъ быть разложено при нѣкоторыхъ усиліяхъ внутренняго анализа на рядъ воспріятій еще болѣе мгновенныхъ, и, во всякомъ случаѣ, для его усвоенія нашимъ сознаніемъ необходимо, чтобы оно длилось извѣстное время. Въ этомъ лежитъ источникъ существеннаго различія между в р е м е н е м ъ а б с о л ю т н ы м ъ , или въ его отвлеченной идеѣ, и в р е м е н е м ъ п с и х о л о г и ч е с к и м ъ, т.е. дѣйствительно нами воспринимаемымъ: время абсолютное слагается изъ непрерывно протекающихъ недѣлимыхъ моментовъ настоящаго; время психологическое состоитъ изъ моментовъ, которые сами д л я т с я ,-другихъ мы не могли бы замѣтить.

Что же выходитъ ? Сдѣлаемъ ли мы то общее заключеніе, что абсолютнаго времени вовсе и нѣтъ, и что реальное время дѣйствительно состоитъ изъ длительныхъ моментовъ, въ силу чего явленія настоящаго момента сами должны имѣть длительность ? Однако, такое объясненіе страдало бы явною несообразностью : длящійся моментъ есть или contradictio in adjecto или просто обозначаетъ очень малый періодъ времени; а всякій періодъ времени, какъ бы коротокъ онъ ни былъ, долженъ подчиняться основному закону времени, т.е. долженъ состоять изъ послѣдовательнаго ряда моментовъ, каждый изъ которыхъ проходитъ, когда наступаетъ слѣдующій за нимъ. Точно такъ же и наши психическія состоянія, какъ бы неуловимо короткими они намъ ни казались, - разъ они вообще длятся, -должны дѣйствительно слагаться изъ постепенной смѣны состояній еще болѣе мгновенныхъ: напримѣръ, если предположимъ, что для полнаго развитія зрительнаго ощущенія какого-

нибудь цвѣта нужно около трехъ десятыхъ секунды, то изъ этого будетъ вытекать, что когда пройдетъ одна десятая секунды, окончится и та стадія зрительнаго ощущенія, которая можетъ получиться въ этотъ срокъ, и наступитъ его дальнѣйшая стадія. Такимъ образомъ, и въ психической сферѣ общая природа времени остается одинаковою какъ для большихъ, такъ и для малыхъ его промежутковъ. Чтобы какой-нибудь психическій феноменъ былъ усвоенъ нашимъ сознаніемъ, необходимо, чтобы онъ дѣйствительно длился, т.е. состоялъ изъ ряда моментовъ, и с к л ю ч а ю щ и х ъ другъ друга.

Какъ же это понять ?Скажемъ ли мы, что тѣмъ не менѣе наше сознаніе всегда относится только къ н а с т о я щ е м у во всей его мгновенности и неуловимости, что, поэтому , когда мы, напримѣръ, воспринимаемъ какое-нибудь ощущеніе, то непосредственнымъ предметомъ воспріятія является лишь самая послѣдняя стадія образующаго это ощущеніе процесса, а всѣ предшествующія его ступени воспроизводятся уже въ формѣ воспоминаній, которыя будучи сопоставлены съ тѣмъ, что воспринято прямо, сливаются съ нимъ въ одно ощущеніе даннаго нераздѣльнаго настоящаго момента? Однако, очевидна крайняя натянутость такого толкованія. Не говоря уже о томъ, что при немъ нужно допустить, что каждый протекшій моментъ слагающагося ощущенія (а ихъ безконечное множество) оставляетъ о себѣ въ сознаніи отдѣльное воспоминаніе, сопоставленіе такихъ воспоминаній съ тѣмъ, что воспринимается непосредственно, въ силу основного свойства всѣхъ психическихъ явленій вообще, само должно представлять процессъ, протекающій во времени. А потому для насъ поднимается новый вопросъ: какъ возможно въ насъ сознаніе совершившагося сопоставленія воспоминаемаго съ воспринимаемымъ ? И очевидно, что въ отвѣтѣ на него намъ остается только повторить прежнее объясненіе : мы сознаемъ совершившійся актъ сопоставленія черезъ сопоставленіе предшествующихъ ступеней этого акта съ его послѣднею ступенью. Но тогда подымется вопросъ объ этомъ новомъ сопоставленіи. И это наше разсужденіе намъ придется повторять до безконечности по поводу все новыхъ предполагаемыхъ сопоставленій, которыя будутъ расти непрерывно. Мы тщетно будемъ биться надъ неразрѣшимою проблемою, - втиснуть въ рамки мгновеннаго настоящаго то, что явно въ нихъ не вмѣщается, потому что не можетъ не быть д л я щ и м с я .

Изъ этихъ затрудненій, повидимому, остается лишь одинъ выходъ: признать фактъ, какъ онъ есть; согласиться, что всѣ психическія явленія, какими бы неуловимыми и элементарными они намъ ни казались, образуются непремѣнно изъ ряда протекающихъ моментовъ, и что каждое психическое состояніе въ своемъ цѣломъ, какъ оно сознается, получается черезъ дѣйствительное объединеніе самихъ пройденныхъ ступеней, а не какихъ-нибудь воспроизводящихъ ихъ воспоминаній или психическихъ слѣдовъ. Но допустить

что -нибудь подобное не значитъ ли утверждать очевидную несообразность? Что можетъ быть яснѣе той непререкаемой, даже тавтологической истины, что п р о ш л о е уже п р о ш л о ?А думать, что прошедшія уже ступени душевныхъ состояній въ этомъ своемъ качествѣ прошедшихъ, соединяются со ступенями, данными теперь, не означаетъ ли обращать эту истину въ ничто? Вотъ тутъ- то и сказывается настойчивая необходимость признать субстанціальный элементъ даже въ самыхъ элементарныхъ фактахъ сознанія: уже всякое самое простое и кратковременное ощущеніе представляетъ изъ себя а к т ъ с и н т е з а , о б ъ е д и н я ю щ і й в ъ с е б ѣ н а с т о я щ е е с ъ п р о ш л ы м ъ . И совершенно ясно, что въ этомъ актѣ мы не можемъ опять видѣть только послѣдовательный рядъ моментовъ, каждый изъ которыхъ уже отсутствуетъ, когда наступилъ другой: этимъ допущеніемъ мы внесли бы въ понятіе синтеза ту самую трудность, которую хотѣли устранить его помощью, и попали бы въ безконечный кругъ: для каждаго акта синтеза мы были бы вынуждены подыскивать объясняющій его новый актъ синтеза. Поэтому намъ остается принять, что к а ж д ы й т а к о й с и н т е з и р у ю щ і й а к т ъ о б л а д а е т ъ д ѣ й с т в и т е л ь н ы м ъ в н у т р е н н и м ъ е д и н с т в о м ъ и л и ш ь в ъ э т о м ъ к а ч е с т в ѣ о д н о г о а к т а с в я з ы в а е т ъ п р о ш л о е с ъ н а с т о я щ и м ъ , о т н о с я с ь и к ъ т о м у , и к ъ д р у г о м у , к а к ъ к ъ в е щ а м ъ , о д и н а к о в о с для него р е а л ь н ы м ъ . Другими словами, онъ не долженъ подчиняться основному закону времени, въ немъ что-то должно возвышаться надъ непрерывностью временнаго прехожденія и сохранять реальное тожество въ различные моменты. А мы знаемъ, что это значитъ: это можетъ имѣть только тотъ смыслъ, что въ актахъ психическаго синтеза послѣдовательныхъ моментовъ прямо и непосредственно выражается с у б с т а н ц і а л ь н а я с и л а д у ш е в н о й ж и з н и. Здѣсь само собою напрашивается сравненіе .Какъ всякое внѣшнее явленіе(напримѣръ, движеніе) оказывается возможнымъ только потому, что испытывающее его тѣло сохраняется въ смѣнѣ стадій его развитія, черезъ это связываетъ ихъ между собою и сливаетъ ихъ въ звенья одного непрерывнаго процесса (напр. одного движенія даннаго тѣла въ одномъ опредѣленномъ направленіи),такъ и всякое внутреннее явленіе представляется мыслимымъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, что наше Я, или сознающая въ насъ сила, не исчезаетъ вмѣстѣ съ протекающими моментами развитія этого явленія, а сохраняется и черезъ это внутренно совмѣщаетъ всѣ его моменты въ своемъ пребывающемъ единствѣ. Какъ для движущагося тѣла, достигшаго извѣстной точки своего пути, его нахожденіе въ точкахъ предшествующихъ исчезло абсолютно, но не исчезъ тотъ запасъ силы, который оно пріобрѣло въ

этихъ точкахъ, и который заставляетъ его теперь двигаться съ опредѣленною скоростью, - такъ и для нашего Я протекшіе моменты его воспріятій, хотя и перестаютъ быть непосредственно переживаемыми, но отъ этого не теряются безслѣдно, и оно переходитъ къ новымъ моментамъ своего существованія со всею совокупностью пріобрѣтенныхъ имъ раньше измѣненій и отношеній, и поэтому всякое получаемое имъ новое содержаніе оно сливаетъ и связываетъ съ старымъ. Въ виду этого можно сказать, что психическій синтезъ есть просто воспріятіе нашимъ Я своего собственнаго внутренняго единства и тожества въ разнообразіи испытываемыхъ имъ смѣняющихся состояній. Прямой предметъ этого синтеза вовсе не явленія, взятыя отвлеченно отъ существа, которое ихъ переживаетъ, - въ качествѣ чистыхъ явленій они никакъ не могутъ быть синтезированы, - что въ нихъ исчезло, то дѣйствительно исчезло, - а само это существо, поскольку оно возвышается надъ временемъ, и поскольку въ немъ внутренно сохраняется всякое пріобрѣтенное имъ новое опредѣленіе бытія. Только такъ понятенъ психическій синтезъ, и только такимъ онъ и является нашему самочувствію и самопознанію: вѣдь прошлыхъ состояній мы никогда не воспринимаемъ, мы не чувствуемъ прежней боли, разъ она прошла, мы не видимъ протекшихъ событій, разъ они кончились; но мы непосредственно знаемъ себя, какъ чувствовавшихъ боль и наблюдавшихъ данныя событія. Мы никогда не воспринимаемъ явленій, какъ таковыхъ; содержаніемъ нашего непосредственнаго воспріятія всегда оказывается наше собственное субстанціальное единство, какъ сознающихъ, - вотъ положеніе, которое, по моему глубокому убѣжденію, должно составить со временемъ одну изъ важнѣйшихъ истинъ психологической науки. Въ самомъ дѣлѣ, воспринять явленіе и воспринять субстанцію обозначаетъ совсѣмъ одно и то же. Въ явленіяхъ нечего и воспринимать больше, кромѣ осуществляемой въ нихъ положительной силы. Но нѣкоторыя явленія мы несомнѣнно воспринимаемъ, - сюда относятся всѣ акты и состоянія нашего собственнаго сознанія; мы дѣйствительно мыслимъ наши сужденія, чувствуемъ наши ощущенія, испытываемъ наши желанія. Слѣдовательно, и то реальное существо, которое въ насъ думаетъ, чувствуетъ и хочетъ, должно быть также непосредственнымъ предметомъ нашего сознанія или внутренняго самовоспріятія.

Однако, такое единство нашего сознанія, какъ бы ни было оно хорошо обосновано отвлеченными доказательствами, во всякомъ случаѣ, есть только наше предположеніе ? Слѣдуетъ сказать совсѣмъ наоборотъ: это самый основ-

ной и безспорный фактъ нашего душевнаго существованія. Мы никогда не воспринимаемъ безконечно малыхъ звеньевъ психическаго ряда, - до предположенія о нихъ мы можемъ дойти только путемъ окольныхъ соображеній, - во внутреннемъ опытѣ намъ всегда бываютъ даны процессы въ ихъ цѣломъ, въ ихъ длительности и завершенности. И тѣмъ не менѣе мы каждое наше ощущеніе признаемъ о д н и м ъ ощущеніемъ, каждое наше отдѣльное чувство о д н и м ъ чувствомъ, каждую нашу мысль о д н о ю мыслью. Не означаетъ ли это, что н е п о с р е д с т в е н н ы м ъ предметомъ нашего сознанія и переживанія всегда является н а ш ъ в н у т р е н н о - е д и н ы й п с и х и ч е с к і й с и н т е з ъ, а никакъ не тотъ предполагаемый текучій процессъ непрерывной смѣны, который мы воображаемъ въ качествѣ матеріала для него? И эту постоянно происходящую въ насъ синтезирующую дѣятельность, на что бы она ни была направлена, мы всегда сознаемъ, какъ с в о ю, и, наоборотъ, мы сознаемъ с е б я лишь настолько, насколько ощущаемъ, хотимъ, мыслимъ и совершаемъ другія психическія дѣйствія. Опять не значитъ ли это, что въ нашемъ душевномъ опытѣ намъ п р я м о р а с к р ы в а е т с я внутренняя соотносительность ф е н о м е н а л ь н а г о и с у б с т а н ц і а л ь н а г о въ насъ, и что въ е д и н с т в ѣ н а ш и х ъ д ѣ й с т в і й м ы у з н а е м ъ и п е р е ж и в а е м ъ с в о е с о б с т в е н н о е т о ж е с т в о, к а к ъ д ѣ я т е л ь н а г о с у щ е с т в а? Такимъ образомъ, то, что мы вывели, какъ a priori необходимое, есть въ то же время ф а к т ъ с о з н а н і я; и напротивъ, всякія попытки объяснить и вывести этотъ фактъ изъ законовъ чистыхъ явленій опираются на предположенія, несостоятельность которыхъ для насъ теперь очевидна. Теперь, въ самомъ дѣлѣ, взамѣнъ общепринятаго: м ы с о з н а е м ъ в ъ с е б ѣ т о л ь к о я в л е н і я, мы должны признать прямо противоположное утвержденіе: м ы н и к о г д а н е с о з н а е м ъ и н е м о ж е м ъ с о з н а в а т ь о д н и х ъ я в л е н і й; п о с т о я н н ы м ъ и е д и н с т в е н н ы м ъ п р е д м е т о м ъ н а ш е г о в н у т р е н н я г о о п ы т а в с е г д а о к а з ы в а е т с я с у б с т а н ц і а л ь н о е т о ж д е с т в о н а ш е г о с о з н а н і я в ъ е г о р а з н о о б р а з н ы х ъ в ы р а ж е н і я х ъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что роль психическаго синтеза далеко не исчерпывается областью элементарныхъ явленій души. Мы остановились на нихъ только потому, что въ нихъ она наименѣе замѣтна и оттого всего чаще игнорируется. Напротивъ, она тѣмъ шире признается во всѣхъ психологическихъ школахъ, чѣмъ болѣе сложныя отношенія явленій приходится подвергать психологическому анализу. Чтобы вполнѣ оцѣнить ея значеніе, я прямо перейду къ разсмотрѣнію таинственнаго феномена, который лежитъ въ основѣ всей на

шей личной жизни, - я разумѣю область явленій п а м я т и .

8) Проблема памяти занимала психологовъ съ давнихъ временъ, - нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что для ея разрѣшенія сдѣлано уже очень много. Въ настоящее время къ объясненію явленій нашей памяти подходятъ съ двухъ концовъ: психологи указываютъ ихъ источникъ и двигатель въ господствѣ надъ теченіемъ нашихъ идей законовъ ассоціаціи; физіологи ищутъ основы памяти въ устройствѣ мозговой коры, въ физіологическихъ связяхъ между отдѣльными центрами мозга и т.д.Не можетъ однако не показаться страннымъ, что во всѣхъ подобныхъ попыткахъ наиболѣе важная и загадочная сторона проблемы обыкновенно совсѣмъ игнорируется. Я говорю о нашемъ сознаніи р е а л ь н о с т и н а ш е г о п р о ш л а г о .

Положимъ,я вчера совершилъ отдаленную поѣздку,получилъ самыя разнообразныя впечатлѣнія, перевидалъ много новыхъ лицъ, имѣлъ весьма интересныя бесѣды съ ними и вернулся. Сегодня я живо представляю себѣ все это,и тѣмъ живѣе,чѣмъ сильнѣе были мои вчерашнія впечатлѣнія. Въ объясненіе этого факта, психологи ассоціативной школы справедливо отмѣтятъ, что мои сегодняшнія воспоминанія о вчерашнемъ днѣ возникли въ результатѣ прямого дѣйствія законовъ ассоціаціи: мои воспоминанія о вчерашнихъ событіяхъ,въ силу закона смежности, сочетались въ одну стройную картину, и, въ силу того же закона, вслѣдствіе непрерывности впечатлѣній,примкнули къ моимъ воспоминаніямъ о сегодняшнемъ днѣ. Кромѣ того, воспроизведеніе вчерашнихъ впечатлѣній можетъ возбуждаться во мнѣ и по закону сходства: ощущенія,переживаемыя сегодня, могутъ мнѣ напомнить то, что я испыталъ вчера, по сходству или контрасту. Съ своей стороны,физіологъ будетъ ссылаться на легкую возбудимость центровъ, только вчера воспринявшихъ сильныя и разнообразныя впечатлѣнія. Но для насъ теперь не въ этомъ дѣло, - я хотѣлъ бы,главнымъ образомъ,обратить вниманіе на слѣдующій вопросъ: почему я однако знаю, что все воспоминаемое мною б ы л о д ѣ й с т в и т е л ь н о ?

Онъ не такъ неумѣстенъ, какъ можетъ показаться. Вѣдь всѣхъ этихъ событій, пережитыхъ мною вчера,сейчасъ уже нѣтъ. Вчерашній день прошелъ, а съ нимъ прошло все, что его составляло. Правда, я о немъ сохраняю воспоминаніе. Но что же оно такое ? Вѣдь воспоминаніе есть мое представленіе или рядъ представленій, который сознается мною сейчасъ такъ - же , какъ я, напримѣръ, сейчасъ вижу предъ собою этотъ столъ или это окно.И сравнительно съ тѣмъ, что я теперь вижу, слышу и ощущаю другими чувствами, эти представленія оказываются неопредѣленными, тусклыми, сливающимися между собою; я усматриваю въ нихъ нѣчто субъективное, только воображаемое въ противоположность реальнымъ впечатлѣніямъ отъ обстановки и лицъ

окружающихъ меня теперь. Въ этомъ заключается непосредственно данная природа воспоминаній въ моемъ сознаніи въ настоящую минуту. Но этимъ дѣло, очевидно, не ограничивается. Воспоминаніями ихъ дѣлаетъ не ихъ тусклость и не ихъ субъективность, - тогда они могли бы вовсе не отличаться отъ совершенно произвольныхъ порожденій моей фантазіи, - а нѣкоторое другое обстоятельство: я вижу въ нихъ и з о б р а ж е н і е того, что дѣйствительно было вчера и было уже не въ видѣ смутныхъ субъективныхъ представленій, а въ качествѣ реальныхъ впечатлѣній. И я опять спрашиваю: какъ это возможно ?

Пускай представленія, изъ которыхъ слагаются мои воспоминанія, изображаютъ вчерашнія событія какъ нельзя болѣе вѣрно и точно. Но почему я могу объ этомъ знать ? Вчерашнія событія прошли, - ихъ нѣтъ; а моихъ теперешнихъ представленій не было вчера. Въ чемъ же, когда и какъ я могу ихъ сравнить ? Почему эти мои представленія о вчерашней поѣздкѣ служатъ для меня копіей дѣйствительныхъ событій, вызывающею къ себѣ безусловное довѣріе ? Сошлемся ли мы, вслѣдъ за Юмомъ, на большую и н т е н с и в н о с т ь воспоминаемыхъ образовъ, сравнительно съ простыми созданіями воображенія ? Но правда ли, что воспоминаемые образы всегда интенсивнѣе воображаемыхъ? Да и чему здѣсь можетъ помочь интенсивность? Вѣдь переживаемыя нами теперь ощущенія еще гораздо интенсивнѣе образовъ воспоминанія, но это нисколько не побуждаетъ насъ проэцировать ихъ въ прошлое. Или мы будемъ объяснять нашу вѣру въ реальность прошлыхъ событій тѣмъ, что наши воспоминанія о нихъ составляютъ одну неразрывную цѣпь, которая, нигдѣ не прерываясь, тянется назадъ отъ настоящей минуты ? Однако, справедливо ли, что эта цѣпь неразрывна ? Каждому извѣстно изъ собственнаго опыта, что даже въ воспоминаніяхъ о недавнихъ событіяхъ очень многія звенья выпадаютъ совсѣмъ, что этихъ выпавшихъ звеньевъ оказывается тѣмъ больше, чѣмъ болѣе воспоминаемыя событія отступаютъ въ прошлое, и что когда дѣло идетъ о событіяхъ отдаленныхъ, наши воспоминанія скорѣе приходится сравнивать съ немногими разрозненными свѣтлыми пятнами на совершенно темномъ фонѣ. Да еслибъ даже цѣпь нашихъ воспоминаній была дѣйствительно неразрывна, въ чемъ бы тутъ могло заключаться объясненіе ? Вѣдь эта цѣпь въ моемъ сознаніи во всякомъ случаѣ состоитъ изъ моихъ т е п е р е ш н и х ъ представленій, а весь вопросъ въ томъ, какъ я могу знать, что т е п е р е ш н і я м о и п р е д с т а в л е н і я изображаютъ п р о ш л у ю д ѣ й с т в и т е л ь н о с т ь ?

Несомнѣнно, этому вопросу можно дать еще болѣе общій и принципіальный видъ: какъ мы можемъ вообще сознавать в р е м я ? Почему наша мысль относится къ п р ш л о м у и б у д у щ е м у , какъ къ чему то безспорно реальному ? Если въ нашемъ сознаніи содержится только то, что да-

но теперь, то какъ мы сознаемъ то, чего теперь никоимъ образомъ не дано, а что или у ж е п р о ш л о или е щ е н е н а с т у п и л о? Какъ для сознанія можетъ оказаться дѣйствительнымъ то, что недѣйствительно по всему своему составу? А таково, вѣдь, время: прошлаго уже нѣтъ, будущаго еще нѣтъ, настоящаго тотчасъ же нѣтъ, какъ только оно настало.

Какъ бы мы ни переворачивали эти вопросы и недоумѣнія, изъ нихъ, очевидно, нѣтъ выхода съ точки зрѣнія феноменистическихъ посылокъ. Мы вновь должны прибѣгнуть къ фактору, предположеніе о которомъ оказалось неизбѣжнымъ въ аналогичномъ вопросѣ о д л и т е л ь н о с т и психическихъ состояній, - къ сверхвременному(и, стало быть, субстанціальному)субъекту нашего сознанія. Можносказать такъ: сознаніе реальности времени есть самое очевидное, самое точное, самое безспорное доказательство сверхвременной природы нашего Я. Если вспомнимъ, что было сказано раньше о природѣ явленій вообще, объ ихъ отношеніи къ времени и о природѣ самого времени, мы поймемъ неизбѣжность такого вывода. Для насъ теперь ясно, что еслибы душевная жизнь и сама душа представляли чреду состояній, то существованіе каждаго изъ нихъ должно было бы ограничиться тѣмъ мгновеніемъ, въ которое оно дано, но не могло бы содержать моментовъ, уже протекшихъ или еще не возникшихъ. Для насъ далѣе должно быть ясно, что если, при отрицательной природѣ времени, все въ немъ данное непрерывно исчезаетъ, то само время для этого въ немъ даннаго не можетъ представить реальнаго объекта воспріятія, какъ нѣкоторое цѣлое, растянутое въ прошломъ и будущемъ. А это значитъ, что время не можетъ быть сознано и понято тѣмъ, что само в р е м е н н о . Для сознанія времени нужно, чтобы во временномъ процессѣ стояло нѣчто такое, что имъ не поглощается и въ немъ не исчезаетъ, и что поэтому можетъ находиться въ положительномъ отношеніи къ его различнымъ моментамъ. Если можно такъ выразиться, сознаніе времени есть с у б с т а н ц і а л ь н а я ф у н к ц і я д у ш и .

Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ единую субстанціальную силу, которая является постояннымъ источникомъ многообразныхъ дѣйствій, что вполнѣ отвѣчало бы самому понятію о ней, потому что сила, не обнаруживающая себя ни въ какихъ дѣйствіяхъ, не была бы силою; эта сила, вслѣдствіе своей субстанціальной природы, очевидно, не можетъ истощаться и уничтожаться въ своихъ отдѣльныхъ актахъ, она должна постоянно переходить все къ новымъ проявленіямъ, и эти проявленія всего скорѣе придется мыслить въ формѣ разнообразныхъ отношеній и соприкосновеній съ внѣшними ей силами. Допустимъ далѣе, согласно принципу соотносительности, что эта сила существуетъ не внѣ своихъ состояній и дѣйствій , а пребываетъ въ каждомъ опредѣленіи своего развитія, и, перейдя къ новому опредѣленію, не пере-

стаетъ быть пережившею, воспринявшею и видоизмѣнившеюся чрезъ предшествующее, и что, съ другой стороны, пріобрѣтенное ею новое опредѣленіе не есть для нея что -нибудь окончательное, но, вслѣдствіе присущей ей активности, она непрерывно стремится къ проявленіямъ все болѣе новымъ. Въ такихъ предположеніяхъ не только нѣтъ логическаго противорѣчія, но всякую причинность въ мірѣ мы, въ сущности, понимаемъ лишь по этой аналогіи. Теперь вообразимъ, что эта индивидуально существующая субстанціальная сила в о с п р и н и м а е т ъ сама себя такъ, какъ она есть: очевидно, у нея должна получиться и п а м я т ь , какъ сознаніе реальности прошлыхъ состояній въ ихъ истинномъ порядкѣ, и в о с п р і я т і е в р е м е н и, какъ различіе между пережитымъ и тѣмъ, что переживается, и какъ постоянное предвосхищеніе будущаго и стремленіе къ нему. Другими словами, память и сознаніе времени суть a priori необходимые аттрибуты дѣятельной субстанціи, сознающей себя. И можно сказать наоборотъ, что для сознанія такой субстанціи неоказалось бы никакого другого содержанія, кромѣ ея собственнаго тожества въ чредѣ разнообразныхъ состояній и актовъ .

Итакъ, мы опять возвращаемся къ той истинѣ, что единство нашего сознанія есть не производный, но основной фактъ психической жизни; это не продуктъ прихотливой игры явленій въ насъ, а коренное условіе самой возможности какихъ бы то ни было субъективныхъ явленій вообще. Значеніе этой истины глубоко понималъ Кантъ, когда создавалъ свою теорію т р а н с ц е н д е н т а л ь н о й а п п е р ц е п ц і и . Непрерывно воспринимая и переживая свое внутреннее тожество въ разнообразіи состояній, мы тѣмъ самымъ сознаемъ, что мы не только е с т ь , но б ы л и и б у д е м ъ . Сознаніе этого длящагося тожества раскрывается для насъ въ каждомъ малѣйшемъ нашемъ актѣ, и самое сознаніе времени есть только его обобщенная форма. Несомнѣнно, на этомъ же корнѣ выростаетъ и наше сознаніе своей личности. Поэтому, единство сознанія дѣйствительно можно назвать т р а н с ц е н д е н т а л ь н ы м ъ ф а к т о м ъ внутренняго опыта.

Напротивъ, если мы отвергнемъ это сверхвременное единство нашего Я, какъ реальное данное душевной жизни, то сознаніе времени окажется невозможнымъ даже въ качествѣ и л л ю з і и . Такой иллюзіи тогда просто неоткуда взяться. Я уже не говорю о томъ, что взглядъ на время, какъ на простую иллюзію, немедленно опровергаетъ самъ себя во всякой попыткѣ его продумать, - ибо каждый процессъ мысли въ насъ, самымъ своимъ совершеніемъ, тотчасъ же обнаруживаетъ свой длительный характеръ.

Такимъ образомъ, фактъ памяти, въ виду его наглядности, представляетъ какъ бы experimentum crucis въ спорѣ между ф е н о м е н и с т и ч е-

скимъ и субстанціалистическимъ взглядомъ на душу. Онъ явно невозможенъ, по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе существенныхъ своихъ особенностяхъ, - при первомъ, онъ a priori необходимъ при второмъ. Если для воззрѣнія на душу, какъ на сверхвременное существо, является какое затрудненіе при объясненіи феноменовъ памяти, то совсѣмъ съ другой стороны : оно заключается въ ограниченности нашей памяти и въ тѣсной зависимости ея процессовъ отъ весьма сложныхъ условій. Мы далеко не все вспоминаемъ изъ нашего прошлаго и далеко не одинаково вспоминаемъ въ разные моменты нашей жизни, - наша способность воспроизводить пережитыя впечатлѣнія капризно мѣняется вмѣстѣ съ состояніемъ нашего здоровья, настроеніемъ, возрастомъ и т.д. Даже въ самыя свѣтлыя минуты воспоминаніе объ очень многихъ вещахъ окружено для насъ непобѣдимыми препятствіями. Правда, существуютъ весьма интересные разсказы о томъ, какъ нѣкоторые люди, въ моменты крайней опасности, припоминали всю свою прошлую жизнь въ малѣйшихъ подробностяхъ, и она вставала передъ ними вся, въ одной цѣльной картинѣ. Однако, о подобныхъ фактахъ мы знаемъ только изъ передачи лицъ, ихъ испытавшихъ, притомъ сдѣланной уже тогда, когда они сами не могли ясно воспроизвести для себя пережитаго ими чрезвычайнаго состоянія, и слѣдовательно, могли дѣлать ему ошибочную оцѣнку. Наконецъ, кромѣ сейчасъ указанныхъ недостатковъ нашей способности воспоминанія въ ея обычной дѣятельности, слѣдуетъ имѣть въ виду многочисленные случаи обмановъ памяти, наблюдаемые не только у людей больныхъ, но и у вполнѣ нормальныхъ.

Вообще нельзя не отмѣтить того весьма важнаго пункта, что явленія памяти имѣютъ характеръ опосредствованный, и въ этомъ ихъ существенное различіе отъ воспріятія длительныхъ психическихъ состояній каждаго въ отдѣльности. Соображенія, приведенныя раньше, заставляютъ думать, что эти отдѣльныя состоянія мы сознаемъ безъ всякихъ воспроизводящихъ посредствъ, прямо объединяяихъ послѣдовательные моменты въ одно психическое цѣлое. Напротивъ, въ явленіяхъ памяти мы не воспринимаемъ прошлаго прямо, хотя и сознаемъ его реальность; мы его воспроизводимъ чрезъ посредство воспоминаній, которыя во всякомъ случаѣ представляютъ изъ себя факты текущей минуты. Мы только проецируемъ свои воспоминанія назадъ, но предъ нашимъ сознаніемъ не стоятъ самыя прошлыя событія. Какъ объяснить это различіе ?

По этому поводу слѣдуетъ замѣтить, что при объясненіи фактовъ памяти представляются три гипотезы : а) Гипотеза феноменистическая. Если отвлечься отъ общихъ противорѣчій феноменизма, она до извѣстной степени объясняетъ механизмъ возникновенія воспоминаній въ каждый данный моментъ; но она совершенно безсильна объяснить на-

ше сознаніе реальности прошлаго, - постоянно совершаемое нами у з н а н і е въ образахъ настоящаго дѣйствительно бывшихъ фактовъ . в) Гипотеза с п и р и т у а л и с т и ч е с к а я , признающая душу за единую, неизмѣнную субстанцію, въ которой все ею испытанное остается навсегда въ томъ самомъ порядкѣ, какъ оно было пережито. Приблизительно такъ смотритъ на явленія памяти, наприм. ,Лотце. Эта гипотеза хорошо объясняетъ единство нашего сознанія и факты узнанія прошлаго въ настоящемъ, но она совершенно неспособна дѣйствительно растолковать сейчасъ указанную ограниченность, связанность и условность явленій памяти. с) Гипотеза н е п р е р ы в н а г о в з а и м о д ѣ й с т в і я д у ш и и т ѣ л а . Она могла бы слагаться изъ слѣдующихъ соображеній. Нашъ духъ въ самомъ дѣлѣ есть сверхвременное субстанціальное существо, и поэтому все, что имъ было пережито и воспринято, хранится въ немъ, объединенное въ стройную, послѣдовательную картину. Но эта картина отражается въ его самосознаніи только въ очень тускломъ, смутномъ и слитномъ, - такъ сказать, с ж а т о м ъ , - видѣ. Собственно говоря, въ этомъ случаѣ мы даже имѣемъ не сознаніе въ строгомъ смыслѣ, а скорѣе только неопредѣленное общее чувство или т е м н ы й и н с т и н к т ъ прошлаго. Чтобы какое-нибудь воспоминаніе выдѣлилось изъ этого совершенно слитнаго состоянія, нужно, чтобы оно облеклось въ чувственно-наглядный образъ; а для этого необходимо, чтобы повторилось соотвѣтствующее ему впечатлѣніе, если не въ формѣ реальнаго ощущенія, то, по крайней мѣрѣ, въ формѣ его ослабленнаго и субъективнаго воспроизведенія. Тогда духъ инстинктивно угадаетъ реальное значеніе этого образа и оцѣнитъ его, какъ символъ прошлой дѣйствительности. Между тѣмъ все, что мы знаемъ о психическихъ процессахъ въ насъ, заставляетъ думать, что для такого воспроизведенія впечатлѣній, - какъ въ ихъ прежней интенсивности, такъ и въ видѣ ихъ ослабленнаго повторенія въ субъективныхъ образахъ воспоминанія, - одинаково бываютъ нужны особыя физіологическія условія. Отсюда вытекаютъ зависимость феноменовъ памяти отъ чисто внѣшнихъ и случайныхъ обстоятельствъ, возможныя въ нихъ аберраціи и т.д. Черезъ это вообще вопросъ о психологическомъ и физіологическомъ механизмѣ нашихъ воспоминаній получаетъ первостепенное значеніе. Можно сказать, что въ явленіяхъ памяти наша душа болѣе наглядно подчинена физической организаціи, чѣмъ въ какихъ-нибудь другихъ. Конечно, сейчасъ изложенный взглядъ есть только гипотеза, но, повидимому, ее должно признать за единственную гипотезу, въ которой дѣйствительно примиряются трансцендентальные факты сознанія нашего единства и реальности времени съ тѣсной зависимостью законовъ памяти отъ физіологическаго строенія организма.

9) Итакъ, е д и н с т в о с о з н а н і я и связанное съ нимъ с о з н а н і е р е а л ь н о с т и в р е м е н и суть трансценденталъные факты нашего внутренняго опыта: въ нихъ мы непосредственно воспринимаемъ внутреннее тожество нашего сознающаго существа и они представляютъ нѣчто въ самомъ строгомъ смыслѣ первоначальное въ нашей душевной жизни. Они - условіе опыта, а никакъ не его продуктъ: все, что входитъ въ нашъ опытъ, какъ его составной элементъ, неизбѣжно пропускается черезъ ихъ призму и иначе не могло бы принадлежать къ опыту. Поэтому нѣтъ болѣе ложнаго пріема психологическаго анализа, какъ пытаться ихъ выводить изъ какихъ - нибудь простѣйшихъ данныхъ, каковы законы ассоціаціи идей, процессы абстракціи и т.д. Напротивъ, въ нихъ мы имѣемъ факты и самые широкіе по своему захвату, обнимающіе всѣ изгибы душевной жизни, и самые простые и элементарные, потому что они присутствуютъ уже въ самомъ простомъ ощущеніи, какъ его неустранимое условіе и основа.

Къ этимъ трансцендентальнымъ фактамъ слѣдуетъ прибавить еще одинъ: сознаніе нашей а к т и в н о с т и . Несомнѣнно, онъ тѣсно слитъ съ двумя первыми : мы только черезъ то и сознаемъ свое единство, что объединяемъ (синтезируемъ) многообразныя впечатлѣнія въ непрерывномъ внутреннемъ тожествѣ нашего сознанія, а такое объединеніе и синтезированіе, очевидно, представляютъ собою д ѣ я т е л ь н о с т ь нашего субъекта. Что въ этой дѣятельности непосредственно выражается единая субстанціальная основа сознанія, ясно изъ того уже, что чрезъ нее только и реализуется ея единство: не будь въ насъ этой синтезирующей дѣятельности, у насъ не было бы и никакого единаго сознанія. Вообще, субстанція, по самому своему понятію, прежде всего есть дѣятельная сила своихъ явленій, которая въ нихъ многообразно осуществляется и связываетъ ихъ между собою. Слѣдовательно, если мы въ самомъ дѣлѣ воспринимаемъ субстанцію нашего духа, мы должны непосредственно воспринимать его дѣятельность.

Это значитъ, что наше Я или наша душа раскрывается въ нашемъ опытѣ, какъ единая, пребывающая, дѣятельная субстанція, которая сознаетъ себя въ этихъ качествахъ. Эти свойства не приписываются нами ей по недоразумѣнію или невольной иллюзіи, - они представляютъ одновременно и условія, и неустранимые элементы содержанія нашей душевной жизни. Въ опытѣ нашего сознанія мы всегда имѣемъ дѣло съ его субстанціальнымъ носителемъ и, воспринимая явленія духа, мы воспринимаемъ самый духъ, поскольку онъ реализуется черезъ нихъ въ своихъ подлинныхъ признакахъ.

Но эти свойства- единство, пребываніе, активность - не представляются ли слишкомъ общими и отвлеченными ? Не должны ли мы, рядомъ съ ними, допустить еще другія, о которыхъ мы уже не имѣемъ непосредственнаго знанія изъ опытныхъ данныхъ и которыя тѣмъ не менѣе такъ же реальны, какъ

и тѣ, о которыхъ мы говорили? Не придется ли тогда утверждать вмѣстѣ съ Кантомъ, что духъ, какъ в е щ ь в ъ с е б ѣ , отъ насъ скрытъ, что для его представленія у насъ не оказывается никакой наглядной интуиціи, и что поэтому мы приближаемся къ его пониманію только въ безсодержательныхъ абстракціяхъ ?

Правы ли будутъ тѣ, кто сдѣлаетъ этотъ упрекъ ? Скорѣе въ немъ можно видѣть примѣръ того, какъ иногда запутываются самыя ясныя проблемы неосторожною постановкой неумѣстныхъ требованій. Если выводы, сдѣланные нами до сихъ поръ, справедливы, то мы можемъ съ полною увѣренностью сказать, что имѣемъ конкретную интуицію нашего духа, - она дана намъ во всей совокупности нашей душевной жизни и въ каждомъ ея отдѣльномъ актѣ. Но о духѣ, взятомъ отвлеченно отъ всѣхъ его проявленій, мы дѣйствительно не имѣемъ нагляднаго представленія, - по той простой причинѣ, что онъ и есть только о т в л е ч е н н о с т ь . О наглядномъ образѣ здѣсь тѣмъ болѣе не можетъ быть рѣчи, что всякій наглядный образъ есть уже опредѣленный психическій продуктъ, который не могъ бы явиться, еслибъ единство, сверхвременное пребываніе и активность нашего сознающаго субъекта не были уже даны, какъ условія его возникновенія.

Косвеннымъ подтвержденіемъ сейчасъ сдѣланныхъ замѣчаній можетъ служить тотъ фактъ, что, анализируя наши понятія о какомъ бы то ни было субстанціальномъ бытіи, мы найдемъ въ немъ признаки аналогичные тѣмъ, которые доставляетъ намъ наше самосознаніе, но не отыщемъ никакихъ другихъ. Съ перваго взгляда дѣло представляется иначе: наприм., когда вопросъ ставится хотя бы о матеріальномъ атомѣ, мы въ идеяхъ о непроницаемости, инерціи, протяженности, величинѣ, фигурѣ, повидимому, имѣемъ вполнѣ нагляд - ный матеріалъ для конкретной интуиціи. Однако, отбросимъ въ этихъ идеяхъ то, что въ нихъ есть субъективно-чувственнаго - что останется тогда отъ нихъ, кромѣ предположенія о различныхъ способахъ дѣйствія силъ, устанавливающихъ бытіе атома : сопротивленія, стремленія пребывать въ каждомъ пріобрѣтенномъ состояніи, - и о предѣлахъ проявленія этихъ силъ, потому что протяженность, величина, фигура обозначаютъ только границы постоян - ной сферы, въ которыхъ атомъ непроницаемъ для другихъ тѣлъ ? Но эти изначальныя силы атома сами по себѣ, въ своихъ внутреннихъ опредѣленіяхъ, очевидно, уже не имѣютъ внѣшняго облика, потому что всякій такой обликъ выражаетъ форму ихъ дѣйствія на окружающій міръ и, слѣдовательно, представляетъ лишь относительное явленіе. Допустимъ гипотетически, что атомъ обладаетъ рудиментарнымъ самочувствіемъ и воспринимаетъ свою внутреннюю дѣйствительность : онъ будетъ сознавать себя, какъ пребывающій центръ многообразныхъ отношеній и дѣйствій, но все же о себѣ, какъ дѣятельномъ источникѣ внутреннихъ силъ, онъ не получитъ никакого нагляднаго, объек-

тивнаго образа, потому что, какъ мы сейчасъ видѣли, у него и нѣтъ этого образа. Не будемъ же требовать и отъ своей души того, чего не можемъ приписать даже въ отвлеченной схемѣ никакому сознающему центру.

III.

Отношеніе души къ тѣлу.

1). Теперь, когда мы уяснили себѣ, въ чемъ состоитъ дѣйствительное содержаніе душевной жизни, мы должны обратиться къ другому вопросу, не менѣе важному: къ вопросу объ отношеніи души и тѣла. Душа и тѣло различаются ли между собою, представляютъ ли они два разныя начала въ человѣческой природѣ, или въ существѣ своемъ они составляютъ совсѣмъ одно и то же ? Психическія явленія въ насъ и физическіе процессы въ нашемъ организмѣ проистекаютъ ли изъ двухъ разныхъ источниковъ, хотя бы и тѣсно связанныхъ между собою, или источникъ ихъ одинъ, и различіе между душевными и физіологическими феноменами зависитъ только отъ того, что мы ихъ различнымъ образомъ воспринимаемъ, - одни путемъ внутренняго усмотрѣнія и переживанія, другіе путемъ внѣшняго наблюденія ?

Изъ различнаго отвѣта на этотъ вопросъ возникаютъ два разные взгляда на человѣческое существо : дуалистическій (различающій душу и тѣло) и монистическій (сливающій ихъ въ одно). Въ свою очередь монистическое воззрѣніе можетъ получить двоякую форму: мы или припишемъ дѣйствительность только нашему духу и тому, что въ немъ происходитъ, а у всего вещественнаго отнимемъ всякую независимую реальность и будемъ думать, что наше тѣло есть только наше представленіе, возникшее изъ нашихъ субъективныхъ ощущеній, которому ничто не отвѣчаетъ внѣ нашего представленія и сознанія(это предположеніе можно назвать чистымъ спиритуализмомъ или субъективнымъ идеализмомъ ,первымъ представителемъ этого направленія является англійскій философъ Беркли),или, напротивъ, мы признаемъ, что нашъ тѣлесный организмъ обладаетъ реальностью помимо нашихъ ощущеній, что процессы въ немъ даже предшествуютъ всѣмъ явленіямъ нашей психики, ихъ впервые вызываютъ и обусловливаютъ во всемъ ихъ содержаніи, и что поэтому наша душевная жизнь есть только субъективное отраженіе объективныхъ физіологическихъ измѣненій въ нашемъ тѣлѣ.(Этотъ взглядъ можно обозначить,, какъ физіологическій монизмъ). Физіологическій монизмъ въ свою очередь распадается на двѣ возможныя гипотезы: можно

предположить, что наша душевная жизнь во всемъ ея составѣ и особенностяхъ есть прямое порожденіе физическихъ и химическихъ процессовъ въ нашемъ мозгѣ и нервной системѣ, - это гипотеза *матеріалистическаго монизма*; по другой болѣе тонкой и отвлеченной гипотезѣ, физическіе и химическіе процессы сами по себѣ ничего въ душевныхъ фактахъ объяснить не могутъ; мы не знаемъ внутренней сущности процессовъ, происходящихъ въ нашемъ организмѣ, не знаемъ сущности и самаго организма. Психическія и физическія явленія представляютъ переводъ на два разные языка (внутренняго и внѣшняго опыта) процессовъ, въ своемъ существѣ неизвѣстныхъ. Но все же различіе физическаго и психическаго зависитъ только отъ нашего способа воспріятія, а не отъ тѣхъ процессовъ, которые мы въ нихъ воспринимаемъ. Одинъ и тотъ же въ себѣ неизвѣстный процессъ явится для внутренняго наблюденія въ формѣ мысли, для наблюденія внѣшняго въ формѣ движенія нашего мозга. Это гипотеза *феноменистическаго монизма* или гипотеза *параллелизм*

Гипотеза *чистаго спиритуализма* или *субъективнаго идеализма* едва ли можетъ имѣть строгое и послѣдовательное практическое примѣненіе въ психологіи : ея мѣсто скорѣе въ теоріи познанія. Когда мы во всей широтѣ ставимъ вопросъ о возможности что- нибудь знать вообще, мы, конечно, бываемъ вынуждены разсматривать все, что мы знаемъ и думаемъ, прежде всего, какъ наше представленіе. Къ убѣжденію въ объективномъ значеніи тѣхъ или другихъ нашихъ идей можно прійти только послѣ, въ результатѣ ихъ строгой и внимательной критической оцѣнки. Напротивъ, въ психологіи мы изучаемъ душевныя явленія въ ихъ *отличіи* отъ всѣхъ другихъ; физіологическія явленія въ ней предполагаются, какъ нѣчто данное, отношеніе къ чему нашего психическаго существованія надо уяснить и установить. Съ этой точки зрѣнія, едва ли легко провозгласить наше тѣло просто за нашу галлюцинацію и иллюзію: оно для этого слишкомъ настойчиво доказываетъ свою независимую отъ насъ реальность своими непрерывными воздѣйствіями на нашъ субъективный міръ. При современныхъ пріемахъ изслѣдованія, въ нашей душевной жизни ничего нельзя понять, если предположить, что физіологическіе процессы намъ только кажутся, а что на дѣлѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Поэтому практическое значеніе въ психологіи могутъ имѣть только *дуалистическая* (или *спиритуалистическая* въ обычномъ словоупотребленіи) *гипотеза* и *гипотеза физіологическаго монизма*.

Что касается дуалистической гипотезы, то прежде всего надо имѣть въ виду, что дуализмъ во взглядѣ на человѣческую природу вовсе не предполагаетъ непремѣнно *дуализма метафизическаго*,

Дуалисты въ метафизикѣ предполагаютъ, что духъ и матерія, по своему внутреннему существу, не имѣютъ ничего общаго между собою, что всѣ ихъ свойства абсолютно различны, что по своей природѣ они даже представляютъ полное взаимное отрицаніе. Такой взглядъ не только не помогаетъ дуализму въ антропологіи (т.е. въ пониманіи человѣческаго существа); онъ ставитъ для него непобѣдимыя препятствія : какъ тогда мыслить въ человѣкѣ связь между началами, которые совершенно отрицаютъ другъ друга ? Дуализмъ въ психологіи держится на предположеніи, гораздо болѣе скромномъ: онъ полагаетъ, что душа и тѣло, какова бы ни была ихъ внутренняя природа и какъ бы ни были они тѣсно связаны, суть, все-таки, р а з л и ч н ы е и с т о ч н и к и р а з н ы х ъ я в л е н і й . Они могутъ быть сходны по своей внутренней сущности, но имѣютъ различное существованіе: это два разные предмета опыта, - двѣ различныя вещи. Но извѣстная однородность въ ихъ внутреннемъ существѣ не только не отвергается антропологическимъ дуализмомъ, она прямо требуется. Оттого вполнѣ можно быть монистомъ въ метафизикѣ и дуалистомъ во взглядѣ на человѣка. Лейбницъ, напр., въ метафизикѣ былъ убѣжденнымъ защитникомъ монизма: во всемъ существующемъ онъ видѣлъ выраженіе духовнаго творчества; элементы всѣхъ вещей - духовныхъ и матеріальныхъ одинаково, - онъ разсматривалъ какъ д у х о в н ы я е д и н и ц ы съ чисто внутреннею жизнію (монады). Между тѣмъ въ ученіи о человѣческой природѣ онъ былъ д у а л и с т ъ : онъ, все -таки, думалъ что наша душа есть о с о б а я м о н а д а (духовный атомъ) среди другихъ монадъ, составляющимъ тѣло. Извѣстный философъ Лотце тоже былъ монистомъ въ метафизикѣ, а въ воззрѣніи на человѣка настойчиво защищалъ дуализмъ. Аналогичное замѣчаніе можно сдѣлать и относительно Гербарта.

2). Господствующій въ настоящее время въ психологической наукѣ взглядъ на отношеніе душевныхъ и тѣлесныхъ явленій въ насъ всего лучше и скорѣе можетъ быть охарактеризованъ какъ ф и з і о л о г и ч е с к і й м о н и з м ъ . Смыслъ этого взгляда кратко можно выразить слѣдующимъ образомъ : нѣтъ нужды признавать душу, какъ особый, независимый отъ тѣла, источникъ психическихъ феноменовъ; въ цѣляхъ научнаго объясненія намъ достаточно видѣть въ душевной жизни функцію разнообразныхъ физіологическихъ процессовъ въ нашемъ мозгѣ и въ нервной системѣ. Это вовсе не означаетъ, чтобы сторонники монистической гипотезы были всѣ матеріалистами: эта гипотеза представляетъ собою скорѣе методъ изслѣдованія, нежели положительное ученіе о существѣ человѣка. Извѣстный современный психологъ Джемсъ говоритъ: "Въ настоящее время психологія двигается въ матеріалистическомъ направленіи и, въ интересахъ ея конечныхъ успѣховъ, ей должна быть предоставлена полная свобода двигаться въ этомъ на-

правленіи даже тѣми, которые увѣрены, что она никогда не достигнетъ конечной цѣли, не возвратившись вспять". Нужно сказать, что самъ Джемсъ въ этомъ увѣренъ .По своимъ интимнымъ убѣжденіямъ онъ далеко не матеріалистъ, а скорѣе принадлежитъ къ противоположному направленію.

У гипотезы физіологическаго монизма есть огромное достоинство: она заставила сосредоточить вниманіе на психофизическихъ и психофизіологическихъ изслѣдованіяхъ, и мы, главнымъ образомъ, ей обязаны огромными успѣхами въ этой области за послѣднее время.Но существуютъ въ ней и крупные недостатки,которые должны быть ясны для безпристрастнаго психолога. И, прежде всего, она порождаетъ въ своихъ сторонникахъ невольное стремленіе къ физіологическому схематизму: вмѣсто свободнаго и всесторонняго описанія и изслѣдованія психическихъ фактовъ въ ихъ внутренней,субъективной природѣ, - что само по себѣ представляетъ задачу очень трудную, - они тратятъ свои силы на изобрѣтеніе всевозможныхъ схемъ для тѣхъ физіологическихъ процессовъ въ мозгу, которые должны объяснить эти факты во всей ихъ сложности, и нерѣдко въ этомъ полагаютъ главную цѣль своихъ изысканій. Одна проблема у нихъ иногда совсѣмъ вытѣсняется и подмѣняется другою. Въ этомъ еще не было бы большой бѣды,если бы такія схемы имѣли безотносительное научное достоинство.Но, въ дѣйствительности, мы слишкомъ мало знаемъ о мозгѣ.чтобы на точномъ фактическомъ основаніи детально устанавливать въ немъ процессы, отвѣчающіе всѣмъ операціямъ духа.Поэтому, чѣмъ шире ставится задача въ подобныхъ случаяхъ, тѣмъ болѣе приходится прибѣгать къ помощи фантазіи и громоздить гипотезы на гипотезы. И вотъ у спокойнаго критика закрадывается неизбѣжное сомнѣніе:все это было хорошо, если бы гипотеза физіологическаго монизма сама по себѣ представляла безспорную истину о душевной жизни. А что если дѣло обстоитъ иначе ? Что если вовсе не существуетъ абсолютно исчерпывающихъ физіологическихъ соотвѣтствій для каждаго психическаго факта, и нашъ психическій міръ являетъ собою смѣшанный и сложный результатъ взаимодѣйствія факторовъ физическихъ съ силою иного порядка? Какая будетъ тогда цѣна этихъ отклоненій творящей фантазіи отъ прямого изученія данныхъ опыта ?

Наихудшая сторона такого фантазированія, однако, не только въ его весьма возможной безплодности: оно имѣетъ положительно вредныя послѣдствія, если только мы допустимъ, что физіологическій монизмъ не метафизическая истина, а простая гипотеза. Наклонность къ физіологической схематизаціи порождаетъ во многихъ отношеніяхъ извращенную и предвзятую оцѣнку душевной жизни. Изъ этой наклонности вытекаютъ наиболѣе слабые пункты современной психологіи. Во-первыхъ, отъ нея ведутъ начало преувеличенные поиски за безсознательными элементами всего сознаваемаго. У многихъ психологовъ каждое конкретное психическое состояніе разсматривается, какъ про-

стой аггрегатъ гипотетическихъ единицъ, находящихся за предѣлами сознанія; качественное разнообразіе душевныхъ явленій, въ ихъ живой индивидуальности, они стараются объяснить и вывести изъ различнаго сочетанія вполнѣ однородныхъ элементовъ, которые представляютъ какъ бы атомы нашей психики. Крупная заслуга Джэмса заключается въ томъ, что онъ съ замѣчательнымъ остроуміемъ показалъ логическую пустоту и научную непригодность такой методы. Внутреннюю цѣльность и качественную обособленность отдѣльныхъ психическихъ фактовъ логически немыслимо разложить на группы какихъ бы то ни было единицъ, различающіяся только количественно. Въ такой задачѣ лежитъ прямая несообразность: атомизмъ хорошъ въ физикѣ и химіи, но ему нѣтъ и не можетъ быть мѣста въ психологіи. И все-таки эта задача съ неизбѣжностью сама собою ставится для послѣдовательно проведеннаго монистическаго взгляда. Съ точки зрѣнія физіологическаго монизма, каждое душевное явленіе представляетъ нѣкоторую равнодѣйствующую процессовъ физическихъ, - ихъ очень суммарное отраженіе; между тѣмъ, всякій физическій процессъ состоитъ изъ безчисленныхъ болѣе элементарныхъ процессовъ, которые входятъ въ него, какъ его слагаемыя. Это невольно влечетъ къ предположенію, что и каждый психическій фактъ есть только сумма дѣйствій чего - то за предѣлами его непосредственно даннаго содержанія. Къ этому присоединяется свойственная монизму идея о всецѣлой параллельности физическихъ и психическихъ процессовъ въ насъ: если душевная жизнь есть лишь субъективное изображеніе разнообразныхъ процессовъ нашего мозга, сама собою напрашивается мысль объ ея аналогичномъ съ ними составѣ. И, дѣйствительно, стремленіе объяснить качественно своеобразныя душевныя явленія изъ простого суммированія явленій низшихъ наблюдается, даже у такихъ психологовъ, отъ которыхъ этого всего менѣе можно было ожидать. Лучшимъ примѣромъ тому можетъ служить самъ Джэмсъ. Трудно указать болѣе горячаго и талантливаго защитника неразложимой индивидуальности фактовъ психической жизни. И все же это не помѣшало ему самое индивидуальное, неуловимое и субъективное въ насъ, - наши эмоціи - объявить простыми аггрегатами чисто тѣлесныхъ ощущеній.

Второй слабый пунктъ гипотезы физіологическаго монизма заключается въ неизбѣжномъ утвержденіи абсолютной пассивности душевнаго существованія и въ признаніи чисто иллюзорнаго характера за нашимъ сознаніемъ своей дѣятельности. Опять и эта отрицательная оцѣнка показаній нашего внутренняго опыта представляетъ необходимый выводъ изъ воззрѣнія на психическую жизнь, какъ на простую равнодѣйствующую физіологическихъ процессовъ, или даже какъ на чисто субъективное отраженіе такихъ равнодѣйствующихъ. Изъ этого взгляда прямо вытекаетъ, что реальная причинность, изъ которой получаются эти равнодѣйствующія, должна лежать совсѣмъ внѣ психиче-

ской сферы. Эта сфера въ такомъ случаѣ состоитъ изъ отраженій, знаковъ, символовъ реальныхъ агентовъ, но сама она не есть самостоятельный агентъ рядомъ съ ними: дѣйствуетъ въ насъ мозгъ, а душевная жизнь лишь переводитъ его измѣненія на свой особый субъективный языкъ. Къ этому нужно сдѣлать важное добавленіе: подлинныя причины явленій нашей внутренней жизни не попадаютъ въ нее даже и въ качествѣ отраженій. Въ нашемъ внутреннемъ опытѣ даны лишь, такъ сказать, суммарные знаки перемѣнъ въ нашемъ мозгѣ, но мы не способны воспринять детальной картины молекулярныхъ процессовъ въ мозговыхъ клѣткахъ. Впрочемъ, еслибъ даже было иначе, и мы насквозь видѣли нашъ мозговой механизмъ, то и тогда то, что мы переживаемъ какъ свою самодѣятельность, все же оставалось бы совершенною иллюзіей. Нужно помнить о рѣзкомъ различіи между физическою причинностью и тою, которая непосредственно испытывается нами, какъ дѣятельность нашего я. Какъ объ этомъ приходилось уже говорить, причинность п с и х и ч е с к а я отличается качественнымъ характеромъ и качественными мотивами: она направляется с т р е м л е н і я м и , обусловливаемыми различною оцѣнкою переживаемыхъ нами состояній. Это, прежде всего, сказывается въ т о н а л ь н о с т и ощущеній: одни изъ нихъ пріятны намъ, другія непріятны, - оттого однихъ мы ищемъ, другихъ избѣгаемъ. Власть удовольствій и страданій надъ теченіемъ душевныхъ процессовъ есть самое непосредственное и элементарное выраженіе психической активности, но и на всѣхъ дальнѣйшихъ ступеняхъ своего развитія она реализуется въ стремленіяхъ, руководимыхъ оцѣнкою цѣлей. Между тѣмъ въ нашемъ физическомъ организмѣ нѣтъ ничего отвѣчающаго этимъ понятіямъ о стремленіяхъ и оцѣнкѣ. Если онъ дѣйствительно подчиняется законамъ физики (а это признается всѣми), то всѣ его части, а, слѣдовательно, и онъ самъ безусловно подлежатъ з а к о н у и н е р ц і и : составляющія его матеріальныя частицы спокойны, когда ихъ ничто не толкаетъ, - онѣ съ необходимостью движутся, когда для того даны благопріятныя условія и когда имъ передано извнѣ извѣстное количество движенія опредѣленной скорости и въ опредѣленномъ направленіи. Кромѣ этого, въ физическихъ тѣлахъ, а стало быть, и въ организмахъ, ничего нѣтъ. Поэтому, когда мы говоримъ о стремленіяхъ организмовъ охранять себя, объ ихъ усиліяхъ въ борьбѣ съ окружающею средой и т.д.; мы лишь употребляемъ неумѣстныя аналогіи: эти стремленія и усилія только в и д и м о с т ь , за которою прячется равнодушная къ какимъ бы то ни было задачамъ и оцѣнкамъ игра механическихъ законовъ, и эта видимость смѣняется другою видимостью - стремленія къ саморазрушенію, когда наступаетъ смерть организма. Если эта же самая механическая игра есть подлинный носитель и психической жизни, тогда и въ ней все, что обозначается словами : стремленіе, усиліе, самодѣятельность, - есть только

видимость, только фальшивый символъ, скрывающій подъ собою нѣчто, совсѣмъ на него непохожее. И вотъ для психологіи ставится тяжелая, трудная и неблагодарная задача: изобразить все, что мы переживаемъ въ себѣ, какъ свою силу и дѣятельность, въ видѣ безсильной и бездѣйственной тѣни чего - то, что не имѣетъ съ ними ничего общаго.

Что такая на физіологическомъ схематизмѣ построенная психологія, съ точки зрѣнія непосредственныхъ показаній внутренняго опыта, имѣетъ очень тенденціозный видъ, объ этомъ едва ли можно спорить. И вотъ для науки стоитъ вопросъ первостепенной важности: каково безотносительное достоинство основныхъ тенденцій монистической психологіи ? Всякое ли психологическое изслѣдованіе должно непремѣнно руководиться ими, или, рядомъ съ ними, при изученіи душевной жизни могутъ плодотворно примѣняться и другія руководящія предположенія ? Повторяю, здѣсь идетъ дѣло о принципіальной цѣнѣ монистической гипотезы. - Совсѣмъ безъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ и мнѣній рѣдко обходится какой-нибудь изслѣдователь въ какихъ бы то ни было областяхъ знанія. Но желательно ли, чтобы психологія навсегда замкнулась въ рамки физіологическаго монизма и отправлялась отъ него во всѣхъ своихъ выводахъ, какъ отъ непререкаемой истины, или лучше было бы, если бы психологи видѣли въ немъ только гипотезу и, въ интересахъ объективности результатовъ психологическаго анализа, допускали возможность и другихъ гипотезъ ?

Вѣдь очевидно, чтобы считать физіологическій монизмъ за непоколебимую истину, нужно, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ такой истиной. Итакъ, слѣдуетъ ли признавать монистическую гипотезу за нѣкоторую теоретическую аксіому? Можно указать на самыя вѣскія основанія для того, чтобы этого не дѣлать. Этой гипотезѣ безспорно принадлежитъ важное методологическое значеніе, какъ пріему или способу изслѣдовать и толковать психическія явленія, но едва ли она можетъ претендовать на что-нибудь большее. Ея догматическому употребленію, въ качествѣ положительнаго ученія объ истинной природѣ нашего психическаго міра, особенно, какъ ее обыкновенно понимаютъ, рѣшительно препятствуютъ ея принципіальные логическіе недостатки: противъ нея, при такомъ къ ней отношеніи, подымаются всѣ противорѣчія зауряднаго ма - теріализма, а вѣдь этимъ сказано очень много. Едва ли часто мы встрѣтимъ психологовъ, которые, какъ бы ни были они сильно убѣждены въ непреложности монистическихъ принциповъ въ своей наукѣ, легко согласились бы подписаться подъ катехизисомъ матеріалистической метафизики. Напротивъ, несостоятельность догматическаго матеріализма въ психологіи единодушно утверждается психологами самыхъ разнообразныхъ направленій. И все же ф и з і о л о г и ч е с к а я или ф и з и ч е с к а я теорія души, если ее признать совсѣмъ серьезно за полную истину, будетъ содержать тѣ же са-

мыя противорѣчія, какія присущи ходячимъ матеріалистическимъ теоріямъ, и за которыя эти теоріи такъ часто осуждаются. Самый слабый пунктъ монизма, какъ и матеріализма, прежде всего заключается въ совершенной невозможности сколько-нибудь ясно и понятно установить отношеніе между психическими и физическими фактами. Коротко говоря, въ физіологическомъ монизмѣ за основу психической жизни берутся такіе процессы, отъ которыхъ къ ней нѣтъ никакого мыслимаго и выразимаго въ какихъ -нибудь логическихъ категоріяхъ перехода. Въ самомъ дѣлѣ, какъ относятся психическія явленія, - наши ощущенія, мысли, чувствованія, желанія, - къ движеніямъ мозга или какой бы то ни было другой физической среды (напр., эѳира), какую предпочтутъ признать за непосредственный источникъ психической жизни? Скажемъ ли мы, что душевныя явленія и сопровождающія ихъ физическія движенія совсѣмъ одно и то же, такъ что между ними нѣтъ никакой разницы, и, напр., наша мысль о своемъ мозгѣ есть совсѣмъ одно съ тѣми сложными физико-химическими процессами въ клѣткахъ мозговой коры, которые представляютъ физическое соотвѣтствіе этой нашей мысли ? По справедливому замѣчанію Паульсена, противъ этого утвержденія крайне трудно спорить, но только потому, что оно совершенно лишено смысла. Онъ говоритъ: "Положеніе: мысли суть собственно не что иное, какъ движенія въ мозгѣ, чувства не что иное, какъ тѣлесныя явленія въ сосудодвигательной системѣ, - это положеніе вполнѣ неопровержимо, не потому, конечно, что оно истинно, а потому, что оно абсолютно безсмысленно. Безсмысленное раздѣляетъ съ истиной то преимущество, что оно не можетъ быть опровергнуто. Мысль, которая есть въ сущности не что иное, какъ движеніе, есть желѣзо, которое собственно деревянно. Противъ этого нельзя спорить; можно только сказать: подъ мыслью я разумѣю мысль, а не движеніе мозговыхъ молекулъ, и точно также словами: - гнѣвъ и страхъ я обозначаю именно самые гнѣвъ и страхъ, а не суживаніе или расширеніе кровеносныхъ сосудовъ". Дѣйствительно, утверждать, напр., что ощущеніе краснаго есть просто и только движеніе атомовъ мозга, въ которыхъ , однако, нѣтъ ничего краснаго, или что идея безконечнаго пространства есть также движеніе атомовъ, которые однако въ нашемъ черепѣ не образуютъ никакого безконечнаго пространства, есть то же, что сказать, что черное есть бѣлое или что квадратъ есть кругъ. Такія утвержденія опровергнуть очень трудно, потому что нельзя доказывать различіе тамъ, гдѣ оно очевидно, гдѣ его нельзя не замѣтить, и гдѣ его тѣмъ не менѣе не видятъ. При такомъ положеніи дѣла не помогутъ самые утонченные аргументы. Но если утвержденій о полномъ тождествѣ психическихъ и физическихъ фактовъ нельзя опровергнуть, ихъ все же слѣдуетъ непремѣнно отвергнуть именно потому, что они представляютъ чистѣйшій абсурдъ для всякаго яснаго ума.

Или мы объяснимъ отношеніе душевной жизни къ ея физическому носителю въ томъ смыслѣ, что она есть п р о д у к т ъ физическихъ процессовъ? Но едва мы допустимъ это, какъ немедленно попадемъ въ пѣлый рядъ совершенно безъисходныхъ недоумѣній: вѣдь физико-химическіе процессы должны приводить къ опредѣленнымъ ф и з и к о - х и м и ч е с к и м ъ продуктамъ, - иначе уничтожается всякое понятіе о физико-химическомъ процессѣ. Между тѣмъ субъективныя состоянія нашего сознанія, - ощущенія, мысль, воля, чувство, - разсматриваемыя именно с а м и в ъ с е б ѣ , такъ, какъ этого требуетъ Паульсенъ, - не имѣютъ ни физическихъ, ни химическихъ свойствъ; какъ же они будутъ продуктомъ физико-химическихъ измѣненій ? Это замѣчаніе можно обобщить: теперь рѣшительнѣе, чѣмъ когда - нибудь, настаиваютъ на распространеніи закона сохраненія энергіи на всѣ физическіе процессы, когда бы и гдѣ бы они ни совершались. Но законъ сохраненія энергіи, какъ точная механическая теорема, предполагаетъ въ качествѣ неизбѣжнаго условія своей истинности, тотъ общій фактъ, что всякое движеніе способно породить только или другое движеніе или новое расположеніе матеріальныхъ частицъ (если кинетическая форма энергіи переходитъ въ потенціальную). Однако психическія явленія, взятыя сами по себѣ, какъ состоянія сознанія, непротяженны, - стало - быть, не движутся въ пространствѣ и не слагаются изъ матеріальныхъ частей, - въ этомъ согласны всѣ психологи. Не значитъ ли это, что если въ самомъ дѣлѣ физическое движеніе порождаетъ психическія состоянія или превращается въ нихъ, то всякій разъ, когда въ мозгу или гдѣ бы то ни было возникаетъ психическое состояніе, законъ сохраненія энергіи бываетъ рѣзко нарушенъ ? Извѣстная сумма физической энергіи при этомъ неизбѣжно исчезаетъ, а на ея мѣсто появляется нѣчто такое, что не имѣетъ никакихъ физическихъ признаковъ и невыразимо ни въ какихъ механическихъ понятіяхъ, т.е. эта сумма физической энергіи исчезаетъ, не замѣняясь соотвѣтственною суммою той же энергіи. Впрочемъ, помимо ссылки на законъ сохраненія энергіи(его роль въ качествѣ всеобщей формулы всякихъ физическихъ дѣйствій во всякомъ случаѣ гадательна), мы невольно должны остановиться передъ слѣдующимъ простымъ возраженіемъ: механическое движеніе, какія бы сложныя формы мы ему не приписывали, одинаково будетъ далеко отстоять по всѣмъ своимъ свойствамъ отъ свойствъ и качествъ нашего психическаго міра, - какъ же оно можетъ быть адэкватною причиною психическихъ состояній ? Не должно ли для этого что - то къ нему прибавиться и что - то въ немъ существенно измѣниться, а какъ это возможно, если въ немъ ничего не содержится, кромѣ него самого ?

Вотъ простыя соображенія, которыя неизбѣжно заставляютъ отказаться отъ мысли, что физическіе, химическіе, вообще механическіе процессы въ мозгу могутъ быть дѣйствительными, исчерпывающими причинами психическихъ фак--

товъ. Въ виду этого защитники монистической гипотезы часто бываютъ вынуждены обратиться къ иному ряду предположеній, общій смыслъ которыхъ можно выразить такъ : наши обычныя представленія о матеріальномъ бытіи недостаточны. Когда дѣло идетъ о толкованіи фактовъ внѣшняго опыта, мы можемъ удовлетвориться тѣми понятіями о веществѣ, которыя доставляетъ механика, физика, химія; но это вовсе не значитъ, что въ механическихъ, физическихъ и химическихъ свойствахъ матеріальнаго міра раскрывается до конца его внутреннее существо. Матеріальная вселенная для насъ есть прежде всего міръ объектовъ, мы смотримъ на вещи съ внѣшней точки зрѣнія, - поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что для насъ на первый планъ выступаютъ ихъ внѣшнія отношенія и признаки. Значитъ ли это, однако, что, кромѣ этихъ отношеній и признаковъ, ничего въ природѣ и нѣтъ ? Что мѣшаетъ предположить, что внутренняя суть матеріальнаго переживаетъ ряды субъективныхъ состояній, аналогичныхъ тѣмъ психическимъ фактамъ, которые мы наблюдаемъ въ самихъ себѣ ? Отчего не думать, что эти субъективныя состоянія являются даже основою и для внѣшнихъ отношеній между предметами ? Въ предположеніи такой всеобщей одушевленности нѣтъ ничего противорѣчащаго логикѣ. Между тѣмъ, куда тогда дѣнется загадочность перехода отъ физическаго къ психическому ? Тогда никакого перехода и нѣтъ : въ нашемъ сознаніи раскрывается то самое, что присутствуетъ и во всемъ остальномъ мірѣ; только въ насъ субъективныя состоянія сосредоточены, объединены, собраны и развиваются въ самыя сложныя формы, - въ остальной природѣ они разсѣяны, болѣе элементарны и грубы.

Эта гипотеза нерѣдко получаетъ очень неясный видъ : такъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда психическая жизнь приписывается элементамъ вещества не въ качествѣ ихъ д ѣ й с т в и т е л ь н а г о , а только п о т е н ц і а л ь н а г о достоянія, т.е. лишь въ качествѣ возможнаго ея развитія при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Сторонники такого пониманія обыкновенно не замѣчаютъ, что они стоятъ на точкѣ зрѣнія вульгарнаго матеріализма и только скрываютъ ее за темнымъ и схоластическимъ понятіемъ в о з м о ж н о с т и или с п о с о б н о с т и , нисколько однако, не освобождая этимъ своего взгляда отъ свойственныхъ ему противорѣчій. У нихъ выходитъ такъ : молекулы вещества, пока онѣ не соединились въ организмы, имѣютъ только физическія свойства и никакихъ другихъ; но, войдя въ организмъ, онѣ о к а з ы в а ю т с я с п о с о б н ы м и порождать психическія состоянія. Такой взглядъ настойчиво проводилъ, напр., Бюхнеръ, во второй половинѣ 19 столѣтія. Почему же, однако, эти молекулы къ этому способны и какъ онѣ могутъ быть способны? Вѣдь, какъ мы сейчасъ видѣли, именно переходъ отъ внѣшнихъ свойствъ матеріи къ внутреннему содержанію душевной жизни представляетъ для мысли непобѣдимыя трудности. Слишкомъ яс-

но, что такая гипотеза не рѣшаетъ вопроса, а предполагаетъ его разрѣшеннымъ; въ ея основѣ лежитъ логическій кругъ, спрятанный за двусмысленнымъ словоупотребленіемъ.

Однако, гипотеза всеобщаго одушевленія иногда имѣетъ несравненно болѣе законченный и содержательный обликъ. Я разумѣю тѣ ученія, въ которыхъ совершенно серьезно предполагается, что элементы всякой дѣйствительности суть субстанціальные центры внутренней силы, - живыя монады, всегда испытывающія какія нибудь внутреннія состоянія, какъ бы ни были они рудиментарны и смутны. Съ этой точки зрѣнія, каждый атомъ есть изначала субъектъ своей особой внутренней жизни. И вотъ, при такомъ взглядѣ, можетъ возникнуть весьма естественная попытка объяснить нашу психическую жизнь, какъ сконцентрированное, коллективное выраженіе безчисленныхъ сознаній и самочувствій тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается наше тѣло или, по крайней мѣрѣ, нашъ мозгъ и нервная система. Такое воззрѣніе будетъ строго монистичнымъ, и въ то же время оно, повидимому, возвышается надъ многими недостатками монизма въ его обыкновенной матеріалистической формѣ. Можно ли, однако, это воззрѣніе считать въ логическомъ отношеніи безупречнымъ ?

Здѣсь, прежде всего, представляется невольное недоумѣніе: почему, если для атомнаго сознанія мы предполагаемъ существованіе обладающихъ имъ субстанціальныхъ субъектовъ (каковыми являются сами атомы), то для своего собственнаго сознанія мы такого субъекта не требуемъ и думаемъ, что оно можетъ быть коллективнымъ результатомъ ч у ж и х ъ сознаній(потому что внутренняя жизнь отдѣльныхъ атомовъ для насъ закрыта)? Казалось бы, туть нѣтъ средины : или сознаніе вообще предполагаетъ присущій ему субъектъ, которому оно принадлежитъ, или не предполагаетъ его. Во всякомъ случаѣ, въ понятіи к о л л е к т и в н а г о с о з н а н і я заключаются не малыя трудности, - это только метафора, которая обращается въ нѣчто совсѣмъ противорѣчивое и смутное, если ее принять въ буквальномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если наше сознаніе есть явленіе коллективное, то коллекція чего оно составляетъ ? Сознаній атомныхъ ? Мы, конечно, о нихъ ровно ничего не знаемъ, однако, все, что мы можемъ предположить въ этой области, скорѣе заставляетъ думать о совершенномъ несходствѣ субъективныхъ состояній элементарнаго атома съ психическою жизнію нашего я, -иначе мы будемъ повинны въ самомъ грубомъ антропоморфизмѣ. Какъ же изъ сознаній отдѣльныхъ атомовъ склеить наше сознаніе, повидимому, ни въ чемъ на нихъ непохожее ? Наконецъ, нужно же считаться съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ нашего внутренняго опыта, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго подозрѣнія о томъ, какъ живутъ и что чувствуютъ отдѣльные атомы нашего тѣла. Или мы допустимъ, что кромѣ низшихъ центровъ сознанія, атомовъ, существу-

ютъ монады высшія, которыя представляютъ изъ себя души мозговыхъ клѣ-токъ, нервныхъ узловъ, можетъ быть, цѣлыхъ участковъ мозговой коры, и что наше сознаніе слагается изъ сознаній этихъ высшихъ монадъ? Но отче-го тогда не идти до конца и не признать существованія единаго высшаго психическаго центра въ нашемъ организмѣ, который сознается нами, какъ наше Я ? А вѣдь это и будетъ наша единая душа, отличная отъ тѣлесныхъ процессовъ, хотя и связанная съ ними, т.е. вмѣсто м о н и з м а мы по-лучимъ д у а л и з м ъ ; душа является особою монадою, отличною отъ тѣхъ монадъ, которыя составляютъ тѣло; между тѣмъ подъ дуализмомъ въ психоло-гіи только и разумѣется признаніе реальнаго различія между душою и тѣ-ломъ. Прибѣгнемъ ли мы и въ данномъ случаѣ, чтобы уклониться отъ дуали-стическихъ выводовъ, къ тому весьма популярному предположенію, что наше сознаніе есть просто равнодѣйствующая различныхъ состояній въ элементахъ мозга ? Однако, слѣдовало бы понять разъ навсегда, какъ явно злоупотре-бляемъ мы понятіемъ р а в н о д ѣ й с т в у ю щ е й во всякихъ подоб-ныхъ объясненіяхъ. Вѣдь равнодѣйствующая, по правиламъ механики, возника-етъ тогда только, когда импульсы къ движеніямъ по разнымъ направленіямъ сообщаются о д н о й и т о й ж е н е д ѣ л и м о й т о ч к ѣ ; если же они вызываются въ разныхъ точкахъ, то изъ этого не получится ни-какой равнодѣйствующей, а послѣдуетъ пѣлый рядъ разнообразныхъ и одновре-менныхъ движеній. То же самое разсужденіе, если только мы хотимъ сохра-нить смыслъ за избранной нами аналогіей, очевидно, должно прилагаться и къ отношенію элементарныхъ сознаній въ клѣткахъ нашего мозга къ нашему личному сознанію: чтобы такое сознаніе могло возникнуть въ качествѣ ра-внодѣйствующей, необходимо, чтобы существовалъ его недѣлимый носитель, въ которомъ собираются, суммируются и объединяются возбужденія, исходя-щія отъ низшихъ центровъ. Иначе никакого равнодѣйствующаго сознанія не будетъ, а останется безчисленное множество сознаній мозговыхъ клѣтокъ, молекулъ или даже атомовъ въ ихъ обособленности другъ отъ друга. Именно, е д и н с т в о с о з н а н і я , полагающее непобѣдимыя границы между моимъ сознаніемъ и чужимъ, какъ бы ни было сходно ихъ содержаніе, оказы-вается непонятнымъ, невозможнымъ и немыслимымъ при множественности созна-ющихъ центровъ. Какъ въ толпѣ людей нѣтъ одного личнаго Я, и мы только въ переносномъ смыслѣ говоримъ объ ея единомъ настроеніи, единомъ чув-ствѣ и т.д., разумѣя подъ этимъ просто однородность душевныхъ движеній у составляющихъ ее лицъ и ихъ взаимное вліяніе другъ на друга, - такъ и въ аггрегатѣ сознающихъ клѣтокъ не можетъ возникнуть единаго сознанія, хотя внутреннее состояніе каждой изъ нихъ можетъ испытывать разнообраз-ныя вліянія отъ другихъ клѣтокъ; все же въ такомъ аггрегатѣ будетъ мно-го сознаній, а не одно; какъ и въ толпѣ. Если при этомъ, согласно принци-

ну локализаціи психическихъ функцій въ различныхъ областяхъ мозга, мы припишемъ мозговымъ клѣткамъ различія по ихъ психическому содержанію, то изъ взаимодѣйствія такихъ клѣтокъ также мало могутъ получиться внутренно-единые психическіе факты, какъ не выйдетъ одного сужденія изъ того, что одинъ человѣкъ будетъ мыслить подлежащее, не думая, однако, о сказуемомъ, а другой будетъ думать о сказуемомъ, нисколько не имѣя въ виду подлежащаго.

Когда сообразимъ все это, мы ясно поймемъ, что переходъ отъ предполагаемаго сознанія одушевленныхъ монадъ, составляющихъ нашъ организмъ, къ единому человѣческому сознанію едва ли менѣе труденъ, чѣмъ логическій переходъ отъ движеній совершенно безсознательныхъ атомовъ къ сознанію вообще. Гипотеза всеобщаго одушевленія можетъ быть п о л е з н а, но только при допущеніи особаго психическаго центра для индивидуальнаго сознанія человѣка, т.е. только на почвѣ д у а л и з м а.

Сейчасъ разсматриваемыя попытки обосновать монистическую точку зрѣнія черезъ преобразованіе нашихъ понятій о внутренней природѣ вещества получаютъ гораздо болѣе радикальный видъ, когда онѣ опираются на выводы критической философіи Канта. По ученію Канта, пространство, время, даже всякая множественность и причинная зависимость вещей - суть только формы нашего пониманія и познаванія, а не свойства дѣйствительности въ ней самой. Къ такому взгляду очень близко стоитъ выводъ, что реальное въ себѣ и независимо отъ нашихъ познавательныхъ дѣйствій находится всецѣло внѣ этихъ опредѣленій, - оно должно быть непространственно, невременно, едино, абсолютно свободно. Такимъ должно быть вещество, поскольку оно существуетъ въ себѣ, какъ основа явленій сознанія, - таково и наше тѣло, какъ дѣйствительный носитель психической жизни. Именно этимъ путемъ шелъ Шопенгауэръ въ своихъ воззрѣніяхъ на существо человѣка. Для него истинная сущность всѣхъ вещей есть единая міровая воля, которую мы непосредственно воспринимаемъ въ самихъ себѣ, какъ внутренній двигатель нашего существованія. Она же есть и внутренняя сущность нашего тѣла : наше тѣло есть сама всемірная воля, поскольку она объектировалась въ нашемъ условномъ представленіи. Поэтому все, чѣмъ тѣло отличается отъ всемірной воли, есть только представленіе или субъективное явленіе нашего сознанія, иначе сказать, только призракъ. И подобными же призраками оказываются у Шопенгауэра и млечный путь, и звѣзды, и солнце, и сама матерія съ ея механическими, физическими и химическими свойствами: существуетъ одна воля и ничего, кромѣ нея. Такое воззрѣніе нельзя не признать монистическимъ въ высочайшей степени, - трудно только понять, что можетъ отъ него выиграть м о н и з м ъ ф и з і о л о г и ч е с к і й ? Вѣдь нашъ тѣлесный организмъ, ограниченный въ пространствѣ и времени, обусловленный въ своемъ бытіи

сложнымъ дѣйствіемъ физическихъ законовъ, не имѣетъ ни одной черты сходства съ безпространственною, безвременною, абсолютно свободною волею. Поэтому, монизмъ Шопенгауэра слѣдуетъ скорѣе назвать с п и р и т у а л и с т и ч е с к и м ъ : воля все-таки психологическое понятіе, хотя и освѣщенное у Шопенгауэра весьма односторонне. И это потому только монизмъ, что существованіе нашего тѣла и вообще какихъ бы то ни было матеріальныхъ вещей отрицается совершенно. Только грубая непослѣдовательность и забвеніе основныхъ посылокъ собственной системы дозволяютъ Шопенгауэру такъ часто говорить о душевной жизни, какъ о продуктѣ мозга. И въ этой непослѣдовательности оказываются повинными всѣ кантіанцы, которые, забывъ, что для нихъ и пространство, и время, и движущееся въ нихъ вещество, да и всѣ законы природы въ придачу - суть только порожденія мысли, начинаютъ разсматривать самую мысль, какъ произведеніе матеріальныхъ процессовъ.

Изъ того, что изложено до сихъ поръ, ясно можно видѣть, что какъ бы ни преобразовывали мы наше понятіе о веществѣ и какъ бы ни утончали его мы все же не достигнемъ того, чтобы происхожденіе нашей душевной жизни отъ физіологическихъ процессовъ мозга, какъ отъ своей исчерпывающей и достаточной причины, стало мыслимымъ и вѣроятнымъ. Приходится разъ навсегда убѣдиться, что между матеріей и психическими фактами существуетъ какое - то другое отношеніе, а не отношеніе основы къ ея явленіямъ. Отъ этого сознанія отправляются попытки оправдать монистическую гипотезу изъ принциповъ п а р а л л е л и з м а . Коренное его предположеніе формулируется такъ : ни физическія явленія не могутъ быть причиною психическихъ, ни, наоборотъ, психическія - физическихъ. И психическая, и физическая сфера явленій развиваются каждая сама по себѣ, сообразно своимъ особымъ законамъ, никогда не задѣвая другъ друга, и тѣмъ не менѣе онѣ во всей природѣ идутъ шагъ въ шагъ, совпадая въ своихъ результатахъ во всѣхъ пунктахъ міровой жизни: каждое физическое явленіе имѣетъ свое психическое соотвѣтствіе и обратно. Это зависитъ отъ того, что и физическій, и психическій порядки явленій представляютъ отраженія единой міровой сущности, которая раскрывается въ каждомъ изъ нихъ сполна и независимо отъ другого. Теперь едва ли было бы умѣстнымъ пускаться въ подробную опѣнку труднаго, иногда очень искусственнаго содержанія этой теоріи. Отмѣчу лишь тотъ несомнѣнный фактъ, что ни одному приверженцу параллелизма не удалось до сихъ поръ не только доказать необходимость непремѣннаго совпаденія во всѣхъ звеньяхъ этихъ двухъ разнородныхъ, независимыхъ, замкнутыхъ въ себѣ рядовъ явленій, но даже показать простую мыслимость такого совпаденія. Психическая и физическая сфера представляютъ два разные міра, совершенно несходные по своимъ качествамъ, движимые различны-

ми законами, никакъ другъ на друга не вліяющіе,- кто же можетъ ихъ принудить непрестанно воспроизводить другъ друга ? Сошлемся ли мы на единую сущность міра ? Но что это за странная сущность, которая одинаково хорошо копируется въ двухъ разныхъ образахъ, не имѣющихъ никакого подобія между собою ? Впрочемъ, для насъ въ данномъ случаѣ интересны не эти внутреннія противорѣчія параллелистическаго міросозерцанія: намъ важно то, что въ параллелистической гипотезѣ, если ей придавать объективное значеніе, не оказывается никакого монизма. Напротивъ, если вдумаемся въ нее внимательно, то скоро увидимъ, что мы имѣемъ въ ней абсолютный д у а л и з м ъ , распространенный на всю вселенную и доведенный до самыхъ крайнихъ и абсурдныхъ послѣдствій. Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ новое подтвержденіе тому, что попытки послѣдовательнаго проведенія монистическаго взгляда приводятъ къ своему противоположному = къ д у а л и з м у .

Къ какому же окончательному выводу должны мы прійти ? Для физіологическаго монизма нельзя придумать такой формы, въ которой его можно было бы признать за теоретическую истину ; напротивъ, всѣ его мыслимыя видоизмѣненія заключаютъ въ себѣ глубокія логическія противорѣчія . Это значитъ, что онъ можетъ имѣть цѣну въ качествѣ гипотезы регулятивнаго характера, - иначе сказать, въ видѣ метода изслѣдованія. Однако,и съ этой стороны гипотеза физіологическаго монизма представляетъ важные недостатки: итакъ, нѣтъ основанія ограничиваться ею одной. Спиритуализмъ также долженъ имѣть право гражданства въ психологической наукѣ, хотя бы въ качествѣ метода. Спиритуалистическая гипотеза имѣетъ уже то достоинство, что она даетъ совсѣмъ другую картину душевной жизни, во многихъ отношеніяхъ противоположную той, которая предносится современнымъ психологамъ, и въ то же время болѣе близкую къ показаніямъ непосредственнаго опыта.Существуютъ у нея и другія важныя преимущества, на которыхъ слѣдуетъ остановить вниманіе. Прежде, однако, чѣмъ перейти къ ихъ разсмотрѣнію, въ гипотезѣ физіологическаго монизма слѣдуетъ отмѣтить еще одинъ очень важный недостатокъ : въ ней оказывается чрезвычайно много о к о н ч а т е л ь н ы х ъ ф а к т о в ъ ,далѣе необъяснимыхъ изъ законовъ и данныхъ психической жизни; для непосредственнаго самонаблюденія несомнѣнны внутреннее сродство и нерасторжимое единство этихъ фактовъ, и тѣмъ не менѣе эта прямо очевидная внутренняя связь въ популярныхъ психологическихъ представленіяхъ подмѣняется внѣшнею и случайною связью физіологическихъ агентовъ, функціи которыхъ эти факты должны составлять.Мы безпощадно смѣемся надъ старою психологіей, съ ея способностями души, которыя до такой степени были въ ней обособлены другъ отъ друга, что представляли изъ себя какъ бы независимыя реальныя сущности, и все-таки дружно объединялись въ одно не-

раздѣльное цѣлое чуть не въ каждомъ психическомъ событіи; и мы не замѣчаемъ, что въ огромномъ большинствѣ распространенныхъ психологическихъ теорій мы имѣетъ тотъ же недостатокъ, притомъ еще гораздо рѣзче и нагляднѣе выраженный, хотя и въ другихъ терминахъ. Еще съ временъ френологіи физіологическіе носители отдѣльныхъ психическихъ свойствъ и дѣйствій представляются невѣроятно раздробленными, разбросанными и разъединенными между собою. Очень важный для физіологіи и психологіи вопросъ о локализаціи мозговыхъ функцій получаетъ обыкновенно слишкомъ категорическое толкованіе и освѣщеніе. Намъ серьезно кажется, что факты сознанія, или даже мельчайшіе элементы одного и того же психическаго состоянія, возникаютъ въ разныхъ мѣстахъ, иногда на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, существуютъ, поэтому, врозь и все же неисповѣдимыми путями сливаются въ нерасторжимое и цѣлостное единство. Ощущенія различныхъ чувствъ возникаютъ въ различныхъ центрахъ мозга (субкортикальныхъ), - ихъ воспроизведеніе въ формѣ представленій, въ свою очередь, предполагаетъ совсѣмъ иную область мозговой дѣятельности(верхніе слои мозга), при чемъ каждый родъ представленій пріуроченъ къ своей особой, отдѣльной области, (такъ, центръ зрительныхъ представленій - въ затылочной долѣ, - центръ слуховыхъ - въ височной, центръ осязательныхъ - въ темянной); далѣе, чувство пріятности или непріятности ощущеній требуетъ также спеціальныхъ условій въ мозговыхъ процессахъ (измѣненій въ кровообращеніи), -переходъ мысли въ волевой актъ опять долженъ задѣвать свои особые центры (психомоторные) и т.д. Возьмемъ наше воспріятіе какой-нибудь самой простой вещи , - лишь бы оно сопровождалось возбужденіемъ нѣсколькихъ чувствъ заразъ, сознаніемъ нашего прежняго знакомства съ этою вещью и пріятнымъ или непріятнымъ чувствомъ отъ нея, и попытаемся приблизительно наметить на анатомической картѣ мозга тѣ его части, которыя должны функціонировать, чтобы такое воспріятіе могло состояться : какой выйдетъ поразительный контрастъ между простотою психическаго событія и необыкновенною сложностью и разбросанностью его физіологическаго коррелата. Какъ примирить и понять этотъ контрастъ, если сохранять увѣренность, что этотъ коррелатъ есть исчерпывающая и вполнѣ адекватная причина психическихъ фактовъ ?

Обиліе окончательныхъ данныхъ въ психологіи представляетъ неизбѣжное и прямое слѣдствіе такой увѣренности. Обыкновенно смотрятъ иначе: очень часто въ новѣйшей психологіи превозносится именно единство ея объясненій и построеній; нерѣдко въ с д у ш е н і я х ъ видятъ тѣ послѣднія единицы, изъ которыхъ, помощью самыхъ простыхъ законовъ, можно построить полную картину нашей душевной жизни. Однако, если всмотримся внимательнѣе, дѣло получитъ другой видъ. Существуетъ цѣлый рядъ вопросовъ, на которые

психологу-монисту приходится однообразно отвѣчать повтореніемъ однихъ и тѣхъ же соображеній: это есть окончательный фактъ нашего внутренняго опыта; имъ можно объяснять другіе факты, но для его собственнаго объясненія въ области психологическихъ понятій не оказывается никакихъ данныхъ. Почему вообще существуютъ ощущенія? Это фактъ, но чѣмъ же его объяснить? Почему въ состояніяхъ нашего сознанія отражаются невсѣ процессы мозговой коры, въ ихъ безконечной сложности и одновременномъ разнообразіи, а весьма немногіе, - особенно интенсивные ?Это опять есть фактъ, который надо признать окончательнымъ. Почему надъ психическою сферою господствуетъ законъ о т н о с и т е л ь н о с т и , т.е. каждое психическое состояніе мы сознаемъ въ связи съ другими и иначе, вѣроятно, не могли бы и сознать его? Это опять только фактъ. Почему наши ощущенія не индифферентны, а въ большей или меньшей степени окрашены для нашего сознанія т о н о м ъ , т.е. или противны для насъ или пріятны?Здѣсь мы опять имѣемъ фактъ -не больше. Почему процессы самыхъ разнообразныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга частей мозга мы сплошь и рядомъ внутренно воспринимаемъ, какъ единое нераздѣльное цѣлое?Почему мы сознаемъ послѣдовательность нашихъ психическихъ состояній и непобѣдимо убѣждены въ реальности своего прошлаго, когда оно давно перестало быть?Почему надъ воспроизводящею дѣятельностью нашей мысли тяготѣютъ законы смежности, сходства и контраста?Почему мы не пассивно воспринимаемъ окружающую насъ дѣйствительность, а отвѣчаемъ на ея воздѣйствія своими эмоціями и аффектами?Почему наши внутреннія состоянія подчиняются закону с а м о с о х р а н е н і я , заставляющему насъ однихъ искать, другихъ избѣгать?Почему мы сознаемъ единство нашей личности въ настоящемъ и прошломъ? Почему, наконецъ, мы вообще сознаемъ? Все это факты и только, и ихъ окажется еще гораздо больше, если захотѣть ихъ отыскивать. Для объясненія однихъ мы строимъ болѣе или менѣе остроумныя физіологическія схемы, для объясненія другихъ никакія физіологическія схемы, очевиднымъ образомъ, невозможны, - но для психолога они все же остаются окончательными, далѣе неразрѣшимыми данными. И какъ они разрозненны, странны, безсвязны, загадочны, если сравнимъ ихъ съ ихъ предполагаемою основою и коррелатомъ, - съ физико-химическими процессами мозговыхъ клѣтокъ. Много нужно было остроумія и проницательности, чтобы изъ такихъ матеріаловъ построить, хотя и съ важными недомолвками, тусклый обликъ чего - то, что въ самомъ дѣлѣ напоминаетъ нашъ внутренній міръ.

3) Между тѣмъ, попытаемся стать на точку зрѣнія дуализма или спиритуализма въ обыкновенномъ значеніи этого слова, и многія изъ проблемъ, надъ которыми тщетно бьется монистическій взглядъ на душевную жизнь, потеряютъ свое роковое значеніе, а тѣ слабыя стороны психологическихъ объясненій, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, и которыя неотдѣлимы отъ монистическаго по-

ниманія, исчезнутъ сами собою.

И, прежде всего, для нея изъ душевной жизни исчезаютъ то пестрое разнообразіе и безсвязная случайность окончательныхъ, далѣе необъяснимыхъ, фактовъ, отъ которыхъ неизбѣжно отправляется психологія физіологическаго монизма. Эти факты, въ значительной степени, оказываются выводимыми уже изъ самаго общаго понятія о душѣ, какъ его логическія послѣдствія. Допустимъ, въ самомъ дѣлѣ, согласно основнымъ предпосылкамъ спиритуалистическаго міросозерцанія, что существуетъ душа, какъ пребывающая, внутренно единая, дѣятельная сила, сознающая себя, которая, по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ, связана съ тѣломъ и стремится реализовать себя въ немъ, какъ въ своемъ органѣ, а черезъ него и въ окружающемъ мірѣ, соотвѣтственно развивающимся въ ней интересамъ и цѣлямъ. Уже въ свѣтѣ этого очень общаго опредѣленія, формулирующаго только то, что мы непосредственно о себѣ знаемъ, указанные ранѣе разрозненные и загадочные факты получаютъ глубокую связь и даже прямо подразумѣваютъ другъ друга. Дѣйствительно, если душа с в я з а н а съ тѣломъ и с о з н а е т ъ с е б я, то измѣненія въ тѣлесномъ организмѣ должны отражаться въ ея самочувствіи, и, стало-быть, она должна испытывать нѣчто аналогичное тому, что мы называемъ въ себѣ о щ у щ е н і я м и. Если наше душевное существо едино и остается самимъ собою при всѣхъ переживаемыхъ имъ перемѣнахъ, его разнообразныя состоянія, связанныя между собою непрерывностью его пребыванія, должны являться для его воспріятія самого себя с о о т н е с е н н ы м и д р у г ъ с ъ д р у г о м ъ, какъ элементы единаго опыта; другими словами, изъ субстанціальнаго единства нашего сознающаго субъекта вытекаетъ всеобщее господство з а к о н а о т н о с и т е л ь н о с т и надъ психическими явленіями. Также мы видѣли въ предшествующей главѣ, какъ тѣсно связаны съ сверхвременной природою нашего Я наша способность сознавать время и наше убѣжденіе въ реальности прошлыхъ событій: дѣйствующая въ насъ субстанціальная сила пребываетъ въ каждомъ изъ своихъ состояній, какъ въ нѣкоторомъ положительномъ внутреннемъ опредѣленіи своего развитія, и, переходя къ новому опредѣленію, она не перестаетъ быть воспринявшею, пережившею и видоизмѣнившеюся черезъ предшествующее; вѣдь она остается тою же, какою была; съ другой стороны, пріобрѣтенное ею новое внутреннее опредѣленіе ея бытія не составляетъ для нея чего-нибудь окончательнаго, но, вслѣдствіе присущей ей активности она постоянно стремится къ проявленіямъ, все болѣе новымъ. Допустимъ только, что эта сила сознаетъ себя такою, какова она есть: тогда въ ней будутъ и в о с п р і я т і я в р е м е н и, какъ различеніе между пережитымъ и переживаемымъ т е п е р ъ и какъ ожиданіе б у д у щ а г о, и п а м я т ь, т.е. сознаніе реальности прошлыхъ состояній въ томъ порядкѣ, какъ мы ихъ испытали. Въ свою очередь, въ этихъ свойствахъ нашего духа

можно видѣть психическій корень закона ассоціаціи по смежности, точно такъ же, какъ общій законъ о т н о с и т е л ь н о с т и можно разсматривать какъ почву, на которой вырастаютъ другіе законы ассоціаціи идей.

Разсуждая подобнымъ образомъ, мы могли бы, исходя изъ взятаго нами опредѣленія души, обосновать и нѣкоторыя другія особенности психическаго существованія, которыя обыкновенно признаются за факты, далѣе необъяснимые. Такъ, если душа есть существо дѣятельное и непрерывно стремящееся реализовать себя, изъ этого съ неизбѣжностью вытекаетъ т е л е о л о г и ч е с к і й (цѣлесообразный) характеръ нашей душевной жизни: наше психическое существованіе внутренно направляется нашими стремленіями и оцѣнками; наше Я на всѣхъ ступеняхъ своего развитія постоянно дѣлаетъ выборъ между пригоднымъ для него и ему враждебнымъ. Наиболѣе элементарная и непосредственная форма такого выбора заключается въ тональности нашихъ ощущеній. Душа, въ силу своей связи съ тѣломъ, относится къ нему не безразлично и равнодушно, а какъ къ своему органу, соотвѣтственно его пригодности въ этомъ качествѣ. Въ силу непосредственности и первоначальности этой связи, душа и свою оцѣнку тѣлесныхъ измѣненій дѣлаетъ совершенно непосредственно: она обладаетъ какъ бы нѣкотораго рода ясновидѣніемъ по отношенію къ состояніямъ своего тѣла, или, по крайней мѣрѣ, своего нервно-мозгового аппарата, - хотя довольно ограниченнымъ. Поэтому, въ общемъ, тональность ощущеній имѣетъ у т и л и т а р н у ю основу: что въ данный моментъ благопріятно для жизни организма или для нормальной дѣятельности его частей, представляетъ источникъ п р і я т н а г о ; напротивъ, что въ данное мгновеніе разрушаетъ нормальныя функціи тѣла или препятствуетъ имъ, то субъективно воспринимается, какъ физическое с т р а д а н і е. Вообще, слѣдуетъ сказать, что столь важный въ эмпирической психологіи законъ самосохраненія съ аналитической необходимостью вытекаетъ изъ даннаго нами опредѣленія душевной сущности и при этомъ получаетъ болѣе широкую постановку. Вѣдь разъ нашъ духъ неустанно стремится къ возможно болѣе полному осуществленію своей дѣятельной природы и борется съ представляющимися преградами, тѣмъ самымъ дана в о л я , какъ основной факторъ психической жизни въ конкретной безконечности ея формъ; съ другой стороны, тѣмъ самымъ дается диктуемое нашими стремленіями внутреннее отношеніе къ явленіямъ окружающей насъ дѣйствительности, - отрицательная или положительная реакція на нихъ , -которая воплощается въ нашихъ эмоціяхъ во всемъ ихъ неограниченномъ разнообразіи.

Наконецъ, въ виду даннаго нами опредѣленія души, можетъ быть, получитъ нѣкоторое освѣщеніе загадочный фактъ, наблюдаемый во взаимной связи между психическими и физическими перемѣнами. Въ виду этого приходится отмѣтить своеобразную особенность въ законѣ Вебера относительно зависимости

измѣненія ощущеній отъ величины физическихъ раздраженій. Дѣло въ томъ, что этотъ законъ имѣетъ прерывный характеръ; что въ то время, какъ раздраженіе растетъ непрерывно, мѣняя всевозможныя степени, ощущеніе измѣняется скачками, такъ что нужно, чтобы раздраженіе возросло до извѣстнаго предѣла, прежде, чѣмъ послѣдуетъ хотя малѣйшій приростъ въ ощущеніи. Мнѣ кажется, этотъ выводъ имѣетъ еще болѣе широкое значеніе и касается не только отношенія ощущеній къ внѣшнимъ раздраженіямъ, но долженъ распространиться на связь между психическими явленіями вообще и процессами мозга. Его въ такомъ случаѣ можно формулировать такъ : д а л е к о н е в с ѣ п е р е м ѣ н ы в ъ ч а с т я х ъ м о з г а , с ъ к о т о р ы м и с в я з а н а д у ш е в н а я ж и з н ь , о т р а ж а ю т с я в ъ п с и х и ч е с к о й с ф е р ѣ , а л и ш ь д о с т и г ш і я и з в ѣ с т н о й и н т е н с и в н о с т и . Если бы было иначе, мы, по всему вѣроятію, обладали бы весьма отчетливымъ непосредственнымъ знаніемъ устройства нашей мозговой коры и роли ея отдѣльныхъ элементовъ , - подобно тому, какъ мы тѣ части нашего тѣлеснаго организма знаемъ лучше, отъ которыхъ больше получаемъ раздѣльныхъ ощущеній, - и, во всякомъ случаѣ, въ каждый моментъ нашей жизни, мы имѣли бы несравненно болѣе обширное поле сознанія, чѣмъ имѣемъ въ дѣйствительности: физическій составъ мозга чрезвычайно сложенъ, и въ немъ въ каждое мгновеніе происходятъ безконечно сложные процессы. На основаніи аналогичныхъ соображеній можно вообще утверждать, что наше сознаніе не отражаетъ сполна измѣненій никакого физическаго субстрата, какой бы мы ни предположили въ качествѣ его носителя. Между психическою жизнью и физическими процессами существуетъ нѣкоторое опредѣленное отношеніе, но это отношеніе не есть дѣйствительная параллельность ихъ. Этотъ фактъ очень плохо вяжется съ предположеніемъ полнаго п а р а л л е л и з м а между психическимъ и физическимъ, и его вообще трудно сообразовать съ теоріей, по которой душевная жизнь есть только переводъ матеріальныхъ явленій на субъективный языкъ. Но съ точки зрѣнія даннаго нами опредѣленія души онъ представляется гораздо болѣе понятнымъ : какъ бы ни были тѣсно связаны другъ съ другомъ тѣло и духъ, они все же представляютъ двѣ различныя вещи, и нѣтъ основаній непремѣнно предполагать, что всѣ состоянія одного должны сполна переводиться на состоянія другого. Напротивъ, отношеніе духа и тѣла, какъ дѣятеля къ своему органу, скорѣе заставляетъ ждать иного результата: такая связь должна опредѣляться ея внутреннимъ п р а к т и ч е с к и м ъ смысломъ; не всѣ процессы тѣлеснаго организма одинаково важны для дѣйствующей въ немъ психической силы, и, во всякомъ случаѣ, для нея едва ли могутъ быть важными безконечно малыя колебанія въ этихъ процессахъ. Цѣна тѣлесныхъ измѣненій для духа, съ этой точки зрѣнія, обусловливается ихъ

значеніемъ для цѣлости и безпрепятственной дѣятельности тѣла, иначе сказать, ихъ отношеніемъ къ интересамъ самосохраненія живого существа. Если предположить, что способность одновременнаго сознанія многихъ впечатлѣній въ нашемъ духѣ вообще ограничена, то воспріимчивость къ безконечно мелкимъ деталямъ физіологическихъ процессовъ внутри насъ окажется вреднымъ излишествомъ, нарушающимъ внутреннюю экономію психическаго существованія. Наоборотъ, чѣмъ шире воспріимчивость ко всѣмъ, сколько-нибудь существеннымъ, измѣненіямъ въ тѣлесномъ организмѣ, а черезъ него, и въ окружающемъ мірѣ, тѣмъ болѣе обезпечена сохранность жизни одушевленныхъ тварей. Въ этомъ пунктѣ выводы спиритуалистической гипотезы вполнѣ совпадаютъ съ весьма важнымъ обобщеніемъ біологіи : наша чувственная воспріимчивость вырастаетъ не изъ теоретической потребности проникновенія въ самую суть внѣшнихъ намъ предметовъ, а изъ практическихъ требованій приспособленія къ окружающей средѣ.

Изъ соображеній, изложенныхъ до сихъ поръ, ясно видно, что, несмотря на крайнюю общность установленнаго нами опредѣленія душевной субстанціи, при немъ возможна апріорная дедукція основныхъ фактовъ психической жизни, поскольку они вообще выразимы въ абстрактныхъ понятіяхъ, или чего - то очень близкаго къ этимъ фактамъ. Возразятъ ли, что эта дедукція стала возможной только черезъ то, что мы заранѣе перенесли эти основные факты на душу въ ней самой и подъ разными названіями обратили ихъ въ ея свойства ? Но, во-первыхъ, еслибъ даже это было справедливо, не лучше ли за основными и окончательными фактами признать этотъ ихъ основной и окончательный характеръ вмѣсто того, чтобы выводить ихъ изъ какого-нибудь посторонняго источника, который завѣдомо не можетъ произвести ихъ ? Огромнымъ преимуществомъ спиритуалистической гипотезы нужно считать уже то обстоятельство, что эти окончательные факты перестаютъ быть внутренно-разрозненными и случайными; указанныя въ нашемъ опредѣленіи свойства души аналитически предполагаютъ другъ друга, а всѣ другія особенности психической жизни въ нашей дедукціи прямо выводятся изъ нихъ. Если душа = субстанціальная сила, она неизбѣжно дѣятельна , - она обладаетъ внутреннимъ единствомъ, - она вообще, прежде чѣмъ обнаружиться въ чемъ-нибудь в н ѣ с е б я , должна имѣть бытіе внутреннее, д л я с е б я , что и выражается въ томъ несомнѣнномъ фактѣ, что мы обладаемъ самочувствіемъ и сознаемъ себя и то, что въ насъ происходитъ. Къ этимъ субстанціальнымъ признакамъ духа, подразумѣвающимъ другъ друга, въ нашемъ опредѣленіи прибавлено только указаніе на его связь съ тѣломъ. Абсолютную неизбѣжность такой связи трудно раскрыть съ аналитическою очевидностью. Но какая же другая система психологіи дѣйствительно обосновала эту неизбѣжность ?

Во-вторыхъ, разсматриваемое обвиненіе вообще нельзя считать правиль-

нымъ: если вѣрно, что субстанція душевной жизни непосредственно раскрыта нашему самонаблюденію, то ея непосредственно очевидные признаки не перенесены на нее искусственно откуда - то извнѣ. Съ другой стороны, наше опредѣленіе души настолько обще, что если оно и предупреждаетъ частные факты нашего внутренняго опыта, то во всякомъ случаѣ не составляетъ ихъ простого пересказа. Напримѣръ, если субстанціальное единство и активность нашего сознающаго субъекта представляютъ психическія условія памяти и сознанія времени, изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что сознаніе времени и память суть просто наше единство и активность. Точно такъ же, изъ дѣятельной природы духа и его связи съ тѣломъ объясняется существованіе въ насъ удовольствій и страданій, различныхъ эмоній, избирающаго вліянія воли на наши внутреннія и внѣшнія дѣйствія ; но все-таки это не значитъ, что понятія удовольствія, страданія, эмоціи, волевого воздѣйствія логически тожественны съ понятіями дѣятельной души и связи ея съ тѣломъ. Отношеніе нашего опредѣленія къ конкретному содержанію психической жизни скорѣе можно сопоставить съ отношеніемъ общаго закона къ его частному приложенію. Въ этомъ опредѣленіи указывается, чѣмъ должно быть всякое духовное существо, какова бы ни была организація его матеріальной оболочки; между тѣмъ частныя проявленія внутренней жизни такихъ существъ находятся въ тѣсной зависимости отъ этой организаціи. На это слѣдуетъ обратить особое вниманіе: изложенная выше дедукція относится только къ ч и с т о п с и х и ч е с к и м ъ основамъ и условіямъ главнѣйшихъ фактовъ нашего сознанія. Но въ нашемъ дѣйствительномъ опытѣ, рядомъ съ этими условіями, стоятъ другія, уже физіологическаго порядка, власть которыхъ объясняется тѣсною связью души съ тѣломъ. Еслибъ въ насъ не было единаго сознающаго субъекта, у насъ, какъ мы видѣли, не существовало бы и никакого единаго сознанія, но то, что содержится въ этомъ сознаніи, зависитъ не только отъ нашего сознающаго Я, но прежде всего отъ тѣхъ впечатлѣній, которыя мы получаемъ черезъ свои тѣлесные органы. Точно также п а м я т ь и с о з н а н і е в р е м е н и возможны только въ субстанціальномъ духѣ, и, наоборотъ, тамъ, гдѣ такой духъ данъ, должно существовать нѣчто имъ аналогичное, - но все же наша ясная сознательная память и наши представленія о теченіи временныхъ событій находятся въ прочной и многообразной зависимости отъ функцій нашего мозгового аппарата. и т.д. Поэтому, принятіе спиритуалистической гипотезы не вноситъ никакого существеннаго измѣненія въ общихъ задачахъ эмпирическаго или экспериментальнаго изученія психической жизни. Тѣмъ не менѣе и чистый эмпиристъ-психологъ долженъ предпочесть ее всякимъ инымъ предположеніямъ, хотя бы въ виду слѣдующихъ соображеній : 1) она устанавливаетъ между психическими и физическими фактами логически понятное отношеніе, притомъ согласное

съ показаніями непосредственнаго опыта ;в) для внутренняго сродства и единства психическихъ функцій она указываетъ принципіальный источникъ въ ихъ собственной внутренней природѣ ,а не въ случайности совпаденія разнородныхъ элементовъ въ нашей нервно-мозговой системѣ; с) она избавляетъ психологовъ отъ рѣшенія невыполнимой задачи: подысканія для каждаго психическаго явленія абсолютно его покрывающихъ и объясняющихъ физическихъ коррелатовъ и схемъ.

4). Въ предшествующемъ я указалъ основанія, которыя заставляютъ предпочесть дуалистическій взглядъ на человѣческое существо, признающій въ немъ два различные источника для душевныхъ и тѣлесныхъ явленій, (т.е. различіе души и тѣла), монистическому воззрѣнію на человѣка. Вы знаете, въ чемъ состоятъ важнѣйшіе мотивы такого предпочтенія: вы должны были убѣдиться, что сущность и явленіе въ чемъ бы мы ихъ ни разсматривали, хотя и противополагаются нами другъ другу съ отвлеченно логической точки зрѣнія, но въ своей дѣйствительности никогда не представляютъ и не могутъ представлять двухъ раздѣльныхъ между собою вещей; напротивъ, во всѣхъ реальныхъ процессахъ (да и по самому смыслу понятій сущность и явленіе), они неотдѣлимы другъ отъ друга, - это не двѣ вещи, а одна вещь, только разсматриваемая съ двухъ разныхъ сторонъ, подъ двумя различными углами зрѣнія. Вещество (субстанція, сущность матеріальнаго міра), не существуетъ внѣ своихъ движеній (явленія матеріальнаго міра), такъ же, какъ нѣтъ движеній безъ вещества. Явленіе и сущность понятія всецѣло соотносительныя, - мы ихъ можемъ логически различать, но они непремѣнно составляютъ одну дѣйствительность. Но если это вѣрно, - изъ этого должно вытекать очень важное положеніе: тамъ гдѣ какіе -нибудь порядки явленій кореннымъ образомъ, по всѣмъ своимъ признакамъ, различны между собою, тамъ и субстанціи, реализующія себя въ этихъ явленіяхъ, должны между собою различаться. Между тѣмъ психическія и физическія явленія различны между собою существенно, - въ этомъ безспорная истина психологической науки; итакъ, они не могутъ быть выраженіемъ и продуктомъ одной и той же субстанціальной основы, - для ихъ возникновенія должно предположить два разныхъ источника. (Напримѣръ, для физическаго міра мы потому только предполагаемъ однородность и единство его субстанціальной основы - вещества, что считаемъ возможнымъ свести всѣ явленія и процессы внѣшней природы къ различнымъ формамъ движенія, происходящимъ по неизмѣннымъ законамъ механики. Напротивъ, если мы признаемъ существованіе въ природѣ явленій, механически необъяснимыхъ ,мы тѣмъ самымъ будемъ вынуждены допустить присутствіе въ ней силъ, отличныхъ отъ матеріи. Напримѣръ, тѣ люди, которые полагаютъ, что явле-

ній жизни изъ свойствъ вещества вывести нельзя, неизбѣжно приходятъ къ гипотезѣ ж и з н е н н о й с и л ы , какъ нѣкоторой сверхфизической потенціи).

Съ другой стороны, мы уже могли убѣдиться, что нельзя разсматривать жизнь нашего сознанія и какъ простую равнодѣйствующую внутреннихъ состояній различныхъ центровъ, составляющихъ нашъ организмъ, даже если мы допустимъ одушевленность этихъ центровъ . (Такой к о л л е к т и в и с т и ч е с к і й взглядъ довольно распространенъ, - въ нашей литературѣ сторонникомъ этого взгляда является извѣстный писатель Оболенскій). Какъ мы видѣли, его усвоенію препятствуетъ фактъ е д и н с т в а нашего сознанія, - способность нашего духа сознавать разнообразіе и реальность явленій во времени,т.е. с и н т е з и р о в а т ь прошлое съ настоящимъ и будущимъ (въ ожиданія), и въ пространствѣ ,(способность синтеза различныхъ одновременныхъ состояній возникшихъ въ разныхъ пунктахъ мозговой и нервной системы, которыя,однако, нашъ духъ сознаетъ какъ свои). Для возможности этого общаго и кореннаго факта психической жизни,нужно существованіе о д н о г о сознающаго центра, хотя въ этомъ одномъ центрѣ могутъ отраженно объединяться состоянія многихъ другихъ центровъ. Единство нашего сознанія предполагаетъ особый центръ, хотя бы онъ былъ связанъ съ другими. Какъ я уже указывалъ, самое понятіе равнодѣйствующей лишь тогда имѣетъ смыслъ, когда мы предполагаемъ, что разныя силы, дѣйствующія въ разныхъ направленіяхъ, прилагаются къ о д н о й точкѣ.

Однако за противоположный м о н и с т и ч е с к і й взглядъ на человѣческое существованіе, повидимому, говорятъ нѣкоторыя очень важныя соображенія. Самое основное между ними можно формулировать такъ: что бы мы ни предполагали о нашей душѣ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что наша душевная жизнь, какъ мы ее переживаемъ въ себѣ, есть ф у н к ц і я н а ш е г о о р г а н и з м а . Черта ея функціональной зависимости отъ нашего мозга и нервной системы безспорнымъ образомъ сказываются во всѣхъ ея свойствахъ и во всемъ ея ходѣ. Какова нервная система живого существа, такова и его психика. Человѣкъ сейчасъ мыслилъ ясно и разумно,но если его хорошенько стукнули по головѣ, въ умѣ его все спуталось, а если ударъ былъ достаточно силенъ, онъ и совсѣмъ лишится сознанія. Человѣкъ совсѣмъ иначе мыслитъ и чувствуетъ здоровый и больной,во снѣ или въ бодрствованіи. Заболѣли у него опредѣленные мозговые центры, и онъ вдругъ теряетъ всѣ имена существительныя, или другія части рѣчи, или и вовсе теряетъ способность говорить. Проницательность, остроуміе, тонкость ума находятся въ тѣсной зависимости отъ количества извилинъ на мозговой корѣ. Различіемъ въ совершенствѣ развитія нервно-мозгового аппарата опредѣляется духовное различіе людей между собою,опредѣляется

разница психическаго уровня различныхъ породъ животныхъ, опредѣляются рѣзкія колебанія въ достоинствахъ и недостаткахъ отдѣльныхъ психическихъ отправленій у одушевленныхъ тварей вообще. Весь одушевленный міръ - какъ бы лѣстница въ смыслѣ ряда все болѣе и болѣе совершенныхъ сознаній. Въ полную параллель съ этой лѣстницей мы имѣемъ лѣстницу нервныхъ организацій, которая оканчивается такимъ сложнымъ аппаратомъ, какъ человѣческій мозгъ. Количество подобныхъ соображеній можно было бы значительно умножить. Всѣ они приводятъ къ признанію одного положенія: наша душевная жизнь во всемъ ея составѣ есть функція мозга и нервной системы.

Одинъ изъ знаменитѣйшихъ современныхъ психологовъ, В. Джемсъ, - въ одномъ изъ своихъ трактатовъ ("О человѣческомъ безсмертіи") утверждаетъ, что можно вполнѣ примкнуть къ этой формулѣ и все-таки не быть ни матеріалистомъ, ни вообще монистомъ въ какой бы то ни было формѣ. Мнѣ кажется, съ его мнѣніемъ нельзя не согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, въ природѣ приходится различать четыре типа функцій: или четыре типа зависимости между производителями явленій и самими явленіями. Охарактеризовать эти типы можно такъ : а) ф у н к ц і и д в и г а т е л ь н ы я . Онѣ состоятъ въ собственномъ движеніи функціонирующаго органа или вообще какого-нибудь агента. О такихъ функціяхъ идетъ рѣчь, когда мы, напримѣръ, говоримъ, что функція мускула есть сокращеніе. в) ф у н к ц і и в ы д ѣ л и т е л ь н ы я . О такихъ функціяхъ мы говоримъ, когда, напримѣръ, утверждаемъ, что функція печени есть выдѣленіе желчи, или, что слезы - функція слезныхъ железъ. Функціи подобнаго рода мы имѣемъ тамъ, гдѣ изъ даннаго органа или агента выдѣляется часть входившаго въ него вещества .с) ф у н к ц і и п р е л о м л е н і я , или видоизмѣняющаго пропусканія. Подъ ними мы разумѣемъ видоизмѣняющія воздѣйствія даннаго агента на процессы въ средѣ, отъ него отличной. Такъ, мы говоримъ, что функція призмы есть разложеніе бѣлаго луча на лучи спектральные, или что функція кристалика глаза есть преломленіе свѣта .d) ф у н к ц і и о с в о б о д и т е л ь н ы я . Такого рода функціи мы имѣемъ тамъ, гдѣ благодаря импульсу, исходящему изъ даннаго агента, въ подлежащей его дѣйствію средѣ освобождаются потенціальные запасы силы и переходятъ въ дѣятельное состояніе. Такъ возбужденіе чувствительнаго нерва, освобождая энергію въ нервномъ центрѣ, вызываетъ черезъ него процессъ въ нервѣ двигательномъ. Такъ можно сказать, что выстрѣлъ есть функція спущеннаго курка, или взрывъ есть функція искры, брошенной въ порохъ.

Легко замѣтить, въ чемъ существенная разница между двумя первыми типами функцій и двумя послѣдними. Первые два вида функцій предполагаютъ

объясненіе строго м о н и с т и ч е с к о е : въ нихъ то, чему функція принадлежитъ, и среда въ которой она совершается, вполнѣ совпадаютъ между собою. Сокращенія нѣтъ внѣ мускула и оно есть только извѣстное его состояніе, печень потому только выдѣляетъ желчь, что она образовалась внутри ея и составляетъ часть входящаго въ нее вещества. Напротивъ, не менѣе очевидно, что въ двухъ послѣднихъ видахъ функцій объясненіе неизбѣжно выходитъ д у а л и с т и ч н ы м ъ : оно непремѣнно должно предположить два фактора, вызывающаго функцію агента и среду, въ которой функція совершается. Призма ничего не покажетъ намъ, если мы не пустимъ сквозь нее лучей свѣта, т.е., другими словами, если не произойдетъ опредѣленныхъ колебаній въ окружающей и проникающей ее эѳирной средѣ. Глазъ ничего не увидитъ въ темнотѣ. Спущенный курокъ не вызоветъ никакого выстрѣла, если въ ружьѣ не будетъ пороха. Чувствительный нервъ ничего не вызоветъ въ двигательномъ, если тотъ будетъ парализованъ и т.д.

Въ виду этого, чтобы отвѣтить на вопросъ, какое объясненіе болѣе примѣняется къ отношенію между нашей психикой и тѣлеснымъ организмомъ, -монистическое или дуалистическое, - нужно отчетливо установить къ какому виду функцій принадлежитъ духовная жизнь, поскольку она можетъ быть опредѣлена, какъ ф у н к ц і я т ѣ л а . Есть ли она д в и г а т е л ь н а я ф у н к ц і я нашей нервной системы, или, говоря болѣе просто, не есть ли наша душевная жизнь только нѣкоторая совокупность движеній нашихъ нервныхъ элементовъ и ничего больше ? Но мы могли уже неоднократно убѣдиться, какое очевидное противорѣчіе заключается въ такомъ предположеніи. Вѣдь въ нашихъ психическихъ состояніяхъ, мысляхъ, чувствахъ, актахъ воли, - нѣтъ ни протяженности, ни матеріальныхъ частей, ни физическаго движенія этихъ частей. Паульсенъ, мнѣніе котораго я уже приводилъ, совершенно правъ, когда настаиваетъ на абсолютномъ безсмысліи утвержденія, что явленія души суть движенія мозга. Можно ли сказать, что психическія явленія только субъективно к а ж у т с я намъ отличными отъ движенія, а на самомъ дѣлѣ они, все-таки, лишь движеніе ? Какъ ни странно такое возраженіе, но къ нему прибѣгаютъ довольно часто. Высказывающіе его не хотятъ видѣть, что при объясненіи явленій сознанія, дѣло идетъ именно о томъ, что, съ этой точки зрѣнія, к а ж е т с я и к а к ъ оно кажется, - о мысляхъ, какъ онѣ мыслятся, объ ощущеніяхъ, какъ они ощущаются и т.д. Допустимъ даже, что все это только субъективные фантомы - вопросъ идетъ именно о нихъ , - о субъективныхъ фантомахъ, и о томъ, что ихъ вызвало и произвело. Въ своихъ с у б ъ е к т и в н ы х ъ качествахъ они очевидно не суть движенія мозга. Ощущаемый нами красный цвѣтъ, очевидно, не есть просто движеніе атомовъ мозга, которые въ себѣ а б с о л ю т н о б е з ц в ѣ т н ы .

Скажемъ ли мы, что наша психика есть в ы д ѣ л и т е л ь н а я ф у н к ц і я м о з г а , т.е. наше сознаніе есть особое вещество съ опредѣленными физическими и химическими качествами, которое выдѣляется мозгомъ и скопляется гдѣ -нибудь около него ? Хотя нѣкоторые матеріалисты и понимали отношеніе души къ тѣлу по этой аналогіи, но мнѣ кажется, что достаточно только высказать это предположеніе, чтобы понять его крайнюю несообразность. Мы ничего не знаемъ о такомъ особомъ веществѣ, которое мозгъ выдѣлялъ бы подобно тому, какъ печень выдѣляетъ жолчь. Да еслибъ даже такое вещество и было, - какъ доказать его тождество съ нашимъ сознаніемъ, когда у сознанія въ его субъективныхъ качествахъ нѣтъ никакихъ физическихъ и химическихъ свойствъ ? Приравнивать жизнь сознанія движеніямъ въ этомъ неизвѣстномъ веществѣ было бы никакъ не менѣе безсмысленно, чѣмъ отождествлять факты духовной жизни съ движеніями мозга.

Итакъ, душевную жизнь нельзя разсматривать ни какъ двигательную, ни какъ выдѣлительную функцію нашего тѣла. Ея отношеніе къ тѣлесному организму и нервной системѣ можно мыслить только по типу функцій преломляющихъ (въ широкомъ смыслѣ: вообще пропускающихъ) или освободительныхъ. Но мы уже знаемъ, что эти два послѣдніе типа функцій неизбѣжно предполагаютъ д в о й с т в е н н о с т ь независимыхъ другъ отъ друга началъ или факторовъ . Преломляющая - различіе пропускающей среды (призмы) и дѣятеля, въ которомъ видоизмѣняемый процессъ совершается(колеблющійся эѳиръ) ; освободительная - различіе в о з б у д и т е л я процесса и дѣятеля, въ которомъ процессъ происходитъ. Это значитъ, что и для объясненія психической жизни, какъ функціи мозга, нужно предположить не одно, а два начала. Мозгъ такъ же не порождаетъ души и не есть сама душа, какъ призма не порождаетъ свѣтового эѳира и не есть эѳиръ, или курокъ не порождаетъ пороха и самъ не есть порохъ.

Нельзя не отмѣтить и важнаго различія между приводимыми примѣрами и случаемъ съ душевною жизнью. Эѳиръ и порохъ суть факторы матеріальные; происходящіе въ нихъ процессы сводятся для науки къ различнымъ видамъ матеріальнаго движенія. Но психическіе факты н е с у т ь физическія движенія. Сознаніе этой истины не позволило намъ признать психическую жизнь просто за двигательную функцію мозга. Душевныя явленія по всѣмъ своимъ свойствамъ сверхфизичны; итакъ мы въ нихъ имѣемъ выраженіе дѣятельности нѣкотораго сверхфизическаго агента. Душевная жизнь порождается непрерывнымъ взаимодѣйствіемъ начала физическаго (мозга) съ началомъ сверхфизическимъ. Въ нашемъ психическомъ существованіи мы имѣемъ, быть можетъ, единственный несомнѣнный случай присутствія въ природѣ сверхфизической силы.

Но къ какому же изъ двухъ послѣднихъ типовъ функцій относится душевная жизнь въ ея отношеніи къ мозгу ? Для мозга есть ли это функція преломляющая или освободительная ? Безъ сомнѣнія, можно представить разныя соображенія въ пользу обоихъ толкованій. Съ одной стороны, отъ качества, развитія и состоянія нервной системы зависитъ качество душевныхъ проявленій, ихъ легкость или затрудненность. Тутъ можно провести полную аналогію съ свѣтомъ: свѣтъ различно свѣтитъ сквозь туское или протертое окошко.

Такъ и психическая жизнь принимаетъ различныя формы въ здоровомъ организмѣ или въ больномъ. Съ другой стороны, самыя ничтожныя въ физическомъ смыслѣ впечатлѣнія, могутъ вызывать огромные эффекты въ духовной сферѣ по своему идеальному смыслу. Положимъ, мы получили извѣстіе, которое имѣетъ для насъ роковое значеніе. Пускай это будетъ одно слово, произнесенное даже самымъ неслышнымъ голосомъ, оно все перевернетъ въ нашей душевной жизни. Внутренній законъ душевной жизни есть непрерывный ростъ и внутреннее развитіе. При самомъ началѣ психическаго существованія мозговой аппаратъ уже данъ, но сознанія еще нѣтъ. Оно потомъ непрерывно наростаетъ, расширяется, пополняется все новымъ содержаніемъ. Тутъ, повидимому, уже имѣемъ аналогію освободительныхъ функцій. Быть можетъ, самое правдоподобное предположеніе, что въ нашемъ мозгу въ его отношеніи къ душевной жизни пропускающія и освободительныя функціи соединяются. Вѣдь онѣ близки и по своей природѣ.

Впрочемъ, для насъ не столько важны эти частные вопросы, сколько тотъ общій выводъ, который вытекаетъ изъ сказаннаго : мы можемъ сполна допустить, что душевная жизнь есть функція мозга, - но эта такая функція, которая непремѣнно предполагаетъ нѣчто, кромѣ мозга.

5). Выше я старался показать, что стремленіе къ м о н и з м у въ объясненіяхъ можетъ быть очень плодотворнымъ, когда данные матеріалы дѣйствительности допускаютъ его приложеніе. Но въ то же время оно можетъ быть источникомъ важныхъ недоразумѣній и предразсудковъ, если монизмъ хотятъ провести, во что бы то ни стало, не считаясь съ конкретнымъ матеріаломъ опыта.

Когда какія-нибудь явленія находятся въ зависимости отъ нѣкотораго опредѣленнаго фактора, но при этомъ имѣютъ особенности и признаки, изъ этого фактора вовсе не вытекающіе, то эти явленія нельзя объяснять имъ однимъ, хотя бы ихъ зависимость отъ него была для насъ несомнѣнна. Это есть самоочевидное правило логики, между прочимъ лежащее въ основаніи м е т о д а о с т а т к о в ъ . Химическое образованіе воды предполагаетъ наличность водорода, но все же вода не возникаетъ тамъ, гдѣ присутствуетъ только одинъ водородъ: рядомъ съ нимъ должно быть дано другое хими-

ческое начало, кислородъ, - и вода получается только черезъ соединеніе, въ опредѣленной пропорціи, водорода съ кислородомъ. Или когда я брошу камнемъ, онъ опишетъ кривую и упадетъ; это движеніе по кривой будетъ обусловлено дѣйствіемъ силы тяжести. Но было бы весьма неосновательнымъ заключать изъ этого, что полетъ камня вызванъ и произведенъ только тяжестью, потому что онъ не менѣе очевидно зависитъ отъ силы взмаха моей руки, т.е. отъ той первоначальной скорости, которую мы сообщили камню, отъ даннаго ему направленія и т.д. Подобнаго рода примѣровъ можно было бы привести множество. И во всѣхъ нихъ содержится одно и то же поученіе: стремленіе къ единству объясняющаго принципа явленій очень почтенно; но ему въ природѣ постоянно противоборствуетъ фактъ м н о ж е с т в е н н о с т и п р и ч и н ъ. И когда, ради предвзятыхъ поисковъ за единствомъ, мы забываемъ живое разнообразіе двигателей дѣйствительности, мы не объясняемъ вещей, а только искажаемъ ихъ. М о н и з мъ очень плодотворный принципъ тамъ, гдѣ его можно провести безъ натяжки и насилія надъ фактами, но если ради него приходится закрывать глаза на весьма существенныя особенности изучаемыхъ явленій, онъ оказывается только предразсудкомъ, иногда очень вреднымъ.

Мнѣ кажется, что въ психологіи, при современномъ состояніи знаній, желаніе установить, во что бы то ни стало, м о н и з м ъ, какъ объясняющее и руководящее начало, есть также своего рода популярный предразсудокъ, имѣющій свои дурныя стороны. Прибѣгая къ сравненію, въ своихъ монистическихъ исканіяхъ мы немножко напоминаемъ упрямаго химика, который непремѣнно захотѣлъ бы произвести воду изъ одного водорода, помимо кислорода. Трудно указать фактъ болѣе безспорный, какъ тѣсная зависимость душевныхъ процессовъ отъ тѣлесныхъ отправленій. Несомнѣнно, что эта связь гораздо глубже, чѣмъ думали раньше: она касается не только низшихъ и элементарныхъ проявленій душевной жизни, но и самыхъ высшихъ; безъ преувеличенія можно сказать, что она обнимаетъ всю скалу психическихъ состояній. Но что же означаетъ эта связь ? Въ какой мѣрѣ обусловливается психическое содержаніе нашего сознанія чисто физіологическими актами ? Въ какой степени непрерывно параллельны потоки психическихъ и физіологическихъ перемѣнъ ? Испытываетъ ли только психическая сфера воздѣйствія отъ физической, или обратно, - физическій ходъ процессовъ въ нашемъ мозгу и нервной системѣ измѣняется чрезъ вліяніе чисто психическихъ факторовъ ? Все это вопросы, которые иногда рѣшаютъ очень категорично, но рѣшаютъ безъ достаточныхъ данныхъ.

И вотъ мы стоимъ предъ слѣдующимъ фактомъ: какъ бы ни была тѣсна связь между психическими и физіологическими процессами, хотя бы мы предположили, что послѣдовательность психическихъ состояній всецѣло и непре-

рывно предопредѣляется развитіемъ явленій чисто физіологическихъ, въ одномъ пунктѣ у насъ останется неустранимое затрудненіе: физическими данными нельзя объяснить того, чѣмъ психическое о т л и ч а е т с я отъ всего физическаго. Употребляя п р е ж н е е сравненіе, изъ свойствъ одного водорода мы не въ состояніи объяснить, что р а з л и ч а е тъ воду отъ водорода. Пускай наши мысли проходятъ въ нашемъ умѣ въ извѣстномъ порядкѣ не по причинѣ своего идеальнаго сродства и не въ силу внутренней логики связывающихъ ихъ отношеній, а просто потому, что въ нашихъ мозговыхъ центрахъ съ фатальною необходимостью развиваются другъ за другомъ различные физико-химическіе процессы. Для насъ, все-таки, остается вопросъ, почему въ нашемъ сознаніи протекаютъ именно м ы с л и со всѣмъ ихъ рѣзительнымъ различіемъ отъ какихъ бы то ни было физико- химическихъ явленій ? Пускай наши ощущенія возникаютъ въ результатѣ очень сложныхъ процессовъ въ воспринимающихъ органахъ, въ проводящихъ нервахъ, въ мозговыхъ центрахъ, - почему, какъ слѣдствіе этихъ процессовъ, получается именно о щ у щ е н і е, во всемъ его разительномъ несходствѣ съ ними ? Какъ мы могли убѣдиться, никакія преобразованія понятія о матеріи не помогутъ намъ отвѣтить на эти вопросы и перекинуть дѣйствительный мостъ между объективными процессами въ тѣлесномъ организмѣ и нашимъ субъективнымъ сознаніемъ. Скажутъ ли, что въ жизни нашего сознанія физическіе процессы просто переводятся на субъективный языкъ психическихъ знаковъ и символовъ ? Но, вѣдь, вопросъ идетъ именно о томъ, почему существуетъ этотъ с у б ъ е к т и в н ы й языкъ и какая сила совершаетъ переводъ на него вовсе несходнаго съ нимъ содержанія ? Если психическіе факты суть субъективныя отраженія физіологическихъ процессовъ, то тѣмъ самымъ предполагается, что въ нашемъ организмѣ, кромѣ этихъ отражаемыхъ процессовъ, дано какъ бы нѣкоторое отражающее ихъ зеркало, которое собираетъ въ единый фокусъ сознанія разрозненные лучи, исходящіе изъ различныхъ пунктовъ нашего мозга. Безъ чего-либо подобнаго этому отношенію, существованіе чего-нибудь субъективнаго въ насъ является непонятнымъ и немыслимымъ въ самомъ строгомъ значеніи этихъ словъ.

Сопоставленіе психической сферы съ зеркаломъ, какъ и всякое сравненіе, имѣетъ, однако, свои недостатки и даетъ психологической проблемѣ одностороннее освѣщеніе. Наше сознаніе не только зеркало, которое равнодушно отражаетъ все, что происходитъ передъ нимъ. Давно замѣчено, что духъ нашъ есть зеркало невѣрное, отражающее физическую дѣйствительность не въ ея настоящемъ видѣ. Качественно однородныя, непрерывныя въ градаціи степеней, инертныя движенія матеріальныхъ частей нашего организма изображаются въ этомъ зеркалѣ въ формѣ качественно различныхъ, раздѣльныхъ и

обособленныхъ другъ отъ друга психическихъ знаковъ; и это качественное разнообразіе въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того, что это предполагаемое зеркало относится къ воздѣйствіямъ на него не пассивно: оно однимъ отраженіемъ сопротивляется, къ другимъ - стремится. Различія пріятнаго и непріятнаго, желательнаго и противнаго, хорошаго и дурного коренятся въ этомъ свойствѣ нашей сознающей силы - не быть безразличною къ воздѣйствіямъ извнѣ. Оттого въ нашемъ внутреннемъ опытѣ мы имѣемъ дѣло не только съ подобіемъ зеркала, а съ чѣмъ - то гораздо большимъ. То, что въ насъ сознаетъ, есть въ то же время и с т о ч н и к ъ д ѣ й с т в і й и с т р е м л е н і й к ъ д ѣ й с т в і ю . Само наше сознаніе непосредственно испытывается нами, какъ нѣкоторая д ѣ я т е л ь н о с т ь у с в о е н і я разнообразныхъ данныхъ опыта въ единомъ актѣ пониманія или усмотрѣнія ихъ. Эти свойства психической сферы обладаютъ для насъ прямою достовѣрностью и очевидностью: ихъ можно различно стараться объяснить, но нельзя отрицать ихъ с у б ъ е к т и в н а г о п р и с у т с т в і я въ насъ.

Между тѣмъ мы могли убѣдиться, что попытки объяснить эти свойства какъ только кажущуюся видимость и обосновать ее изъ физическихъ схемъ, какъ бы онѣ остроумны ни были, всякій разъ даютъ лишь доказательство полной несоизмѣримости какихъ бы то ни было физическихъ схемъ съ дѣйствительнымъ содержаніемъ психическихъ процессовъ. Не значитъ ли это, что рядомъ съ весьма сложнымъ физическимъ составомъ мы должны признать въ нашемъ организмѣ присутствіе нѣкотораго особаго агента, функція котораго состоитъ, прежде всего, въ переводѣ физіологическихъ измѣненій на субъективный языкъ со всѣми его сейчасъ указанными особенностями ? Что этотъ субъективный языкъ, - наше сознаніе, существуетъ, это есть самый несомнѣнный фактъ изъ всѣхъ возможныхъ для каждаго изъ насъ; и что этотъ фактъ имѣетъ причину, это также должно быть безспорнымъ для всякаго, кто полагаетъ, что нѣтъ въ мірѣ безпричинныхъ вещей. Съ другой стороны, такою причиною не могутъ быть физическіе процессы въ виду ихъ абсолютной несоизмѣримости съ этимъ фактомъ: эта причина должна имѣть особую природу, сравнительно съ предметами и явленіями, о которыхъ вѣдаетъ физика и которые всецѣло подчиняются ея законамъ. Такого дѣятеля, отличнаго отъ тѣла, хотя весьма тѣсно связаннаго съ нимъ въ своихъ проявленіяхъ, лежащаго въ основѣ сознанія во всей совокупности его состояній и дѣйствій, мы называемъ д у ш о ю . Итакъ, нужно признать душу, если мы не хотимъ вѣчно уподобляться химику, который безплодно хлопочетъ о томъ, чтобы сдѣлать воду изъ одного водорода.

Въ ученіи о душѣ, какъ самостоятельномъ источникѣ и носителѣ субъективныхъ явленій, переживаемыхъ нами, заключается сущность с п и р и -

туалистической гипотезы. И теперь можно видѣть, что она представляетъ собою нѣчто болѣе важное, чѣмъ простая гипотеза: по всѣмъ признакамъ въ ней идетъ рѣчь о положительной истинѣ; окончательную формулу всѣхъ предшествующихъ разсужденій можно выразить такъ: психическія явленія несомнѣнно существуютъ, и ихъ ничѣмъ нельзя объяснить, кромѣ души. Но будемъ даже смотрѣть на спиритуализмъ лишь какъ на гипотезу, объясняющую отдѣльные факты душевной жизни. Гипотеза эта теперь далеко не пользуется популярностью. Что заставляетъ противъ нея спорить и съ нею бороться? Осужденіе спиритуалистическихъ взглядовъ внушается ли простымъ предубѣжденіемъ или для него существуютъ серьезныя основанія ?

Главный упрекъ противъ спиритуалистической гипотезы, мнѣ кажется, сводится къ тому, что она, съ одной стороны, влечетъ къ пренебреженію психофизическими и психофизіологическими изслѣдованіями, а съ другой, — къ преувеличенной и невѣрной оцѣнкѣ очень многихъ фактовъ нашего внутренняго опыта. Признавъ духъ за независимое, субстанціальное существо, спиритуалисты ради этого стараются представить его возможно болѣе свободнымъ отъ вліянія тѣла ; съ другой стороны, ради этого же предположенія, они приписываютъ нѣкоторымъ психическимъ свойствамъ и законамъ, несомнѣнно реальнымъ, незаслуженно абсолютное значеніе, забывая о ихъ относительности. Таково единство нашего сознанія, внутреннее тождество нашего Я, неизмѣнность нашей личности и т.д. Все это въ самомъ дѣлѣ дано въ насъ, но, какъ психическіе факты, они даны въ ограниченныхъ и постоянно колеблющихся предѣлахъ, и мы искажаемъ истинное положеніе вещей, когда видимъ въ этихъ явленіяхъ адекватное изображеніе нашего субстанціальнаго субъекта въ немъ самомъ. Въ этомъ и повинны спиритуалисты.

Если такой приговоръ и можетъ показаться справедливымъ, то только по отношенію къ крайнимъ тенденціямъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ спиритуалистовъ, но никакъ не къ спиритуализму въ коренномъ смыслѣ этого воззрѣнія. Связь души съ тѣломъ принципіально признавалась всѣми спиритуалистами, а въ настоящее время ея глубокое и всеохватывающее значеніе является общепризнаннымъ фактомъ, съ которымъ одинаково приходится считаться всякой гипотезѣ. Если прежняя спиритуалистическая психологія сравнительно мало сдѣлала въ области психофизическихъ и психофизіологическихъ изслѣдованій, то это прежде всего объясняется тѣмъ, что эта область почти совсѣмъ не существовала. Старинные матеріалисты въ ней сдѣлали едва ли больше. Чѣмъ, напримѣръ, лучше физіологическія схемы Гоббса таковыхъ же схемъ Декарта ? Напротивъ, Декартъ былъ несомнѣннымъ отцомъ психофизіологіи, и онъ же родоначальникъ новаго спиритуализма въ его самой рѣзкой дуалистической формѣ. Нужно ли луч-

шее доказательство совмѣстимости спиритуализма съ психофизіологическими задачами ? Другой примѣръ можно указать въ лицѣ Фехнера, одного изъ виднѣйшихъ основателей современной психофизики и горячаго спиритуалиста по своимъ задушевнымъ убѣжденіямъ.

Разъ признается постоянное взаимодѣйствіе и связь между психическими и физическими процессами въ насъ, изученіе физическихъ условій душевной жизни тѣмъ самымъ неизбѣжно получаетъ первостепенный интересъ. Правда, спиритуалисты для связи духовнаго и тѣлеснаго дѣлаютъ нѣсколько иную оцѣнку, нежели сторонники строгаго монизма: эта связь, въ глазахъ спиритуализма, не такъ абсолютна, она не равняется внутреннему тождеству и не предполагаетъ полнаго непрерывнаго соотвѣтствія въ содержаніи физическихъ и психическихъ фактовъ. Но въ этомъ, можетъ быть, заключается самое большое преимущество спиритуалистической гипотезы : психологу - спиритуалисту нѣтъ такой потребности въ безплодномъ отыскиваніи исчерпывающихъ физіологическихъ схемъ для всѣхъ психическихъ событій, во всѣхъ ихъ субъективныхъ признакахъ,- потребности, которая никогда не покидаетъ психологовъ-монистовъ; для спиритуализма отпадаетъ много лишнихъ проблемъ, - его положеніе вообще свободнѣе, а это очень важно въ области, гдѣ сдѣланы несомнѣнные частные успѣхи, но гдѣ все же, безотносительно говоря, изслѣдовано очень немного. Конкретная суть тѣхъ процессовъ, которые происходятъ въ мозговыхъ центрахъ въ соотвѣтствіе съ отдѣльными фактами душевной жизни, все еще остается непроницаемой тайной.

Что касается упрека въ невѣрномъ освѣщеніи фактовъ, относящихся къ единству сознанія и неизмѣнности личности, онъ также совершенно устраняется серьезнымъ признаніемъ связи между духомъ и тѣломъ, отъ котораго послѣдовательный спиритуалистъ долженъ отправляться во всѣхъ своихъ выводахъ. Если эта связь допущена, нельзя уже предполагать, что свойства духа раскрываются съ одинаковымъ совершенствомъ, широтою и ясностью во всѣ моменты человѣческой жизни, а тѣмъ болѣе на всѣхъ ступеняхъ лѣстницы одушевленныхъ тварей. Тогда каждое душевное явленіе есть продуктъ взаимодѣйствія психической силы и той среды, въ которой она развиваетъ свои состоянія. Точнѣе сказать, тогда выйдетъ, что каждый психическій фактъ есть внутреннее измѣненіе души, выражающее переживаемое ею отношеніе къ процессамъ организма . Слишкомъ ясно, что при коренныхъ перемѣнахъ въ этихъ процессахъ, должна глубоко мѣняться и наша душевная жизнь. Насколько позволяютъ судить факты, не только воспріятіе о щ у щ е н і й обусловлено особыми физіологическими процессами въ нашихъ чувствующихъ органахъ, безъ которыхъ ощущенія совсѣмъ не возникли бы, но и наше сознательное в о с п р о и з в е д е н і е ощущеній въ формѣ в о с п о м и н а н і й предполагаетъ о р г а н и ч е с к о е воспроизве-

деніе въ центрахъ нашего мозга пережитыхъ ими раздраженій: ясное воспоминаніе, съ психофизіологической точки зрѣнія, есть повторенное воспріятіе, хотя обыкновенно въ менѣе отчетливомъ видѣ. Согласимся съ этимъ, и мы поймемъ, какъ должны рѣзко измѣняться проявленія внутренняго единства и тождества души при органическихъ измѣненіяхъ нашего мозгового аппарата. Мы могли убѣдиться, что нѣтъ сознанія безъ единства и тождества, - ничто не можетъ быть сознано нами, не будучи синтезировано въ своемъ послѣдовательномъ и одновременномъ содержаніи и связано со всѣмъ другимъ, что мы сознаемъ въ данный моментъ, - это зависитъ отъ природы нашего сознающаго субъекта; но не отъ его объединяющей дѣятельности только зависитъ, насколько широкое поле можетъ она захватить, а и отъ тѣхъ матеріаловъ, которые ей даны. - Положимъ, нашъ мозгъ настолько разрушенъ (напримѣръ, въ состояніи прогрессивнаго паралича), что онъ совсѣмъ потерялъ способность воспроизводить пережитыя впечатлѣнія, - мы не будемъ имѣть воспоминаній, всѣ наши идеи будутъ искажены, мы потеряемъ ясное сознаніе своей личности, какъ носительницы опредѣленнаго характера и опредѣленной судьбы. Но все же, если при этомъ мы будемъ сознавать хотя что-нибудь, въ томъ узкомъ полѣ сознанія, которое намъ осталось, единство и тождество явятся такими же неотъемлемыми признаками нашей сознающей дѣятельности, какъ и въ нормальной жизни. Если мы испытаемъ ощущеніе, оно будетъ о д н и м ъ ощущеніемъ, хотя и будетъ состоять изъ ряда послѣдовательныхъ моментовъ сознанія. Если у насъ промелькнетъ мысль, хотя бы самая абсурдная, - это будетъ о д н а мысль, гдѣ будетъ какое-нибудь подлежащее и какое-нибудь сказуемое, и въ каждомъ изъ нихъ, вѣроятно, будетъ содержаться извѣстная сложность отношеній къ другимъ идеямъ, хотя бы самымъ темнымъ и страннымъ. Наше сознаніе можетъ имѣть содержаніе тусклое или ясное, - обширное или очень бѣдное, сообразное съ дѣйствительностью или рѣзко ей противорѣчащее, - его основныя свойства, какъ душевнаго акта, все же останутся при немъ. Нашъ сознающій субъектъ въ этомъ отношеніи можно сравнить съ глазомъ: глазъ совсѣмъ различно видитъ въ темнотѣ или полусвѣтѣ или при полномъ свѣтѣ, но и въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ случаѣ онъ смотритъ и остается глазомъ. Мы сознаемъ себя такими, каковы мы есть; мы не воспринимаемъ своего духа въ его абсолютной независимости отъ тѣла по той простой причинѣ, что онъ, какъ мы себя знаемъ, вовсе и не имѣетъ такой независимости. На это слѣдуетъ ждать одного возраженія : вѣдь именно выясненіе связи души и тѣла составляетъ едва ли не самую трудную проблему философіи. Вся исторія одной изъ важнѣйшихъ философскихъ школъ новаго времени, - картезіанской, представляетъ рядъ краснорѣчивыхъ доказательствъ того, до какой степени эта проблема неразрѣшима. Душа и тѣло - су-

ности противоположныя по всѣмъ своимъ свойствамъ, - между ними невозможно перебросить никакого моста, - какъ же они могутъ образовать одно существо и слиться въ одну жизнь ?

На это прежде всего приходится отвѣтить, что въ этомъ выясненіи связи души съ тѣломъ мы имѣемъ уже не психологическую, а м е т а ф и з и ч е с к у ю проблему. Для психологіи, какъ опытной науки, взаимодѣйствіе душевной и тѣлесной жизни есть фактъ никакъ не болѣе загадочный, нежели всякое другое взаимодѣйствіе въ природѣ. Всякое опытное изслѣдованіе отправляется отъ признанія различныхъ связей и взаимодѣйствій, которыя въ вещахъ даны, но о внутренней сущности которыхъ оно не имѣетъ никакого представленія. Что можно придумать болѣе обыденнаго, чѣмъ явленія толчка, но у кого есть ясная идея о томъ внутреннемъ процессѣ, который позволяетъ тѣламъ дѣйствовать другъ на друга при соприкосновеніи между ними ? Мы говоримъ о силѣ или свойствѣ н е п р о н и ц а е м о с т и , какъ условіи возможности этихъ явленій, но не обобщаемъ ли мы въ этомъ свойствѣ лишь голый фактъ ? Что присутствуетъ въ тѣлахъ, не позволяющее имъ впустить въ свои предѣлы ничего посторонняго, если имъ при этомъ не будетъ дано мѣста, равнаго по величинѣ занятому прежде ? Мы знаемъ, что движеніе постоянно передается отъ однихъ тѣлъ другимъ; но что это значитъ, что тутъ переходитъ изъ тѣла въ тѣло, да и переходитъ ли что -нибудь ? На всѣ эти вопросы опытъ совершенно молчитъ. Поэтому, взаимодѣйствіе души и тѣла нисколько не загадочнѣе взаимодѣйствія тѣлъ между собою - они н е п о н я т н ы с о в е р ш е н н о о д и н а к о в о для эмпирическаго взгляда на вещи. Въ нихъ мы имѣемъ первоначальныя данныя опыта, а не то, что могло бы подлежать его объясненію. Нѣтъ такого микроскопа, въ который можно было бы подсмотрѣть, черезъ какой механизмъ движеніе нервнаго центра вызываетъ ощущеніе; но вѣдь нѣтъ и такого, который показалъ бы намъ, какими путями движеніе передается изъ одного тѣла въ другое. Особенно странно слышать упреки въ непонятности взаимодѣйствія души и тѣла по адресу спиритуалистической доктрины со стороны тѣхъ самыхъ психологовъ, которымъ вовсе не кажется труднымъ предположить, что физическое движеніе, въ силу собственныхъ свойствъ и законовъ, п р е в р а щ а е т с я въ психическіе акты. Какъ мы уже могли видѣть, все, что мы знаемъ о веществѣ ихъ механики, физики и химіи, абсолютно исключаетъ возможность такого превращенія : наши субъективныя состоянія не подлежатъ вѣдѣнію этихъ наукъ, потому что п о в с ѣ м ъ с в о и м ъ к а ч е с т в а м ъ они выходятъ изъ предѣловъ содержанія тѣхъ понятій, съ которыми обращаются эти науки. Въ нихъ нѣтъ ни массъ, ни движенія, ни химическаго сродства и ничего подобнаго этимъ свойствамъ. Поэтому, въ ученіи этихъ противниковъ спиритуализма

заключается явное логическое противорѣчіе: у нихъ выходитъ, что изъ механическихъ перемѣнъ получается н е м е х а н и ч е с к і й результатъ, точно такъ же, какъ изъ физическихъ данныхъ, путемъ физическихъ процессовъ вызывается н е ф и з и ч е с к і й результатъ, а изъ химическихъ - н е х и м и ч е с к і й, хотя и механическіе, и физическіе, и химическіе процессы при этомъ вполнѣ сохраняютъ свою природу. Между тѣмъ у спиритуалистической гипотезы есть уже то огромное преимущество, что она не предполагаетъ никакихъ абсурдовъ. Весь ея принципъ въ томъ, что носителю психическихъ явленій приписывается о с о б а я н е в е щ е с т в е н н а я п р и р о д а; понятно, что его дѣйствіе на организмъ или организма на него не можетъ выражаться въ законахъ физики или химіи: вѣдь эти законы регулируютъ отношенія тѣлъ другъ къ другу, но едвали они могутъ имѣть хотя малѣйшую претензію на то, чтобы опредѣлять связь тѣлеснаго съ безтѣлеснымъ. Вѣдь въ точныхъ наукахъ законы относятся лишь къ тѣмъ даннымъ, для которыхъ и на основаніи которыхъ они выведены. Между тѣмъ, механика, физика и химія изучаютъ природу и отношенія тѣлъ.

6). Что касается метафизической стороны проблемы, то и въ этомъ отношеніи положеніе спиритуалистической гипотезы не до такой степени роковое, какъ можетъ показаться сначала. Въ этомъ случаѣ нельзя не отмѣтить слѣдующаго поучительнаго факта : монизмъ, въ современномъ смыслѣ этого понятія, есть сравнительно позднее явленіе въ развитіи психологіи. Раньше того, едва ли не во всѣхъ школахъ (даже у матеріалистовъ) въ психологическихъ теоріяхъ господствовалъ дуалистическій взглядъ, т.е. душу различали отъ тѣла, какъ особый принципъ. Напримѣръ, даже древніе атомисты отличали вещество души отъ вещества тѣла. Тѣмъ не менѣе только послѣдователи Декарта впервые сознали необыкновенную трудность пониманія связи между душою и тѣломъ. Отчего это зависѣло ? Мнѣ кажется, что при безпристрастномъ изученіи вопроса должно быть очевиднымъ, что это происходило исключительно отъ особыхъ взглядовъ Декарта и его учениковъ на духъ и матерію. Когда духъ былъ опредѣленъ, какъ чистая безпространственная мысль, а тѣло, какъ чистое протяженіе, то между ними дѣйствительно нельзя было установить никакой мыслимой связи на томъ ясномъ основаніи, что эти два понятія представляютъ взаимное логическое отрицаніе. Но изъ этого также видно, что затрудненіе картезіанцевъ было с п е ц і а л ь н о к а р т е з і а н с к и м ъ. А если мы иначе смотримъ на міръ и, главнымъ образомъ, на природу матеріи, (потому что свойства душевнаго бытія даны намъ непосредственно и относительно ихъ, по крайней мѣрѣ, н е д о л ж н о б ы т ь разницы во взглядахъ), то получитъ совсѣмъ другой видъ и угнетавшая картезіанцевъ проблема. По этому пово-

ду нельзя не указать на нѣкоторую странную двойственность въ отношеніи современныхъ психологовъ къ вопросу о веществѣ вообще и о нашемъ организмѣ - въ частности. Когда заходитъ рѣчь относительно происхожденія нашихъ представленій о матеріальной дѣйствительности и о нашемъ собственномъ тѣлѣ, они обыкновенно не находятъ словъ, чтобы достаточно подчеркнуть ихъ производный и условный характеръ. Эти представленія настойчиво изображаются, какъ отдаленный продуктъ очень сложной, прихотливой и совершенно субъективной игры нашихъ ассоціацій. Многіе не останавливаются и на этомъ, особенно если они испытали на себѣ вліяніе философіи Канта: они провозглашаютъ весь матеріальный міръ, а, стало быть, и наше тѣло, и нашъ мозгъ, субъективнымъ призракомъ нашего сознанія, невольнымъ порожденіемъ нашей психики. Но едва возбуждается вопросъ о происхожденіи самой психики и сознанія, они сразу забываютъ о своемъ скептицизмѣ, и мозгъ, съ его физическими процессами и энергіями, немедленно превращается въ единственный и всемогущій источникъ всего состава нашей душевной жизни. Отъ субъективнаго идеализма они съ легкимъ сердцемъ переходятъ къ предположеніямъ простого матеріализма и мало заботятся о томъ, что столь враждебныя точки зрѣнія не должны были бы уживаться вмѣстѣ въ одномъ и томъ же умѣ. Излишне будетъ доказывать, какъ ненормально такое отношеніе къ проблемѣ о нашемъ тѣлѣ. Едва ли когда удастся метафизикамъ или психологамъ свести нашъ физическій организмъ совсѣмъ на н ѣ т ъ , для этого онъ слишкомъ убѣдительно и живо обнаруживаетъ свою реальность въ каждое мгновеніе нашего бытія. Но, съ другой стороны, мы не имѣемъ никакихъ дѣйствительныхъ основаній, чтобы сущность матеріальныхъ вещей измѣрять исключительно обобщеніями физики. Если вопросъ идетъ о метафизической природѣ вещества предположеніе о томъ, что оно есть субстанція а б с о л ю т н о и в ъ с е б ѣ внѣшняя, въ которой нѣтъ ничего, кромѣ протяженности, - это предположеніе, на которомъ строится все картезіанское міросозерцаніе, нужно считать наименѣе вѣроятнымъ изъ всѣхъ. Весьма убѣдительныя соображенія заставляютъ думать, что и вещество, какъ всякая другая дѣйствительность, имѣетъ существованіе внутреннее или субъективное, и что эта внутренняя сторона его бытія лежитъ въ основѣ его внѣшнихъ проявленій и свойствъ. Не менѣе важныя основанія можно указать и для того вывода, что самое пространство не есть какое - то абсолютное вмѣстилище, данное внѣ насъ и независимо отъ насъ, раньше всѣхъ вещей. Гораздо правдоподобнѣе другое предположеніе, что оно есть только общая форма или общій результатъ взаимодѣйствія нашего сознанія съ окружающимъ міромъ, психологически весьма сложный. Обо всемъ этомъ мнѣ уже пришлось отчасти говорить по поводу гипотезы всеобщаго одушевленія и другихъ вопросовъ. Допустимъ, напримѣръ, вмѣстѣ съ Джорданс Бруно, Лейбницемъ и Лотце, что вещество слагается изъ внутренно духовныхъ непространственныхъ центровъ, монадъ, и что наша душа

есть также монада, только болѣе развитая и богатая внутреннею жизнью, сравнительно съ монадами матеріальнаго міра. Тогда проблема взаимодѣйствія души и тѣла потеряетъ значительную долю своей трудности: тогда выйдетъ, что душа дѣйствуетъ на элементы своего организма потому же, почему вообще монады дѣйствуютъ другъ на друга. Двѣ проблемы тѣмъ самымъ сведутся къ одной - о существованіи взаимодѣйствія между вещами вообще. Конечно, и это вопросъ очень сложный, который касается глубочайшихъ корней бытія; нельзя, однако, не согласиться, что, съ метафизической точки зрѣнія, мыслить взаимодѣйствіе существъ легче, чѣмъ представить себѣ дѣйствительность, состоящую изъ элементовъ, которые никакъ не дѣйствуютъ другъ на друга. Міръ понятенъ только подъ угломъ внутренняго единства разнообразныхъ формъ и проявленій его жизни. Напротивъ, вообразить себѣ, что онъ состоитъ изъ единицъ, каждая изъ которыхъ погружена въ себѣ и съ другими никакъ не соприкасается, трудно до полной невозможности. Въ чемъ тогда состоитъ жизнь этихъ единицъ и чѣмъ она отличается отъ совершеннаго небытія ?

IV.

БЕЗСОЗНАТЕЛЬНАЯ ДУШЕВНАЯ ЖИЗНЬ.

1). На основаніи разнообразныхъ соображеній, изложенныхъ мною выше, приходится разъ навсегда убѣдиться, что и съ точки зрѣнія метафизической, и съ точки зрѣнія эмпирической одинаково, понятіе о веществѣ, пригодное и цѣлесообразное въ физикѣ и химіи, для психологіи оказывается недостаточнымъ и требуетъ преобразованій. Въ наукахъ о внѣшней природѣ понятіе о веществѣ все болѣе сводится къ чисто количественнымъ отношеніямъ и формуламъ. Даже такія матеріальныя качества, безъ которыхъ, казалось бы, ничего матеріальнаго нельзя мыслить, каковы инерція, непроницаемость, масса, подвижность, въ послѣднее время часто разсматриваются какъ своего рода математическіе символы, реальное значеніе которыхъ проблематично, да и не важно для науки. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что натуралисты въ этомъ своемъ стремленіи свести факты и законы природы къ количественнымъ отношеніямъ совершенно правы. Но если отъ качествъ можно отвлечься, это не значитъ, что ихъ можно въ самомъ дѣлѣ устранить изъ нашего опыта. Если безъ нихъ можно обойтись въ научномъ пониманіи внѣшняго міра, то тѣмъ настойчивѣе о нихъ ставится вопросъ, когда мы начинаемъ изучать нашъ внутренній міръ. Пускай всѣ качественныя различія вещей-только психологическая иллюзія, тѣмъ серьезнѣе вопросъ, откуда взялась

эта иллюзія ?Психологія, по самому существу своей задачи, изучаетъ качественное разнообразіе внутреннихъ явленій, какъ нѣчто изначала данное и безспорно наличное. И вотъ, является неизбѣжное соображеніе: если психическіе факты должны какъ -нибудь объясняться изъ процессовъ матеріальныхъ (а что между тѣми и другими есть реальная связь и зависимость,- въ этомъ едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе), то и въ матеріальныхъ процессахъ должно п р е д п о л о ж и т ь внутреннюю качественную сторону, а уже не о т в л е к а т ь с я отъ нея, какъ это дѣлаютъ физики. Будь психологъ дуалистомъ или монистомъ, для него одинаково должно быть яснымъ, что отъ процессовъ вещества, въ физическомъ смыслѣ этого понятія, въ самомъ дѣлѣ нѣтъ никакого перехода къ психической жизни въ ея субъективныхъ опредѣленіяхъ. Механическое движеніе не есть ощущеніе и не можетъ превратиться въ ощущеніе; изъ физическихъ процессовъ, по законамъ физики, можетъ получиться лишь физическій результатъ такъ же, какъ изъ химическихъ- химическій; между тѣмъ психическіе факты въ ихъ субъективной природѣ не обладаютъ ни физическими, ни химическими свойствами, - все это очевидныя истины.Но, съ другой стороны, мало поможетъ намъ и понятіе о душѣ,какъ независимомъ отъ тѣла началѣ, если мы захотимъ сохранить чисто механическое представленіе о составляющемъ тѣло веществѣ.Какъ понять, что душа воспринимаетъ движенія инертныхъ тѣлъ (въ нашей мозговой и нервной системѣ) не какъ движенія, а въ специфической формѣ ощущеній, чувствованій, хотѣній, при всемъ ихъ поразительномъ несходствѣ съ какими бы то ни было движеніями ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тутъ происходитъ переводъ внѣшнихъ процессовъ на какой- то внутренній субъективный языкъ.Но кѣмъ же и гдѣ производится этотъ переводъ ? Вѣдь сами мы его не совершаемъ : мы даже и не наблюдаемъ никогда, какъ онъ дѣлается: наша сознательная жизнь начинается лишь тогда, когда онъ уже с д ѣ л а н ъ .

Дѣйствительно, тутъ мы имѣемъ фактъ огромной важности: наша сознательная душевная жизнь имѣетъ дѣло уже съ г о т о в ы м и п с и х и ч е с к и м и п р о д у к т а м и . Ощущеніе съ своими особыми качествами(напримѣръ, тотъ или другой опредѣленный цвѣтъ или звукъ) бываетъ дано нашему сознанію, а не создается его усиліями; въ содержаніи нашихъ ощущеній мы н е в о л ь н ы . Отъ дѣятельности нашего сознанія въ значительной степени зависитъ, смутно или отчетливо усвоено имъ данное содержаніе; но не отъ него зависитъ, к а к о е это содержаніе: противъ этого едва ли можно спорить. Можетъ быть, еще болѣе рѣзко сказывается эта пассивность нашего сознанія къ воспринимаемому содержанію въ нашихъ чувствованіяхъ физически пріятнаго и непріятнаго, физическихъ удовольствій и страданій. Напримѣръ, не отъ нашего рѣшенія зависитъ,

ЛИТОГРАФІЯ Ю. ВЕНЕРЪ, МОСКВА.

больно намъ или не больно. Присущій физическимъ чувствованіямъ элементъ стремленія задержать одни изъ нихъ (сущность пріятнаго)и удалить другія (основа непріятныхъ ощущеній) для сознанія п р и н у д и т е л е н ъ . Голодъ,жажда, половое влеченіе составляютъ загадочную область н е в о л ь н о й в о л и : они являются нашему сознанію въ видѣ х о т ѣ н і й , которыя, однако, не нами вызваны и выбраны, подобно тому, какъ физическая тоска, тошнота, да и всякая боль выражаютъ опять - таки н е в о л ь н о е сопротивленіе, борьбу съ возникшимъ состояніемъ, въ которыхъ ч т о - т о сопротивляется и борется, но это что-то не есть наше Я, потому что наше Я воспринимаетъ эту борьбу страдательно, какъ нѣчто извнѣ ему данное, хотя и захватывающее его невольное сочувствіе. По этому поводу приходится отмѣтить слѣдующій фактъ : нашъ тѣлесный организмъ для нашего самочувствія является совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ онъ представляется, напримѣръ, физику. Для физика въ немъ ничего нѣтъ, кромѣ инертныхъ частицъ, движущихся по законамъ механики отъ получаемыхъ ими разнообразныхъ толчковъ, но совершенно безразличныхъ къ направленію пріобрѣтаемыхъ движеній. Эти частицы ничего не хотятъ и ничего не ищутъ. Что выйдетъ изъ этихъ движеній - благо или зло для организма въ его цѣломъ, это для физическаго атома, въ которомъ ничего нѣтъ, кромѣ инерціи и непроницаемости, абсолютно безразлично. Для физика наше тѣло - это вихрь постоянно смѣняющихся атомовъ, то втягиваемыхъ въ общее движеніе, то выбрасываемыхъ изъ него съ одинаково слѣпою неизбѣжностью. Въ этомъ вихрѣ ничего не сохраняется, кромѣ его общихъ очертаній. Совсѣмъ не то наше тѣло для нашего самочувствія : по самочувствію оно представляетъ какъ бы нашъ психическій двойникъ. Оно стремится къ однимъ состояніямъ, внутренно сопротивляется другимъ, всячески сохраняетъ свою цѣлость, отвѣчаетъ на внѣшнія воздѣйствія качественно разнообразными реакціями, тонко сообразующимися съ значеніемъ этихъ воздѣйствій для его благоденствія. Наше тѣло непосредственно ощущается нами какъ какое - то внутренно живое, единое существо (или, пожалуй,единая система существъ), отличное, однако, отъ насъ самихъ, какъ центра сознательно и добровольно совершаемыхъ нами дѣйствій. Эта психическая двойственность въ насъ была замѣчена давно : уже съ незапамятныхъ временъ традиціонная психологія различала д у х ъ , какъ центръ сознаваемыхъ и порождаемыхъ нами психическихъ актовъ, отъ души, какъ силы, оживляющей тѣлесный организмъ. Въ этомъ различеніи сказался выводъ непосредственнаго опыта : тѣло въ самомъ дѣлѣ воспринимается нами, какъ что - то одаренное своею особою волевою и ощущающею дѣятельностью.

2) Всѣмъ этимъ ставится проблема о б е з с о з н а т е л ь н о й п с и х и к ѣ человѣка. Нужно оцѣнить и понять всю серьезность этой

проблемы. Очень часто, рѣшая вопросъ о безсознательныхъ душевныхъ процессахъ, ихъ просто отожествляютъ съ физико-механическими процессами мозга и думаютъ, что этимъ что - нибудь достигнуто. Дѣло, однако, явно не въ этомъ и физическія или химическія свойства мозга тутъ, конечно, ничего не объясняютъ. Опять повторю: изъ химическихъ и физическихъ процессовъ могутъ получиться только физическія и химическія измѣненія даннаго матеріала и ничего больше. Между тѣмъ вопросъ идетъ о существованіи и постоянномъ возникновеніи п с и х и ч е с к и х ъ образованій, съ особымъ с у б ъ е к т и в н ы м ъ содержаніемъ, в н ѣ и п о м и м о сознанія. Эти чисто психическіе продукты предполагаютъ психическіе процессы, а какіе и гдѣ, этого намъ наше сознаніе не открываетъ. Съ одной стороны, безсознательная психика, въ буквальномъ значеніи этихъ словъ, есть понятіе противорѣчащее себѣ : что значитъ ощущеніе, которое никѣмъ и никакъ не сознается, т.е., стало быть, не ощущается, чувство, которое не чувствуетъ, мысль, которая не мыслится и т.д. ? Можно ли говорить объ ощущеніи боли, когда ея никто не чувствуетъ или объ ощущеніи краснаго цвѣта, когда к р а с н а г о никто не видитъ ? Но, съ другой стороны, всетаки остается несомнѣннымъ фактомъ, что н ѣ к о т о р ы е наши психическіе процессы во всемъ своемъ цѣломъ или въ весьма значительныхъ частяхъ и в с ѣ психическіе процессы въ нѣкоторыхъ своихъ звеньяхъ - н е с о з н а ю т с я н а м и . Это можно наблюдать на всѣхъ ступеняхъ душевной жизни.

а) Въ о щ у щ е н і я х ъ , какъ мы видѣли, это относится къ тѣмъ процессамъ, которые обусловливаютъ возникновеніе ихъ особой качественной природы. Въ самомъ дѣлѣ, возникновеніе ощущенія того или другого цвѣта, того или другого звука, запаха или вкуса, по ихъ психическимъ качествамъ, предполагаетъ какіе - то очень сложные процессы сопоставленія, сравненія, выдѣленія. Мы едва ли что-нибудь ощутили бы, если бы ощущеніе было дано внѣ связи и сравненія съ другими (законъ относительности). Съ другой стороны, чтобы были возможны эти дѣйствія сопоставленія и сравненія, необходимо, чтобы какой - то таинственный процессъ породилъ то особое качество, которое позволяетъ данное ощущеніе отличить отъ другихъ. Но всѣ эти процессы для насъ скрыты, - передъ нами возникаетъ уже готовое ощущеніе въ весьма сложныхъ связяхъ и отношеніяхъ съ другими фактами душевной жизни.b).Безсознательная психическая дѣятельность далѣе еще рѣзче сказывается въ ф и з и ч е с к и х ъ ч у в с т в о в а н і я х ъ . Въ высшей степени загадочно, чѣмъ и откуда вызываются ихъ эмоціональная и волевая окраска, ихъ направленіе къ удержанію или устраненію переживаемыхъ состо-

яній (удовольствія и страданія), ихъ интенсивность. Нашему сознанію они даются уже во всемъ своемъ субъективномъ содержаніи; но они не слагаются въ немъ по его добровольному избранію. Можетъ быть еще очевиднѣе безсознательная душевная работа обнаруживается въ болѣе сложныхъ процессахъ психической жизни . c) Въ явленіяхъ п а м я т и . Представленія о пережитомъ гдѣ - то въ насъ хранятся и постоянно воскресаютъ въ нашемъ сознаніи, то по нашему добровольному выбору, то невольно, по дѣйствію законовъ ассоціаціи идей. Но какъ и гдѣ они сохраняются, чѣмъ именно ожи вляются, въ чемъ состоятъ ассоціативныя связи между ними, отчего наша во ля иногда можетъ вызывать нужное намъ воспоминаніе, иногда совершенно безсильна это сдѣлать, - все это для нашего сознательнаго самонаблюденія совершенно закрыто. d) Въ безотчетной д ѣ я т е л ь н о с т и в о о б р а ж е н і я . Несомнѣнно въ ней мы имѣемъ особенно яркую и рельефную область безсознательнаго творчества въ насъ. Здѣсь явно что- то психически созидается въ насъ, принимая иногда очень интенсивныя формы,и не менѣе явно сознаніе наше остается въ совершенно страдательномъ положеніи. Отъ пассивныхъ мечтаній въ минуту бездумьядо поразительно яркихъ сновидѣній курильщика гашиша или галлюцинацій визіонера мы здѣсь имѣемъ огромную скалу проявленій творящей дѣятельности души ,помимо направляющаго вліянія нашей воли. А вѣдь что - то ихъ направляетъ, - при грубой фантастичности, они имѣютъ цѣлесообразность и законченность. Люди,которыхъ мы видимъ во снѣ, могутъ высказывать очень глупыя мысли, но все же это будутъ мысли, иногда совсѣмъ неожиданныя для насъ по своему содержанію. Страдающій слуховыми галлюцинаціями можетъ слышать рѣчи , не только удивляющія его своимъ содержаніемъ, но и глубоко возмущающія и т.д. e) Въ н е с о з н а в а е м ы х ъ у м с т в е н н ы х ъ п р о ц е с с а х ъ . Здѣсь прежде всего приходится имѣть въ виду тотъ общій фактъ, что в о в с ѣ х ъ умственныхъ дѣйствіяхъ существуютъ безотчетные моменты и стороны, въ которыхъ мы не вольны. Сюда относится, напримѣръ, легкій или затрудненный ходъ мысли при размышленіи или разговорѣ. Слова то представляются сразу, то ихъ надо напряженно искать : послѣдовательность мыслей то укладывается сама собою, то ея никакъ не установишь. Въ чемъ, напримѣръ, состоитъ краснорѣчіе ораторовъ ? Если бы они сознательно выбирали каждое слово, то изъ ихъ усилій, конечно, не вышло бы ничего; все дѣло въ томъ, что ихъ рѣчь льется сама собой. По этому поводу нельзя не отмѣтить роли внезапныхъ догадокъ въ нашихъ мыслительныхъ операціяхъ, когда весь умственный процессъ, сначала затрудненный, вдругъ сразу освѣщается и получаетъ полную законченность. Еще важнѣе совсѣмъ несознаваемая автоматическая дѣятельность нашего ума. Формы ея проявленій чрезвычайно разнообразны, и количество ихъ возрастаетъ все болѣе

вмѣстѣ съ развитіемъ и усовершенствованіемъ психологическихъ наблюденій. Къ этой области относятся напримѣръ: рѣшеніе задачъ во снѣ, явленія раздвоенія личности, явленія автоматическаго письма, предчувствія, ясновидѣніе, правдивыя галлюцинаціи. Большинство фактовъ этого рода чрезвычайно загадочны и еще мало установлены, но все же ихъ наблюдали слишкомъ часто, чтобы ихъ можно было совсѣмъ игнорировать психологу.

f) Въ высшихъ явленіяхъ б е з о т ч е т н а г о в д о х н о в е н і я и озаренія. Давно уже замѣчено, что истинное творчество, какъ въ искусствѣ, такъ даже и въ наукѣ, начинается съ безотчетныхъ усмотрѣній. Великія научныя открытія нерѣдко возникаютъ безотчетно и невольно въ состояніи моментальнаго озаренія. Такъ, повидимому, былъ открытъ Ньютономъ законъ тяготѣнія. Еще болѣе распространенное явленіе представляетъ безотчетное и невольное происхожденіе первыхъ художественныхъ замысловъ. Напримѣръ, о Тургеневѣ извѣстно, до какой степени возникновеніе перваго замысла его произведеній было для него процессомъ не только безотчетнымъ но и болѣзненнымъ. Онъ писалъ, чтобы избавиться отъ мучительно преслѣдующихъ его неотвязчивыхъ образовъ.

3) Вопросъ о безсознательной психикѣ, и безъ того очень трудный, еще болѣе осложняется присутствіемъ въ нашей душевной жизни весьма разнообразныхъ процессовъ, которыхъ нельзя назвать совсѣмъ безсознательными, но которые сознаются такъ смутно, тускло и неуловимо и такъ быстро сглаживаются въ нашемъ воспоминаніи, что наблюдателя невольно преслѣдуетъ соблазнъ перенести ихъ въ совершенно безсознательную сферу. Сюда, напр., относятся различныя привычныя, иногда довольно сложныя, дѣйствія, которыя мы совершаемъ тогда, когда наше вниманіе всецѣло поглощено какимъ-нибудь постороннимъ предметомъ. Положимъ, мы идемъ куда-нибудь, но при этомъ глубоко о чемъ - нибудь задумались, - мы вѣрно выбираемъ путь, достигаемъ предположеннаго мѣста, но сами не замѣчаемъ, какъ мы это дѣлаемъ. Или въ горячемъ разговорѣ мы старательно рисуемъ какую - нибудь физіономію, но вовсе при этомъ объ ней не думаемъ. Такихъ примѣровъ можно было бы привести множество. И обыкновенно психологи всякія подобныя дѣйствія объясняютъ какъ совсѣмъ безсознательные процессы. Едва ли это, однако, вѣрно. Если наше вниманіе случайно будетъ направлено на эти производимыя нами внѣшнія дѣйствія, мы тотчасъ же замѣтимъ, что они не абсолютно безсознательны, и что, по крайней мѣрѣ, ближайшіе по времени къ обращенію нашего вниманія акты совершались съ выборомъ и даже съ интересомъ. Только нашъ выборъ совершался очень быстро, нашъ интересъ каждое мгновеніе прерывался и отвлекался главнымъ потокомъ мысли и, такъ сказать, смывался имъ изъ сознанія, хотя тотчасъ же незамѣтно возрождался вновь . . Въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ не безсознательный процессъ

рядомъ съ сознательнымъ, а, скорѣе, два потока сознательныхъ состояній, - одинъ главный, другой побочный, одинъ ясный и внутренно связный, другой тусклый, и прерывистый, и потому быстро забываемый. Когда боящійся воровъ человѣкъ осматриваетъ, все ли заперто въ его помѣщеніи, онъ часто повторяетъ этотъ осмотръ нѣсколько разъ, потому что ему кажется, что онъ его еще не сдѣлалъ. Это вовсе не значитъ, что онъ совершалъ свои первые осмотры совсѣмъ безсознательно; онъ только ихъ не помнитъ, потому что его мыслъ была отвлечена чѣмъ - нибудь болѣе интереснымъ. Но когда онъ повторяетъ осмотръ, онъ часто ясно вспоминаетъ, что уже видѣлъ свою запертую дверь, вспоминаетъ даже, о чемъ онъ подумалъ при этомъ.

По этому поводу вообще приходится напомнить о глубокой важности тѣхъ слитно неуловимо и смутно сознаваемыхъ процессовъ души, о которыхъ мнѣ уже приходилось говорить въ первой главѣ настоящаго курса : они далеко не ограничиваются тѣми побочными потоками сознанія, которые мы сейчасъ разсматривали. Психологи, вообще, повидимому, слишкомъ ограничиваютъ область сознаваемаго, останавливаясь только на томъ, что сознается ясно и отчетливо, и черезъ это даютъ явно одностороннее описаніе состава душевной жизни. Еслибъ мы настоящимъ образомъ оцѣнили огромную роль слитно чувствуемаго въ психическихъ процессахъ, мы убѣдились бы, что существуетъ гораздо больше степеней сознанія, чѣмъ мы привыкли думать. Обратимъ вниманіе хотя бы на то обстоятельство: въ каждую единицу времени въ насъ присутствуютъ очень немногія раздѣльныя представленія(многіе психологи и теперь увѣрены, что не болѣе одного), а между тѣмъ мы имѣемъ сознаніе о нашей личности, о всей нашей прошлой жизни въ ея связныхъ и разнообразныхъ перипетіяхъ, - мы испытываемъ настроенія, отвѣчающія нашей общей оцѣнкѣ прошлаго, и составляемъ вытекающіе изъ нея планы о будущемъ. Или возьмемъ не менѣе краснорѣчивую область нашей отвлеченной мысли: въ каждомъ общемъ утвержденіи мы охватываемъ въ своемъ пониманіи неограниченное множество предметовъ, а многіе ли изъ нихъ ясно представляются нами ? Куда было бы вставить эти факты, если бы въ самомъ дѣлѣ вся жизнь сознанія всецѣло ограничивалась наличнымъ присутствіемъ немногихъ случайныхъ представленій въ каждую данную минуту? Отнесемъ ли и здѣсь все на долю безсознательной сферы ? Скажемъ ли, что рядомъ съ весьма ограниченною областью сознанія существуетъ огромная область представленій, совсѣмъ безсознательныхъ, и что разсматриваемыя явленія относятся къ ней? Но вѣдь мы сознаемъ свою личность и свое прошлое и сознаемъ отвлеченный характеръ нашихъ мыслей, - въ чемъ же поможетъ намъ безсознательное, когда его единственный понятный намъ признакъ только въ томъ и состоитъ, что оно н е с о з н а е т с я ? Между тѣмъ въ психологіи вопросы этого рода едва лишь намѣчены.

Чѣмъ же отдѣляются процессы смутно сознаваемые отъ процессовъ совсѣмъ безсознательныхъ и отдѣляются ли чѣмъ нибудь ? Существуетъ ли между ними принципіальное различіе ? Мнѣ кажется, что такое различіе между ними есть, хотя я не увѣренъ, что оно во всѣхъ случаяхъ можетъ служить пригоднымъ практическимъ мѣриломъ для отдѣленія процессовъ слабо сознаваемыхъ отъ процессовъ совсѣмъ не сознаваемыхъ : тому препятствіемъ является тотъ фактъ, что сознательные процессы очень тѣсно переплетены въ нашей душевной жизни съ процессами безсознательными, и что, съ другой стороны, процессы слабо сознаваемые нерѣдко цѣликомъ испаряются изъ нашей памяти и, стало- быть, для дальнѣйшей дѣятельности сознанія могутъ получить значеніе безсознательныхъ процессовъ. Но мнѣ, все-таки, кажется, что различіе, которое я имѣю въ виду, можетъ представлять достаточный практическій критерій для выдѣленія, по крайней мѣрѣ, наиболѣе яркихъ и рельефныхъ проявленій безсознательной психики въ насъ, въ особенности, когда ея дѣятельность протекаетъ одновременно съ процессами, которые нами непосредственно сознаются. Это различіе можно формулировать такъ : продукты и элементы безсознательной душевной жизни, отражаясь въ нашемъ сознаніи, получаютъ о б р а т н у ю х а р а к т е р и с т и к у по отношенію къ своей активности и внутренней связи: то что въ самой безсознательной(т.е. н а м и несознаваемой) психикѣ, на основаніи всѣхъ вѣроятныхъ предположеній, есть выраженіе мотивированнаго самоопредѣленія и самодѣятельности, то въ нашемъ сознаніи получаютъ форму пассивнаго и принудительнаго побужденія, и то, что для нея самой въ ея продуктахъ внутренно и неизбѣжно связано, то въ нашемъ сознаніи пріобрѣтаетъ видъ внѣшней и непонятной совмѣстности различныхъ элементовъ и признаковъ; напротивъ, въ сознательныхъ состояніяхъ и дѣйствіяхъ нашей души, хотя бы они были смутны и слитны, такого превращенія внутреннихъ качествъ переживаемыхъ нами явленій не замѣчается: въ нихъ дѣйствія сознаются, какъ дѣйствія, внутренняя связь, какъ внутренняя связь. Такую обратную характеристику или такое превращеніе знаковъ положительныхъ въ отрицательные, (если активность понимать, какъ положительный, а пассивность какъ отрицательный моментъ въ насъ) приходится признать a priori необходимымъ для всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда дѣятельность, порождающая матеріалы нашей сознательной жизни, протекаетъ абсолютно в н ѣ сознанія, и когда эти матеріалы вступаютъ въ сознательную сферу въ формѣ готовыхъ данныхъ. Какъ мы видѣли и раньше, для полученія даже простыхъ ощущеній въ ихъ особыхъ качествахъ въ безсознательной психикѣ приходится предположить весьма сложныя дѣйствія порожденія ощущаемыхъ качествъ, ихъ сравненія, различенія, отожествленія и т.д. Такимъ образомъ, въ происхожденіи ощущеній безсознательной психикѣ принадлежитъ дѣятельная роль; напротивъ, роль

усвояющаго и отражающаго ихъ сознанія, несомнѣнно, страдательна или, по крайней мѣрѣ, по преимуществу страдательна, и, во всякомъ случаѣ, дѣятельность сознанія при полученіи ощущеній ограничивается только уясненіемъ ощущаемаго содержанія, но никоимъ образомъ не создаетъ его. То же самое можно сказать о возникновеніи въ насъ физическихъ эмоцій, тѣхъ явленій н е в о л ь н о й в о л и или безотчетныхъ хотѣній, о которыхъ я говорилъ раньше. Какъ я указывалъ, нашъ организмъ для нашего самочувствія представляетъ какъ бы нѣкоторый нашъ типическій двойникъ: онъ находится съ окружающимъ міромъ въ живомъ взаимодѣйствіи, онъ сопротивляется однимъ вліяніямъ, ,ищетъ другихъ, ведетъ неустанную борьбу за свое сохраненіе. Но въ то же время для насъ совершенно ясно, что состоянія этого двойника входятъ въ наше сознаніе съ о б р а т н о й х а р а к т е р и с т и к о й : для насъ абсолютно очевидно, что н е н а ш е с о з н а т е л ь н о е Я сопротивляется и борется въ физіологическихъ процессахъ организма и что не оно порождаетъ психическое качество тѣхъ или иныхъ физическихъ чувствованій. Когда мы испытываемъ рѣзкую боль, мы можемъ предполагать, что въ этомъ ощущеніи выражается борьба нашихъ нервныхъ клѣтокъ противъ нарушенія ихъ нормальныхъ отправленій; но не мы сами ведемъ эту борьбу, мы только ей н е в о л ь н о и с т р а д а т е л ь н о сочувствуемъ, хотя наша сознательная воля желаетъ только одного,- прекращенія мучительнаго ощущенія. Когда въ человѣкѣ впервые пробуждается половое влеченіе, онъ обыкновенно бываетъ очень смущенъ и удивляется на новый характеръ ощущеній. Еще рѣшительнѣе выражается совершенно пассивное отношеніе нашего сознанія къ продуктамъ безсознательной душевной дѣятельности въ болѣе сложныхъ явленіяхъ безсознательныхъ умственныхъ процессовъ, безсознательнаго творчества, вдохновенія и т.д. Карпентеръ разсказываетъ о молодомъ человѣкѣ, у котораго безсознательно всплывали въ умѣ рѣшенія самыхъ сложныхъ задачъ: онъ при этомъ испытывалъ очень жуткое чувство и сознавалъ себя какъ будто одержимымъ постороннею силою.

Интересную аналогію съ сейчасъ приведенными примѣрами представляютъ тѣ случаи, въ которыхъ мы наблюдаемъ безотчетное вліяніе сознательной психики одного человѣка на сознательную психику другого. Когда гипнотизеръ внушаетъ загипнотизированному субъекту, чтобы онъ совершилъ какое нибудь несообразное дѣйствіе,- з а б ы в ъ , о д н а к о , о т о м ъ , ч т о о н о е м у п р и к а з а н о , - е г о п е р ц и п і е н т ъ , при наступленіи назначеннаго срока, приходитъ въ странное волненіе, имъ овладѣваетъ непобѣдимое стремленіе совершить поступокъ, котораго онъ, однако, сознательно не желаетъ всѣмъ своимъ существомъ; онъ пускается на всевозможные софизмы предъ собою и окружающими людьми,

чтобы оправдать свое дѣйствіе и, наконецъ, неудержимо совершаетъ его. Что же мы здѣсь имѣемъ ? Въ сознаніи гипнотизера обдуманный и мотивированный планъ убѣдительнаго опыта и свободное рѣшеніе провести его; въ сознаніи перципіента непреодолимое побужденіе, которое кажется ему безсмысленнымъ и которое онъ не знаетъ, какъ мотивировать. Не имѣемъ ли мы здѣсь чрезвычайно яркій случай примѣненія закона обратной характеристики ? Еще интереснѣе случаи чисто мысленной передачи внушенія, которые наблюдались нѣкоторыми французскими учеными. Гипнотизеръ на другомъ концѣ города сосредоточиваетъ всю свою мысль и волю на томъ, чтобы сомнамбула пришла къ нему; и она приходитъ въ полусонномъ состояніи, въ мучительномъ недоумѣніи, не въ силахъ побѣдить непреодолимаго и непонятнаго желанія прійти.

Еще болѣе поразительны факты одновременной двойственности сознанія, которые иногда подвергались самому внимательному изслѣдованію (П. Жанэ, Бинэ и др.). Я разумѣю тѣ анормальные случаи душевной жизни(по преимуществу у истеричныхъ), при которыхъ въ мозгу человѣка оказываются в о д в о р е н н ы м и двѣ или нѣсколько сферъ сознанія, закрытыхъ другъ для друга, такъ что каждая изъ нихъ является какъ бы особою личностью. Во взаимномъ вліяніи этихъ личностей законъ обратной характеристики получаетъ самыя разнообразныя формы.

Всѣ эти примѣры бросаютъ обратный свѣтъ на природу безсознательной психики въ насъ. Мнѣ уже приходилось говорить, что в ъ с е б ѣ безсознательное психическое есть явно противорѣчивое понятіе. Не лежитъ ли рѣшеніе проблемы въ томъ, что процессы, которые кажутся намъ б е з с о з н а т е л ь н ы м и , въ себѣ сознательны, только совершаются они не въ нашемъ сознательномъ Я ?

4) Въ чемъ же заключаются эти безсознательные для насъ процессы и кто ихъ настоящій носитель ? Это одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ психологіи. А между тѣмъ, какъ я уже говорилъ, область безсознательныхъ явленій души для психологіи съ каждымъ днемъ расширяется все болѣе и требуетъ себѣ объясненія все настойчивѣе. Въ настоящее время пользуется значительной популярностью попытка Лю-Преля объяснить эти явленія изъ единой дѣятельности нашего трансцендентальнаго субъекта. По этому взгляду , наше истинное или высшее Я не открывается нашему сознанію. Сферу сознательной душевной жизни составляютъ только тѣ психическія явленія, которыя возникли на почвѣ процессовъ нашего мозга и неразрывно съ ними связаны. Поэтому наше сознательное Я есть только призрачное явленіе, оно только эфемерный продуктъ мозга. Напротивъ, наше высшее Я, которое и есть наша настоящая душа, отъ мозга не зависитъ; оно скорѣе является по отношенію къ нему творческимъ и образующимъ принципомъ. Оно обладаетъ таинственными

способностями ясновидѣнія, тонкой воспріимчивости къ недоступнымъ для нормальнаго чувственнаго воспріятія впечатлѣніямъ, даромъ прозрѣнія. Изъ него - то и получаетъ наша сознательная сфера безсознательныя психическія образованія.

Легко замѣтить, въ чемъ заключается психологическая несообразность этой довольно фантастической гипотезы. Вѣдь продукты безсознательнаго творчества въ насъ отличаются далеко не равною цѣною , - они очень разнятся по своему качеству. Безсознательная психика вызываетъ безпокойныя думы страдающаго лихорадкой или галлюцинаціи помѣшаннаго, и въ ней же коренится высшее наитіе, посѣщающее геніальныхъ художниковъ и ученыхъ. Изъ нея могутъ получаться результаты самыхъ сложныхъ умственныхъ операцій, и она же порождаетъ элементарныя ощущенія въ ихъ особомъ чувственномъ содержаніи. Она внушаетъ намъ высшія движенія нашего духа, - и изъ нея же всплываютъ физическія ощущенія боли, тошноты или половой похоти. Можно ли всѣ эти явленія валить въ одну кучу, приписывать ихъ одной причинѣ, видѣть для нихъ только одинъ источникъ, да еще одаренный такими возвышенными способностями и качествами, какія предполагаются въ нашемъ верховномъ Я ? Не представляется ли гораздо болѣе вѣроятнымъ, что въ нашемъ душевномъ существованіи мы соприкасаемся не съ однимъ какимъ- нибудь центромъ безсознательной (т.е. н е с о з н а в а е м о й д л я н а с ъ психической дѣятельности, а съ многими ? Повидимому, въ образованіи цѣлаго нашей душевной жизни, кромѣ нашего единаго сознающаго центра (который служитъ предметомъ нашего непосредственнаго самочувствія и который мы называемъ своимъ Я), участвуютъ и другіе центры, интимно съ нимъ связанные, какъ - то отражающіеся въ немъ своими внутренними состояніями, и непрерывно пополняющіе то, что въ немъ въ каждый данный моментъ содержится, своими продуктами весьма неравнаго достоинства. Тогда мы опять придемъ къ тому, о чемъ мы уже говорили въ предшествующемъ изложеніи, - къ монадологическому пониманію человѣческой природы. Придется сказать такъ : если не во всѣхъ матеріальныхъ вещахъ вообще, то, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ организмѣ дана связная множественность психическихъ центровъ (монадъ). Въ этомъ смыслѣ нужно признать справедливымъ, что психическая жизнь развивается на коллективной основѣ. Но что же такое эти центры или монады ? Назвать ли ихъ душами отдѣльныхъ мозговыхъ клѣтокъ или даже цѣлыхъ участковъ мозговой коры ? Или онѣ относятся къ нашему тѣлесному составу какъ - нибудь иначе ? Не будемъ пускаться въ область рискованныхъ гипотезъ. Остановимся лишь на томъ, что представляется дѣйствительно вѣроятнымъ : у физическихъ процессовъ мозга и нервной системы существуетъ какая - то очень сложная и при этомъ, повидимому, коллективная, распадающаяся на многіе центры, п с и х и ч е с к а я и з-

н а н к а , и наше сознающее Я, которое есть наша душа или нашъ духовный субъектъ, въ тѣсномъ значеніи слова, находится съ этой изнанкой въ постоянномъ соотношеніи и взаимодѣйствіи.

Только одно, кажется, можно утверждать съ увѣренностью : эту коллективную основу нашей душевной жизни нельзя отожествлять просто съ суммою сознаній атомовъ, составляющихъ нашъ мозгъ, какъ это думалъ, напримѣръ, Геккель; эта гипотеза оказывается явно непригодною, въ своемъ чистомъ видѣ, хотя бы въ виду раньше высказаннаго соображенія о томъ, что изъ многихъ сознаній субстанціально раздѣленныхъ атомовъ никакъ не можетъ получиться единаго человѣческаго сознанія, и никакой равнодѣйствующей этихъ многихъ сознаній въ этомъ смыслѣ построить невозможно. Но если мы даже исправимъ ее въ этомъ пунктѣ и допустимъ, что многія атомныя сознанія непосредственно отражаются и связываются въ нашемъ сознающемъ Я, какъ въ высшемъ центрѣ психической жизни, разсматриваемая гипотеза едва ли отъ этого выиграетъ.

Психика атомовъ для насъ а б с о л ю т н о з а к р ы т а; мы можемъ дѣлать о ней разныя предположенія, - всегда поневолѣ неясныя, -но мы никогда ея не воспринимаемъ. И все, что мы можемъ здѣсь предположить, заставляетъ думать о радикальномъ, недопускающемъ никакихъ сравненій, различіи психики атомной и психики человѣческой. Вѣдь въ атомахъ можно допустить лишь на столько психики, чтобы она не противорѣчила ихъ основнымъ свойствамъ - инертности и совершенному равнодушію къ формамъ сложныхъ тво реній, въ которыя они попадаютъ. Они движутся съ математическою неизбѣжностью туда, куда ихъ толкаетъ внѣшняя сила, что бы изъ этого ни получилось для высшихъ формъ природы. Между тѣмъ наша чувствующая способность, какъ мы уже видѣли, далеко не отличается такимъ безразличіемъ къ тому, что съ нами дѣлается. Итакъ, если даже атомы и обладаютъ психикой, въ нашихъ ощущеніяхъ мы воспринимаемъ не ее. Между нашимъ сознаніемъ и ею лежатъ какія - то посредствующія звенья, и если она въ чемъ -нибудь отражается, то развѣ въ этихъ звеньяхъ, а никакъ не въ нашемъ сознающемъ духѣ. Въ нашемъ сознаніи, повидимому, отраженно, воспроизводится только внутренняя жизнь этихъ посредствующихъ центровъ, - быть можетъ, даже только самыхъ высшихъ между ними, потому что даже самыя элементарныя состоянія нашей сознательной души уже обладаютъ высокой сложностью. Лейбницъ, создатель монадологической теоріи, училъ, что каждый организмъ имѣетъ центральную монаду, которая есть его душа, но что при этомъ и каждая часть организма обладаетъ въ свою очередь центральною монадою, которая одушевляетъ ее. Въ примѣненіи къ мозгу и нервной системѣ это значило бы, что каждый нервный центръ обладаетъ какъ бы элементарною душою , - и что, можетъ быть, цѣлые участки головного

мозга имѣютъ свои особые внутреннiе психическiе центры. (Эта гипотеза въ общемъ не такъ фантастична, какъ кажется, - наука все болѣе убѣждается въ коллективномъ характерѣ жизни организмовъ). Должны ли мы, при объясненiи явленiй безсознательной психики, признать такую множествен ность душъ въ человѣческомъ организмѣ, или достаточно предположить лишь одинъ отличный отъ насъ центръ несознаваемой душевной дѣятельности, -такъ сказать, одну душу, болѣе интимно связанную съ тѣломъ, нежели нашъ сознательный духъ, который получаетъ въ своемъ самочувствiи только довольно суммарныя и разрозненныя показанiя о тѣлесныхъ состоянiяхъ ? Или обѣ гипотезы можно соединить вмѣстѣ и, въ виду однородности и гармоничности порожденiй безсознательной психики, признать рядомъ съ множественностью ея частныхъ центровъ внутренно связывающiй ихъ одинъ общiй центръ, однако отъ нашего Я отличный ? Все это очень темные вопросы. Одно достовѣрно: въ нашемъ безотчетномъ сознанiи раздвоенiя нашего существа на духъ и тѣло непосредственнымъ объектомъ при воспрiятiи этого послѣдняго служитъ не потокъ атомовъ, непрерывно входящихъ въ нашъ тѣлесный составъ и выходящихъ изъ него, - все равно съ ихъ внутренней или внѣшней стороны , - а что - то болѣе близкое къ намъ по своему психическому содержанiю и болѣе постоянное по своему присутствiю въ нашемъ организмѣ.

А это значитъ, что спиритуализмъ для того, чтобы удовлетворить требованiямъ опыта, долженъ измѣнить свой обычный обликъ. Новая философiя выработала два главныхъ типа спиритуалистическихъ воззрѣнiй на человѣческую природу : а) типъ картезiанскiй, признающiй душу и тѣло за начала субстанцiально противоположныя одно другому, непостижимымъ образомъ другъ съ другомъ связанныя, видящiй въ душѣ абсолютно единую, простую сущность, вся жизнь которой исчерпывается ея сознательными процессами и состоянiями, и обращающiй нашъ тѣлесный организмъ въ чисто внѣшнiй аггрегатъ протяженныхъ частей, въ которомъ ничего не совершается, кромѣ механическихъ движенiй въ пространствѣ ; и b) типъ лейбницiанскiй или монадологическiй, принципiально отрицающiй существенную противоположность между духовнымъ и матерiальнымъ бытiемъ и полагающiй, что нашъ сознательный духъ есть, хотя и высшiй, но не единственный центръ психической жизни въ насъ. Картезiанская гипотеза съ различными смягченiями и видоизмѣненiями до нашихъ дней господствуетъ среди психологовъ спиритуалистическаго склада; но въ этомъ - то и заключается источникъ безсилiя спиритуализма въ современной психологiи; не говоря уже о коренной невозможности для этой гипотезы ясно обосновать связь души съ тѣломъ, - въ ней, по самому ея существу, не оказывается мѣста для такихъ психическихъ процессовъ, которые хотя и не сознаются нами, но все - же гдѣ - то и какъ -то сознаются и суть процессы психическiе, а не какiе - нибудь другiе.

другой стороны, эта гипотеза, при усвоенномъ ею взглядѣ на нашъ тѣлесный организмъ, не въ состояніи объяснить, почему даже при самыхъ первыхъ проблескахъ нашего сознанія оно уже имѣетъ дѣло съ готовыми психическими продуктами (элементарными ощущеніями, чувствованіями и т.д.). Въ этомъ отношеніи гипотеза монадологическая имѣетъ несомнѣнныя и огромныя преимущества, если только устранить изъ нея въ высшей степени произвольное метафизическое предположеніе Лейбница о совершенной непроницаемости и замкнутости монадъ другъ для друга и замѣнить его гораздо болѣе естественнымъ признаніемъ ихъ реальнаго взаимодѣйствія и возможности взаимныхъ отраженій ихъ внутренняго содержанія. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ совмѣщаются субстанціальное единство нашего сознанія съ внутренней сложностью основы нашей психической жизни въ ея цѣломъ. При этой гипотезѣ далѣе становятся понятными безчисленныя воздѣйствія безсознательной психики на сознательный ходъ нашихъ душевныхъ явленій, понятна при ней и глубокая зависимость душевныхъ процессовъ отъ физіологическихъ отправленій нашего мозга, - вѣдь тогда у каждаго такого отправленія придется предположить свою особую психическую изнанку болѣе или менѣе сложнаго типа. Наконецъ, при этой гипотезѣ общій вопросъ о связи и взаимодѣйствіи души и тѣла теряетъ значительную долю своей загадочности: монады, по своей внутренней сущности, однородны; проблема о взаимодѣйствіи духовныхъ и тѣлесныхъ монадъ сводится, съ этой точки зрѣнія, къ общей проблемѣ о взаимодѣйствіи между собою какихъ бы то ни было вещей вообще. Это, во всякомъ случаѣ, большое упрощеніе задачи. Такимъ образомъ, всѣ основанія заставляютъ думать, что спиритуалистическое воззрѣніе на человѣка можетъ быть послѣдовательно проведено въ психологіи только въ этой формѣ.

V.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДѢЙСТВІЯ ДУХОВНАГО И ТѢЛЕСНАГО НАЧАЛЪ.

Въ предшествующемъ было, повидимому, достаточно выяснено, что для объясненія внутренняго содержанія психической жизни, мы должны измѣнить обычное понятіе о матеріальномъ бытіи и допустить присутствіе въ немъ такихъ сторонъ и данныхъ, съ которыми совсѣмъ не приходится считаться физикамъ. Но что сказать о внѣшнихъ проявленіяхъ психическаго существованія ? Особенные законы и свойства психической сферы выражаются ли только въ развитіи чисто внутреннихъ душевныхъ фактовъ, или они, такъ

сказать, переливаются за грани чистой субъективности и оказываютъ свое особое видоизмѣняющее и направляющее воздѣйствіе на ходъ физическихъ событій, поскольку, по крайней мѣрѣ, въ этотъ рядъ входятъ наши собственные поступки? И человѣкъ и всѣ другія одушевленныя твари ежедневно совершаютъ безконечное множество внѣшнихъ дѣйствій, и вотъ является вопросъ: одушевленность играетъ - ли въ этихъ дѣйствіяхъ какую-нибудь прямую роль или она совсѣмъ не причемъ, и всѣ дѣйствія одушевленныхъ существъ протекали бы совершенно такъ же, какъ и теперь, еслибъ эти существа ничего не думали, ничего не хотѣли и ничего не чувствовали, лишь бы въ ихъ организмахъ происходили бы тѣ же самые физическіе и химическіе процессы, которые происходятъ въ нихъ въ настоящее время? Какъ уже было указано, въ современной психологіи существуетъ два взгляда: по очень распространенной теперь гипотезѣ э п и ф е н о м е н и з м а или п а р а л л е л и з м а (въ этомъ пунктѣ обѣ эти гипотезы совпадаютъ, -ихъ различіе коренится въ другомъ), всѣ безъ исключенія дѣйствія одушевленныхъ тварей развиваются автоматически, съ механическою необходимостью, въ результатѣ взаимныхъ отношеній матеріальныхъ частей ихъ органовъ между собою, но безъ всякаго вліянія какихъ то ни было импульсовъ духовнаго порядка. Одушевленныя твари - это лишь тонко устроенныя машины, приспособленныя къ самымъ разнообразнымъ, но всегда м а ш и н а л ь н ы м ъ отправленіямъ. По этому поводу можно вспомнить сравненіе Ланге: если бы существовало два міра, физически совершенно одинаково устроенныхъ, состоящихъ изъ однихъ и тѣхъ же физическихъ частей, но одинъ былъ бы совершенно такимъ, какимъ является нашъ міръ, а въ другомъ не было бы ни мысли, ни чувства, эти миры, по ходу событій, не различались бы между собой. Люди жили бы въ нихъ одинаково, они также говорили бы о своихъ радостяхъ и страданіяхъ, ссорились бы, спорили, плакали, смѣялись, строили бы города, создавали высокія произведенія искусства, не думая н и о ч е м ъ, ничего не сознавая, но просто по той механической необходимости, которая и въ насъ вызываетъ всѣ наши дѣйствія, помимо субъективныхъ мотивовъ, протекающихъ въ нашей душѣ. Еще Спиноза выразилъ эту мысль. Ее мы стрѣчаемъ также у Лейбница въ его теоріи предустановленной гармоніи. По другому воззрѣнію менѣе распространенному среди психологовъ, но за то гораздо болѣе близкому къ общечеловѣческому взгляду на вещи, наша психическая жизнь, - и сознательная и безсознательная, - обнаруживаетъ непосредственное вліяніе на объективныя проявленія нашего бытія и выражается въ тѣхъ или иныхъ нашихъ дѣйствіяхъ, сообразно особенностямъ ея внутренняго содержанія. (Мы пишемъ извѣстныя слова, потому что они выражаютъ наши мысли. Мы избѣгаемъ опасности, потому что ея боимся. Не будь въ насъ мысли, желанія, страха, мы бы не дѣлали того, что дѣлаемъ). Изъ

этихъ двухъ воззрѣній, какому принадлежитъ истина ?

За первое автоматическое или эпифеноменистическое воззрѣніе говоритъ аргументъ, повидимому, весьма важный. Онъ заключается въ ссылкѣ на з а к о н ъ с о х р а н е н і я э н е р г і и . Если этотъ законъ распространенъ на все существующее и представляетъ абсолютную норму всякой причинности, изъ него въ самомъ дѣлѣ вытекаетъ, что каждое физическое явленіе, гдѣ бы оно ни возникало, съ неизбѣжностью производится чисто- физическими причинами и не можетъ зависѣть ни отъ какихъ сверхфизическихъ воздѣйствій. Каждый импульсъ идеальнаго порядка нарушалъ бы балансъ общей энергіи въ природѣ и прибавлялъ бы нѣчто отъ себя къ той суммѣ силы, которая сообщена вселенной разъ навсегда и мѣняетъ свои формы во всѣхъ вещахъ и тваряхъ съ фатальною неизбѣжностью. Съ этой точки зрѣнія, всякое сознаніе и всякая психика дѣйствительно должны быть только эпифеноменами. Но имѣемъ ли мы основаніе приписывать закону сохраненія энергіи смыслъ а б с о л ю т н а г о з а к о н а всякаго бытія вообще ? Въ этомъ весьма можно усомниться.

Что такое законъ сохраненія энергіи ? Прежде всего, его можно назвать теоремой общей физики. Въ замкнутой системѣ тѣлъ общая сумма энергіи (потенціальной и кинетической) сохраняется неизмѣнною, какія бы формы она и принимала. Это есть совершенно необходимое слѣдствіе изъ общихъ свойствъ тѣлъ, и, прежде всего, изъ ихъ инерціи, нахожденія въ пространствѣ, способности двигаться и вызывать по опредѣленнымъ законамъ движеніе другъ въ другѣ и т.д. Но въ этомъ обстоятельствѣ лежитъ и н е и з б ѣ ж н а я г р а н и ц а этого закона. Онъ - законъ ч и с т о м е х а н и ч е с к і й . Онъ примѣняется только къ тѣламъ, въ виду ихъ совершенно опредѣленныхъ свойствъ. Но если бы тѣла обладали другими свойствами, не было бы мѣста и для закона сохраненія энергіи: положимъ, напримѣръ, что въ данной системѣ тѣлъ нѣкоторыя тѣла не обладаютъ свойствомъ инерціи, а напротивъ, способны сами произвольно начинать и останавливать свое движеніе, помимо толчковъ со стороны другихъ тѣлъ, (а вѣдь если природа состоитъ изъ монадъ, высшія монады, души, неизбѣжно окажутся именно въ этомъ положеніи. Абсолютно внутреннюю инерцію можно приписать развѣ самымъ элементарнымъ монадамъ). Для такой системы законъ сохраненія энергіи будетъ только приблизительнымъ обобщеніемъ, вѣрнымъ лишь за вычетомъ тѣхъ уклоненій и нарушеній въ порядкѣ развитія движеній, которыя несены вліяніемъ самопроизвольности. Это значитъ, что механическій законъ сохраненія энергіи можетъ быть абсолютнымъ закономъ всего существующаго лишь подъ тѣмъ условіемъ, что въ мірѣ никакихъ другихъ дѣятелей, кромѣ инертныхъ тѣлъ, нѣтъ. Но чѣмъ же это доказать ? Вѣдь вообще, доказывать абсолютное несуществованіе чего - либо есть самая трудная пробле-

ма на свѣтѣ. И въ данномъ случаѣ не наталкиваемся ли мы на фактъ собственнаго душевнаго существованія, которое какъ свести къ чистой инерціи ?

Съ другой стороны, законъ сохраненія энергіи можно разсматривать, какъ эмпирическое обобщеніе. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ изъ себя законъ эквивалентности или эквивалентныхъ превращеній. Его смыслъ таковъ: когдакакая нибудь энергія природы превращается въ другую, то для полученія какого-нибудь количества второй энергіи нужна затрата совершенно опредѣленнаго количества первой. Напримѣръ, чтобы получить единицу теплоты нужно затратить 425 килограммометровъ механической работы. Этимъ опять ставится граница примѣнимости закона сохраненія энергіи. Его можно прилагать только тамъ, гдѣ установлено существованіе эквивалентныхъ отношеній между силами природы. Но, именно поэтому нельзя распространять его въ качествѣ такого эмпирическаго обобщенія на жизнь одушевленныхъ тварей. Физическихъ эквивалентовъ психическихъ явленій еще не найдено, - и, по всѣмъ признакамъ, ихъ и не можетъ быть найдено. Въ этомъ случаѣ приходится имѣть въ виду фундаментальный фактъ психологіи: малыя колебанія въ физическихъ раздраженіяхъ(или, общѣе, въ физіологическихъ процессахъ) психическихъ явленій, вызываемыхъ ими, не измѣняютъ; это значитъ, что однимъ и тѣмъ же психическимъ явленіямъ соотвѣтствуютъ цѣлые ряды физическихъ эквивалентовъ въ извѣстныхъ границахъ. Но, если это такъ, то отношеніемъ психической сферы къ физической управляетъ не законъ эквивалентности, а какой - то другой, гораздо болѣе общаго характера. По поводу сейчасъ сдѣланныхъ различеній, приходится отмѣтить слѣдующее важное обстоятельство: обыкновенно мало обращаютъ вниманія, что законъ сохраненія энергіи въ первомъ изъ указанныхъ значеній и законъ сохраненія энергіи во второмъ значеніи говорятъ не совсѣмъ объ одномъ и томъ же, и что ихъ можно разсматривать какъ одинъ и тотъ же законъ исключительно подъ условіемъ признанія той гипотезы, что всѣ формы энергіи въ природѣ представляютъ лишь замаскированныя видоизмѣненія механическаго движенія тѣлесныхъ частицъ; въ противномъ случаѣ законъ эквивалентности вовсе не равняется закону энергіи, какъ общему постулату механики. И они будутъ не только различны, они окажутся въ непримиримомъ противорѣчіи между собою: насколько будетъ осуществляться одинъ, будетъ упраздняться дѣйствіе другого и обратно. Если теплота, свѣтъ, электричество, магнетизмъ не представляютъ изъ себя скрытыхъ для нашего прямого усмотрѣнія формъ энергіи механической, - если они б е з т ѣ л е с н ы въ томъ смыслѣ, что не привязаны ни къ какому матеріальному носителю и не являются разными видами движенія его частицъ, -(если никакого невѣсомаго эѳира и ничего ему соотвѣтствующаго въ природѣ нѣтъ), - тогда

превращеніе въ эти безтѣлесныя энергіи механическихъ процессовъ будетъ ихъ обращеніемъ въ механическое ничто. Чисто схематически представимъ себѣ замкнутую систему тѣлъ, въ которой разъ навсегда данъ опредѣленный запасъ механической энергіи; допустимъ, что эта энергія въ разнообразныхъ переходахъ изъ однѣхъ формъ въ другія между прочимъ превращается частью въ теплоту. Но предположимъ при этомъ, что теплота вовсе не есть особый видъ движенія, а составляетъ совсѣмъ своеобразное состояніе природы, непостижимое въ своей внутренней сущности, но не имѣющее подобія ни съ движеніями, ни съ какими-нибудь новыми положеніями тѣлесныхъ частицъ. Что тогда получится? Окажется, что извѣстное количество движенія въ системѣ, превратясь въ теплоту, какъ движеніе прекратилось, но не перешло при этомъ ни въ эквивалентное ему другое движеніе, ни въ соотвѣтствующее новое расположеніе тѣлъ. Не будетъ ли черезъ это законъ сохраненія энергіи въ его строгомъ м е х а н и ч е с к о м ъ с м ы с л ѣ явно нарушенъ? И мыслимо ли такое нарушеніе, если господство этого закона зависитъ отъ о б щ и х ъ свойствъ тѣлъ, а не отъ какихъ - нибудь спеціальныхъ и случайныхъ условій ихъ существованія? Допустимъ, что рядомъ съ механической энергіей въ природѣ существуютъ разнообразныя безтѣлесныя энергіи: во всякомъ случаѣ это не можетъ лишить механическую энергію присущаго ей всеобщаго закона дѣйствія. А это значитъ, что отношеніе механической энергіи къ энергіямъ безтѣлеснымъ никакъ не должно выражаться въ законѣ ея эквивалентнаго п р е в р а щ е н і я въ нихъ. Ясно, что тутъ слѣдуетъ ждать какого-то совсѣмъ другого закона. Если и полагать, что механическая энергія можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, вызывать въ математически опредѣленныхъ пропорціяхъ дѣйствіе энергій немеханическихъ, она не должна при этомъ затрачиваться и исчезать. Съ этой точки зрѣнія, возникновеніе проявленій не механическихъ дѣятелей въ данной механической системѣ, казалось бы, всего скорѣе должно было представлять чистый п р и р о с т ъ энергіи, а вовсе не уничтоженіе движенія или тѣмъ болѣе исчезновеніе движущихся тѣлъ.

Какой же выводъ можно сдѣлать изъ всего сказаннаго для нашей душевной жизни? Если надъ матеріальной природой господствуетъ законъ сохраненія энергіи въ механическомъ смыслѣ, - наша психика, не будучи силой механическаго порядка, н е м о ж е т ъ подчиняться ему, а въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ скорѣе должна представлять нѣкоторый прибавокъ къ общей суммѣ механической энергіи. Если же законъ сохраненія энергіи есть только эмпирическій законъ эквивалентности, то и ему душевная жизнь подчиняться не должна въ виду указаннаго отношенія физіологическихъ процессовъ къ психическимъ.

Но если, такимъ образомъ, нельзя привести никакихъ принципіальныхъ

научныхъ основаній для теоріи механическаго фатализма, то, съ другой стороны, совершенно ясно, что она не допускаетъ эмпирическаго обоснованія: мы такъ мало знаемъ о внутренней природѣ движеній въ нашей нервной системѣ и о матеріальныхъ условіяхъ явленій нашего сознанія, что для мысли о томъ, что въ нихъ чисто механическая послѣдовательность перемѣнъ не претерпѣваетъ никакихъ, даже самыхъ ничтожныхъ уклоненій, нельзя указать даже никакого подобія дѣйствительныхъ опытныхъ подтвержденій. Итакъ, разсматриваемый взглядъ есть только метафизическая гипотеза. Но когда обратимся къ ней съ требованіями умозрительной критики, она обнаруживаетъ внутреннія противорѣчія настолько замѣтныя, что приходится удивляться ея огромной популярности. Она ставитъ себѣ задачу не менѣе трудную, чѣмъ квадратура круга, но при этомъ ея не рѣшаетъ, а заранѣе предполагаетъ разрѣшенною. Какъ я уже указывалъ не разъ, механическіе процессы природы, по самому понятію о нихъ, никакихъ цѣлей не преслѣдуютъ; они движутся причинами, а не соображеніями о томъ, что изъ нихъ выйдетъ; поэтому между ихъ результатами и какими нибудь идеальными цѣлями можетъ быть только внѣшнее совпаденіе. Въ отдѣльныхъ случаяхъ такого совпаденія ничего невѣроятнаго нѣтъ; но какъ представить себѣ такое совпаденіе безконечно разнообразно повторяемымъ во всѣхъ дѣйствіяхъ одушевленныхъ тварей всего земного шара съ незапамятныхъ временъ, если онѣ только простые автоматы, порожденные слѣпыми стихійными движеніями вещества ? Случайность, безконечно повторенная, есть нѣчто безусловно невѣроятное, т.е. прямо нелѣпое. Если намъ кто нибудь разскажетъ, что случайно разбросавъ складныя буквы, онъ получилъ прекрасное стихотвореніе или трогательную повѣсть, мы, не обинуясь, назовемъ его лгуномъ. Но странно : когда та же несообразность возведена въ безконечную степень, она кажется намъ почему - то гораздо правдоподобнѣе.

Кромѣ закона сохраненія энергіи, очень часто въ пользу происхожденія цѣлесообразныхъ дѣйствій у живыхъ существъ изъ механическихъ отношеній указываютъ на законъ естественнаго подбора и приспособленія къ средѣ, введенный въ біологическую науку Дарвиномъ: въ данныхъ условіяхъ бытія удерживается только то, что къ нимъ подходитъ и съ ними сообразуется. Принципъ весьма плодотворный въ біологіи, нерѣдко провозглашается за начало, способное объяснить все, что есть разумнаго во вселенной. Но при этомъ обыкновенно забываютъ, что если ему давать такое широкое значеніе, придется отбросить всѣ его частныя толкованія и имѣть въ виду только его прямой отвлеченный смыслъ. А съ этой принципіальной точки зрѣнія, хотя и можно считать вполнѣ объяснимымъ, почему въ міровомъ процессѣ образованія болѣе прочныя переживаютъ менѣе прочныя, но едва ли мы постигнемъ, почему механизмы, для своего сохраненія нуждающіеся въ безчисленномъ мно

жествѣ цѣлесообразныхъ актовъ, и безъ нихъ погибающіе (а именно таковы всѣ одушевленныя твари), должны удержаться въ борьбѣ съ механизмами, которые въ такихъ актахъ не нуждаются вовсе ? Является вопросъ: если въ основѣ міра кромѣ механическихъ законовъ ничего нѣтъ, почему рядомъ съ мертвою природою возникла живая ? Какія причины могли содѣйствовать всестороннему распространенію и развитію столь хрупкаго съ механической точки зрѣнія качества, какъ цѣлесообразностьдѣятельности во всѣхъ одушевленныхъ существахъ ?

Можно придумать много полезныхъ для организма свойствъ: быть можетъ, было бы хорошо, чтобы организмы были тверды какъ алмазъ и легки какъ пухъ, чтобы они не нуждались ни въ дыханіи, ни въ пищѣ, чтобы на нихъ не оказывали никакого дѣйствія вредные микробы, - все это, вѣроятно, было быдля нихъ весьма выгодно въ жизненной борьбѣ; но, я думаю, ни одному дарвинисту не придетъ въ голову, что органическое развитіе должно непремѣнно привести къ чему-нибудь подобному. И причина тому совершенно понятна: большая часть такихъ предположеній противорѣчитъ основнымъ условіямъ органическихъ процессовъ вообще. Но возникновеніе сложныхъ дѣйствій разума, воли и чувства - неужели менѣе противорѣчитъ условіямъ процессовъ матеріальныхъ въ ихъ стихійномъ безсмысліи и равнодушіи къ тому, что порождается ими ?

Можно сказать гораздо больше: дарвинизмъ не только не оправдываетъ признанія всѣхъ одушевленныхъ тварей за простые автоматы, - онъ, по всему существу своихъ основныхъ посылокъ, напротивъ, требуетъ положительнаго признанія вліянія психики этихъ тварей на ихъ внѣшнія дѣйствія. Всякая наблюдаемая цѣлесообразность въ организаціи и отправленіяхъ живыхъ существъ въ дарвинизмѣ объясняется исключительно изъ ея п о л е з н о с т и въ борьбѣ за существованіе. Между тѣмъ, всеохватывающая внутренняя цѣлесообразность есть коренное свойство нашей психической жизни (на что также приходилось подробно указывать). Она сказывается и въ нашихъ физическихъ чувствованіяхъ, поскольку разрушительныя дѣйствія на организмъ испытываются, какъ страданія, благопріятныя - какъ удовольствія, и въ нашихъ стремленіяхъ и желаніяхъ, поскольку они всегда направляются на наше благо, и въ нашихъ идейныхъ концепціяхъ, поскольку въ нихъ мы имѣемъ или практическіе планы нашихъ дѣйствій или теоретическія отраженія отношеній къ намъ окружающаго міра. Откуда же взялась эта цѣлесообразность, если наша психика только бездѣйственный призракъ, никакъ не вліяющій на наше реальное поведеніе ? Не все ли равно, будемъ мы страдать или радоваться, мыслить и хотѣть со смысломъ или безъ всякаго смысла, если изъ этого никакого реальнаго результата не получается, и нашъ организмъ всѣ свои дѣйствія совершаетъ автоматически, по чисто физическимъ причи-

намъ ? Съ этой точки зрѣнія, психика, какъ совершенно излишній привѣсокъ къ нашей организаціи не должна ли постепенно атрофироваться въ эволюціи живыхъ тварей вмѣсто того, чтобы развиваться и утончаться въ своей цѣлесообразности? Итакъ, или дарвинисты правы и всякая цѣлесообразность возникаетъ изъ своей полезности, - тогда сознаніе не только феноменъ, а вполнѣ реальная сила въ мірѣ. Или одушевленныя твари только автоматы, и тогда дарвинистическая теорія есть великое заблужденіе и для цѣлесообразности явленій нужно указать еще какой - нибудь источникъ, кромѣ естественнаго подбора.

С П Е Ц І А Л Ь Н А Я Ч А С Т Ь .

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ПСИХОЛОГІИ УМА ПО ДАННЫМЪ ВНУТРЕННЯГО ОПЫТА. x)

1). Изложенію эмпирической психологіи, особенно той части ея, которая носитъ названіе психологіи ума, обыкновенно предпосылаютъ описаніе нашего нервно-мозгового аппарата. Въ этомъ отношеніи я долженъ ограничиться здѣсь лишь самыми общими указаніями.

Прежде всего, нервы, какъ извѣстно, представляютъ изъ себя чрезвычайно тонкія нити, которыя развѣтвляются по всему нашему тѣлу. Они дѣлятся на н е р в ы г о л о в н о г о и с п и н н о г о м о з г а .

---

x) По условіямъ университетскаго преподаванія настоящій очеркъ по необходимости долженъ быть довольно краткимъ. Въ моемъ курсѣ я не могу касаться всѣхъ отдѣловъ, которые обыкновенно разсматриваются въ описательной психологіи. Въ виду включенія, однако, въ программу полукурсовыхъ испытаній всѣхъ отдѣловъ описательной психологіи, я долженъ указать, какъ на необходимое дополненіе къ моему курсу, на нѣкоторые отдѣлы сочиненія Джемса Селли: "Основы общедоступной психологіи". Переводъ подъ редакціей А.Е. Обаленскаго С.-Петербургъ 1897 г. Въ большей части билетовъ прилагаемой къ этому курсу программы отмѣчены по страницамъ требуемые мѣста книги Селли.

Первые распространяются изъ головного мозга по головѣ и лицу. Вторые выходятъ изъ спинного ствола между позвонками и развѣтвляются по всему организму. Съ другой точки зрѣнія, нервы дѣлятся на ч у в с т в и т е л ь н ы е или приносящіе и д в и г а т е л ь н ы е. Первые доставляютъ ощущенія или общія впечатлѣнія, - посредствомъ вторыхъ, черезъ сокращеніе соотвѣтствующихъ мускуловъ, передаются движенія отдѣльнымъ членамъ нашего тѣла.

Главный органъ духа есть безъ сомнѣнія г о л о в н о й м о з г ъ. Въ поперечномъ разрѣзѣ онъ представляетъ вещество двоякаго рода. Внутреняя его масса бѣлая, окружность состоитъ изъ массы сѣраго цвѣта. Бѣлое вещество слагается изъ волоконъ чрезвычайно тонкихъ; сѣрое = образуется изъ клѣтокъ, переплетенныхъ волокнами. (Клѣтки - это очень маленькія, наполненныя кровью, тѣла, изъ которыхъ выходитъ одинъ, два или болѣе волоконъ; эти волокна обусловливаютъ связь клѣтокъ между собою. Клѣтки считаются центрами нервной силы. Массы сѣраго вещества, такимъ образомъ, состоятъ изъ нервныхъ центровъ). Мозговыя клѣтки, впрочемъ, не только источники нервной силы, онѣ принимаютъ волокна, передающія впечатлѣнія внѣшняго міра, и, посредствомъ другихъ волоконъ, передаютъ эти впечатлѣнія другимъ клѣткамъ. Этихъ клѣтокъ очень много, процессы въ нихъ и между ними совершаются самыя разнообразные, и потому точно опредѣлить ихъ дѣятельность (взятыхъ всѣхъ вмѣстѣ) до сихъ поръ оказывалось невозможнымъ.

С п и н н о й м о з г ъ состоитъ и з ъ б ѣ л а г о вещества, въ серединѣ котораго проходитъ с ѣ р ы й слой; черезъ отверстіе въ черепѣ спинной мозгъ сообщается съ головнымъ; въ немъ соединяются нервы, расходящіеся по всему организму, кромѣ головы. Роль нервовъ состоитъ в ъ п е р е д а ч ѣ в п е ч а т л ѣ н і й. Какъ я уже говорилъ, одни изъ нихъ возбуждаютъ дѣятельность нервныхъ центрахъ(чувствительные или приносящіе); другіе распространяютъ импульсы возникшіе въ этихъ центрахъ по другимъ частямъ организма (двигательные). Слѣдовательно, роль нервовъ вообще служебная. Нервъ, разобщенный съ центромъ, перестаетъ возбуждать ощущенія и двигать. Какого рода измѣненія происходятъ при всѣхъ этихъ процессахъ въ нервахъ и въ нервныхъ центрахъ ? Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ ихъ просто въ механическомъ движеніи, другіе предполагаютъ химическіе процессы, слѣдовательно, внутреннія измѣненія въ нихъ. Впрочемъ, всѣ эти теоріи основаны скорѣе на догадкахъ, чѣмъ на положительныхъ данныхъ.

По этому поводу приходится сказать нѣсколько словъ о психологическомъ значеніи нашихъ физіолого-анатомическихъ познаній о строеніи нервной системы. Это значеніе безспорно является громаднымъ для объясненія дѣя-

тельности и особенностей отдѣльныхъ внѣшнихъ чувствъ, имѣющихъ свои спеціальные органы (такъ, зрѣніе обусловлено отправленіями глаза, слухъ - уха и т.д.). Изученіе формы, состава и функцій нашихъ чувствующихъ органовъ объясняетъ очень многое въ порождаемыхъ ими ощущеніяхъ. Мы знаемъ психическое значеніе чуть не каждой подробности въ нихъ(напримѣръ, относительно глаза, - мы знаемъ, что въ немъ вызываетъ наше воспріятіе свѣта и цвѣтовъ, чѣмъ въ немъ обусловливается ясность нашихъ воспріятій, отъ чего зависитъ опредѣленность видимыхъ нами формъ и очертаній, чѣмъ вызывается непосредственное сознаніе разстоянія предметовъ отъ насъ и т. д. По болѣзненнымъ измѣненіямъ въ глазу, мы можемъ детально предсказать, что послѣдуетъ съ зрѣніемъ). Совсѣмъ другое приходится сказать объ отношеніи того, что мы знаемъ о строеніи нашего мозга, къ психической жизни въ ея цѣломъ, особенно къ ея внутреннимъ процессамъ представленія, мысли, чувства и воли. Здѣсь, по общему признанію, все оказывается покрытымъ непроницаемою тьмою, за исключеніемъ немногихъ разрозненныхъ пунктовъ, установленныхъ отдѣльными наблюденіями.(Напримѣръ, по вопросу о локализаціи отдѣльныхъ психическихъ функцій).Мы еще очень плохо знаемъ детальный строй элементовъ мозга, - еще менѣе знаемъ мы о внутренней природѣ происходящихъ въ немъ процессовъ. О томъ, чѣмъ и какъ устанавливается предполагаемый параллелизмъ душевныхъ и физіологическихъ явленій, мы также не имѣемъ никакого яснаго понятія. Какъ я уже говорилъ раньше , дѣло въ этой области обыкновенно ограничивается созданіемъ условныхъ и произвольныхъ схемъ, цѣль которыхъ - дать внѣшнее наглядное изображеніе основнымъ свойствамъ душевной жизни: ея внутреннему единству и связи при огромномъ разнообразіи и сложности ея отдѣльныхъ проявленій. Одна изъ самыхъ обычныхъ схемъ состоитъ въ уподобленіи мозга очень сложной системѣ, какъ бы телеграфическихъ аппаратовъ, соединенныхъ между собою въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ безчисленными проволоками. Этой схемѣ ,дѣйствительно, соотвѣтствуетъ тотъ физіологическій фактъ, что возбужденіе одной какой - нибудь клѣтки мозга тотчасъ же отражается на множествѣ другихъ, и что, съ другой стороны, каждое отдѣльное психическое состояніе, однажды попавъ въ сознаніе, такъ сказать, тянетъ въ него за собою другія состоянія. Однако, эта схема, имѣющая несомнѣнное достоинство простоты и наглядности, не нашла себѣ дѣйствительнаго оправданія въ изслѣдованіи фактовъ. Произошло даже нѣчто противоположное : по послѣднимъ научнымъ открытіямъ, мозгъ оказался еще гораздо болѣе сложнымъ и капризно устроеннымъ цѣлымъ, чѣмъ думали прежде. Что особенно было неожиданнымъ, - въ немъ не оказалось такого интимнаго единенія между отдѣльными центрами, какое всегда предполагалось ранѣе. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени поучительна теорія н е й р о н о в ъ , въ ея примѣненіи къ

составу мозга. По первымъ изслѣдованіямъ о нихъ, совсѣмъ представлялось рѣшеннымъ, что нейроны (изъ которыхъ мозгъ состоитъ) суть какъ бы совершенно обособленныя и отдѣльныя другъ отъ друга единицы, своими прихотливыми развѣтвленіями и исходящими изъ нихъ нитями лишь внѣшнимъ образомъ соприкасающіяся между собою, но никогда не переходящія другъ въ друга. Теперь между отдѣльными группами нейроновъ установлена болѣе тѣсная внутренняя связь, но все же картина жизни мозга является гораздо болѣе загадочной, даже, повидимому, безпорядочной и хаотической, чѣмъ полагали раньше. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно только взглянуть на анатомическую карту микроскопическаго строенія мозга. Таковы краткія замѣчанія о нервно-мозговой системѣ, которыми я долженъ здѣсь ограничиться.

2). Психологію принято начинать съ отдѣла объ о щ у щ е н і я х ъ : такой порядокъ изложенія представляется совершенно естественнымъ. Наличностью ощущеній въ прошломъ и настоящемъ обусловливаются всѣ другіе факты психическаго существованія. Мы совсѣмъ не въ состояніи вообразить себѣ, изъ чего могла бы слагаться психическая жизнь, пока въ душѣ абсолютно не возникло еще ни одного ощущенія. Всѣ наши представленія, мысли, желанія, чувства выростаютъ на почвѣ или прямо полученныхъ или переработанныхъ ощущеній, - въ этомъ безспорная истина психологіи. Хотя, какъ увидимъ дальше, это далеко не значитъ, что всѣ другіе акты духа суть только преобразованныя ощущенія (какъ думаютъ сенсуалисты) и ничего больше, тѣмъ не менѣе точкой отправленія для всѣхъ проявленій нашей душевной жизни остаются все- таки ощущенія.

Что же такое ощущеніе ? Это понятіе можно опредѣлить такъ : ощущеніе есть элементарное душевное состояніе, вызванное возбужденіемъ приносящаго нерва послѣ того, какъ это возбужденіе было передано мозговымъ центрамъ .(Напримѣръ, если возьмемъ въ зрѣніе : свѣтъ упалъ на сѣтчатку, это вызвало возбужденіе зрительнаго нерва, оно передалось мозговымъ центрамъ, и въ отвѣтъ на этотъ физическій процессъ въ душѣ возникло ощущеніе свѣта).

По этому поводу я опять долженъ напомнить, что физическій процессъ въ нервѣ и нервныхъ центрахъ не есть прямая и исчерпывающая причина ощущенія. Ощущеніе есть п с и х и ч е с к і й продуктъ съ своими особыми свойствами, которыхъ ничто физическое не имѣетъ, и, наоборотъ, не обладающій никакими физическими свойствами. Итакъ, оно не можетъ быть просто продолженіемъ или завершеніемъ физическаго процесса. Но, съ другой стороны, должна же быть какая - нибудь причина для него, во всѣхъ особенностяхъ его п с и х и ч е с к о й природы , - вѣдь на свѣтѣ нѣтъ продуктовъ безпричинныхъ. Поэтому, какъ я уже указывалъ, источника ощущеній въ ихъ качественной опредѣленности, приходится искать

Въ несознаваемой или безсознательной психической области. Въ ней образованію ихъ особаго качественнаго содержанія, быть можетъ, предшествуютъ весьма сложные процессы. Но въ нашей сознательной жизни ощущенія представляютъ самое первое, съ чего она начинается.

Въ ощущеніяхъ вообще различаются три свойства: качество, сила и тонъ. Подъ к а ч е с т в о м ъ разумѣется данное въ нихъ содержаніе, которымъ ощущенія одного чувства отличаются отъ ощущеній другого чувства, или которымъ ощущенія одного и того же чувства различаются между собою. Это есть то особое, что въ нихъ дается сознанію. Звукъ не похожъ на запахъ, ощущенія зрѣнія не похожи на ощущенія обонянія. Точно также ощущеніе краснаго цвѣта не похоже на ощущеніе зеленаго и т.д. Чѣмъ именно они различаются, этого нельзя логически опредѣлить, это нужно прямо испытать и пережить. Слѣдовательно, к а ч е с т в о м ъ ощущенія называется, напримѣръ, к р а с н о т а краснаго цвѣта, ж е л т и з н а ж е л т а г о , данная высота звука, ощущаемая особенность даннаго запаха и т.д.

Въ виду совершенно непосредственнаго характера ощущеній, очень трудно передать качество ощущенія не испытавшему его человѣку. Никакими усиліями нельзя дать понять слѣпому, что значитъ видѣть. Онъ станетъ прибѣгать къ аналогіямъ, будетъ сближать ощущеніе зрѣнія съ другими, извѣстными ему ощущеніями, но все это будетъ насъ убѣждать только въ полной несостоятельности его пониманія. Или для людей, страдающихъ дальтонизмомъ, понять, въ чемъ заключается сущность того цвѣта, котораго они не воспринимаютъ, конечно, совершенно невозможно.

Т о н о м ъ ощущенія называется его эмоціональная сторона, присущій ему оттѣнокъ пріятности или непріятности , - иначе сказать, неразрывная съ самимъ ощущеніемъ реакція на него, положительная или отрицательная. Замѣчательно, что эта реакція воспринимается нашимъ сознаніемъ такъ же непосредственно и пассивно, какъ и само ощущеніе, и составляетъ одно съ этимъ ощущеніемъ. (Для нашего глаза можетъ быть пріятенъ данный цвѣтъ или сочетаніе цвѣтовъ; для нашего уха можетъ быть мучителенъ данный звукъ или сочетаніе звуковъ). Тонъ особенно преобладаетъ въ ощущеніяхъ низшихъ чувствъ - обонянія, вкуса , и болѣе всего въ такъ называемыхъ органическихъ ощущеніяхъ(боль, недомоганіе, или, наоборотъ , чувство внутренней легкости и т.д.). Въ другихъ ощущеніяхъ, напротивъ, тонъ какъ будто совсѣмъ отсутствуетъ, напр., очень многіе цвѣта видимой природы представляются для нашей оцѣнки совершенно безразличными. Но значитъ ли это, что такъ было и при самомъ первомъ возникновеніи этихъ цвѣтовыхъ впечатлѣній ? Скорѣе надо думать, что въ началѣ мы всегда имѣемъ дѣло съ нѣкоторой тональной окраской ощущеній, которая потомъ сглажива-

ется подъ вліяніемъ привычки къ нимъ. Я, напримѣръ, знаю много случаевъ, когда первое впечатлѣніе, вынесенное изъ анатомическаго театра, бывало настолько сильно, что молодые люди никакъ не могли его въ себѣ побѣдить, и только по этой причинѣ бросали занятія на медицинскомъ факультетѣ. Но У студента медика II-го, III-го курса это первоначальное чувство брезгливости и отвращенія атрофируется настолько съ теченіемъ времени, что онъ совершенно спокойно работаетъ надъ разлагающимся трупомъ.

Подъ с и л о ю ощущенія разумѣется его напряженность или степень развитія присущихъ ему качествъ. Одно и тоже въ качественномъ смыслѣ ощущеніе можетъ имѣть разныя степени(сила и слабость свѣта (яркость), сила и слабость звука и т.д.). Сила ощущенія зависитъ отъ величины внѣшняго раздраженія: чѣмъ сильнѣе раздраженіе, тѣмъ сильнѣе ощущеніе, и наоборотъ.(Когда рядомъ съ одной свѣчей зажжемъ другую, ощущеніе свѣта усилится, въ зависимости отъ возросшаго дѣйствія свѣта на сѣтчатку нашего глаза).

При этомъ, однако, нужно обратить вниманіе на очень важный фактъ: ощущенія увеличиваются неравномѣрно съ усиленіемъ раздраженій, но значительно медленнѣе ихъ .(Если къ одной свѣчѣ прибавимъ другую, ощущеніе замѣтно измѣнится; но если одну свѣчу прибавимъ къ 100,- никакого замѣтнаго измѣненія въ нашемъ ощущеніи не произойдетъ. Если къ фунту, положенному на руку, прибавить еще фунтъ, - это самымъ рѣшительнымъ образомъ увеличитъ наше ощущеніе тяжести. Если же фунтъ прибавить къ пуду, - это измѣненіе, навѣрное, пройдетъ незамѣченнымъ. А между тѣмъ раздраженіе во всѣхъ этихъ случаяхъ прибавилось такое же). Наблюдая подобные факты, Веберъ и Фехнеръ установили особый законъ зависимости ощущеній отъ раздраженій: въ то время, когда раздраженіе растетъ въ геометрической прогрессіи (т.е. въ порядкѣ 2,4,8,16,32 и т.д.), ощущеніе увеличивается только въ ариѳметической прогрессіи(въ порядкѣ 2,4,6,8,10,12 и т.д.).

Я уже указывалъ на отмѣченную нѣкоторыми психологами существенную особенность этого закона : онъ имѣетъ прерывный характеръ. Ощущеніе не наростаетъ постепенно вмѣстѣ съ постепеннымъ ростомъ раздраженія, хотя бы и медленнѣе, - оно мѣняется, такъ сказать, скачками. Нужна о п р е д ѣ л е н н а я прибавка къ прежнему раздраженію, чтобы ощущеніе измѣнилось; пока она меньше, ощущеніе остается прежнимъ. Это значитъ, что ощущеніе н е м ѣ н я е т с я , когда раздраженіе мѣняетъ самыя разнообразныя величины въ извѣстныхъ предѣлахъ. Изъ этого вытекаетъ неизбѣжная неточность нашего чувственнаго воспріятія, коренящаяся въ самой природѣ чувствующей способности. Съ этимъ далѣе, какъ я уже указывалъ, связанъ болѣе общій фактъ душевной жизни: никакія измѣненія въ нашемъ физическомъ организмѣ не отражаются въ нашей психикѣ сполна и въ своемъ не-

прерывномъ развитіи: въ ней отмѣчаются только рѣзкія и значительныя перемѣны въ организмѣ (это относится и къ мозгу и къ нервной системѣ). Душевная жизнь на самомъ дѣлѣ никогда не бываетъ полнымъ идейнымъ повтореніемъ физіологическаго процесса, какъ, напримѣръ, думалъ Спиноза.

3). Таковы общія свойства ощущеній(качество, сила, тональность),опредѣляющія усвояемое въ нихъ содержаніе и отношеніе этого содержанія къ вызывающимъ наши ощущенія внѣшнимъ стимуламъ. Но для того, чтобы ощущеніе было дѣйствительно дано намъ и нами усвоено, необходима усвояющая дѣятельность нашего сознанія или нашей сознающей силы: данное содержаніе ощущеній , - ихъ качество и тонъ, - зависитъ не отъ насъ, оно заготовлено гдѣ - то помимо всякой нашей сознательной работы, мы получаемъ его пассивно; но, во всякомъ случаѣ, мы его п о л у ч а е м ъ, оно ежесекундно у с в о я е т с я въ міръ нашего сознанія съ каждымъ новымъ впечатлѣніемъ, - это подразумѣваетъ извѣстную реакцію сознательной сферы нашего духа на воздѣйствующій на нее матеріалъ. Поэтому рядомъ съ вопросами о свойствахъ самихъ ощущеній, приходится поставить другой:о б ъ у с л о в і я х ъ с о з н а в а е м о с т и ощущеній. Каковы же они?

а). Самымъ первымъ и общимъ такимъ условіемъ, какъ мы уже знаемъ изъ предыдущаго, является присущая нашему духу с и л а с и н т е з а . Ничто не сознается нами, - будь это ощущеніе или какой -нибудь другой видъ психическихъ явленій, - безъ послѣдовательнаго и одновременнаго синтеза даннаго въ немъ содержанія. То, что въ самомъ ощущеніи является кк. послѣдовательный рядъ моментовъ его развитія, или какъ одновременные,но различные и даже раздѣльные его элементы, объединяется и сливается сознаніемъ въ о д и н ъ психическій фактъ.(Напримѣръ, каждое ощущеніе, чтобы достигнуть ясности, должно пройти сложный процессъ внутренняго роста- отъ непосредственнаго толчка въ сознаніи, при которомъ мы совершенно не можемъ отдать себѣ отчета, что именно съ нами случилось, когда, такъ сказать, ощущеніе впервые ворвалось въ наше сознаніе, - до полной его качественной, тональной и интенсивной опредѣленности, - между тѣмъ сознаніе воспринимаетъ о д н о ощущеніе, хотя и замѣчаетъ его длительность. Или воспринимая глазами какой -нибудь цвѣтной предметъ опредѣленной формы, мы имѣемъ въ сознаніи одинъ нераздѣльный фактъ ; между тѣмъ психологически мы имѣемъ при этомъ двѣ группы ощущеній (зрительныхъ и мускульныхъ), совершенно различныхъ по качеству и раздѣльныхъ по происхожденію(они возбуждаются разными нервами). Въ особенности важнымъ представляется синтезъ послѣдовательныхъ моментовъ ощущенія : на немъ, какъ на корнѣ, зиждется всякая усвояющая дѣятельность сознанія вообще. А между тѣмъ, какой загадочный и даже таинственный фактъ представляетъ изъ себя этотъ синтезъ. Вспомнимъ только (очемъ уже приходилось говорить

много разъ) ,что когда ощущеніе достигло извѣстной стадіи развитія,всѣ предшествующія его стадіи уже протекли, и въ ощущеніи самомъ по себѣ дано только то, что относится къ переживаемому недѣлимому мгновенію. Но мы знаемъ уже, что ничто дѣйствительно мгновенное, въ сознаніе попасть не можетъ: нами только то сознается, что хотя сколько-нибудь длится.Что же выходитъ ? Сознаніе, чтобы усвоить какое-нибудь ощущеніе, должно къ существующему (т.е. теперь данному) приложить не существующее (уже протекшее). Можно сказать больше: вѣдь и то, что сейчасъ дано, сознаніе усвояетъ вовсе не абсолютно мгновеннымъ актомъ, - ничего абсолютно мгновеннаго въ сознаніи вообще нѣтъ; а это значитъ, что каждый моментъ ощущенія сталъ уже прошлымъ (протекъ), когда онъ сознанъ. Такимъ образомъ получается, что наше наличное сознаніе всегда имѣетъ дѣло съ прошлымъ, а не съ настоящимъ нашихъ ощущеній. Въ этомъ заключается самое рѣшительное основаніе, чтобы *не отождествлять* сознанія съ ощущеніемъ, къ чему склоняются нѣкоторые психологи. Ощущенія - только матеріалъ для синтезирующей дѣятельности духа, въ которой лежитъ коренной двигатель всякаго сознаванія вообще. И нельзя не отмѣтить существенной особенности этого матеріала: самъ по себѣ онъ уже весь обратился въ ничто, когда сознаніе надъ нимъ опереруетъ (протекшіе моменты ощущенія прошли, - ихъ нѣтъ). По этому поводу приходится указать безусловно общій психологическій законъ: усвоеніе сознаніемъ чего бы ни было, - ощущеній, представленій, образовъ воспоминанія, чувствъ, - являетъ совершенно своеобразную и ни съ чѣмъ несравнимую дѣятельность удержанія того,что прошло, въ реальномъ настоящемъ.

Итакъ, сознаніе ощущеній предполагаетъ усвояющую дѣятельность сознающаго субъекта. Мы не бываемъ абсолютно пассивными даже и въ нашихъ ощущеніяхъ. Активность духа въ отвѣтъ на воздѣйствія извнѣ сказывается на всѣхъ ступеняхъ психическаго существованія. Отъ этого значенія психической активности вообще зависитъ роль нѣкоторыхъ болѣе спеціальныхъ проявленій душевной дѣятельности при сознаваніи ощущеній.

в) Сюда,прежде всего,слѣдуетъ отнести *сосредоточеніе вниманія*, которое слѣдуетъ разсматривать какъ *второе* условіе сознаваемости ощущеній. Что такое вниманіе ? Мнѣ кажется, вниманіе, вмѣстѣ съ Дж. Селли, наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ можно опредѣлить такъ: вниманіе есть *активное самонаправленіе души* на матеріалъ или предметъ, представляющійся ей въ данную минуту. Черезъ это понятіе вниманіе сближается съ понятіемъ сознанія вообще: вѣдь и сознаніе можно опредѣлить какъ самообращеніе души къ открывающемуся ей содержанію. Однако, различіе между этими двумя понятіями заключается въ томъ, что поле вниманія *уже* поля сознанія. Въ нашемъ созна-

ніи въ каждый данный моментъ находится множество вещей, которыхъ мы не дѣлаемъ предметомъ вниманія. Вниманіе есть напряженное обращеніе сознанія въ какую - нибудь опредѣленную сторону, или сосредоточеніе душевнаго взора на какой - нибудь опредѣленной части душевнаго поля зрѣнія. При равныхъ остальныхъ условіяхъ, ощущенія наши тѣмъ сильнѣе и ярче выступаютъ въ нашемъ сознаніи, чѣмъ болѣе мы къ нимъ внимательны, - они тѣмъ болѣе слабы и тусклы, чѣмъ менѣе наше вниманіе останавливается на нихъ. Такимъ образомъ, здѣсь наблюдается прямая пропорціональность. Тамъ, гдѣ не будетъ абсолютно никакого вниманія, тамъ не окажется никакихъ ощущеній. Значеніе вниманія въ этомъ смыслѣ часто подтверждается въ жизни: полученныя въ пылу сраженія раны часто не ощущаются до конца боя. По этому поводу приходится отмѣтить общій фактъ: при отвлеченіи вниманія въ сторону, количество страданій уменьшается. Этимъ объясняется, напримѣръ, уничтожающее вліяніе сильныхъ потрясеній на боль(головы, зуба). Подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія люди перестаютъ испытывать самыя мучительныя чувства. Внушеніе нерѣдко можетъ замѣнить хлороформъ, даже при самыхъ мучительныхъ операціяхъ. Причина этого, повидимому, лежитъ во власти гипнотизера надъ вниманіемъ и волей субъекта. Напротивъ, напряженное сосредоточеніе вниманія на опредѣленной группѣ ощущеній дѣлаетъ насъ чрезвычайно чувствительными къ малѣйшимъ колебаніямъ въ нихъ. Таково, напримѣръ, изощреніе слуха въ темнотѣ, когда мы, чего - нибудь испугавшись, начинаемъ прислушиваться. То, что мы при этомъ услышимъ съ чрезвычайной отчетливостью, при другихъ условіяхъ прошло бы незамѣченнымъ для сознанія. Въ связи съ этимъ находится и огромное развитіе болѣзненнаго самочувствія у людей мнительныхъ, - ипохондрики суть настоящіе страдальцы, хотя бы у нихъ и не было никакихъ физическихъ болѣзней, потому что они напряженно воспринимаютъ ощущенія, которыхъ, не замѣтили бы при другомъ настроеніи.

с) Обращая вниманіе на какое - нибудь ощущеніе, мы тѣмъ самымъ выдѣляемъ его изъ среды другихъ, смежныхъ съ нимъ и воспринимаемыхъ съ нимъ одновременно. Это выдѣленіе психологически подразумѣваетъ р а з л и ч е н і е даннаго ощущенія, въ его особенностяхъ, отъ всѣхъ другихъ ощущеній. Этимъ дается третье условіе сознаваемости ощущеній - р а з л и ч а ю щ а я с п о с о б н о с т ь . Испытывать отчетливое, опредѣленное ощущеніе - значитъ р а з л и ч а т ь его отъ другихъ ощущеній. Ощущеніе бываетъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ болѣе оно отличено отъ всего съ нимъ сходнаго, оно тѣмъ болѣе тускло, чѣмъ менѣе мы способны уловить его различія отъ ощущеній смежныхъ - , въ этомъ случаѣ ясность и различіе еще идутъ рука объ руку. Гдѣ никакихъ пунктовъ различія для сознанія не дано, тамъ никакихъ опредѣленныхъ ощущеній нѣтъ. Вообще область сознанія

кончается тамъ, гдѣ различать совсѣмъ нечего. Въ этомъ отношеніи с п о с о б н о с т ь с о з н а н і я и с п о с о б н о с т ь р а з л и ч е н і я вполнѣ совпадаютъ между собою.

d). Однако, направленіе вниманія на какое - нибудь ощущеніе ведетъ не къ одному его р а з л и ч е н і ю отъ другихъ. Выдѣляя данное ощущеніе изъ среды другихъ ощущеній, мы тѣмъ самымъ устанавливаемъ его особое содержаніе, такъ сказать, у з н а е м ъ это содержаніе во всемъ ; что оно имѣетъ характернаго. Потомъ, когда это ощущеніе повторится (положимъ, мы вторично услыхали ранѣе поразившій насъ звукъ),оно у з н а е т с я нами, т.е. мы отожествляемъ его съ прежнимъ ощущеніемъ. Если новое ощущеніе только однородно съ прежнимъ, но не представляетъ съ нимъ полнаго тожества, мы, все-таки, останавливаемся внутреннимъ дѣйствіемъ вниманія на томъ, что въ нихъ есть одинаковаго, т.е. усматриваемъ с х о д с т в о между ними.И то, что здѣсь сказано о цѣлыхъ ощущеніяхъ, относится и къ ихъ отдѣльнымъ элементамъ. Въ о т о ж е с т в л я ю щ е й с п о с о б н о с т и нашего духа заключается ч е т в е р т о е у с л о в і е с о з н а в а е м о с т и о щ у щ е н і й . Все наше умственное развитіе зависитъ отъ этой коренной способности уподобленія новыхъ матеріаловъ старымъ.

Въ этой органической и нерасторжимой связи между силой вниманія и способностью различенія и отожествленія заключается великая особенность психики, подымающая ее надъ всѣми возможными физическими аналогіями. Физическая природа знаетъ только одно дѣленіе, - механическое дѣленіе даннаго конкретнаго цѣлаго на столь же конкретныя части, которыя неизбѣжно оказываются меньшими, чѣмъ то цѣлое, которое онѣ составляютъ. Напротивъ, въ душевной жизни непрерывно совершается и д е а л ь н о е дѣленіе конкретныхъ цѣлыхъ на ихъ общіе признаки, которые обладаютъ гораздо болѣе универсальнымъ характеромъ, чѣмъ эти цѣлыя, имѣютъ несравненно болѣе широкій логическій объемъ и, въ этомъ смыслѣ, б о л ь ш е составляемыхъ ими цѣлыхъ. Путемъ различенія и отожествленія, мы въ каждомъ данномъ единичномъ предметѣ выдѣляемъ всѣ виды и роды, къ которымъ онъ принадлежитъ всѣ самыя общія свойства и начала, которыя одинаково присутствуютъ во всѣхъ вещахъ міра. Физическое дѣленіе не даетъ ничего подобнаго.

4). Теперь, послѣ разсмотрѣнія общей природы ощущеній и условій ихъ сознаваемости, намъ предстоитъ перейти къ вопросу объ отдѣльныхъ группахъ ощущеній .

Всѣ ощущенія распадаются на нѣсколько совершенно опредѣленныхъ группъ. Психологи много разъ пытались установить эти группы. Аристотель, имѣвшій преимущественно въ виду то, что даютъ ощущенія для познанія окружающаго насъ міра, и потому обращавшій главное вниманіе на внѣшнія чувства,

раздѣлилъ ихъ на 5 видовъ : а) зрѣніе, в) слухъ, с) обоняніе, d) вкусъ и е) осязаніе. Послѣ него долго держалось убѣжденіе ,что этимъ дѣленіемъ исчерпываются всѣ ощущенія. Только въ сравнительно недавнемъ прошломъ англійская психологія измѣнила этотъ взглядъ, дополнивъ указанныя группы еще 2-мя категоріями ощущеній: а) ощущеній органическихъ и в) ощущеній мускульныхъ.

О р г а н и ч е с к и м и ощущеніями называются ощущенія, вызываемыя внутренними состояніями нашего организма. Нервы распространены по всему тѣлу. Поэтому отъ всѣхъ его частей мы получаемъ впечатлѣнія, особенно при нарушеніи ихъ нормальной жизни. Такого рода ощущенія мы получаемъ, во-первыхъ ,отъ самой нервной системы. Нервы, возбуждая въ душѣ представленія внѣшнихъ вещей, кромѣ того возбуждаютъ ощущеніе ихъ собственнаго состоянія, Таково чувство утомленія, свойственное всѣмъ нервамъ (можно устать смотрѣть, слушать, думать и т.д.). Иногда состояніе нервной системы возбуждаетъ ощущеніе острого страданія (невралгія). Во- вторыхъ, нервы даютъ знать объ общемъ состояніи всего организма или его частей. Сюда относятся : а) болѣзни и поврежденія (раны), вызывающія очень тяжелыя ощущенія; в) ненормальное, несообразное назначенію состояніе органа, хотя бы и здороваго (сюда относятся, напр., чувство удушья, голода или жажды); е) пріятное ощущеніе свѣжести, здоровья, при полной, но не чрезмѣрной, дѣятельности всѣхъ органовъ. Всѣ эти ощущенія даютъ очень мало для познанія внѣшняго міра. Но имъ принадлежитъ большое субъективное значеніе.

Гораздо болѣе существенную роль въ нашемъ познаніи играютъ о щ у щ е н і я м у с к у л ь н ы я , къ объясненію которыхъ мы теперь обратимся.

Всякій мускулъ нашего тѣла состоитъ изъ тонкихъ фибръ (клѣтокъ) веретенообразной формы. Каждая такая клѣтка способна с о к р а щ а т ь с я подъ вліяніемъ нервнаго возбужденія, т.е. уменьшаться въ длину и увеличиваться въ толщину, въ зависимости отъ нерва, который развѣтвляется въ мускулѣ. Въ этомъ основное свойство всѣхъ мускуловъ. Мускульные нервы доставляютъ ощущенія двухъ родовъ. Прежде всего, ощущенія органическаго состоянія мускула; они, собственно, однородны съ ощущеніями органическими и могутъ быть прямо отнесены къ этой категоріи. Сюда относятся, напримѣръ, боль при пораненіи мускула, боль отъ судорогъ, ощущеніе утомленія и т.п. Но не въ этихъ чувствованіяхъ заключается важность мускульныхъ ощущеній для познанія внѣшняго міра. Объективные признаки вещей опредѣляются мускульными ощущеніями другого рода (не принадлежащими къ категоріи органическихъ). Это происходитъ двоякимъ путемъ : а) Во- первыхъ, посредствомъ нихъ мы получаемъ понятіе о

внѣшней силѣ, которая на насъ дѣйствуетъ, о ея напряженіи, сопротивленіи и т.п. Всѣ другія чувства по отношенію къ мускульному играютъ здѣсь развѣ только вспомогательную роль. Мускульныя ощущенія качественно не различаются между собою. Ощущенія сокращенія мускуловъ руки или ноги болѣе однородны, чѣмъ,напримѣръ,зрительныя ощущенія. Мы сознаемъ различныя мѣста возникновенія ощущеній, но самыя ощущенія остаются одними и тѣми же. Однако, мускульныя ощущенія имѣютъ одно великое преимущество : посредствомъ ихъ мы можемъ замѣтить самыя тонкія различія въ напряженіи мускуловъ. Напряженіе является, когда мы двигаемъ предметъ очень легкій; но мы его испытываемъ и тогда, когда предметъ тяжелъ и требуетъ для своего движенія значительныхъ усилій съ нашей стороны. И въ первомъ и во второмъ случаѣ ощущенія глубоко различаются по своей степени. Различіе усилій рѣзко сознается нами. Итакъ, что же дается мускульными ощущеніями ? Чрезвычайно важнымъ ихъ результатомъ является то, что, при помощи ихъ, мы сознаемъ различіе въ степеняхъ усилія. А потому каждое отдѣльное мускульное ощущеніе даетъ познаніе о нѣкоторомъ усиліи. Но чтобы сознавать усиліе, надо въ то же время сознавать, что есть нѣчто, ему противостоящее, - другими словами - надо сознавать сопротивленіе. Сознаніе усилія есть въ то же время сознаніе сопротивленія ему , - одно подразумѣваетъ другое.Это двѣ различныя стороны одного психическаго акта. Въ этой особенности мускульныхъ ощущеній, въ ихъ свойствѣ давать идею о сопротивленіи намъ внѣшнихъ вещей, состоитъ ихъ главное значеніе. Безъ нихъ мы не могли бы непосредственно сознавать, что внѣшній міръ реально на насъ воздѣйствуетъ : только въ этихъ ощущеніяхъ соприкосновеніе съ нимъ получаетъ характеръ совершенно наглядный. Въ ощущеніи препятствія, оказываемаго напряженію нашихъ членовъ, мы получаемъ вполнѣ отчетливую идею внѣшней силы, безъ которой внѣшняя природа не могла бы представлять того вида реальности, какой она обнаруживаетъ во всѣхъ своихъ явленіяхъ, и не обладала бы для'насъ тѣмъ объективнымъ значеніемъ, которое мы ей приписываемъ. Слѣдовательно, мускульныя ощущенія доставляютъ намъ понятія о внѣшнихъ силахъ и о различныхъ степеняхъ ихъ напряженія. Это есть первое и очень важное ихъ свойство. в) Во-вторыхъ, посредствомъ мускульныхъ ощущеній, по крайней мѣрѣ въ весьма значительной степени,мы получаемъ понятіе о протяженіи предметовъ и объ ихъ разстояніи между собою. Средствомъ опредѣленія этихъ качествъ вещей служатъ наши собственныя движенія. Мы протягиваемъ руку и этимъ путемъ опредѣляемъ, далеко ли отъ насъ предметъ или нѣтъ;

мы проводимъ рукой по его поверхности, и этимъ опредѣляемъ его величину и фигуру. Мы переносимъ руку отъ одного предмета на другой и узнаемъ ихъ разстояніе. Вѣдь именно такъ поступаемъ мы въ темнотѣ, когда намъ нужно оріентироваться. Чтобы всѣ подобные выводы были возможны, необходимо, чтобы различныя наши движенія вызывали различныя ощущенія въ нашей душѣ. Эти различія и получаемъ мы въ нашихъ мускульныхъ ощущеніяхъ. Каждое движеніе вызываетъ р я д ъ о щ у щ е н і й постепеннаго сокращенія или растяженія мускуловъ и различіе этихъ рядовъ дѣлаетъ для насъ различными самыя движенія. Точно также движеніе на маломъ пространствѣ вызываетъ не то ощущеніе, что на большомъ. Приводя эти ряды въ сочетаніе, мы получаемъ самыя сложныя картины возможныхъ движеній, которыя даютъ всей окружающей насъ дѣйствительности совершенно опредѣленный обликъ.

Но одни ли мускульныя ощущенія, безъ всякаго вліянія другихъ, доставляютъ намъ понятіе протяженности ? Едва - ли возможно, чтобы идея протяженности исключительно была порожденіемъ мускульнаго чувства. Здѣсь также играетъ роль осязаніе, и, въ особенности, зрѣніе. Но, какъ бы то ни было, роль мускульнаго ощущенія весьма значительна. Осязанія было бы недостаточно, если бы съ нимъ не соединилось ощущеніе мускульное. То же слѣдуетъ сказать и относительно зрѣнія. Съ другой стороны, и самыя мускульныя ощущенія не возникаютъ одиноко : они всегда сопровождаются дѣятельностью другихъ чувствъ. Напримѣръ, когда проводимъ рукой по предмету, мы испытываемъ не только мускульное ощущеніе, но и ощущеніе осязанія. Во всякомъ случаѣ, въ точномъ опредѣленіи пространственныхъ отношеній огромное значеніе мускульныхъ ощущеній не можетъ подлежать сомнѣнію. - Самый яркій примѣръ этому имѣемъ мы въ слѣпорожденныхъ, которые получаютъ знаніе о пространствѣ почти исключительно путемъ мускульныхъ ощущеній, при этомъ у нихъ понятіе о пространствѣ ближе къ понятію времени, чѣмъ у зрячихъ, потому что пространственныя опредѣленія у слѣпыхъ устанавливаются осязаніемъ въ рядѣ послѣдовательныхъ опытовъ. Но и въ другихъ чувствахъ, напримѣръ, въ зрѣніи, мускульнымъ ощущеніямъ принадлежитъ не сразу замѣтная, но весьма значительная роль. Въ зрѣніи прямое усмотрѣніе разстояній предметовъ отъ насъ и между собой связано съ сокращеніями мускуловъ. Эти мускулы приноравливаютъ зрительный органъ къ наилучшему воспріятію образовъ (аккомодація глаза). Такъ, мы иначе сдвигаемъ глаза, образуемъ иной уголъ между линіями, проходящими черезъ зрачокъ, когда наблюдаемъ предметъ близкій или далекій. Наблюдая движущійся предметъ, мы слѣдимъ за нимъ глазомъ, описывая имъ ту же линію. Также и формы вещей мы воспринимаемъ, обводя ихъ глазами. Вездѣ мы испытываемъ мускульное чувство, которое сливается съ зрительнымъ ощущеніемъ.

Отъ разсмотрѣнія значенія мускульнаго чувства, перейдемъ теперь къ ха-

характеристикѣ другого чувства, въ своихъ проявленіяхъ связаннаго съ мускульнымъ, но все же отличнаго отъ него, именно, къ чувству осязанія. Органомъ осязанія служитъ кожа, въ которой развѣтвляются нервы. Эти нервы оканчиваются въ особыхъ возвышеніяхъ на кожѣ, воздѣйствіе на которыя вызываетъ тѣ или другія впечатлѣнія.

О с я з а н і е вызываетъ въ насъ слѣдующія группы ощущеній : а) ощущенія боли; b) ощущенія теплоты и холода; с) ощущеніе мягкости, твердости, гладкости и шероховатости тѣлъ. Ощущеніе боли является при рѣзкомъ прикосновеніи предметовъ къ кожѣ. Напримѣръ, при уколѣ. Такія ощущенія могутъ достигать большой напряженности. Эта группа ощущеній близка къ органическимъ и ее можно не относить къ осязанію. Что касается воспріятій тепла и холода, то они зависятъ собственно, отъ устройства нервовъ, отличныхъ отъ осязательныхъ, такъ что возникаетъ вопросъ, не слѣдуетъ ли разсматривать ихъ, какъ особую группу, или же ихъ надо отнести къ ощущеніямъ органическимъ ? Значеніе этой группы ощущеній очень важно для познавательной способности: осязаніе способно различать с т е п е н и т е п л а . Впрочемъ, ощутимыми для насъ оказываются измѣненія въ температурѣ не менѣе, какъ на четыре десятыхъ градуса по Реомюру. Но наиболѣе интересными и важными являются ощущенія третьяго рода, посредствомъ которыхъ мы познаемъ внѣшнія свойства тѣлъ (шероховатость, гладкость и т.д.); въ нихъ есть одна особенность, которая сближаетъ ихъ съ наиболѣе отчетливыми и тонкими чувствами (зрѣніемъ и мускульнымъ чувствомъ). Эта особенность есть сознаваемая нами посредствомъ осязанія м н о ж е с т в е н н о с т ь т о ч е к ъ п р и к о с н о в е н і я къ намъ внѣшнихъ тѣлъ, иначе говоря, р а з д ѣ л ь н о с т ь ощущеній на р а з л и ч н ы х ъ частяхъ кожи.

Посредствомъ послѣдняго рода ощущеній осязанія мы не воспринимаемъ дѣйствія предметовъ, какъ нѣчто сплошное и слитное (какъ въ слухѣ или обоняніи). Мы получаемъ не одно ощущеніе, а нѣсколько, каждое развѣтвленіе осязательныхъ нервовъ даетъ свое ощущеніе. Напримѣръ, касаясь пальцами острыхъ концовъ циркуля, мы сознаемъ ихъ, какъ различные и лежащіе въ разныхъ мѣстахъ. Эта воспріимчивость многихъ точекъ имѣетъ предѣлъ. Если точки слишкомъ близки (попадаютъ не на два различныхъ развѣтвленія), то ихъ ощущенія сливаются въ одно. Это предѣльное разстояніе различно : 1/2 линіи для языка, на спинѣ - 20 линій. Концы пальцевъ съ внутренней стороны болѣе воспріимчивы, чѣмъ съ внѣшней и вообще въ своихъ концахъ они обладаютъ наибольшей воспріимчивостью. Воспріимчивость частей тѣла вообще тѣмъ больше, чѣмъ оно подвижнѣе: таковъ, напримѣръ, кончикъ языка. У слѣпыхъ осязаніе развивается почти до замѣны зрѣнія : осязаніемъ они познаютъ пространство и его зако-

нм. Осязаніе есть самое распространенное въ нашемъ тѣлѣ внѣшнее чувств и, повидимому, первообразное. Оно есть основа, изъ измѣненія которой воз никли другія внѣшнія чувства. Психологи неоднократно и не безъ основанія утверждали, что отдѣльныя чувства наши суть только формы развитія осяза- нія.

Ближе всѣхъ другихъ чувствъ къ осязанію примыкаетъ в к у с ъ , так- же получающій впечатлѣнія при непосредственномъ соприкосновеніи съ пред- метомъ. Ощущенія вкуса подраздѣляются на чисто вкусовыя, напримѣръ, сла- дость, и вкусовыя въ соединеніи съ осязательными , напримѣръ, вкусъ соли или жгучій вкусъ горчицы. Въ познаніи внѣшняго міра, вкусовыя впе- чатлѣнія играютъ ничтожную роль. Ихъ преимущественная роль - чисто практическая , - для оцѣнки пріятнаго и непріятнаго. Оттого они весьма рѣзко характеризуются сильнымъ оттѣнкомъ тональности: въ нихъ очень трудно выдѣлить элементъ объективнаго качества отъ элемента субъектив- ной оцѣнки.

Отъ чувства вкуса естественно перейти къ ощущеніямъ обонянія. Органъ обонянія составляетъ слизистая оболочка носовой полости. Въ ней развѣт- вляется обонятельный нервъ, получающій впечатлѣнія, отъ которыхъ зави- ситъ дѣятельность ч у в с т в а о б о н я н і я . Въ чемъ состоитъ воздѣйствіе внѣшняго импульса на обонятельный нервъ, на этотъ вопросъ трудно отвѣтить опредѣленно. Всего правдоподобнѣе нервное возбужденіе объясняется процессомъ о к и с л е н і я , происходящаго на поверхно- сти слизистой оболочки, на которую попадаютъ неизмѣримо мелкія частицы различныхъ веществъ. Мы не будетъ долго останавливаться на функціяхъ обонянія. Его значеніе очень близко къ тому, что представляютъ ощуще- нія вкуса. Оно не очень велико для познанія внѣшнихъ вещей, хотя доволь- но обширно въ практической жизни, въ особенности у нѣкоторыхъ породъ жи- вотныхъ.

Ощущенія обонянія представляютъ нѣсколько родовъ. Во-первыхъ, ощуще- нія собственно обонятельныя, вызываемыя исключительно дѣятельностью обо- нятельнаго нерва - чистые запахи, напримѣръ, запахъ розы, жасмина и т. д. Во - вторыхъ, ощущенія обонятельныя и осязательныя вмѣстѣ (причемъ, возбуждаются два разнаго рода нерва), напримѣръ, острый запахъ нашатырнаго спирта . Въ - третьихъ, обонятельные, осложненныя органическими ощущеніями дыханія, его облегченія или затрудненія, напримѣръ, за- пахъ одеколона.

Выдающаяся особенность обонятельныхъ ощущеній (также отчасти общая со вкусомъ) состоитъ въ томъ, что они не имѣютъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, особыхъ названій или называются по предметамъ, которые вызываютъ ощущенія. Это показываетъ ихъ малое значеніе въ те-

оретическомъ употребленіи. Напротивъ, другая особенность чувства обонянія состоитъ въ томъ, что оно связано съ памятью. Хотя самаго запаха мы ясно вспомнить не можемъ, но запахъ, который мы ощущаемъ, и который мы ощущали раньше, вызываетъ въ насъ живое воспоминаніе о тѣхъ обстоятельствахъ, которые сопровождали это прошлое ощущеніе. Но воспроизвести его все-таки нельзя безъ соотвѣтствующаго ему внѣшняго раздраженія.

Гораздо важнѣе для нашей умственной жизни, гораздо богаче по разнообразію ощущеній, и гораздо опредѣленнѣе и уловимѣе въ ихъ различіяхъ два другія внѣшнія чувства, представляющія собою какъ бы вершину лѣстницы нашихъ способностей, посредствомъ которыхъ мы прямо сообщаемся съ внѣшнимъ міромъ. Это - чувства с л у х а и з р ѣ н і я . Остановимся сначала на первомъ.

Органомъ этого чувства служитъ у х о . Я не буду описывать строеніе этого органа, но остановлюсь на вопросѣ о томъ, въ чемъ состоитъ дѣйствіе слухового органа. Вэнъ вѣрно замѣчаетъ, что ухо представляетъ собою только в е с ь м а н ѣ ж н ы й о р г а н ъ о с я з а н і я. (О сродствѣ всѣхъ, такъ называемыхъ, внѣшнихъ чувствъ съ осязаніемъ мы уже упоминали). Физіологическій процессъ слухового воспріятія состоитъ, въ сущности, в ъ с д а в л и в а н і и нитей слухового нерва посредствомъ ж и д к о с т и наполняющей лабиринтъ. Это сдавливаніе передается мозгу, и тогда въ душѣ возникаетъ ощущеніе звука. Ухо есть замѣчательно искусно устроенный механизмъ, во всѣхъ частяхъ приспособленный къ усвоенію самыхъ тонкихъ колебаній воздуха. Эти колебанія и преобразуются въ душѣ въ безконечно-разнообразный міръ звуковъ.

Звуки являются для насъ глубоко различными по своимъ качествамъ. Прежде всего они различаются по своей высотѣ. Одинъ звукъ выше, другой ниже, одинъ т о н ь ш е , другой г р у б ѣ е . Доказано, что высота звуковъ зависитъ отъ числа колебаній звучащихъ предметовъ, совершаемыхъ въ данный срокъ. Чѣмъ колебаній болѣе, тѣмъ звукъ в ы ш е . Воспріимчивость къ различнымъ колебаніямъ въ человѣческомъ ухѣ огромна. Мы начинаемъ слышать звукъ, какъ нѣчто сплошное, уже въ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ совершаетъ 16 колебаній въ секунду. Это самый низкій звукъ изъ всѣхъ, какіе мы слышимъ. Наивысшимъ изъ воспринимаемыхъ нами звуковъ соотвѣтствуетъ 32000 колебаній въ секунду и даже нѣсколько болѣе. Разстояніе между этими двумя числами 16 -32000 показываетъ, какъ нельзя лучше, насколько воспріимчивъ нашъ слухъ. Но его воспріимчивость еще болѣе усиливается способностью усвоять осложненія звуковъ.

Самое простое ощущеніе звука есть т о н ъ . Онъ возбуждается простыми ничѣмъ не осложненными колебаніями воздуха. Но совершенно чистыхъ тоновъ мы почти не слышимъ. Большинство тоновъ мы воспринимаемъ ослож-

ненными. Основной тонъ соединяется съ слабыми верхними тонами (обертонами). Поэтому то, что мы обыкновенно называемъ звукомъ, состоитъ не изъ простыхъ, а осложненныхъ тоновъ. Такимъ осложненіемъ звуковъ объясняется то, что носитъ названіе т е м б р а , напримѣръ, въ человѣческомъ голосѣ. Наиболѣе чистые звуки принадлежатъ нѣкоторымъ музыкальнымъ инструментамъ, напримѣръ, органу. Но и эти послѣдніе звуки могутъ соединяться между собою въ сложный звукъ. Въ музыкѣ мы имѣемъ такое соединеніе въ а к к о р д а х ъ .

Нужно различать с у б ъ е к т и в н у ю и о б ъ е к т и в н у ю природу звуковъ. Объективная заключается въ ихъ качественныхъ различіяхъ, въ ихъ высотѣ и т.д. Субъективная въ ихъ дѣйствіи на душу (тональность), въ ихъ впечатлѣніи на воспринимающій субъектъ, иначе, въ ихъ п р і я т н о с т и или н е п р і я т н о с т и . Это свойство отчетливо наблюдается въ сложныхъ звукахъ. Далеко не всякій аккордъ производитъ пріятное м у з ы к а л ь н о е впечатлѣніе. Оно бываетъ таковымъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда составляющіе его звуки находятся п о ч и с л у к о л е б а н і й в ъ с а м ы х ъ п р о с т ы х ъ к о л и ч е с т в е н н ы х ъ о т н о ш е н і я х ъ .(Какъ 1:2, 3:3, 3:4). Точно также далеко не всякое сочетаніе звуковъ по времени, т.е. послѣдовательности ихъ, производитъ музыкальное дѣйствіе. Послѣдовательность, производящая такое дѣйствіе, обладаетъ свойствомъ м е л о д и ч н о с т и .

Отъ качественно опредѣленныхъ звуковъ слѣдуетъ отличать ш у м ы , происходящіе отъ неперіодическихъ, безпорядочныхъ, быстро смѣняющихся движеній воздуха (напримѣръ, шумъ вѣтра, моря, выстрѣла, бряцанія цѣпи).

Богатый міръ звуковъ служитъ человѣку главнымъ средствомъ для передачи чувствъ и идей. Слухъ есть, по преимуществу, органъ высшей жизни духа, благодаря словесной рѣчи. Важность обладанія этимъ органомъ для интеллекта сказывается въ различіи между людьми, обладающими слухомъ, и глухонѣмыми, умственный кругозоръ которыхъ всегда ограниченъ. Этого недостатка не замѣчается у слѣпыхъ. Глухонѣмые, несмотря на всѣ приспособленія, изобрѣтенныя для ихъ интеллектуальнаго развитія, въ умственномъ и нравственномъ отношеніи оказываются въ состояніи полуребяческомъ. У слѣпыхъ, даже слѣпорожденныхъ, такихъ изъяновъ не наблюдается. Напротивъ, мы замѣчаемъ, въ нихъ особенную утонченность мысли. Не даромъ издревле слѣпцамъ приписывали особую силу поэтическаго творчества и глубокое пониманіе жизни.

Но слухъ, какъ источникъ познанія матеріальнаго міра, односторонненъ. Его отличительная черта заключается въ н е п р о т я ж е н н о с т и слуховыхъ ощущеній. Съ звуками, взятыми въ себѣ, не соединяется

прямой идеи о пространствѣ. Она дополняется уже послѣдующими опытами. Прямо черезъ слухъ мы не воспринимаемъ даже направленія звука, это возможно лишь послѣ долгаго опыта, устанавливающаго связь между слуховыми и осязательно-мускульными ощущеніями, которыя мы испытываемъ при поворачиваніи головы.

Поэтому въ познаніи в н ѣ ш н я г о м і р а з р ѣ н і е надо поставить выше с л у х а . Органъ зрѣнія, глазъ, есть подвижное двояковыпуклое зеркало, приноровленное къ самымъ сложнымъ оптическимъ дѣйствіямъ. Оно можетъ мѣнять и степень своей выпуклости. Самая важная часть глаза -сѣтчатка, представляющая изъ себя сложное развѣтвленіе зрительнаго нерва.Наиболѣе чувствительная часть сѣтчатки носитъ названіе желтаго пятна и при нормальномъ употребленіи глазъ мы вращаемъ глазные яблоки такъ, чтобы изображенія какого-нибудь предмета оба попали на желтыя пятна, чѣмъ обусловливается ясность нашего зрѣнія, и къ чему направленъ безсознательный поворотъ нашихъ глазъ въ сторону разсматриваемаго предмета.

Физика признаетъ, что условіе зрительныхъ впечатлѣній заключается въ движеніи эѳира. Эѳиръ есть чрезвычайно тонкая матеріальная среда, наполняющая пространство вселенной. Въ этой средѣ происходитъ колебательное волнообразное движеніе, которое воспринимается нашимъ зрѣніемъ. Можно сказать, что посредствомъ зрительнаго нерва мы о с я з а е м ъ колебанія этой тонкой среды, недоступной другимъ чувствамъ. Подобнымъ же образомъ мы и слухомъ нашимъ о с я з а е м ъ волнообразныя движенія воздуха. Такимъ образомъ, всѣ наши чувства, какъ это мы и раньше замѣтили, суть лишь различныя формы одного основного чувства - о с я з а н і я .

Въ зрительныхъ ощущеніяхъ мы воспринимаемъ колебанія эѳира. Эти колебанія, выражаемыя въ огромныхъ цифрахъ для каждой секунды, играя роль внѣшнихъ импульсовъ зрительныхъ ощущеній, различаются только к о л и ч е с т в е н н о . Не то представляютъ самыя ощущенія. Они рѣзко отличаются между собою по своему к а ч е с т в у . Бѣлый цвѣтъ качественно отличается отъ чернаго, синій отъ желтаго и т.д. Это нужно помнить прежде всего. Различія ощущеній не похожи на различія причинъ, ихъ вызвавшихъ. Не усвоивъ этой истины во всей ея ясности, нельзя понять основныхъ положеній о нашемъ непосредственномъ знаніи внѣшняго міра. Пока въ душѣ не явилось еще никакихъ ощущеній, во внѣшнемъ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ движенія эѳира, совершенно б е з ц в ѣ т н а г о . Одно движеніе выражается однимъ числомъ колебаній въ секунду, другое - дру-

гимъ. Но кромѣ этого различія чиселъ колебаній въ движеніяхъ среды, вызывающей зрительныя ощущенія, нѣтъ никакого другого. Одинъ и тотъ же эѳиръ двигается въ обоихъ случаяхъ; но, оказавъ воздѣйствіе на нашу душу, онъ вызываетъ въ одномъ случаѣ ощущеніе краснаго, въ другомъ зеленаго цвѣта. О самомъ числѣ колебаній эѳира мы ничего не узнаемъ изъ ощущеній зрѣнія; но за то получаемъ совершенно опредѣленное представленіе о двухъ качествахъ, ни въ чемъ не схожихъ между собою.

Итакъ, ощущенія зрѣнія различаются качественно. Мы воспринимаемъ безчисленное множество оттѣнковъ и цвѣтовъ. Но физика различаетъ семь основныхъ цвѣтовъ, изъ сочетанія которыхъ образуются остальные. Эти цвѣта суть : красный, оранжевый, желтый, зеленый, синій, голубой, фіолетовый. Бѣлый, черный и сѣрый не самостоятельны по происхожденію, хотя оригинальны въ ощущеніи. Б ѣ л ы й цвѣтъ можно образовать двоякимъ путемъ: или черезъ соединеніе всѣхъ цвѣтовъ, или черезъ соединеніе различныхъ паръ цвѣтовъ. Напримѣръ, оранжеваго съ синимъ, желтаго съ синимъ, краснаго съ зелено-синимъ и зелено-желтаго съ фіолетовымъ. Эти цвѣта называются дополнительными. Изъ семи цвѣтовъ спектра также не всѣ считаются самостоятельными по физіологическому происхожденію(въ нервномъ процессѣ). Одни физіологи, напримѣръ, Гельмгольцъ, признаютъ такими 3: красный, зеленый, фіолетовый. Другіе, какъ ,напримѣръ, Вундтъ, - 4: красный, желтый, зеленый и синій.

Я указывалъ, что къ воспріятіямъ чисто зрительнымъ къ актамъ зрѣнія присоединяются ощущенія мускульныя. Они даютъ идеи о разстояніи и о формѣ предметовъ. Мы измѣняемъ положеніе глазного яблока и даемъ различное схожденіе и расхожденіе глазамъ, смотря по разстоянію. Съ другой стороны, мы слѣдимъ за линіями формъ предметовъ. Мускульныя ощущенія при всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ различны. Ихъ различіе обусловливаетъ различіе нашихъ понятій о предметахъ, послѣ того какъ опытъ указалъ намъ ихъ значеніе.

Роль зрѣнія въ познаніи внѣшняго міра огромна. (9/10 чувственныхъ познаній пріобрѣтается путемъ зрѣнія). Этотъ фактъ понятенъ. Зрѣніе есть самое тонкое чувство, оно отвѣчаетъ на самыя неуловимыя измѣненія внѣшней среды. Свѣтовые лучи солнца отражаются отъ всѣхъ окружающихъ насъ предметовъ, даже самыхъ отдаленныхъ. Другое свойство зрѣнія - опредѣленность его воспріятій. Увидавъ предметъ, мы сразу получаемъ о немъ представленіе весьма отчетливое, во всякомъ случаѣ болѣе отчетливое, нежели услыхавъ только произведенный имъ звукъ или только ощупавъ его. Посредствомъ зрѣнія мы иногда однимъ взглядомъ усматриваемъ самыя сложныя отношенія между вещами, до которыхъ долго пришлось бы намъ добираться помощью другихъ чувствъ, даже помощью, осязанія, наиболѣе совер-

шеннаго и въ нѣкоторой степени замѣняющаго зрѣніе .

5) Послѣ сдѣланнаго краткаго обзора дѣятельности и значенія нашихъ внѣшнихъ чувствъ, перейдемъ теперь къ вопросу о происхожденіи и постепенномъ развитіи содержанія нашей психической жизни. Какъ я уже говорилъ, съ ощущеній н а ч и н а е т с я жизнь нашего сознанія. Они суть тѣ первыя данныя, которыя пробуждаются въ нашей сознательной сферѣ и даютъ толчокъ къ ея дальнѣйшему развитію. Но, въ то же время, Джемсъ Селли правъ, когда сравниваетъ чувственныя впечатлѣнія только съ азбукой, съ помощью которой мы складываемъ предстоящіе намъ предметы : чтобы обнять или познать какой нибудь предметъ, мы должны сложить буквы этой азбуки, подобно тому, какъ мы складываемъ отдѣльныя буквы, чтобы прочитать слово. Въ самомъ дѣлѣ, чистыя ощущенія въ ихъ подлинной, ни съ чѣмъ не смѣшанной, природѣ, доступны развѣ душѣ новорожденнаго младенца или, напримѣръ, слѣпорожденнымъ, когда благодаря счастливой операціи, они впервые начинаютъ видѣть. И во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ поразительное различіе между содержаніемъ сознанія, впервые открывшагося для извѣстныхъ ощущеній, и содержаніемъ зрѣлаго и развитого сознанія. Напримѣръ, человѣкъ, въ первый разъ получившій зрѣніе, не видитъ передъ собою никакихъ предметовъ, да не видитъ и окружающаго его пространства. Онъ видитъ только пестрый хаосъ неопредѣленныхъ пятенъ на самомъ своемъ глазу. Видимый міръ раздвигается и оформливается для него постепенно, черезъ сложный рядъ сопоставленій зрительныхъ впечатлѣній съ показаніями осязанія и мускульнаго чувства. Иногда это развитіе въ какомъ нибудь отношеніи задерживается, и тогда получаются факты весьма интересные. Извѣстенъ, напримѣръ, случай съ заключеннымъ, который ничего не видѣлъ, кромѣ своей тюрьмы . Ее онъ видѣлъ также, какъ ее видѣли бы мы, но когда онъ взглядывалъ въ окно, ему представлялась на стеклѣ какая то движущаяся плоская картина, въ которой не было никакой глубины, т.е. не будучи знакомъ съ міромъ за предѣлами тюрьмы, онъ не могъ усмотрѣть въ немъ и всѣхъ пространственныхъ измѣреній. Вообще ощущенія, какъ они даны въ нашемъ наличномъ сознаніи, находятся въ широкихъ и разнообразныхъ связяхъ съ другими психическими фактами; они сливаются съ ними въ неразрывное цѣлое и совсѣмъ теряютъ свой первоначальный непосредственный обликъ. Положимъ, мы встрѣчаемъ на улицѣ человѣка, поражающаго насъ своимъ огромнымъ ростомъ. Замѣчаемъ ли мы при этомъ, что этотъ великанъ въ полѣ нашего зрѣнія занимаетъ несравненно меньшее мѣсто, чѣмъ, напримѣръ, нашъ мизинецъ, когда мы его держимъ передъ собою ? Подобнымъ же образомъ, луна намъ кажется величиною въ добрую тарелку, а между тѣмъ мы закроемъ ее самымъ маленькимъ клочкомъ бумаги, если будемъ его держать близко къ глазу. И все же бумажка и мизинецъ не кажутся намъ большими,

а луна и великанъ не представляются маленькими. Нѣтъ никакого сомнѣнія: въ нашемъ чувственномъ опытѣ к а ж у щ і я с я свойства наблюдаемаго имѣютъ несравненно большее значеніе, чѣмъ его дѣйствительныя свойства, какъ данныя ощущеній.

Ощущенія - это только матеріалъ для синтезирующей дѣятельности нашего сознанія. И эта синтезирующая дѣятельность въ свойственныхъ ей формахъ объединенія, различенія, сравненія, отожествленія съ сознаннымъ раньше, неузнаваемо мѣняетъ матеріалъ, на который она направлена. Положимъ, мы наблюдаемъ яблоко. Изъ чего слагается наше наблюденіе ? Изъ самыхъ разнообразныхъ зрительныхъ ощущеній отъ его окраски, изъ мускульныхъ ощущеній отъ его формы (при движеніи глаза), изъ осязательныхъ и мускульныхъ ощущеній отъ его твердости. Если мы узнаемъ при этомъ, что это я б л о к о , а не что нибудь другое, мы тѣмъ самымъ вспоминаемъ зрительныя, вкусовыя, мускульныя, осязательныя ощущенія, которыя получили отъ него раньше. Но что же это все такое ? Вѣдь, это впечатлѣнія различныхъ чувствъ, дѣйствующія на р а з н ы е органы и нервы, которые, какъ насъ учитъ физіологія, передаютъ эти впечатлѣнія въ совсѣмъ р а з л и ч н ы е мозговые центры, иногда весьма отдаленные другъ отъ друга. Мы имѣемъ здѣсь скопленіе самыхъ разнородныхъ ощущеній. И тѣмъ не менѣе наше сознаніе усваиваетъ и оцѣниваетъ эти ощущенія, какъ о д и н ъ п р е д м е т ъ , какъ о д н о я б л о к о . Тамъ, гдѣ наша чувственность даетъ только разнообразіе и множественность, наше сознаніе ставитъ знакъ равенства и внутренняго единства: въ отдѣльныхъ ощущеніяхъ оно усматриваетъ лишь показателей о д н о г о предмета, свойства о д н о г о носителя. Это единство предмета или носителя не дано ни въ какомъ внѣшнемъ чувствѣ , - чувства доставляютъ только индивидуально обособленныя образованія, т.е. отдѣльныя ощущенія, и ничего болѣе, -это единство вносится нашею мыслью. Т а к а я с л и в а ю щ а я р а з л и ч н ы я о щ у щ е н і я в ъ п р е д с т а в л е н і я о т д ѣ л ь н ы х ъ п р е д м е т о в ъ д ѣ я т е л ь н о с т ь д у ш и в ъ п с и х о л о г і и н а з ы в а е т с я в о с п р і я т і е м ъ . Нужно хорошенько усвоить себѣ значеніе этого важнаго психологическаго термина : в о с п р і я т і я никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ о щ у щ е н і е м ъ . Если уже при ощущеніи нашъ духъ не вполнѣ пассивенъ, потому что всякое ощущеніе дѣлается возможнымъ только черезъ синтезъ послѣдовательныхъ моментовъ, то тѣмъ болѣе наша активность сказывается въ воспріятіи : въ немъ наличныя ощущенія синтезируются съ содержаніемъ всего прошлаго опыта, и, такъ сказать, растворяются въ немъ. Далѣе, наши ощущенія по существу с у б ъ е к т и в н ы : вѣдь въ непосредственномъ ощущеніи ничего не дано, кромѣ тѣхъ или иныхъ пя-

тенъ въ полѣ нашего зрѣнія, тѣхъ или иныхъ мускульныхъ движеній, тѣхъ или иныхъ впечатлѣній нашей кожи, языка, носа. Напротивъ, воспріятіе объективно по самой своей сути : воспріятіе есть дѣятельность души, соединяющая ощущенія, какъ знаки внѣшняго предмета, или относящая ощущенія къ внѣшнему предмету. Только благодаря актамъ воспріятія, окружающій насъ міръ получаетъ для насъ свою внѣшность. Если бы воспріятій въ насъ не было, мы знали бы только состоянія нашего собственнаго тѣла, не имѣя однако, никакого понятія о самомъ тѣлѣ : вѣдь и представленіе о своемъ тѣлѣ, какъ нѣкоторомъ единомъ предметѣ, мы получаемъ только чрезъ синтезирующую дѣятельность воспріятія.

Всѣмъ этимъ опредѣляется психологическій смыслъ вопроса о внѣшнемъ мірѣ. Наши ощущенія суть субъективные психическіе продукты, - эту истину мы можемъ считать доказанною. Въ природѣ нѣтъ свойствъ, которыя равнялись бы тому, что непосредственно ощущается нами, - это также можно считать несомнѣннымъ. Въ природѣ нѣтъ цвѣтовъ, звуковъ, вкусовъ. Въ природѣ существуютъ только механическія состоянія, движенія физическаго или химическаго порядка, вызывающія эти ощущенія. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрятъ обыкновенно. Но дѣло не мѣняется, если мы станемъ на точку зрѣнія монадологической теоріи : мы не можемъ приписать монадамъ чувственныхъ качествъ ни въ объективномъ (разъ онѣ не протяженны и не имѣютъ внѣшнихъ признаковъ вообще, - у нихъ не можетъ быть ни цвѣта, ни вкуса, ни запаха), ни даже въ субъективномъ смыслѣ непремѣнно переживаемыхъ ими ощущеній. Можемъ ли мы думать, что всѣ монады ощущаютъ также, какъ мы? Но, если каждый элементъ воспринимаемаго міра(каждый звукъ, каждый запахъ, каждый цвѣтъ), есть произведеніе души, то и весь воспринимаемый міръ въ его цѣломъ есть также ея созданіе. Видимый нами міръ субъективенъ. Мы не соприкасаемся въ нашемъ воспріятіи съ самою внѣшнею дѣйствительностью, какъ она есть, - мы созерцаемъ только ея подобіе, созданное духомъ. Говоря иначе, это утвержденіе означаетъ, что міръ не переносится и не входитъ съ своими свойствами въ познающее Я, что внѣшнее намъ и остается внѣ насъ. Воспріятіе есть актъ души и элементы его также духовны, какъ и во всякомъ другомъ психическомъ актѣ.

Въ этомъ пунктѣ заключается наибольшее противорѣчіе психологіи съ обыкновеннымъ сознаніемъ. Обыкновенное сознаніе, обыкновенная человѣческая оцѣнка признаетъ, что мы видимъ, осязаемъ, слышимъ самые пр ед-

п р е д м е т ы , что въ нашемъ воспріятіи представляется міръ, какъ онъ есть въ себѣ. Психологія утверждаетъ, что міръ видимый есть только о т р а ж е н і е міра дѣйствительнаго, только его копія, притомъ, далеко не точная. Психологія уподобляетъ сознаніе з е р к а л у . Въ зеркалѣ нѣтъ самыхъ вещей, которыя мы въ немъ видимъ, а только ихъ образы или подобія.

Въ виду этого самъ собою возникаетъ вопросъ: всѣ ли воспринимаемыя свойства вещей идеальны или субъективны, или можно указать между ними такія, которыя принадлежатъ самымъ вещамъ ? На этотъ вопросъ существуетъ двоякій отвѣтъ, смотря по тому какое толкованіе мы дадимъ ему: если спрашивается, существуютъ ли между этими свойствами такія, которыя соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ свойствамъ, отражаютъ или и з о б р а ж а ю т ъ ихъ, то отвѣтъ, конечно, долженъ быть у т в е р д и т е л ь н ы м ъ , если только мы не станемъ на сторону той теоріи, которая признаетъ все существующее только нашей субъективной иллюзіей, и которая, если приступить къ ней съ серьезнымъ анализомъ, совершенно распадается въ логическихъ противорѣчіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, такія свойства, какъ бытіе, сила, взаимная связь, множественность, единство, очевидно, должны принадлежать самымъ вещамъ, - иначе никакихъ вещей и нѣтъ. Точно также всѣ соображенія вѣроятности заставляютъ думать, что въ самихъ вещахъ существуютъ такія то отношенія, процессы, качественныя и количественныя опредѣленія, вызывающія особенности нашихъ ощущеній. Но совсѣмъ другой вопросъ, воспринимаемъ ли мы с а м ы я эти опредѣленія и отношенія. Поясню свою мысль примѣромъ : п р о с т р а н с т в о и в р е м я суть двѣ основныя формы, подъ которыми мы созерцаемъ внѣшнюю, а подъ формою времени и внутреннюю н а ш у природу. Только благодаря пространству мы различаемъ в н ѣ ш н е е и в н у т р е н н е е . Нѣтъ ничего труднѣе, какъ представить себѣ, чтобы это пространство, которое есть для нашего наблюденія условіе внѣшней реальности (только чрезъ него мы ясно представляемъ с в о е бытіе и ч у ж о е , какъ поставленныя рядомъ), чтобы оно было чисто внутреннимъ явленіемъ, только ф о р м о й созерцанія, какъ говорилъ Кантъ. И все таки въ основѣ ученія Канта о пространствѣ и времени ,несомнѣнно, лежитъ важная психологическая истина. Что такое видимое или вообще ощущаемое пространство ? Оно есть воспринимаемая нами въ одномъ плоскомъ образѣ сумма ощущаемыхъ протяженностей. Протяженностей чего же ? Видимыхъ цвѣтовъ (цвѣтовыхъ фигуръ), осязаемыхъ формъ, ощущаемыхъ мускульныхъ движеній. Но цвѣта, ощущенія, осязанія или движенія суть чисто субъективныя состоянія души, ихъ, какъ ощущеній, нѣтъ въ самой природѣ , - слѣдовательно, непосредственно ощущаемая протяженность, какъ ихъ признакъ, также субъективна, какъ и они.

Если даже предположимъ, что пространство существуетъ и во внѣшнемъ мірѣ, какъ самобытная форма вещей, какъ ихъ въ себѣ реальное абсолютное вмѣстилище, то во всякомъ случаѣ, оно въ этомъ своемъ качествѣ, не можетъ войти въ душу и сдѣлаться предметомъ ея созерцанія. Поэтому видимое пространство есть только я в л е н і е д у х а , оно не внѣ насъ, а внутри, оно не настоящее, а отраженное, н е р е а л ь н о е , а и д е а л ь н о е. Его отношеніе къ дѣйствительному пространству такое же, какое существуетъ между дѣйствительною комнатою и тою, которая видна въ зеркалѣ. О внѣшнемъ мірѣ мы ничего не знаемъ, кромѣ отраженій. П р о с т р а н с т в о и в р е м я , воспринимаемыя нами во внѣшней намъ дѣйствительности, такія же отраженія, какъ и всякое другое воспріятіе .

Но если душа никогда не выходитъ изъ своихъ предѣловъ, какъ возможно воспріятіе наблюдаемаго міра, какъ внѣшняго ? Откуда взялся пространственный характеръ ощущеній ? Почему они являются нашему самочувствію облеченными мѣстными опредѣленіями (пріуроченными къ извѣстнымъ мѣстамъ)? Это также очень трудная задача нашей науки . Въ рѣшеніи ея можно отмѣтить двѣ противоположныя теоріи : н а т и в и с т и ч е с к у ю и г е н е т и ч е с к у ю . Нативисты утверждаютъ, что нѣкоторыя ощущенія обладаютъ свойствомъ протяженности (хотя идеальной, т.е. субъективной, а не физической; она ощущается, какъ что то имѣющее мѣсто и растянутое). Наша отвлеченная идея пространства постепенно слагается изъ этой прямо ощущаемой протяженности нѣкоторыхъ ощущеній. Генетисты, напротивъ, учатъ, что всѣ наши ощущенія первоначально одинаково лишены всякихъ признаковъ протяженности. Ощущенія зрѣнія и осязанія первоначально также непротяженны, какъ непротяженны для насъ и ощущенія слуха или внутреннія рѣшенія нашей воли. Всѣ признаки протяженности возникаютъ въ нашихъ ощущеніяхъ постепенно, путемъ сложнаго опыта. Первыя систематическія попытки провести этотъ послѣдній взглядъ сдѣлала англійская психологія, защищающая совершенную п р о и з в о д н о с т ь всего содержанія идеи пространства. Теорія англійскихъ психологовъ состоитъ въ слѣдующемъ : первоначально въ душѣ нѣтъ различія между субъективнымъ и объективнымъ. Все одинаково представляется чисто внутреннимъ состояніемъ души. Протяженности, какъ, признака ощущеній, нѣтъ еще совсѣмъ. На первоначальной стадіи развитія жизнь души есть цѣпь смѣняющихся внутреннихъ актовъ , - совсѣмъ н е п р о т я ж е н н ы х ъ . Вначалѣ нѣтъ никакого Я, но, нѣтъ и не Я; все слито въ безразличномъ единствѣ. Только послѣ ряда опытовъ (по преимуществу мускульнаго чувства) изъ не произвольныхъ перерывовъ нашихъ ощущеній, напримѣръ, въ движеніяхъ руки, мы убѣждаемся, что есть , что то в н ѣ н а с ъ . При наталкиваніяхъ на внѣшнія препятствія, мы постепенно создаемъ идею пространства. Такова теорія Брауна и его послѣдо-

вателей.

Не трудно, однако, видѣть, что эта теорія не исчерпываетъ предмета и даетъ довольно поверхностное рѣшеніе вопроса. Она явно заранѣе предполагаетъ то, что хочетъ вывести. Объяснять перерывъ внутренней цѣпи состояній и з ъ в н ѣ ш н е й (въ геометрическомъ смыслѣ) п р и ч и н ы можно только тогда, если въ сознаніи есть уже идея в н ѣ ш н о с т и , т.е. пространства. Но, откуда она возьмется, если опытъ самъ по себѣ ея не даетъ, и если, какъ это думаютъ англійскіе психологи, всѣ состоянія души одинаково не имѣютъ никакого пространственнаго характера ? Далѣе, пространственное воспріятіе въ этой теоріи отожествляются съ умозаключеніями къ внѣшнему міру, но мы вѣдь не только умозаключаемъ къ пространству, а в и д и м ъ е г о или ощущаемъ. Слѣдовательно, даже и признавъ гипотезу англійскихъ ученыхъ мы, все таки, будемъ вынуждены предположить какой то чистый творческій актъ души, ни изъ какого опыта не объяснимый, въ извѣстный моментъ создающій наглядно созерцаемую идею протяженности, которой въ опытѣ раньше совсѣмъ не было. Но тогда все таки выйдетъ, что идея пространства есть нѣчто оригинальное, творчески данное въ насъ, хотя и ставшее передъ сознаніемъ уже п о с л ѣ опредѣленной эволюціи ощущеній. Итакъ, гипотеза англичанъ съ ея страннымъ признаніемъ непротяженности зрительныхъ, мускульныхъ и осязательныхъ ощущеній ни чем помочь не можетъ: идея протяженности все-таки останется оригинальнымъ достояніемъ души. Другое дѣло, если мы признаемъ большую постепенность въ развитіи опредѣленныхъ пространственныхъ представленій. Опытный глазъ точно опредѣляетъ количество шаговъ, отдѣляющихъ насъ отъ какого - нибудь предмета. Напротивъ, слѣпорожденный впервые получившій зрѣніе видитъ лишь пятна на собственномъ глазу : н о п я т н а э т и в с е - т а к и п р о т я ж е н н ы , обладаютъ извѣстной геометрической величиной, имѣютъ контуры, хотя бы неясные и т.п. Протяженіе въ нихъ, слѣдовательно, все-таки есть .(Хотя первоначально, зрѣніе ,повидимому, даетъ только два измѣренія пространства - ширину и высоту ; третье измѣреніе, выражающееся въ разстояніи предмета отъ насъ, усматривается уже послѣ черезъ сопоставленіе зрительныхъ опытовъ между собою и съ показаніями другихъ чувствъ). Самая первая идея о пространствѣ возникаетъ, повидимому, изъ общаго чувства массивности, объема нашего тѣла и множественности отдѣльныхъ мѣстъ въ насъ. Когда у насъ одновременно болитъ голова и печень или зубы съ разныхъ сторонъ ,мы непосредственно чувствуемъ, что источники боли находятся въ различныхъ мѣстахъ . Когда насъ заразъ давятъ въ грудь и спину, мы чувствуемъ давящія поверхности не въ одномъ мѣстѣ, а, напротивъ, ощущаемъ, что между ними что - то есть, что сдавливается и стѣсняется.

Въ виду всего этого ,я считаю гораздо болѣе правдоподобнымъ признать нѣкоторое первоначальное различіе душевныхъ явленій. Одни съ самаго начала возникаютъ передъ нами, какъ образы чего то внѣшняго намъ, другія суть наши собственные акты. По крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ изъ ощущеній, куда надо отнести зрительныя, осязательныя,органическія самимъ по себѣ присущъ признакъ протяженности, у другихъ же его нѣтъ. Только черезъ это возможно объяснить развитіе и тѣхъ сложныхъ представленій о пространствѣ, которыя образуются въ сознаніи зрѣлаго человѣка.— Пространство даетъ одинъ элементъ въ представленіи внѣшняго міра. Идея в н ѣ ш н е й с и л ы или с о п р о т и в л е н і я даетъ другой элементъ, помощію котораго слагается наше понятіе о тѣлесностивнѣшнихъ предметовъ. Откуда является эта идея ? Она познается только черезъ наши собственныя усилія. Чтобы сознать насильственность остановки какого нибудь нашего движенія, нужно чтобы движеніе это было н а ш и м ъ а к т о м ъ . Препятствіе предполагаетъ д ѣ я т е л ь н о с т ь которой оно помѣшало. Недостаточно сослаться на мускульныя ощущенія, чтобы объяснить все содержаніе идеи внѣшней силы. Безъ нихъ, правда, не было бы этой идеи въ насъ, но это только потому, что въ мускульныхъ движеніяхъ воплощается наша собственная воля, что они находятся въ нѣкоторомъ особомъ отношеніи къ нашему внутреннему существу. Будь ощущенія мускульнаго чувства такъ же пассивны, какъ ощущенія зрѣнія, они бы не дали никакой идеи внѣшней силы или сопротивленія; экспериментъ показываетъ, что когда мускульныя ощущенія вызваны не нашею волею, а какими - нибудь внѣшними стимулами, они не вызываютъ сознанія усилія, и препятствія для мускульныхъ движеній въ такихъ случаяхъ уже не испытываются, какъ с о п р о т и в л е н і е . Здѣсь мы пришли къ очень важному положенію: если бы въ насъ не было воли, мы бы не знали м і р а . Черезъ борьбу съ нею онъ безусловно р е а л е н ъ для насъ, такъ какъ она сама для насъ безусловно реальна. Жизнь духа есть непрерывное взаимодѣйствіе двухъ половинъ или полюсовъ сознанія , - нашего Я и не Я, внѣшняго міра и внутреннихъ дѣйствій. Въ нашемъ непосредственномъ сознаніи дана изначальная противоположность субъекта и объекта, духа и внѣшней природы, и потому она и отражается постоянно въ нашей сознательной жизни. Одни явленія нашей души мы неизбѣжно и непосредственно разсматриваемъ, какъ ея внутреннія опредѣленія, какъ ея акты и состоянія. Другія обнаруживаютъ совсѣмъ иной характеръ: мы видимъ въ нихъ выраженіе дѣйствительности, внѣшней душѣ. Они слагаются въ нашемъ воззрѣніи въ картину міра и мы съ непреодолимою увѣренностью приписываемъ этой картинѣ независимость отъ нашего произвола и внутреннюю самобытность. Эта картина возникаетъ въ насъ, но мы твердо знаемъ, что она н е о т ъ н а с ъ. Другими словами, м ы н ѣ ч т о в о с п р и н и м а е м ъ в ъ с е-

бѣ, какъ чуждое себѣ, какъ реальность отъ насъ независимую

Но какъ можетъ возникнуть подобное представленіе ? Мы видѣли уже, что чувственный опытъ во всѣхъ своихъ опредѣленіяхъ есть продуктъ духовной дѣятельности и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, потому что онъ состоитъ изъ нашихъ ощущеній, а ощущеній внѣ духовныхъ центровъ нѣтъ. Почему же наше сознаніе непосредственно убѣждено въ реальности видимаго міра ?

Повторяю этотъ фактъ былъ бы необъяснимъ, его слѣдовало бы признать роковою иллюзіею, еслибъ ключъ къ рѣшенію загадки не давала наша воля. Мы прежде всего сознаемъ себѣ дѣятельнымъ существомъ и сознаемъ это совершенно непосредственно, тѣмъ самымъ, что совершаемъ акты. Какія бы ни были ихъ внѣшнія формы, съ внутренней своей стороны они всѣ суть какія нибудь стремленія. Двигаясь, мы стремимся двигаться; размышляя, мы хотимъ думать и т.д. Во всякихъ нашихъ дѣйствіяхъ мы что нибудь полагаемъ отъ себя, слѣдовательно, основное ихъ свойство - добровольность : мы совершаемъ ихъ отъ себя. Но наши стремленія встрѣчаютъ препятствія внѣ насъ. Препятствіе есть неудовлетвореніе стремленія, остановка движенія. Если стремленіе исходитъ отъ насъ, остановка его можетъ происходить только не отъ насъ. Ея существенное свойство невольность. Сознавая стремленіе, мы сознаемъ и препятствіе, если оно есть. Это препятствіе на столько же реально для насъ, на сколько реально неудовлетворенное стремленіе. Мы глубоко сознаемъ реальность нашего внутренняго существа, слѣдовательно, мы одинаково сознаемъ реальность силы съ которой мы должны бороться.

Мы невольно воспринимаемъ одни явленія, но не другія. Мы невольно находимъ препятствія для нашихъ актовъ. Итакъ, внѣшній міръ сознается нами, какъ система свободныхъ отъ насъ, слѣдовательно, для насъ принудительныхъ и необходимыхъ силъ, на насъ воздѣйствующихъ. Это сознаніе неистребимо. Реальность міра доказывается и раскрывается реальностью нашей воли, а въ ея существованіи практически сомнѣваться невозможно.

6). Ощущеніе есть только самое первое начало духовной дѣятельности. Еслибъ вся духовная жизнь ограничивалась ощущеніями отдѣльныхъ чувствъ въ моментъ ихъ полученія, мы ничѣмъ не отличались бы отъ зеркала, въ которомъ каждый образъ исчезаетъ безслѣдно, когда удаленъ отъ него отражаемый предметъ. Но въ душѣ наблюдается совсѣмъ другое явленіе. Разъ возникшій въ насъ образъ - уже не исчезаетъ, онъ хранится въ душѣ и можетъ быть возобновленъ въ отсутствіе вызвавшаго воспріятіе предме-

та, хотя и не съ такою яркостью, какъ прежде. Одаренные способностью сохранять воспріятія, мы представляемъ себѣ прошлое. Способность сохранять воспріятія есть п а м я т ь . Отъ памяти, какъ общей способности, надобно отличать в о с п о м и н а н і е , какъ дѣятельность, посредствомъ которой мы возстановляемъ или воспроизводимъ наши прошлыя состоянія. Внутреннее воспроизведеніе воспріятій или вообще пережитыхъ душевныхъ состояній, называется представленіемъ . Способность запоминанія зависитъ во-первыхъ, отъ интенсивности полученныхъ впечатлѣній (болѣе яркія впечатлѣнія запоминаются лучше, болѣе тусклыя - хуже), во- вторыхъ, отъ ихъ количества (чѣмъ чаще мы получаемъ данное впечатлѣніе, тѣмъ лучше оно сохраняется въ нашей памяти),въ- третьихъ, въ зависимости отъ того интереса, и вниманія, съ которымъ мы къ нимъ относимся.Наконецъ, въ- четвертыхъ, отъ степени однородности представленій, полученныхъ вновь, съ старыми представленіями.

Процессы воспоминанія подчинены извѣстнымъ опредѣленнымъ з а к о н а м ъ . Эти законы впервые указаны Аристотелемъ. Впослѣдствіи они были почти совсѣмъ забыты, и открыты вновь извѣстнымъ англійскимъ философомъ Юмомъ. Они показываютъ, въ какомъ порядкѣ одни представленія вызываютъ другія, т.е. какимъ образомъ - переживаемыя теперь состоянія нашей души, вызываютъ въ сознаніи состоянія, пережитыя прежде. Законы эти указываютъ связь однихъ нашихъ представленій , съ другими. Они иначе называются законами ассоціаціи .

Самый первый и основной между ними есть законъ с м е ж н о с т и . Наиболѣе общая и простая его формула будетъ слѣдующая : в е щ и в о с п о м и н а ю т с я т ѣ м ъ, к а к ъ м ы и х ъ в о с п р и н и м а л и , - въ томъ же самомъ порядкѣ. Слѣдовательно, между идеями воспроизводящими прошлую дѣйствительность, существуетъ связь и в о с п р о и з в е д е н і е о д н о й влечетъ за собою воспроизведеніе д р у г о й . Отсюда получается болѣе распространенная и спеціальная формула закона с м е ж н о с т и . Д в и ж е н і я , о щ у щ е н і я , м ы с л и , с о с т о я н і я , ч у в с т в а и а к т ы в о л и , с о з н а в а е м ы я н а ш е ю д у ш о ю о д н о в р е м е н н о и л и в ъ т ѣ с н о м ъ п р е е м с т в ѣ , с о е д и н я ю т с я м е ж д у с о б о ю т а к ъ , ч т о п р и в о з о б н о в л е н і и о д н о г о и з ъ н и х ъ в ъ с о з н а н і и , д р у г і я с т р е м я т с я в о з о б н о в и т ь с я т а к ж е в м ѣ с т ѣ с ъ н и м ъ . Тутъ дѣло идетъ именно о стремленіи къ воспроизведенію, а не о непремѣнной наличности факта воспоминанія. Различныя препятствія могутъ остановить процессъ воспоминанія, но тенденція представленій къ повторенію, о которой мы го-

воримъ, тѣмъ не менѣе остается. Такое подробное перечисленіе сдѣлано въ этой формулѣ для того, чтобы показать, что законъ смежности распространяется на всѣ душевныя состоянія, а не на какія нибудь ихъ спеціальные отдѣлы. Изъ нея видно также, что она относится не только къ идеямъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, но что выраженному ею закону подчинены до нѣкоторой степени и наши тѣлесныя состоянія. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствіе этого закона замѣчается въ самыхъ различныхъ состояніяхъ, переживаемыхъ нами, и имъ обусловливаются чрезвычайно важныя процессы душевной жизни. Прослѣдимъ его дѣйствіе въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Въ-первыхъ, разсмотримъ д в и ж е н і я н а ш е г о т ѣ л а. Мы запоминаемъ рядъ движеній, нами сдѣланныхъ, и тѣмъ лучше, чѣмъ чаще совершали движенія. Мы запоминаемъ ихъ въ т о м ъ ж е п о р я д к ѣ, какъ ихъ совершали и черезъ это получаемъ возможность съ каждымъ разомъ производить ихъ все болѣе и болѣе легко. На этомъ свойствѣ основывается важное значеніе у п р а ж н е н і я въ движеніяхъ. Путемъ упражненія нѣкоторыя дѣйствія становятся привычными, ихъ порядокъ является какъ бы помимо сознанія, самъ собою. Вліяніе этого выраженія закона смежности на практическую жизнь весьма обширно. Всѣ дѣйствія, даже самыя простыя, совершаются сначала съ трудомъ, неувѣренно потомъ легче и какъ бы совсѣмъ помимо выбора. Напримѣръ, какъ ребенокъ учится ходить ? Сначала каждый его шагъ есть результатъ напряженныхъ, не всегда удачныхъ, усилій, потомъ всѣ сложные акты хожденія, настолько сливаются у него въ одно цѣлое, что прежній контроль надъ ними совершенно отпадаетъ. То же мы наблюдаемъ и въ различныхъ ремеслахъ или искусствахъ. Ремесленники безотчетно запоминаютъ ряды ,иногда весьма сложныхъ движеній, необходимыхъ для ихъ дѣла. Точно также музыканты достигаютъ быстрой и безошибочной игры самыхъ длинныхъ піесъ.

Во- вторыхъ, подъ вліяніемъ закона смежности могутъ соединяться ощущенія о д н о г о и т о г о ж е ч у в с т в а. Такъ, напримѣръ, с в я з ь о щ у щ е н і й о с я з а н і я сказывается ,въ тѣхъ случаяхъ, когда мы узнаемъ предметы въ темной комнатѣ и, коснувшись ихъ, вспоминаемъ ихъ тяжесть, величину и т.д. Особенно важное значеніе ассоціаціи этого рода имѣютъ для слѣпыхъ. Они весь міръ представляютъ въ терминахъ осязанія. Или, если обратимся къ области о щ у щ е н і й с л у х а , то убѣдимся, что въ ней мы имѣемъ цѣлые ряды сложныхъ ассоціацій при запоминаніи мотивовъ, отдѣльныхъ словъ въ языкѣ мало знакомомъ, стихотвореній или цѣлыхъ рѣчей. Такія же ассоціаціи мы наблюдаемъ и въ ощущеніяхъ зрѣнія. Такъ мы можемъ воспоминать видѣнное нами иногда въ самыхъ тонкихъ подробностяхъ и въ томъ самомъ порядкѣ, какъ на-

блюдали.

Въ третьихъ, дѣйствіе закона смежности обнаруживается при ассоціированіи ощущеній р а з л и ч н ы х ъ ч у в с т в ъ . Движенія, осязательныя, мускульныя ощущенія связываются съ слуховыми, зрительными и другими. Такъ, коснувшись предмета, мы вспоминаемъ его образъ, видѣнный нами. Вообще по одному ощущенію мы способны у з н а в а т ь предметъ, т.е. вспоминать самыя разнообразныя ощущенія, имъ вызванныя. Такъ, напримѣръ, почувствовавъ запахъ плода, мы вспоминаемъ его видъ и вкусъ. На ассоціаціи ощущеній различныхъ чувствъ основывается возможность воспріятія. На ней же основывается въ значительной степени с п о с о б н о с т ь р ѣ ч и : слыша названія, мы вспоминаемъ предметы. Наоборотъ, когда мы видимъ или воображаемъ предметы, то вспоминаемъ ихъ названія. Точно также можно вспомнить удовольствія, страданія, желанія и вообще событія внутренней жизни въ связи съ различными предметами.

Но о какихъ бы ассоціаціяхъ рѣчь ни шла, абсолютной, фотографической вѣрности мы въ нихъ не наблюдаемъ. Отдѣльныя звенья въ нихъ неизбѣжно выпадаютъ, отдѣльныя воспоминанія сливаются, воспоминаемые образы гораздо тусклѣе воспринятыхъ непосредственно. Однако, живописцы, напримѣръ, запоминаютъ самыя сложныя картины природы съ тончайшими оттѣнками. Они обладаютъ сильной способностью, встрѣтивъ кого- нибудь, воспроизводить его образъ. (Извѣстенъ случай, когда эта способность доходила до галлюцинацій. Одинъ живописецъ обладалъ такою яркостью памяти, что усиліемъ воображенія могъ прямо видѣть передъ собою встрѣченныя имъ лица и фигуры. Воспоминаемый имъ образъ онъ сажалъ передъ собой на кресло и рисовалъ его, не нуждаясь ни въ какомъ оригиналѣ. Это кончилось для него очень дурно: онъ сошелъ съ ума. Но самый фактъ возможности такого галлюцинаторнаго воспроизведенія весьма характеренъ).

Разсмотрѣвъ наиболѣе рѣзкія проявленія закона смежности, мы перейдемъ теперь ко второму закону ассоціацій идей, которому обыкновенно приписываютъ такое же значеніе, какъ и закону с м е ж н о с т и . Это есть з а к о н ъ с х о д с т в а . Онъ обыкновенно выражается въ слѣдующей формулѣ : д ѣ й с т в і я , о щ у щ е н і я , м ы с л и , ч у в с т в а , п е р е ж и в а е м ы я н а м и в ъ н а с т о я щ і й м о м е н т ъ , с т р е м я т с я о ж и в и т ь в ъ н а ш е й п а м я т и с х о д н ы я с ъ н и м и п р о ш л ы я в п е ч а т л ѣ н і я и л и с о с т о я н і я д у ш и . (Вэнъ). Примѣровъ дѣйствія этого закона въ нашей душевной жизни очень много: Одни зрительныя ощущенія вызываютъ въ нашей памяти другія, сходныя съ ними. Напримѣръ, одна вещь вызываетъ въ памяти другую потому только, что она сходна съ нею по фигурѣ, цвѣту, объему и т.д. Взглянувъ на портретъ,

мы вспоминаемъ его оригиналъ. Одно лицо напоминаетъ другое, на него похожее. То же самое замѣчается и въ ощущеніяхъ слуха: напр., одна мелодія напоминаетъ намъ другую съ ней сходную. Звуки одного голоса вызываютъ въ насъ воспоминаніе о другомъ голосѣ. Къ какимъ бы группамъ явленій духа мы ни обратились, во всѣхъ одинаково мы найдемъ подтвержденіе всеобщаго дѣйствія этого закона. Испытываемая б о л ь напоминаетъ другую, испытанную прежде, одинъ в к у с ъ напоминаетъ другой и т.д. Я не думаю, чтобъ было необходимо приводить еще примѣры дѣйствія закона с х о д с т в а на теченіе нашихъ представленій. Примѣры эти ежеминутно представляются сознанію каждаго. Нужно сдѣлать только одну оговорку. Настоящую и прямую область примѣненія этого закона составляютъ лишь тѣ случаи, въ которыхъ одно представленіе вызываетъ другое съ механическою и невольною безотчетностью. (Положимъ, когда портретъ невольно напоминаетъ свой оригиналъ). Но будетъ натяжкою и логическимъ злоупотребленіемъ видѣть, подобно англійскимъ психологамъ, въ законѣ сходства единственный двигатель всѣхъ умственныхъ процессовъ, въ которыхъ мы сознательно усматриваемъ какую либо однородность между познаваемыми предметами. Какъ увидимъ, въ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ нѣчто гораздо болѣе сложное, чѣмъ механику ассоціацій.

Рядомъ съ закономъ сходства въ психологіяхъ обыкновенно указывается еще з а к о н ъ к о н т р а с т а. Онъ формулируется такъ: О д н о п р е д с т а в л е н і е м о ж е т ъ в ы з в а т ь д р у г о е, е м у п р о т и в о п о л о ж н о е. Думая о бѣдности, мы вспоминаемъ о богатствѣ; мысль о скупости вызываетъ представленіе о щедрости, люди замерзающіе очень часто грезятъ о тепломъ углѣ или о жаркихъ лѣтнихъ дняхъ и т.д. Впрочемъ, не всѣ психологи согласны въ этомъ законѣ видѣть законъ самостоятельный. Производный характеръ его во многихъ случаяхъ очевиденъ. Вѣдь всѣ вещи, представляющія между собою контрастъ, въ извѣстномъ отношеніи оказываются о д н о р о д н ы м и. Такъ, бѣдность и богатство сходны въ томъ, что они обозначаютъ имущественное положеніе; холодъ и тепло - въ томъ, что они выражаютъ состоянія температуры и т.д.

Въ законахъ ассоціацій заключается тотъ механизмъ, дѣйствіемъ котораго наши воспоминанія воскресаютъ передъ нами. Но мы знаемъ уже, что въ явленіяхъ памяти замѣчается еще и другая сторона которая требуетъ себѣ иного объясненія: она состоитъ въ сознаніи реальности нашего прошлаго, въ непосредственной увѣренности, что теперешнія наши воспоминанія суть только копіи прежде пережитаго. Я уже говорилъ о загадочномъ характерѣ этого убѣжденія: вѣдь всѣ мои воспоминанія суть представленія настоящей минуты, сами по себѣ не имѣющія ни малѣйшаго

отношенія къ тому, что уже давно прошло, и чего совсѣмъ нѣтъ. Какъ мы можемъ такъ увѣренно сливать то, что единственно въ насъ дано (наши теперь протекающія представленія) съ тѣмъ, что уже нигдѣ и никакъ не существуетъ, что исчезло на вѣки ? Какъ мы уже знаемъ, единственно возможное объясненіе этого лежитъ въ единствѣ и внутреннемъ тожествѣ нашего сознающаго субъекта и въ нашемъ сознаніи этого тожества. Наши прежнія впечатлѣнія давно протекли, но остались мы сами, осталось наше Я, измѣнившееся въ своемъ внутреннемъ характерѣ отъ этихъ впечатлѣній, сохранилось неотдѣлимое отъ него отношеніе къ нимъ или, иначе сказать, связанное съ ними его самочувствіе. Это самочувствіе заслонено въ нашемъ Я новыми и болѣе свѣжими настроеніями, но оно все же осталось въ немъ въ общей суммѣ тѣхъ отношеній, съ точки зрѣнія которыхъ оно реагируетъ на все происходящее съ нимъ. Когда повторится старое впечатлѣніе, хотя бы въ ослабленной формѣ представленій, въ нашемъ Я проснется прежнее самочувствіе, которое оно узнаетъ, какъ уже данное въ немъ раньше, а черезъ это узнаетъ и впечатлѣніе, какъ уже пережитое когда - то. Если можно сдѣлать такое грубое сравненіе, впечатлѣніе (или представленіе о немъ) попадетъ на оставленную имъ въ нашемъ духѣ зарубку и тѣмъ напомнитъ о себѣ .Но это воспоминаніе будетъ еще очень неопредѣленнымъ, пока старое впечатлѣніе стоитъ одиноко. Только когда предъ нами пройдутъ цѣлые ряды воспроизведенныхъ впечатлѣній, узнанные въ своей прежней реальности, мы будемъ въ состояніи отнести ихъ къ опредѣленнымъ эпохамъ нашей прошлой жизни. Въ этомъ коренится великая роль законовъ ассоціаціи идей : только ихъ помощью мы имѣемъ ясныя воспоминанія. Но сколько представленій и иногда цѣлыхъ картинъ мелькаютъ передъ нашимъ сознаніемъ, которыя намъ знакомы и о которыхъ мы тѣмъ не менѣе совершенно не знаемъ, когда и какъ они возникли у насъ въ первый разъ, наблюдали ли мы что нибудь подобное или видѣли только во снѣ или прочитали въ книгѣ ?

7). Законы ассоціаціи идей играютъ настолько большую роль въ нашей душевной жизни, что многіе психологи, преимущественно англійской школы, - наиболѣе типичнымъ представителемъ которой является Бэнъ, - хотятъ въ нихъ видѣть единственный двигатель всѣхъ душевныхъ процессовъ, подобно тому, какъ астрономы всѣ движенія небесныхъ тѣлъ объясняютъ изъ закона тяготѣнія. Такую оцѣнку законовъ ассоціаціи нельзя не назвать сильно преувеличенною: взятые въ своей совокупности, они слишкомъ неопредѣленны по своему содержанію, чтобы въ нихъ видѣть дѣйствительно плодотворный принципъ для объясненія всѣхъ процессовъ души. Только одинъ изъ нихъ, - законъ смежности, - имѣетъ вполнѣ опредѣленный и точный смыслъ, но за то область его приложенія оказывается явно ограни-

ченной: онъ объясняетъ только факты памяти, запоминанія и воспоминанія. Законы сходства и контраста обладаютъ гораздо болѣе широкимъ содержаніемъ, но за то и гораздо менѣе опредѣленнымъ. Вѣдь всѣ идеи нашего сознанія въ какомъ -нибудь отношеніи имѣютъ сходство, въ какомъ нибудь отношеніи представляютъ контрастъ. Итакъ, утвержденіе господства законовъ ассоціаціи надъ всѣми процессами нашего духа не сведется ли къ простому признанію того, что всякая идея, при удобныхъ для того обстоятельствахъ (которыя,однако, въ содержаніи самихъ законовъ нисколько не предопредѣляются), можетъ сочетаться со всякою другою идеею ? Очевидно, сказать это значитъ сказать слишкомъ мало.

Ассоціаціи идей въ насъ обыкновенно раздѣляются на два типа : во-первыхъ, ассоціаціи механическія, которыя всплываютъ въ насъ невольно и безотчетно(напр.,увидѣвъ крыльцо хорошо знакомаго дома , я совершенно невольно припоминаю внутреннія комнаты дома. Услыхавъ первый стихъ какого-нибудь стихотворенія, я припоминаю дальнѣйшіе стихи); во-вторыхъ, такія сочетанія между представленіями, которыя вызываются избирающею дѣятельностью нашего ума, воображенія, воли.(Геометръ, напримѣръ, составляетъ рисунокъ, рѣшающій задачу; художникъ создаетъ въ своей фантазіи сцену, никогда не имѣвшую мѣста въ дѣйствительности;попавшій въ опасность человѣкъ составляетъ планъ объ ея устраненіи и т.д.). Собственно говоря, только ассоціаціи перваго типа, и то, какъ сейчасъ увидимъ,не всѣ,получаютъ въ общепринятыхъ законахъ ассоціаціи дѣйствительное и содержательное объясненіе: настоящая область ихъ примѣненія суть механическія или автоматическія ассоціаціи по смежности и сразу уловимому сходству .(Я вижу, напримѣръ, знакомую комнату и безотчетно вспоминаю происшедшее въ ней важное для меня событіе. Я вижу портретъ и совершенно безотчетно вспоминаю изображенный на немъ оригиналъ). Если воля и оказываетъ на нихъ вліяніе, то только въ смыслѣ перваго толчка къ ихъ развитію и внутренней охраны для ихъ безпрепятственнаго теченія. Огромное значеніе законовъ смежности и сходства (въ его простѣйшихъ проявленіяхъ) состоитъ въ томъ, что благодаря ихъ дѣйствію въ нашей душѣ образуется великое множество прочно связанныхъ, неразрывныхъ,такъ сказать, н е п о д в и ж н ы х ъ ассоціацій между отдѣльными представленіями и состояніями. Общепринятые законы ассоціаціи - великая к о н с е р в а т и в н а я сила въ нашемъ духѣ. Но этимъ, собственно говоря, и ограничивается ихъ психологическая роль.

Психологи мало обращаютъ вниманія на тотъ огромной важности фактъ, что стремленіе къ п р е о б р а з о в а н і ю сочетаній между идеями, къ ихъ постоянному п е р е р а с п р е д ѣ л е н і ю, есть никакъ не менѣе коренная черта нашего душевнаго существованія на в с ѣ х ъ

его ступеняхъ: рядомъ съ силою прочнаго и устойчиваго сцѣпленія (которая выражается въ дѣйствіи закона смежности и простѣйшихъ дѣйствіяхъ закона сходства) въ сочетаніи нашихъ идей постоянно сказывается сила перераспредѣленія, и трудно рѣшить, какая изъ этихъ тенденцій нашей души обладаетъ болѣе первоначальнымъ характеромъ. Можно утверждать больше: правильное и безпрепятственное воспроизведеніе представленій по закону смежности, повидимому, предполагаетъ направляющее вліяніе воли, заинтересованной въ такомъ воспроизведеніи; напротивъ, когда это вліяніе ослабѣваетъ, нарушающее дѣйствіе тенденціи къ перераспредѣленіямъ обнаруживается очень быстро.

Поясню мою мысль нѣкоторыми примѣрами. Положимъ, намъ очень важно вспомнить во всѣхъ подробностяхъ какое-нибудь событіе нашей прошлой жизни. Подъ вліяніемъ усилій припоминанія, передъ нами постепенно развертывается вереница пережитыхъ событій, именно въ томъ порядкѣ, какъ они произошли, воспроизводящая то, что случилось съ нами, иногда съ замѣчательною точностью. Среди воскресшихъ подробностей выдѣляется, наконецъ, и то обстоятельство, которое было для насъ важно и которое мы старались оживить въ своемъ сознаніи. Такимъ образомъ интересъ нашей воли удовлетворенъ; возможно, однако, что и послѣ того, какъ наши поиски въ воспоминаніяхъ увѣнчались успѣхомъ, возникшая передъ нами картина прошлаго продолжаетъ занимать насъ сама по себѣ, помимо всякихъ постороннихъ соображеній. Внутреннее напряженіе насъ утомило, мы уже ничего опредѣленнаго не ищемъ, мы просто пассивно отдаемся созерцанію, казалось, давно забытыхъ, теперь опять ярко всплывшихъ образовъ. Всякій, кто внимательно наблюдалъ за собою, согласится, что въ такихъ случаяхъ въ характерѣ нашихъ представленій обыкновенно происходитъ существенная перемѣна: ихъ выдержанность и строгая вѣрность пережитымъ событіямъ начинаютъ колебаться, - незамѣтно для себя мы сглаживаемъ и расцвѣчиваемъ предстоящую нашему сознанію картину и дѣлаемъ это тѣмъ охотнѣе, чѣмъ болѣе она отъ времени успѣла поблекнуть въ отдѣльныхъ частяхъ. Въ чреду занимающихъ насъ образовъ мы начинаемъ вставлять выпавшія звенья, на мѣсто забытаго мы придумываемъ то, что могло произойти при данныхъ обстоятельствахъ, и что возвращаетъ для насъ внутреннее единство разрозненныхъ элементовъ картины. Рядомъ съ этимъ процессомъ подновленія въ насъ поднимается и другая работа: неуловимо для себя мы переходимъ къ соображеніямъ о томъ, что обстоятельства могли сложиться иначе, и внутренно измѣряемъ возможныя послѣдствія такихъ перемѣнъ; въ своемъ воображеніи мы вновь разыгрываемъ давно пережитыя сцены, но ис-

правленныя и дополненныя соотвѣтственно нашему теперешнему настроенію. Коротко говоря : отъ в о с п о м и н а н і й о прошломъ мы переходимъ къ м е ч т а м ъ о прошломъ. Этотъ элементъ мечты чрезвычайно важенъ для нашей внутренней оцѣнки пережитыхъ событій: именно изъ него объясняется столь свойственная людямъ и д е а л и з а ц і я ихъ прежней жизни, а иногда и завѣдомо извращенное представленіе о ней. Безусловная правдивость въ передачѣ пережитаго есть даръ чрезвычайно рѣдкій.

Но допустимъ, что во время этихъ нашихъ мечтаній о прошломъ мы находимся въ состояніи физической и умственной усталости; пассивная, ничѣмъ не нарушаемая погруженность въ воспоминанія насъ убаюкиваетъ, - нами овладѣваетъ дремота, причемъ однако наше слабѣющее сознаніе по -прежнему остается направленнымъ на занявшіе его предметы. Тогда мечты о прошломъ смѣняются г р е з а м и о немъ, - я разумѣю тотъ особенный разрядъ грезъ, который предшествуетъ наступленію полнаго сна. Окружающая насъ обстановка исчезаетъ для насъ; предъ нами оживаютъ давно знакомыя лица и мѣста. Всплывшія въ нашемъ сознаніи фигуры не стоятъ неподвижно, - онѣ совершаютъ разнообразныя дѣйствія, онѣ ведутъ между собою оживленные разговоры. И мы не остаемся равнодушными зрителями того, что совершается передъ нашимъ умственнымъ взоромъ ; мы принимаемъ участіе въ разыгрываемыхъ дѣйствіяхъ, мы вступаемъ въ долгія бесѣды съ воскресшими предъ нами лицами. Что же ? Эти сцены, которыя проносятся передъ нашимъ внутреннимъ сознаніемъ, представляютъ ли изъ себя лишь простую копію прежнихъ событій ? Едва ли это бываетъ часто. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, какъ въ этомъ убѣждаетъ каждаго его собственный опытъ, грезы о прошломъ еще дальше отстоятъ отъ пережитой дѣйствительности, чѣмъ простыя мечты о немъ. Въ нашихъ безотчетныхъ грезахъ мы обыкновенно имѣемъ несравненно болѣе смѣлыя и безцеремонныя варіаціи на пережитыя темы, нежели въ сознательной игрѣ нашей фантазіи. Матеріалъ возникающихъ въ нашемъ сознаніи комбинацій, конечно, данъ въ прошломъ опытѣ, но въ протекающихъ передъ нами картинахъ онъ оказывается неузнаваемо-видоизмѣненнымъ и искаженнымъ. И эта черта и с к а ж е н і я выражается въ нихъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ болѣе наше дремотное состояніе приближается ко сну, и чѣмъ болѣе наши полусонныя грезы пріобрѣтаютъ характеръ настоящихъ с н о в и д ѣ н і й .

Странное дѣло! Защитники ассоціативной психологіи обыкновенно не замѣчаютъ, что еслибъ законы смежности и сходства были единственными двигателями внутреннихъ процессовъ нашего сознанія, то содержаніе нашихъ сновидѣній являлось бы совсѣмъ другимъ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Вѣдь направляющее вліяніе нашей сознательной воли, по общему приз-

знанію психологовъ, въ ходѣ нашихъ сновидѣній опускается до minimum'а, а въ большинствѣ случаевъ и вполнѣ отсутствуетъ; итакъ, слѣдовало бы ожидать, что именно въ содержаніи нашего соннаго сознанія мы должны имѣть самый рѣшительный примѣръ безпримѣснаго, ничѣмъ не смущаемаго дѣйствія законовъ ассоціаціи. Сонныя представленія должны были бы протекать въ насъ въ томъ порядкѣ, который выражаетъ прочныя органическія связи между отвѣчающими этимъ представленіямъ состояніями мозга, - связи, установленныя или одновременнымъ возникновеніемъ (законъ смежности), или однородностью (законъ сходства) этихъ состояній. Другими словами, наше уснувшее сознаніе должно было бы являть собою многочисленныя нити воспоминаній, разнообразно оборванныя въ отдѣльныхъ пунктахъ другими сходными нитями [1]), т.е. оно представляло бы изъ себя безпорядочный и прерывистый хаосъ воспоминаній и ничего больше. И вотъ, нашъ внутренній опытъ совершенно не оправдываетъ этого неизбѣжнаго апріорнаго вывода: въ нашихъ снахъ мы переживаемъ постоянно **новыя** и по своему составу весьма **шаткія** комбинаціи идей, которыя очень рѣдко повторяются въ одномъ и томъ же видѣ и которыя почти никогда не воспроизводятъ прошлыхъ событій въ ихъ дѣйствительной послѣдовательности. Повтореніе одного и того же сна нѣсколько разъ подъ рядъ есть явленіе настолько исключительное, что оно обыкновенно обращаетъ на себя особое вниманіе людей, его испытавшихъ. Что касается до буквальнаго воспроизведенія во снѣ реальныхъ событій прошлаго, то огромное большинство лицъ, хорошо помнящихъ свои сновидѣнія, рѣшительно заявляютъ, что они никогда не переживали ничего подобнаго. И даже тѣ изъ нихъ, которыя очень часто ночью грезятъ о томъ, что они дѣлали и видѣли за день, обыкновенно утверждаютъ, что событія дня представляются имъ во снѣ въ очень искажен-

---

1) Здѣсь я не упоминаю о вліяніи на содержаніе нашихъ грезъ тѣхъ разнообразныхъ впечатлѣній, которыя доходятъ до нашего сознанія во время самаго сна; такъ, мы смутно воспринимаемъ положеніе нашего тѣла, мы имѣемъ субъективныя ощущенія слѣстящихъ искръ свѣта въ темномъ полѣ нашего зрѣнія, мы слышимъ звонъ и шумъ въ ушахъ и т.д. Говоря во всей точности, содержаніе сновидѣній, съ точки зрѣнія ассоціативной теоріи, должно было бы сводиться къ рядамъ воспоминаній, вызваннымъ отчасти раньше испытанными впечатлѣніями нашей бодрственной жизни, отчасти текущими впечатлѣніями нашего соннаго сознанія. Однако, подобная поправка ничего не измѣняетъ въ общемъ смыслѣ ассоціативной гипотезы и не устраняетъ ея трудностей. Напримѣръ, при ея предположеніяхъ понятно, что субъективное воспріятіе искръ въ полѣ нашего зрѣнія (которымъ Вундтъ придаетъ такое широкое значеніе въ возникновеніи нашихъ сновидѣній) должно

ной и фантастической формѣ. Въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе знакомые намъ предметы во снѣ мѣняются; едва ли, напр., даже свою собственную комнату мы когда - нибудь видимъ во снѣ совсѣмъ такою, какова она въ дѣйствительности. Это замѣчаніе еще болѣе относится къ сложнымъ представленіямъ о городѣ, въ которомъ мы живемъ, объ улицахъ, по которымъ часто проходимъ, объ извѣстныхъ намъ домахъ. Всякій знаетъ, какъ наши сновидѣнія богаты топографическими несообразностями. И напротивъ, очень часто мы видимъ во снѣ цѣлыя мѣстности, города и дома, которые намъ кажутся вполнѣ знакомыми, хотя въ дѣйствительномъ опытѣ мы ихъ никогда не наблюдали.

Точно также и люди, о которыхъ мы грезимъ, хотя бы мы ихъ очень хорошо знали, въ сновидѣніяхъ представляютъ изъ себя далеко не то, чѣмъ они являются въ реальной жизни. Образы живыхъ существъ, возникающіе во снѣ, вообще отличаются внутреннею цѣльностью и рѣзкостью своихъ обнаруженій. Это свойство можно назвать т и п и ч н о с т ь ю сонныхъ грезъ. Жизнь во снѣ упрощается : мы сами дѣлаемся наивнѣе, впечатлительнѣе и гораздо откровеннѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, - та же перемѣна происходитъ и съ воображаемыми поступками другихъ людей, съ которыми мы сталкиваемся въ нашихъ сновидѣніяхъ. Характеръ знакомыхъ намъ лицъ остается за ними и въ нашихъ сонныхъ грезахъ, но онъ выражается прямѣе и пластичнѣе. Съ этимъ тѣсно связана о д н о с т о р о н н о с т ь созданій грезящей души : присущая человѣческимъ характеромъ сложность влеченій и свойствъ въ нашихъ снахъ исчезаетъ, - какая -нибудь одна черта извѣстной намъ личности, иногда въ бодрственной жизни почти незамѣтная, подавляетъ всѣ другія. Отъ этого происходитъ, что нерѣдко человѣкъ, хорошо извѣстный намъ за добраго во снѣ можетъ представиться злымъ и отталкивающимъ. Это не значитъ, что наша безотчетная фантазія приписала образу знакомаго намъ лица совсѣмъ не существующіе признаки, но то, что въ этомъ лицѣ есть дѣйствительно несимпатичнаго, благодаря ея воздѣйствію, выросло до огромныхъ размѣровъ и поглотило всѣ другія его качества. Подобная же од-

- - - - - - - - - - - - - - -

входить элементомъ въ составъ нашихъ сонныхъ грезъ, но изъ нея едва ли можно объяснить, почему мы воспринимаемъ эти искры въ ихъ настоящемъ видѣ только во время бодрствованія и при внимательномъ самонаблюденіи ; напротивъ, при малѣйшихъ признакахъ засыпанія онѣ превращаются въ фантастическія, уродливыя лица, въ образы самыхъ причудливыхъ предметовъ, въ цѣлыя картины природы и т. п. Вообще, ф а н т а с т и ч н о с т ь и ж а т к о с т ь нашихъ сонныхъ видѣній, - вотъ что прежде всего подлежитъ объясненію, а законы смежности и сходства, хотя бы ихъ дѣйствіе и вызывалось нѣкоторыми внѣшними ощущеніями, такого объясненія никакъ дать не могутъ.

носторонность и, такъ сказать, прямолинейность изображенія наблюдается и въ нашихъ грезахъ о людяхъ и существахъ, которыхъ мы никогда не видѣли въ дѣйствительности. Изъ односторонности нашихъ сонныхъ представленій вытекаетъ отмѣчающій ихъ колоритъ преувеличенія и каррикатурности: въ нашихъ сновидѣніяхъ все утрировано, какъ въ плохой мелодрамѣ.

Это не значитъ, что я совсѣмъ отрицаю вліяніе законовъ смежности и сходства на наши сновидѣнія. Напротивъ, вліяніе это несомнѣнно, и въ возникновеніи, и въ содержаніи нашихъ сонныхъ грезъ. Напр., когда мы, встрѣтивъ днемъ какого-нибудь знакомаго, потомъ ночью грезимъ о другомъ лицѣ, вмѣстѣ съ которымъ мы этого знакомаго прежде часто встрѣчали, то въ происхожденіи такого сна безспорно сказалось дѣйствіе смежности. Когда мы видимъ во снѣ событія, пережитыя днемъ, мы имѣемъ примѣръ вліянія сходства. Дѣйствіе закона смежности выражается въ тѣхъ элементахъ сновидѣній, которые вѣрно передаютъ реальныя впечатлѣнія бодрственнаго сознанія; наоборотъ, во вліяніи закона сходства, кажется, слѣдуетъ положить главный источникъ безсвязности и хаотической безпорядочности нашихъ сновидѣній : возникшія въ сонномъ сознаніи представленія, сплошь и рядомъ, уступаютъ свое мѣсто другимъ, имѣющимъ съ ними какое-нибудь сходство, а рѣзкое ослабленіе памяти не позволяетъ намъ замѣтить несообразности такихъ замѣнъ. Такъ я припоминаю, что однажды видѣлъ себя во снѣ куда - то ѣдущимъ: сначала я ѣхалъ въ пролеткѣ, потомъ немедленно за этимъ я ѣхалъ въ саняхъ, а еще черезъ мгновеніе былъ уже въ лодкѣ на какой - то рѣкѣ, и эта быстрая смѣна способовъ передвиженія меня нисколько не удивила. Однако, совершенно очевидно, что наши сонныя грезы все же нельзя разсматривать какъ только продуктъ законовъ смежности и сходства. Изъ смежности можно объяснить то, что въ нашихъ снахъ есть вѣрнаго дѣйствительности, но невозможно вывести свойственнаго имъ и с к а ж е н і я дѣйствительности; изъ дѣйствія закона сходства вытекаетъ безпорядочность сновидѣній, но онъ рѣшительно безсиленъ обосновать тѣ безчисленныя новыя комбинаціи образовъ, событій и выслушиваемыхъ нами рѣчей, - иногда очень сложныя и при этомъ внутренно цѣлостныя, которыя составляютъ самую коренную принадлежность нашего грезящаго сознанія.

Едва ли было бы серьезнымъ возраженіемъ противъ этихъ выводовъ указаніе на ту возможность, что законы смежности и сходства, при возникновеніи нашихъ сновидѣній, комбинируютъ между собою не наши сознательныя представленія, какъ они были извлечены нами изъ опыта, а ихъ простѣйшіе безсознательные элементы. Во-первыхъ, такая роль законовъ ассоціаціи противорѣчила бы ихъ прямымъ формуламъ и общепринятому смыслу; во-вторыхъ, совершенно непонятно, почему законъ смежности, комбинируя простѣйшіе элементы нашихъ воспріятій, могъ бы привести ихъ не въ тѣ со-

четанія, въ которыхъ они были даны въ опытѣ, а въ нѣкоторыя новыя и фантастическія, и во всякомъ случаѣ непостижимо, почему такія новыя комбинаціи, обязанныя своимъ происхожденіемъ только законамъ смежности и сходства, могли бы слагаться въ стройныя, цѣльныя, иногда очень осмысленныя картины. Достаточно вспомнить о тѣхъ безконечно длинныхъ, разнообразныхъ и глубоко послѣдовательныхъ сновидѣніяхъ, которыя испытываютъ застарѣлые потребители опіума и гашиша.

Повидимому, важное исключеніе изъ сдѣланныхъ до сихъ поръ выводовъ представляютъ нѣкоторыя явленія сна с о м н а м б у л и ч е с к а г о. Мы можемъ заставить загипнотизированнаго субъекта, сдѣлавъ ему соотвѣтственное внушеніе, не только вспомнить какое-нибудь прошлое событіе со всѣми его вполнѣ реальными подробностями, но и пережить его вновь едва ли не съ полною силой первоначальныхъ впечатлѣній. Въ этомъ фактѣ справедливо можно видѣть одно изъ самыхъ поразительныхъ проявленій дѣйствія закона смежности. Съ другой стороны, люди, страдающіе естественнымъ сомнамбулизмомъ, могутъ пройти съ закрытыми глазами черезъ цѣлый рядъ комнатъ, осторожно обходя всѣ препятствія, и въ то же время безпомощно натыкаясь на предметы, о присутствіи которыхъ въ той или другой комнатѣ они не знали раньше. Однако, эти исключенія только подтверждаютъ обобщеніе, высказанное нами выше: свободное и безпримѣсное воспроизведеніе представленій по смежности предполагаетъ контролирующее вліяніе воли, заинтересованной въ этомъ воспроизведеніи. Вѣдь въ обыкновенномъ сомнамбулическомъ снѣ содержаніе грезъ столь же фантастично, какъ и во снѣ нормальномъ ; нужно особое внушеніе, опредѣленнымъ образомъ направляющее волю уснувшаго лица, чтобы его сновидѣнія приняли характеръ точныхъ воспоминаній. Одинаково и въ актахъ самопроизвольнаго хожденія мы имѣемъ несомнѣнный примѣръ сомнамбулическаго самовнушенія. Я уже не говорю о томъ, что въ послѣднемъ случаѣ объясненіе, быть можетъ, не должно ограничиваться предположеніемъ чрезвычайной отчетливости памяти: весьма вѣроятно, что увѣренности движеній сомнамбуловъ помогаетъ развивающаяся въ нихъ гиперестезія по отношенію къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыхъ они ожидаютъ.

Замѣчанія, сдѣланныя нами о сновидѣніяхъ, можно распространить и на другіе виды безотчетнаго сочетанія между идеями, - въ явленіяхъ болѣзненнаго бреда, иллюзій, галлюцинацій и т.д. Напримѣръ, въ области галлюцинацій вполнѣ точное, фотографическое воспроизведеніе прежнихъ впечатлѣній есть фактъ весьма рѣдкій; напротивъ, даже образы предметовъ и лицъ, намъ хорошо знакомыхъ, облекаясь въ галлюцинаторную форму, обыкновенно получаютъ явно фантастическій колоритъ, и этотъ элементъ фантастичности оказывается совсѣмъ господствующимъ, когда страдающему

галлюцинаціями представляются вещи и существа, имъ никогда невиданныя (наприм., маленькіе черти, съ ихъ дразнящими и пугающими движеніями, въ бредѣ русскихъ пьяницъ).

Еще менѣе возможно обосновать изъ прямого дѣйствія законовъ смежности и сходства безсознательные процессы ума и фантазіи, которые составляютъ столь важный моментъ во всякой умственной и художественной дѣятельности, и о которыхъ уже приходилось говорить по поводу безсознательной психики вообще. Ихъ огромное участіе въ первыхъ художественныхъ замыслахъ и въ научныхъ открытіяхъ давно было отмѣчено психологами. Не менѣе значительно вліяніе безсознательныхъ сочетаній между идеями въ актахъ выполненія однажды поставленной умственной или художественной задачи: ораторское искусство и способность поэтической импровизаціи представляютъ самые яркіе примѣры умственныхъ дѣйствій, возникающихъ мгновенно и безотчетно, и въ то же время тонко и всесторонне приспособленныхъ къ своимъ цѣлямъ. Наконецъ, въ психологическихъ изслѣдованіяхъ все большій интересъ пріобрѣтаютъ мыслительные процессы, безсознательные во всѣхъ своихъ звеньяхъ, выражающіе вполнѣ автоматическую работу души. Сфера проявленій этихъ процессовъ оказывается очень разнообразною, и, быть-можетъ, именно въ нихъ лежитъ ключъ къ пониманію самыхъ загадочныхъ явленій психической жизни.

Предшествующія соображенія уполномочиваютъ насъ на слѣдующій выводъ: общепринятые законы ассоціаціи идей далеко не все объясняютъ въ нашей умственной жизни. Въ душѣ несомнѣнно дано стремленіе къ образованію прочныхъ сочетаній между пережитыми ею состояніями; но существуетъ въ ней противоположное стремленіе, равносильное первому, - къ нарушенію раньше установившихся связей, къ п е р е р а с п р е д ѣ л е н і ю представленій. Рядомъ съ ассоціаціями устойчивыми и неподвижными, въ ней постоянно совершаются ассоціаціи п о д в и ж н ы я . Если, съ одной стороны, нашъ духъ можно сравнить съ зеркаломъ или съ фотографическимъ аппаратомъ, то, съ другой, - его приходится уподобить калейдоскопу. Однако и это сравненіе, какъ всякое сравненіе, недостаточно : постоянно происходящая въ насъ перестановка идей не есть плодъ механической, извнѣ навѣянной случайности; для нея трудно услѣдить опредѣленный законъ, но довольно легко уловить ея направляющій принципъ. Этотъ принципъ можно охарактеризовать какъ т е л е о л о г и ч е с к і й . Во всѣхъ даже самыхъ смутныхъ проявленіяхъ перераспредѣляющаго товрчества души сказывается руководящая этимъ творчествомъ и д е я . Безотчетный замыселъ воплощается въ автоматической дѣятельности ума и фантазіи: грубо и уродливо, но все же какой - нибудь безсознательный замыселъ отражается и въ содержаніи нашихъ сновидѣній, и въ бредѣ больного, и въ ка-

призныхъ галлюцинаціяхъ помѣшаннаго. Такъ, въ сновидѣніяхъ (особенно связныхъ) постоянно наблюдается нѣкоторое единство ихъ общаго тона, несмотря на разнообразіе ихъ частностей. Сны бываютъ веселые и печальные, тихіе и безпокойные. Извѣстное общее чувство налагаетъ свой колоритъ на на все содержаніе нашихъ грезъ и заставляетъ ихъ быть выраженіемъ единаго нашего настроенія, единой внутренней оцѣнки воображаемыхъ событій. Болѣзненныя сновидѣнія представляютъ лучшее тому доказательство : самыя безразличныя вещи принимаютъ въ нихъ особую лихорадочную окраску и облекаются странными, устрашающими подробностями ; въ томъ же тонѣ видоизмѣняются и внѣшнія впечатлѣнія, которыя успѣваютъ дойти до сознанія. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что въ нашихъ сновидѣніяхъ все цѣлесообразно по отношенію къ направляющему ихъ чувству и непосредственной оцѣнкѣ. Точно такъ же и всякая другая автоматическая дѣятельность перераспредѣленія диктуется скрытыми идеями нашей души, которыя, въ свою очередь, соотвѣтствуютъ нашимъ интимнѣйшимъ побужденіямъ въ данную минуту.

8). До сихъ поръ мы разсматривали лишь такіе факты перераспредѣленія идей, которые происходятъ безсознательно и которые поэтому являются нашему сознанію какъ нѣчто д а н н о е , къ чему оно относится пассивно. Но, мнѣ кажется, еще несравненно большее значеніе принадлежитъ нашей перераспредѣляющей способности въ сознательной дѣятельности ума. Возьмемъ слѣдующій примѣръ : положимъ, мы ѣдемъ въ мѣсто, въ которомъ давно не были, но которое знали хорошо. Допустимъ при этомъ, что насъ чрезвычайно заботитъ мысль о томъ, что насъ тамъ встрѣтитъ. Что должно происходить въ насъ ? Мы стараемся представить себѣ свои будущія впечатлѣнія и невольно воображаемъ ихъ по аналогіи того, что испытали въ этомъ мѣстѣ прежде. Однако внутренній голосъ сомнѣнія насъ останавливаетъ: ничто на свѣтѣ не повторяется , а мы уже очень давно не были тамъ, куда ѣдемъ, и, стало быть, вправѣ ждать весьма важныхъ перемѣнъ. Въ чемъ онѣ могутъ состоять ? Для рѣшенія этого вопроса у насъ нѣтъ данныхъ, и все-таки мы не въ силахъ удержать свою фантазію отъ попытки разгадать неизвѣстное. Въ своемъ воображеніи мы рисуемъ возможныя измѣненія въ знакомой обстановкѣ, въ людяхъ, съ которыми мы свидимся, въ собственномъ субъективномъ настроеніи. Въ результатѣ у насъ можетъ получиться очень яркая комбинація картинъ. Однако, въ насъ не молчитъ и критическая ихъ оцѣнка: конечно, возможно, что мы встрѣтимъ все такъ, какъ себѣ представили, но еще гораздо вѣроятнѣе, что насъ ждетъ что-нибудь совсѣмъ другое; вѣдь, составленная нами комбинація, какъ она ни ясна, все-таки произвольна и случайна по своему содержанію. И вотъ, мы разрушаемъ наше собственное созданіе, - мы или обращаемся къ совершенно другому ряду возможностей, или начинаемъ въ отдѣльныхъ частяхъ из-

мѣнять и поправлять нарисованную нами общую картину, подставляя новые образы на мѣсто прежнихъ. Однако и каждая слѣдующая комбинація вызываетъ тотъ же упрекъ, какъ и первая: мы не имѣемъ основаній думать, что ближе подошли къ истинѣ при ней, чѣмъ при всякой другой. И мы опять мысленно зачеркиваемъ ее или всю, или въ отдѣльныхъ подробностяхъ, и безъ конца продолжаемъ одну и ту же работу; мы погружаемся въ неисчерпаемое: или, или. И такъ будетъ идти до тѣхъ поръ, пока мы не бросимъ нашихъ догадокъ о предстоящихъ впечатлѣніяхъ и не станемъ думать о совсѣмъ другихъ вещахъ.

Что же совершается съ сочетаніями нашихъ представленій въ описанномъ случаѣ ? Въ нашемъ сознаніи прошли пѣлые ряды новыхъ ассоціацій, тутъ же немедленно разрушаемыхъ , - самыя сложныя вереницы образовъ появлялись передъ нашимъ умственнымъ взоромъ, чтобы тотчасъ же исчезнуть. Итакъ, съ полнымъ правомъ можно сказать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ ассоціаціями шаткими, п о д в и ж н ы м и . Но въ то же время легко отмѣтить ту коренную особенность, которая отличаетъ эти ассоціаціи отъ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ подвижныхъ сочетаній между идеями. Онѣ возникаютъ, мѣняются и разрушаются уже не помимо волевого контроля, а подъ прямымъ его вліяніемъ ; онѣ выражаютъ собою нашу дѣятельную мысль, и поэтому ихъ шаткость и подвижность не только непосредственно сознается нами, но нами же и вызывается. Такія ассоціаціи, подвижность которыхъ зависитъ отъ собственной дѣятельности нашего сознанія, можно было бы, въ отличіе отъ другихъ видовъ подвижныхъ ассоціацій, назвать т е к у ч и м и или б ѣ г л ы м и ассоціаціями. На этомъ разрядѣ ассоціацій намъ нужно остановиться внимательно: по моему глубокому убѣжденію, ихъ роль въ душевномъ обиходѣ - огромна.

Прежде всего нужно замѣтить, что если бы въ насъ не существовало постоянно дѣятельной способности вносить текучій характеръ въ сочетанія нашихъ идей, то наше представленіе о какомъ - бы то ни было будущемъ было бы совсѣмъ иное, чѣмъ оно есть. Допустимъ, что законы смежности и сходства суть единственные двигатели всѣхъ нашихъ умственныхъ дѣйствій, - тогда для изображенія будущаго намъ могли бы служить лишь вереницы воспоминаній, вызванныя въ данный моментъ по этимъ законамъ, потому что, какъ мы знаемъ, законы смежности и сходства ничего другого доставить не въ состояніи. Но вѣдь это значитъ, что содержаніе нашего представленія о б у д у щ е м ъ въ такомъ случаѣ ничѣмъ не отличалось бы отъ содержанія нашего представленія о п р о ш л о м ъ : думая о будущемъ, мы проецировали бы в п е р е д ъ рѣшительно то самое (т ѣ ж е нити воспоминаній, привязанныя къ переживаемому моменту по неизмѣннымъ законамъ ассоціаціи), что, думая о прошломъ, мы проецировали н а з а д ъ .

Строго говоря, едва ли даже тогда можно было бы указать какую-нибудь отличительную черту между этими н а з а д ъ и в п е р е д ъ : будущее для насъ просто слилось бы съ прошлымъ. По наиболѣе вѣроятнымъ предположеніямъ абстрактнаго анализа, сознаніе, всецѣло порабощенное законами ассоціаціи, стояло бы внѣ всякихъ различій времени. Съ другой стороны, если бы для изображенія будущаго намъ служили хотя и подвижныя ассоціаціи, но возникшія безотчетно (какъ во снѣ или въ бреду), къ которымъ наше сознаніе относится страдательно, не будучи въ состояніи оцѣнить ихъ прочности или шаткости, то мы жили бы въ вѣчной иллюзіи такого же полнаго знанія будущихъ событій, какъ и прошлыхъ. На дѣлѣ нѣтъ ни того, ни другого. Мы постоянно воображаемъ будущее, но съ глубокимъ сознаніемъ возможности безчисленныхъ иныхъ комбинацій между идеями на мѣсто вызванныхъ нами. Если вопросъ о будущемъ особенно занимаетъ насъ, какъ въ приведенномъ раньше примѣрѣ, мы всецѣло отдаемся внутренней игрѣ этихъ комбинацій; если даже мы и не вызовемъ этой игры, мы знаемъ объ ея возможности и умѣстности, когда вопросъ идетъ о неизвѣстномъ и гадательномъ.

Между тѣмъ, что такое самая идея в о з м о ж н а г о ? Если брать объективное содержаніе нашихъ представленій, возможное и дѣйствительное не различаются между собою какими-нибудь наглядными признаками. Воображаемъ ли мы возможный или дѣйствительный рубль, въ нашей фантазіи мы имъ приписываемъ одинаковыя качества (форму, цвѣтъ, величину и т.д.); по крайней мѣрѣ, у насъ нѣтъ никакого повода дѣлать какія-либо матеріальныя измѣненія въ нашихъ идеяхъ въ томъ и другомъ случаѣ. Тѣмъ не менѣе возможное и дѣйствительное въ нашихъ глазахъ далеко не одно и то же. Въ чемъ же различіе между ними ? Очевидно, оно коренится въ нашемъ внутреннемъ судѣ надъ представляемымъ матеріаломъ - въ отношеніи къ нему нашего сознанія. На представленіе о дѣйствительномъ мы смотримъ какъ на нѣчто данное намъ, чего нельзя устранить, и чего поэтому не слѣдуетъ устранять мысленно, если мы не хотимъ представлять ложно. Совсѣмъ иное съ нашими идеями о в о з м о ж н ы х ъ в е щ а х ъ: мы всегда г о т о в ы удалить ихъ изъ своего ума и замѣнить другими комбинаціями и непосредственно с о з н а е м ъ эту готовность. Собственно говоря, въ этой готовности и заключается первоначальный элементъ, доставляющій намъ ощущеніе власти надъ нашими предположеніями.

Но подумаемъ только, какую важную роль выполняетъ различеніе возможностей въ явленіяхъ психической жизни. Возьмемъ хотя бы область нашихъ чувствъ. Вѣдь, если бы каждое новое представленіе въ нашемъ умѣ возникало по невольнымъ ассоціаціямъ идей и заполоняло его, какъ нѣчто ему навязанное, неустранимое и для него всецѣло обязательное, тог-

да представленіе о возможной будущей опасности вызывало бы не страхъ, а прямое страданіе, какъ будто бы несчастіе уже наступило; вмѣсто надежды мы ощущали бы радость полученія ; ожиданіе равнялось бы для насъ убѣжденію въ наступленіи факта. Мы не имѣли бы ни одного изъ тѣхъ колеблющихся, неопредѣленныхъ настроеній души, которыя всѣ обусловливаются присутствіемъ въ нашемъ умѣ текучихъ комбинацій между представленіями, при сознаніи ихъ п р и б л и з и т е л ь н о й и л и п о л н о й р а в н о п ѣ н н о с т и . Что такое, напримѣръ, мучительное состояніе борьбы между страхомъ и надеждою, какъ не признаніе одинаковой возможности двухъ какихъ -нибудь явленій, діаметрально противоположныхъ съ точки зрѣнія нашихъ интересовъ ?

Съ другой стороны, обращаясь опять къ умственной сферѣ, только благодаря существованію въ насъ того, что я назвалъ т е к у ч и м и или б ѣ г л ы м и- ассоціаціями, для насъ возможно о б щ е е мышленіе о конкретныхъ предметахъ. Номиналисты всѣхъ оттѣнковъ съ давнихъ временъ проповѣдуютъ, что содержаніемъ нашей мысли всегда являются частныя представленія, что общія сужденія существуютъ только на словахъ, но что въ умѣ, въ соотвѣтствіе съ общими формулами, постоянно возникаютъ какіе-нибудь индивидуальные, во всѣхъ частностяхъ опредѣленные образы мыслимыхъ объектовъ. Какъ я уже говорилъ въ началѣ курса, эту истину можно допустить лишь съ большими ограниченіями. Тѣмъ не менѣе есть цѣлый разрядъ сужденій, къ которымъ она прилагается безъ особенныхъ натяжекъ. Напримѣръ, когда мы что -либо утверждаемъ о свойствахъ всякаго треугольника, мы дѣйствительно воображаемъ себѣ какой-нибудь одинъ треугольникъ, - много два или три , - съ совершенно опредѣленною величиною, цвѣтомъ, отношеніемъ сторонъ и т.д. Что же значитъ, что мы при этомъ м ы с л и м ъ все же нѣкоторое в с е о б щ е е сужденіе ? Опять и здѣсь едва ли обойдемся безъ ссылки на дѣйствующее въ насъ сознаніе многихъ возможностей. Мы знаемъ, что сужденіе относится не только къ тому треугольнику, который намъ представился, но и къ безконечному ряду другихъ, и что каждый изъ нихъ мы вправѣ поставить на мѣсто воображаемаго нами. И мы фактически многократно совершаемъ такую замѣну, если общность теоремы возбуждаетъ въ насъ сомнѣніе. Все дѣло въ томъ, что наша мысль не поглощена этимъ однимъ треугольникомъ, который намъ вообразился; напротивъ, мы глубоко сознаемъ случайность и произвольность его частныхъ опредѣленій и внутренно каждую минуту г о т о в ы замѣнить его другими.

Еще поучительнѣе значеніе процессовъ текучей ассоціаціи въ нашемъ мышленіи тѣхъ идей, которыя, по самому своему смыслу, н е п р е д с т а в и м ы , т.е. не могутъ быть выражены въ образѣ, дѣйствительно

имъ отвѣчающемъ. Такова, напр., идея о б е з к о н е ч н о м ъ .Вообразить что-нибудь безконечнымъ, очевидно, нельзя, - наша способность воображенія заключена въ очень тѣсные предѣлы. И тѣмъ не менѣе мы понимаемъ безконечность и настолько отчетливо, что можемъ очень горячо спорить о приложимости этого понятія въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ. Вопросы о томъ : безконеченъ міръ или нѣтъ ? вѣченъ онъ или имѣлъ начало во времени? безсмертна ли душа ? несомнѣнно, принадлежитъ къ числу самыхъ жгучихъ въ исторіи человѣческой мысли. Самыя понятія в с е г д а и н и к о г д а , или в е з д ѣ и н и г д ѣ , столь часто нами употребляемыя, были бы невозможны, еслибъ въ насъ не существовало нѣкоторой положительной идеи о н е о г р а н и ч е н н о м ъ во времени и пространствѣ. Какъ мы подобныя понятія мыслимъ, когда все, что мы способны представить прямо противорѣчитъ ихъ содержанію? Какъ мы уже знаемъ это недоумѣніе рѣшается просто, но за то едва ли удовлетворительно. Разсуждаютъ такъ: понятія, которыхъ нельзя выразить въ адэкватномъ образѣ, мы мыслимъ чрезъ с и м в о л ы . Напримѣръ, мы не можемъ вообразить міра въ его цѣломъ, какъ онъ есть, - поэтому мы создаемъ въ нашей фантазіи его миніатюрное, въ сущности очень мало на него похожее изображеніе или даже совершенно условный знакъ , и тогда міръ становится для насъ представимымъ. Однако, я уже указывалъ, несостоятельность такого объясненія: вѣдь символъ лишь до тѣхъ поръ символъ, пока мы его понимаемъ, т.е. сознаемъ его отношеніе къ тому, что онъ долженъ обозначать. Другими словами, чтобы мыслить въ символахъ, нужно предварительно, помимо символовъ, имѣть идею о томъ, что они выражаютъ собою. Это тѣмъ болѣе должно распространяться на идеи, по отношенію къ которымъ всякій наглядный символъ, именно своею наглядностью и завершенностью, есть ихъ прямое отрицаніе, - какова идея о безконечномъ.

Что же происходитъ въ сферѣ нашихъ представленій, когда мы что-нибудь (положимъ, пространство) мыслимъ безконечнымъ ? Текучій характеръ того, что въ этомъ случаѣ совершается въ насъ, издавна былъ замѣченъ психологами. Уже Локкъ идею безконечности называлъ "текучею(fugitive) во всѣхъ отношеніяхъ".Въ самомъ дѣлѣ, мы приближаемся къ ея усвоенію только чрезъ безостановочное прибавленіе къ предположеннымъ величинамъ все новыхъ величинъ, при чемъ каждый новый предѣлъ, полагаемый нашею мыслію для представляемаго нами путемъ такихъ прибавленій, немедленно ею снимается, какъ только онъ былъ достигнутъ, и прибавленія продолжаются. Поэтому Локкъ имѣлъ полное основаніе въ своемъ тонкомъ и глубокомъ анализѣ охарактеризовать безконечность, какъ идею,"которая увеличивается безъ конца". Однако, при этомъ нужно обратить вниманіе на одинъ очень существенный пунктъ : вѣдь чрезъ такое постоянное отбрасы-

ваніе всякой поставленной границы, мы получаемъ величину мѣняющуюся, но вовсе не безконечную. Еслибъ весь смыслъ нашего понятія о безконечности исчерпывался тѣми вереницами представленій, которыя проходятъ въ нашей головѣ при мышленіи о немъ, то между идеей безконечности и идеей непрерывно растущей величины не было бы никакой разницы; между тѣмъ такая разница безспорно существуетъ: безконечность есть никогда не достигаемый идеальный предѣлъ растущей конечной величины. Въ чемъ же п с и х о л о г и ч е с к о е различіе между этими двумя идеями? Какъ и при различеніи возможнаго отъ дѣйствительнаго, оно заключается не въ матеріальномъ содержаніи представленій, а въ субъективномъ отношеніи къ нему нашего сознанія. Мысля безконечное, мы не только зачеркнули и отбросили всѣ границы, данныя въ представленіи раньше, но мы знаемъ, что мы отбросимъ и всѣ другія, и даже стараемся это выполнить. Съ этой точки зрѣнія, подлиннымъ содержаніемъ или, по крайней мѣрѣ, главнѣйшимъ факторомъ содержанія нашего понятія о безконечномъ является самое наше рѣшеніе возвыситься надъ к а ж д о ю г р а н и ц е ю в о о б щ е, разъ она будетъ дана въ нашемъ представленіи. Какъ при размышленіи о какой-нибудь всеобщей истинѣ мы отбрасываемъ все частное, заключающееся въ представленіи, какъ случайное для нашей мысли, допускающее замѣну другими возможностями, такъ и суть нашего пониманія безконечности лежитъ въ неизмѣнномъ и заранѣе предрѣшенномъ о т б р а с ы в а н і и всѣхъ воображаемыхъ предѣловъ. Иначе сказать, идея безконечности коренится въ в о л е в о м ъ актѣ сознанія, или, пожалуй, даже вся и состоитъ въ этомъ актѣ, п о с к о л ь к у о н ъ с о з н а н ъ. Повидимому, это имѣлъ въ виду Локкъ, когда онъ говорилъ, что "каждый почерпаетъ идею о безконечномъ пространствѣ изъ способности простирать безъ конца свое представленіе о пространствѣ путемъ новыхъ прибавленій, такъ какъ эта способность остается всегда неизмѣнною".

По этому поводу вообще можно поставить вопросъ : не слѣдуетъ ли важнѣйшую долю самаго содержанія идей непредставимыхъ (т.е. невыразимыхъ ни въ какомъ адэкватномъ конкретномъ образѣ) положить въ тѣхъ волевыхъ актахъ, которыми обусловливается ихъ пониманіе ? Между тѣмъ, м о м е н т ъ н е п р е д с т а в и м о с т и, или то, что можно назвать с в е р х ч у в с т в е н н ы м ъ элементомъ нашихъ умственныхъ операцій, присутствуетъ во всѣхъ идеяхъ нашего разума и во всѣхъ нашихъ сужденіяхъ, какъ я старался показать еще въ началѣ моего курса. И чѣмъ идея общее и отвлеченнѣе или чѣмъ она сложнѣе, тѣмъ болѣе въ ней сказывается этотъ элементъ. Разумѣя подъ волею дѣятельную силу духа вообще, придется признать, что всякое отвлеченіе есть актъ в о л е в о й, коренящійся въ дѣятельности вниманія. Съ другой стороны, всякая сложная

идея предполагаетъ внутренній актъ синтеза, связующій многообразное содержаніе въ единое цѣлое. Возьмемъ наиболѣе простой примѣръ: мы видимъ цвѣтъ и форму яблока, осязаемъ его твердость, обоняемъ запахъ, ощущаемъ вкусъ, и все это объединяемъ въ концепцію я б л о к а , какъ о д н о й вещи, которой принадлежатъ и цвѣтъ и твердость, и запахъ, и вкусъ, какъ свойства. Что тутъ произошло въ нашей психической сферѣ? Вѣдь цвѣтъ не есть запахъ, и вкусъ не есть твердость; и тѣмъ не менѣе мы какъ бы слили и отождествили ихъ между собою, признавъ за проявленія одного и того же. И что же такое это о д н о , которое обладаетъ названными свойствами, и чрезъ какой психическій матеріалъ мы его усвоиваемъ нашею мыслію, когда отличаемъ его, какъ предметъ, отъ вызванныхъ имъ ощущеній, какъ его качествъ ? Очевидно, здѣсь ни о какомъ наглядномъ, ощутимомъ образѣ - рѣчи быть не можетъ. Предметъ, въ его отличіи отъ всѣхъ его свойствъ, мы только мыслимъ, но едва ли кто станетъ заявлять серьезную претензію живо себѣ его представить. Но въ чемъ заключается актъ мышленія, когда мы признаемъ яблоко за единую вещь? Онъ состоитъ, прежде всего, въ дѣйствіи соединенія, с и н т е з а разнообразныхъ ощущеній; но это дѣйствіе мы не разсматриваемъ, какъ выраженіе нашего субъективнаго произвола, мы признаемъ его отвѣчающимъ познаваемому содержанію, мы видимъ въ немъ и з о б р а ж е н і е объективной связи того, что ощущаемъ, - и съ психологической точки зрѣнія едва ли въ нашемъ умѣ въ этомъ случаѣ происходитъ что-нибудь большее. Итакъ, что же мы дѣлаемъ, когда противополагаемъ предметъ синтезированнымъ въ немъ свойствамъ ? Мы противополагаемъ нашъ объединяющій волевой актъ, изображающій для насъ внутреннюю связь ощущеній, тѣмъ ощущеніямъ, которыя мы раньше этимъ самымъ актомъ объединили. Другими словами, психическій матеріалъ для пониманія с у б с т а н ц і и въ отличіе отъ ея аттрибутовъ даетъ наша собственная воля.

Именно эту точку зрѣнія защищалъ знаменитый французскій психологъ начала XIX столѣтія Мэнъ-де-Биранъ, глубже всѣхъ другихъ оцѣнившій многостороннее вліяніе воли на нашу умственную жизнь. Онъ разсуждаетъ такъ: черезъ анализъ чувственнаго созерцанія мы можемъ получить лишь элементы, также чувственные, доступные воображенію и ощущенію; напротивъ, тамъ, гдѣ нечего видѣть, осязать, ощущать , - область чувственнаго усмотрѣнія совсѣмъ кончается. Но мы имѣемъ нѣкоторыя понятія, совсѣмъ абстрактныя, у которыхъ нельзя указать ни одного чувственнаго, наглядн[ого] признака: таковы понятія о существѣ, причинѣ, силѣ, чистомъ бытіи, единствѣ, тождествѣ. Откуда берутся эти понятія ? По ученію Мэнъ-де-Бирана ихъ источникъ въ непосредственно воспринимаемой дѣятельности нашего Я. Наша воля, наше Я, дѣятельная причина нашихъ внѣшнихъ и внутреннихъ ак-

товъ, - все это только разныя названія для единаго центра, который живетъ и сознаетъ себя въ насъ. И лишь отвлекая основныя свойства нашего Я и его волевой дѣятельности, мы получаемъ высшія понятія нашего ума, вполнѣ свободныя отъ всякихъ чувственныхъ примѣсей. Наше Я есть самое достовѣрное, что мы знаемъ, - нѣтъ безспорнѣе истины, что мы существуемъ ; и тѣмъ не менѣе наше Я, въ своемъ единствѣ и неизмѣнномъ тождествѣ съ самимъ собою, недостижимо ни для ощущенія, ни для воображенія.Вотъ почему для насъ возможны понятія съ сверхчувственнымъ содержаніемъ. Роль этихъ понятій въ нашемъ познаніи громадна : мы выносимъ ихъ за предѣлы нашего субъективнаго міра и простираемъ на всю дѣйствительность; они обращаются для насъ во всеобщія категоріи, внѣ которыхъ мы не только не можемъ признать что-нибудь реальнымъ, но даже и просто не въ состояніи что-нибудь мыслить. Гдѣ нѣтъ существъ, силъ, причинности, единства, тамъ для насъ нѣтъ ничего.

Въ самомъ дѣлѣ, стоило бы внимательно подумать надъ тѣмъ, сколько чисто-волевыхъ элементовъ многообразно вплетается не только въ наше пониманіе тѣхъ идей, на которыхъ останавливается Мэнъ-де-Биранъ, ни и въ наши понятія о возможномъ, дѣйствительномъ, необходимомъ, въ наше различеніе между утвержденіемъ и отрицаніемъ, въ наши понятія о всеобщихъ отношеніяхъ между вещами и т.д. Однако, именно волевой факторъ логическаго смысла отвлеченныхъ идей обыкновенно совсѣмъ игнорируется психологами. Не оттого ли ходячія психологическія объясненія происхожденія нашихъ высшихъ обобщеній такъ сбивчивы и туманны?

Впрочемъ, теперь я не буду настаивать на этомъ пунктѣ : онъ самъ по себѣ требуетъ подробнаго и всесторонняго обсужденія. Для насъ важенъ общій выводъ, неизбѣжно вытекающій изъ предшествующихъ соображеній: въ огромномъ множествѣ умственныхъ процессовъ мы не удовлетворяемся непосредственно даннымъ содержаніемъ нашихъ представленій, но возвышаемся надъ нимъ и вызываемъ въ сочетаніяхъ его элементовъ нескончаемыя преобразованія, при чемъ, однако, ни одно изъ полученныхъ этимъ путемъ новыхъ сочетаній не составляетъ адэкватнаго образа того, чего мы ищемъ. Можно сказать, что въ такихъ случаяхъ каждая частная группа представленій является дѣйствительно лишь с и м в о л о м ъ того, къ чему мы хотимъ мысленно приблизиться, равноцѣннымъ съ другими символами, и мы с о з н а е м ъ это : текучесть ассоціацій въ томъ значеніи, какъ я употребляю этотъ терминъ, есть именно результатъ с о з н а н і я многихъ равноправныхъ возможностей по отношенію къ искомому содержанію ума.

Разсматривая вопросъ объ отношеніи психическихъ явленій къ ихъ физіологическимъ условіямъ, я уже отчасти указывалъ, что въ зависимости, какъ физическихъ измѣненій нашего организма отъ нашихъ психическихъ со-

стояній, такъ и психическихъ состояній между собою, мы должны предположить моментъ п р о и з в о л ь н о с т и или м е ж д у п р е д ѣ л ь н о с т и . Наши психическія состоянія, какъ въ этомъ съ несомнѣнностью убѣждаетъ насъ внутренній опытъ, по сравненію съ непрерывностью процессовъ физической природы, въ математическомъ смыслѣ, суть величины п р е р ы в н ы я ; между тѣмъ съ точки зрѣнія математики функціи прерывныхъ величинъ п р о и з в о л ь н ы ,(т.е. каждому ихъ значенію отвѣчаетъ, между извѣстными предѣлами, цѣлый рядъ значеній зависящихъ отъ нихъ величинъ непрерывныхъ, или хотя также прерывныхъ, но съ другими періодами измѣняемости). Переведемъ это на языкъ психологіи: когда одно представленіе вызываетъ въ нашемъ сознаніи другія, мы не всегда можемъ съ точностью предсказать содержаніе этихъ другихъ представленій; очень часто воспроизведеніе ихъ въ зависимости отъ даннаго представленія можетъ совершиться по о д н о м у и з ъ м н о г и х ъ путей, одинаково удовлетворяющихъ существующимъ условіямъ. Такъ, когда мы скажемъ общее названіе какого-нибудь предмета, этимъ вовсе не предопредѣляется, какой именно конкретный образъ этого предмета представится фантазіи нашего слушателя.

Математически говоря, во всѣхъ недавно разсмотрѣнныхъ случаяхъ мы имѣли такую м е ж д у п р е д ѣ л ь н о с т ь во взаимныхъ отношеніяхъ между идеями. Въ понятіи треугольника не заключается никакихъ поводовъ воображать именно тотъ, по формѣ и величинѣ треугольникъ, который первый представился нашему уму, а не какой-нибудь другой; въ понятіи неизвѣстнаго намъ будущаго нѣтъ никакихъ побужденій предпочесть одни возможныя въ немъ событія другимъ и т.д. И мы сознаемъ такую междупредѣльность въ отношеніяхъ идей, и это вызываетъ свободную игру нашего духа съ конкретными ограниченіями и подробностями представляемаго нами. Въ этомъ состоитъ свобода мышленія, какъ его неизбѣжное и основное свойство. И эта свобода должна выражаться и въ нашихъ дѣйствіяхъ во внѣшнемъ мірѣ: вѣдь, наша практическая дѣятельность есть реализація того, что мы думаемъ. Сознательно взвѣшивая соотвѣтственность цѣлей и средствъ, мы повинуемся не безотчетному сцѣпленію ассоціацій, а свободно измѣряемъ разныя возможности, какъ это дѣлаемъ при всякомъ размышленіи о будущемъ. Если у насъ есть основаніе предпочесть одну возможность предъ другими, въ виду представляемаго ею и замѣтнаго для насъ удобства, мы, конечно, ее воплощаемъ въ своемъ дѣйствіи. Если у насъ такого основанія нѣтъ, мы просто реализуемъ одну изъ возможностей, построенныхъ нашимъ умомъ. Въ послѣднемъ случаѣ, живое стремленіе осуществить нашъ замыселъ есть вполнѣ достаточное основаніе не оставаться въ бездѣйствіи даже и тогда, когда различные способы его выпол-

ненія для насъ равноцѣнны. С в о б о д а в о л и въ тѣсномъ смыслѣ слова является необходимымъ слѣдствіемъ коренныхъ свойствъ нашей природы : она естественный плодъ внутренней свободы разума.

Можетъ быть, возразятъ, что существованіе процессовъ т е к у ч е й или б ѣ г л о й ассоціаціи въ нашемъ умѣ вовсе не устраняетъ строгаго детерминизма нашихъ душевныхъ актовъ. Какое-нибудь представленіе A, возникающее первымъ въ процессѣ текучей ассоціаціи (положимъ, при размышленіи о частныхъ случаяхъ нѣкотораго общаго понятія), входитъ въ наше сознаніе не случайно и не безпричинно, - что-нибудь подготовило появленіе въ нашей мысли именно его, а не какого-нибудь другого представленія. Точно также возникновеніе слѣдующаго за нимъ представленія B должно съ необходимостью опредѣляться психическими условіями, вытекающими изъ существованія въ насъ представленія A и сопровождающихъ его обстоятельствъ нашей внутренней жизни. Подобныя соображенія должны повториться и для представленій C, D, E, G, которыя промелькнутъ въ нашемъ умѣ послѣ представленія B.

На такое разсужденіе можно отвѣтить, что рѣшеніе вопроса въ этомъ случаѣ всецѣло зависитъ отъ того, признаемъ мы участіе воли въ ходѣ нашихъ представленій или его отвергаемъ? Если мы отрицаемъ всякое воздѣйствіе воли (будь то въ скрытомъ или явномъ видѣ) на движеніе нашихъ идей, тогда намъ, конечно, лишь останется предположить невольную связь между ними, - ихъ прочное сцѣпленіе между собою, которое заставляетъ ихъ слѣдовать другъ за другомъ въ одномъ опредѣленномъ порядкѣ, и для такого сцѣпленія едва ли можно указать какіе-либо другіе руководящіе принципы, кромѣ смежности исходства. Однако, именно тогда - то мы и не получимъ никакихъ т е к у ч и х ъ или б ѣ г л ы х ъ ассоціацій, а только ассоціаціи п р о ч н ы я и у с т о й ч и в ы я, т.е. объяснимъ совсѣмъ не то, что взялись объяснять. Какъ мы видѣли, существенная особенность процессовъ текучей ассоціаціи состоитъ прежде всего въ вліяніи на нихъ актовъ нашей воли. Скажутъ ли, что и наша воля безусловно опредѣляется въ своемъ направленіи содержаніемъ представленій, съ которыми она имѣетъ дѣло, что поэтому представленіе A рождаетъ лишь такую волю, которая непремѣнно вынуждена обратиться на B, а никакъ не на C и не на D? Но не говоря уже о томъ, что такое утвержденіе, несомнѣнно, заключало бы въ себѣ petitio principii, - оно находится въ открытомъ противорѣчіи съ описанными выше данными внутренняго опыта. Направляющее воздѣйствіе воли въ происхожденіи того, что я назвалъ б ѣ г л ы м и а с с о ц і а ц і я м и, состоитъ именно въ томъ, что она, такъ сказать, вырываетъ отдѣльныя представленія изъ ихъ принудительныхъ сцѣпленій съ другими и образуетъ новыя сочетанія. Съ другой стороны, въ составѣ бѣглыхъ ассоціацій обыкновенно нельзя усмотрѣть никакой вну-

тренней, логической неизбѣжности для непремѣннаго перехода отъ даннаго представленія къ тому, которое за нимъ слѣдуетъ: такъ, когда мы перебираемъ въ умѣ частные примѣры какой-нибудь общей истины о треугольникахъ, нѣтъ никакого логическаго основанія, чтобы мы, вслѣдъ за прямоугольнымъ треугольникомъ, во что бы то ни стало, подумали о тупоугольномъ, а не остроугольномъ треугольникѣ. Самый источникъ бѣглости ассоціацій заключается, какъ мы могли въ этомъ убѣдиться, въ безразличномъ отношеніи нашей воли къ ихъ отдѣльнымъ звеньямъ; и этотъ ихъ безразличный характеръ не можетъ не отражаться въ ихъ обратномъ вліяніи на нашу волевую дѣятельность. Когда мы стремимся къ какой нибудь цѣли и намъ представляется нѣсколько одинаково возможныхъ и для насъ равноцѣнныхъ способовъ ея реализаціи, - мы избираемъ какой-нибудь одинъ изъ нихъ, - не потому, что - бы онъ имѣлъ преимущества предъ другими, а единственно потому, что какой-нибудь путь къ ея осуществленію выбрать надо. Здѣсь мы будемъ имѣть м о т и в и р о в а н н ы й ф а к т ъ п р о и з в о л ь н о с т и дѣйствія, потому что безъ такой произвольности цѣль, при данныхъ условіяхъ, совсѣмъ не могла бы осуществиться. Станутъ ли утверждать, что такой случай невозможенъ, что каждое наше представленіе есть нѣкоторая опредѣленная по своей интенсивности величина, и поэтому при ихъ взаимномъ столкновеніи съ неизбѣжностью должно одолѣть сильнѣйшее и тѣмъ самымъ сдѣлаться исключительнымъ двигателемъ нашей воли? Но возможно ли доказать это предположеніе, навѣянное Гербартовой психологіей? Точно ли каждое представленіе, съ своей психической стороны и въ своемъ отношеніи къ волѣ, есть совершенно опредѣленная и постоянная величина? И существуютъ ли безспорныя основанія думать, что наша воля есть пассивная наблюдательница разнообразныхъ поединковъ между представленіями, покорно отдающаяся во власть счастливаго побѣдителя? Даже болѣе, - такое изображеніе волевыхъ актовъ не явится ли величайшимъ искаженіемъ настойчивыхъ свидѣтельствъ нашей душевной жизни? Во-первыхъ, въ нашемъ сознаніи нѣтъ даже и поприща для такихъ поединковъ: заразъ, съ одинаковымъ вниманіемъ и отчетливостью, мы въ состояніи усвоить только очень небольшое количество идей. Во-вторыхъ, наша воля не овладѣвается тѣмъ или инымъ способомъ дѣйствія, какъ внѣшнею роковою и неодолимою силою; она отъ себя избираетъ пути своего проявленія. Когда мы выбираемъ какой-нибудь образъ дѣйствія, мы тѣмъ самымъ устраняемъ всѣ другіе, какова бы ни была интенсивность элементовъ, слагающихъ наши представленія о нихъ. Вообще, приписывать волѣ направляющее и ограничивающее вліяніе на механическое взаимодѣйствіе идей (а не признать этого вліянія невозможно, если только справедливы выводы, полученные нами раньше), и въ то же время разсматривать самую волю, какъ механическій результатъ этого вза-

имодѣйствія, есть противорѣчіе настолько очевидное, что его нельзя не замѣтить. Вундтъ говоритъ:"Мы должны сознаться, что вполнѣ достаточнаго эмпирическаго доказательства въ пользу детерминизма не существуетъ. Опредѣляемость воли, равно какъ и всеобщая причинность, собственно есть метафизическій постулатъ". Съ этимъ мнѣніемъ трудно не согласиться. Нужно, однако, прибавить, что это постулатъ въ сущности призрачный и основанный на чистомъ недоразумѣніи. Свобода вовсе не есть отрицаніе причинности, а только одинъ изъ ея видовъ, притомъ самый первоначальный и коренной. Внѣшній детерминизмъ явленій(т.е. роковая и слѣпая зависимость явленій послѣдующихъ отъ предшествующихъ), представляетъ изъ себя нѣчто немыслимое, если не допустить въ его основѣ предваряющаго самоопредѣленія силъ самодѣятельныхъ. Впрочемъ, какъ бы мы ни смотрѣли на метафизическое отношеніе понятій свободы и необходимости ,уже то важно, что лишь метафизики, и при этомъ на основаніяхъ шаткихъ и гадательныхъ могутъ утверждать теоретическую н е - с о м н ѣ н н о с т ь детерминизма.

Къ какимъ же окончательнымъ заключеніямъ можемъ мы прійти на основаніи всего сказаннаго ? Творческая дѣятельность преобразованія и перераспредѣленія представленій выражается на всѣхъ стадіяхъ душевнаго существованія, хотя въ весьма разнообразныхъ формахъ; едва ли можно указать такую низкую ступень слабоумія или психическаго разстройства, на которой тенденція къ перераспредѣленіямъ идей совсѣмъ бы отсутствовала и законамъ сходства и смежности принадлежало исключительное господство. Съ другой стороны, подвижныя ассоціаціи, обязанныя своимъ существованіемъ преобразующей силѣ души, и по своему происхожденію и по своему дѣйствію на наше сознаніе, раздѣляются на двѣ рѣзко разграниченныя категоріи: однѣ изъ нихъ, возникшія совсѣмъ безотчетно, какъ бы ни были онѣ случайны и скоропреходящи, все-таки вызываютъ въ насъ иллюзію чего то устойчиваго, самостоятельнаго; какъ бы ни казалось нелѣпымъ событіе, воображаемое нами во снѣ, мы въ него вѣримъ, пока его видимъ; какъ бы ни была чудовищна представившаяся намъ галлюцинація, нужны величайшія усилія критическаго разсудка, чтобы убѣдиться въ ея призрачности. Напротивъ, другія подвижныя сочетанія, которыя я назвалъ т е к у ч и м и , непосредственно ясны для насъ въ своемъ основномъ качествѣ и не обманываютъ никого. Въ чемъ же различіе между этими двумя группами подвижныхъ ассоціацій? Опираясь на предыдущее, а также имѣя въ виду раньше установленный законъ о б р а т н о й х а р а к т е р и с т и к и , мы можемъ дать совершенно опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ: текучій характеръ идейныхъ сочетаній есть порожденіе нашей собственной воли, - мы сами вызвали пестрые ряды смѣняющихся

представленій, и з н а е м ъ объ этомъ, и знаемъ, зачѣмъ ихъ вызвали. Мы непосредственно сознаемъ волю, ихъ произведшую, и оттого они неспособны ввести насъ въ заблужденіе. С о з н а н і е т е к у ч е с т и и л и ш ь с и м в о л и ч е с к а г о з н а ч е н і я н а ш и х ъ п р е д с т а в л е н і й в с е ц ѣ л о з а в и с и т ъ о т ъ с о з н а н і я и х ъ п р о и с х о ж д е н і я о т ъ н а ш е й п р о и з в о л ь н о й д ѣ я т е л ь н о с т и. А изъ этого, если вспомнимъ все то, что было сказано о роли текучихъ ассоціацій въ нашей душевной жизни, получается очень важный выводъ : с о з н а н і е н а ш е й с а м о д ѣ я т е л ь н о с т и е с т ь к о р е н н о е у с л о в і е с у щ е с т в о в а н і я в ъ н а с ъ и д е й о в о з м о ж н о м ъ, б у д у щ е м ъ, о в с е о б щ и х ъ и с т и н а х ъ, о н а ш и х ъ п р а к т и ч е с к и х ъ п ѣ л я х ъ, - а т а к ж е т а к и х ъ э м о ц і й к а к ъ о ж и д а н і е, с т р а х ъ и н а д е ж д а.

Коротко сказать: еслибъ въ насъ не было самодѣятельности, и еслибъ она нами не сознавалась прямо, какъ таковая, - самые элементарные умственные процессы были бы невозможны. И она всегда является, какъ е д и н а я дѣятельность, ибо только въ ея внутреннемъ единствѣ получаетъ связь и смыслъ неудержимый потокъ прихотливыхъ и мѣняющихся сочетаній между представленіями, составляющій неизбѣжную почву едва ли не для всѣхъ нашихъ умственныхъ операцій. А это обстоятельство выдвига-тъ етъ на первый планъ вопросъ о нашемъ сознающемъ Я.

Какъ мы уже знаемъ на природу нашего Я въ психологіи существуетъ два взгляда: по одному воззрѣнію, которое нужно считать господствующимъ, Я есть только наше представленіе, сравнительно поздно возникшее изъ очень сложной работы механизма ассоціацій. Другіе психологи, наоборотъ, думаютъ, что наше Я есть условіе и двигатель ассоціацій, предшествующій всѣмъ синтезамъ какихъ бы то ни было представленій. Если заключенія, которыя мы получили до сихъ поръ, вѣрны, очевидно, куда должно для насъ склониться рѣшеніе вопроса: наше Я, какъ сознающая себя самодѣятельная сила , не есть р е з у л ь т а т ъ процессовъ сознанія, а ихъ реальный ц е н т р ъ и живая о с н о в а . Нѣтъ никакого сомнѣнія, - наше отчетливое представленіе о нашемъ Я, какъ о чемъ - то отличномъ не только отъ окружающаго насъ міра, но и отъ нашего тѣла, и даже отъ нашихъ собственныхъ отдѣльныхъ душевныхъ состояній, развивается очень медленно и постепенно, и разъ оно образовалось, оно само по себѣ , въ своемъ качествѣ п р е д с т а в л е н і я , становится очень важнымъ стимуломъ нашихъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣйствій. Въ этомъ правда ассоціативной теоріи. Но все же наше Я не есть лишь такое представленіе. На-

противъ, самое это представленіе могло только потому возникнуть, что въ насъ изначала дана единая сознающая дѣятельность, отличная и отъ внѣшняго міра, и отъ нашего тѣла, которое она воспринимаетъ и движетъ, и отъ нашихъ отдѣльныхъ душевныхъ состояній, которыя она испытываетъ и направляетъ. И эту дѣятельность мы сознаемъ прямо и непосредственно, потому, что мы с а м и - эта дѣятельность (какъ утверждали еще Мэнъ де -Биранъ и Фихте). Мы только тѣмъ и сознаемъ ее, что внутренно дѣйствуемъ, и съ другой стороны, елибъ мы ея никакъ не сознавали, нельзя было бы и говорить о н а ш е й дѣятельности. Ея существованіе есть нѣкоторый основной, далѣе неразложимый фактъ психологіи, и его разъ навсегда слѣдуетъ признать такимъ: лишь это признаніе спасетъ современную психологію отъ разрывающихъ ее очевидныхъ, поразительныхъ, иногда, противорѣчій. Если нашу внутренно единую волю мы назовемъ Я п е р в и ч н ы м ъ , а наше представленіе о себѣ Я в т о р и ч н ы м ъ , тогда можно будетъ сказать, что Я в т о р и ч н о е постепенно развивается изъ Я п е р в и ч н а г о , и это утвержденіе уже не будетъ имѣть того предвзятаго , заранѣе осуждающаго реальность нашего Я смысла, какой имѣетъ оно у нѣкоторыхъ психологовъ.

Текучія ассоціаціи, въ своихъ безконечно разнообразныхъ перераспредѣленіяхъ, направляются и движутся нашею волею. Въ чемъ же источникъ постояннаго перераспредѣленія идей въ безсознательныхъ операціяхъ нашей души? Должны ли мы искать его просто въ физико-химическихъ процессахъ нашего мозга и нервныхъ центровъ ? Этому, повидимому, рѣшительно противорѣчитъ всегда наблюдаемая, большая или меньшая осмысленность этихъ операцій. Когда изъ безсознательныхъ нѣдръ нашего духа всплываетъ геніальный замыселъ, или когда въ глубокомъ снѣ въ насъ зрѣетъ рѣшеніе интересующей насъ задачи, при чемъ въ сознаніе попадаетъ лишь окончательный результатъ, мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ мышленіемъ и разумомъ, а какъ мы убѣдились, безъ волевой дѣятельности Я, нѣтъ мѣста для дѣйствительной мысли. Но какое же это Я. ?То же ли, которое дѣйствуетъ и сознаетъ себя въ насъ ? Но въ такомъ случаѣ какъ же мы не сознаемъ того, что сами совершаемъ ? Или это другое Я (или м н о г і я другія Я), отъ насъ отличное ? Но если такъ, то не должно ли и оно, подобно нашему сознательному Я, сознавать себя и свои дѣйствія, - вѣдь, безъ сознанія дѣятельности, направляющей ходъ идей, также невозможны никакіе умственные процессы ?

Все это вопросы очень интересные, и, повидимому, имъ скоро придется занять первенствующее положеніе въ психологіи.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

О Б Щ А Я Ч А С Т Ь.

I.

О С Н О В Н Ы Я М Е Т О Д О Л О Г И Ч Е С К І Я С О О Б Р А Ж Е Н І Я (3 - 58).

1). Опредѣленіе психологіи и ея предметъ (3-4). Значеніе психологіи и ея центральное положеніе въ общей системѣ человѣческихъ знаній (5-7). Метафизическое значеніе психологіи (7 - 8). Зависимость всѣхъ философскихъ дисциплинъ отъ данныхъ психологіи (9). Самостоятельность психологіи, какъ науки, и ея несовершенное состояніе въ настоящее время (10 - 11).

2). Самонаблюденіе, какъ основной методъ въ психологіи; его огромное преимущество и неизбѣжная ограниченность (11 - 12). Необходимость пополненія субъективнаго метода чистаго самонаблюденія методомъ объективнаго наблюденія ; тѣсная зависимость этого послѣдняго отъ интроспекціи (13 - 15). Примѣненіе объективнаго метода въ изслѣдованіи связей между состояніями психическими и физіологическими; физіологическая психологія и ея несовершенное состояніе (16 - 17). Психологія экспериментальная;ея непосредственныя задачи; значеніе въ этой области психопатологіи, психометрія (17 - 19).
Первенствующая роль самонаблюденія въ психологіи и вспомогательное значеніе объективнаго метода всѣхъ другихъ психологическихъ дисциплинъ; невозможность замѣны интроспективной психологіи физіологіей мозга и нервной системы ; примѣръ френологіи (19 - 21).

3). Основныя достоинства метода самонаблюденія : воспріятіе: психической дѣйствительности въ ея подлинныхъ признакахъ и воспріятіе нашихъ сознательно-произвольныхъ дѣйствій въ ихъ настоящей внутренней связи; инстинктъ художественной правды въ насъ, основанный на этомъ принципѣ внутренней очевидности связей между причинами и дѣйствіями въ нашемъ внутреннемъ мірѣ (21 - 23). Три типа послѣдовательности психическихъ явленій : простое слѣдованіе во времени; слѣдованіе съ предполагаемой причинною зависимостью между наличными психическими фактами; слѣдованіе съ непосредственно усматриваемою и переживаемою причинною

связью между психическими событіями (24 - 26).
Общія отличительныя свойства душевныхъ фактовъ послѣдней группы : полное логическое соотвѣтствіе между содержаніемъ причины и содержаніемъ слѣдствія и непремѣнная наличность воли и дѣятельныхъ стремленій (26-28). Несостоятельность противоположенія теоріи эпифеноменизмъ изложеннымъ выводамъ о нашемъ непосредственномъ переживаніи внутренней причинности духа (28 - 29).

4). Основные недостатки метода самонаблюденія : неизбѣжное ограниченіе индивидуальнымъ содержаніемъ нашей собственной душевной жизни; Невозможность точнаго математическаго знанія процессовъ нашего внутренняго опыта, въ тѣсной связи съ отсутствіемъ въ нихъ всякихъ пространственныхъ опредѣленій; тѣсный кругъ наличныхъ ясно сознаваемыхъ психическихъ данныхъ въ насъ и необходимость постояннаго привлеченія воспоминаній въ нашей интроспекціи (30 - 32). Недостатки нашей способности воспоминанія. Общіе недостатки : неполнота воспроизведенія пережитыхъ процессовъ; тенденціозность нашей памяти. Спеціальные недостатки: неодинаковая воспроизводимость всѣхъ психическихъ состояній при равныхъ условіяхъ : плохая воспроизводимость ощущеній ,такъ- наз. низшихъ чувствъ и даже фактовъ болѣе сложнаго порядка, напр., нашихъ настроеній и актовъ воли; болѣе легкая воспроизводимость объективныхъ элементовъ нашего сознанія, сравнительно съ субъективными (32 - 36).

5). Значеніе и неизбѣжныя несовершенства самонаблюденія въ самый моментъ теченія въ насъ психическихъ процессовъ; искажающая роль вниманія и рефлексіи при такомъ самонаблюденіи (37 - 40).

6). Коренной недостатокъ самонаблюденія : отсутствіе наглядности и удобозримости во многихъ психическихъ фактахъ. Вытекающее отсюда странное положеніе психолога среди другихъ научныхъ изслѣдователей.(40- 41). Стремленіе нашего ума къ наглядному и частое игнорированіе лишенныхъ наглядности элементовъ нашего внутренняго опыта. Примѣры : теоріи Кондильяка и Гербарта; теорія чувства В. Джемса , теорія вниманія Рибо;теорія воли Мюнстерберга и Пигена (41 - 44).

7). Споръ между номиналистами и концептуалистами или универсалистами. Несостоятельность номиналистической теоріи. Теорія символизма и ея неудовлетворительность (45 - 50).

8). Важнѣйшія руководящія правила психологическаго изслѣдованія при помощи интроспективнаго метода: а) Невозможность примѣненія къ нашему самонаблюденію строгой научной индукціи съ экспериментальными методами; в) возможность широкаго пользованія въ самонаблюденіи методомъ мысленнаго анализа ; с) возможность проведенія въ самонаблюденіи типическаго или обобщающаго анализа Большая доступность для интроспективнаго

изслѣдованія области проявленій активности нашего духа, сравнительно съ областью пассивныхъ элементовъ нашего сознанія (51 - 53).

9). Главныя предостерегающія правила въ психологическихъ изысканіяхъ : а) обязанность психолога избѣгать исключительнаго сосредоточенія всѣхъ своихъ изслѣдованій на наглядныхъ и отчетливыхъ фактахъ въ жизни сознанія; в) обязанность психолога съ большою осторожностью относиться ко всякимъ попыткамъ дать окончательный анализъ психическихъ процессовъ на ихъ простѣйшіе элементы ; с) обязанность психолога тщательно оберегаться отъ злоупотребленія физіологическими схемами (53 - 56).

10). Безпристрастное описаніе данныхъ душевной жизни, ,какъ главная задача психолога. Трудность этой задачи и ея большое значеніе для психологіи. Возможность психологіи, какъ науки (56 - 58).

II.

О ПРЕДМЕТѢ ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ИЗУЧЕНІЯ (58 - 107).

1). Различіе психическихъ фактовъ отъ явленій и предметовъ физическихъ: а) Непротяженность психическихъ фактовъ ; в) качественное разнообразіе душевныхъ явленій ; с) Творческій характеръ психической причинности; d) Направляющее воздѣйствіе субъективной оцѣнки на теченіе психическихъ процессовъ; е) телеологичность или цѣлесообразность психическихъ актовъ (58 - 64). Противоположность психическаго хода явленій ходу явленій физическихъ. Принципъ актуальности Вундта, какъ важнѣйшій пунктъ различія между психическими и физическими явленіями, рядомъ съ перечисленными (64 - 65).

2). Стремленіе современныхъ психологовъ къ созданію психологіи безъ души и тѣсная зависимость его отъ признанія упомянутаго принципа актуальности. Огромная важность всесторонней критической оцѣнки этого послѣдняго въ связи съ большимъ значеніемъ вопроса о существѣ всякаго психическаго процесса вообще (65 - 66).

Общій смыслъ предполагаемаго различія между психическими и физическими явленіями (принципа актуальности Вундта): субстанціальный характеръ причинной связи физическихъ явленій и неизбѣжная соотносительность явленій и субстанціи для физической области ; душевные факты, какъ чистыя явленія, и душа, какъ множественность чистыхъ психическихъ событій, связанныхъ между собою, но лишенныхъ всякаго переживающаго ихъ субстрата (66 - 67).

Теоретическія трудности чисто феноменистическаго взгляда на душевную жизнь:contradictio in adjecto въ понятіи чистаго явленія;невозможность принятія душевной жизни за простую сумму отдѣльныхъ психическихъ фактовъ, какъ субстанціальныхъ единицъ психическаго существованія,-препятствующія этому абсолютная мгновенность и относительность всѣхъ нашихъ душевныхъ состояній.

Измѣненіе первоначальной чисто-феноменистической точки зрѣнія въ признаніи подлиннаго бытія души въ единствѣ ея жизни,во внутренней связи ея явленій; неразрѣшимость этой проблемы реальнаго единства и связи и реальнаго синтеза отдѣльныхъ психическихъ состояній при удержаніи понятія чистыхъ, абсолютныхъ душевныхъ событій; признанія въ этомъ сторонниковъ феноменизма , - Паульсена и Дж. Ст. Милля. Несостоятельность феноменистической теоріи (67 - 73).

3). Возможное возраженіе противъ сдѣланныхъ выводовъ и его несостоятельность. Теорія души, какъ непостижимой"вещи въ себѣ". Ея неудовлетворительность: неизбѣжное противорѣчіе въ признаніи трансцендентнаго бытія абсолютно-непостижимой сущности духа и въ противопоставленіи ея доступнымъ и хорошо извѣстнымъ намъ душевнымъ явленіямъ; распаденіе упомянутой теоріи во внутреннихъ логическихъ противорѣчіяхъ(73 - 77).

4) Несостоятельность всѣхъ теорій, отрицающихъ соотносительность субстанціи и ея явленій и, между прочимъ матеріалистическаго воззрѣнія на субстанцію душевной жизни (77 - 79).

5). Противоположность душевной жизни съ точки зрѣнія феноменизма ея дѣйствительному облику: невозможность согласованія съ феноменистическими посылками факта нашихъ воспоминаній и дѣятельности всѣхъ психическихъ состояній (79-81).

Необходимость признанія особой субстанціи душевной жизни; неудовлетворительность психологическаго матеріализма въ двухъ отношеніяхъ : нарушеніе въ немъ принципа соотносительности субстанціи и ея явленій и усложненіе теоретическихъ трудностей отвлеченнаго феноменизма. Психологическая теорія Гербарта и теорія универсальнаго духа, какъ примѣры часто повторяющагося нарушенія принципа реализаціи субстанціи въ ея состояніяхъ (81 - 87).

6). Имманентная нематеріальная субстанція душевной жизни,какъ неизбѣжный выводъ изъ всего предыдущаго. Проповѣдь спиритуалистической гипотезы еще у Августина и Декарта (87 - 89).

7). Противоположность субстанціи и явленій въ ихъ отношеніяхъ къ опредѣленіямъ времени: явленіе, какъ выраженіе текучей стороны дѣйствительности и субстанціи, какъ характеризуемая постоянствомъ своего пребываніе .Сверхвременное бытіе субстанціи; различіе между понятіемъ внѣвре-

меннаго и сверхвременнаго (90 - 92). Неизбѣжная дѣятельностьвсѣхъ психическихъ состояній, какъ experimentum crucis въ вопросѣ о субстанціалистическомъ или феноменистическомъ взглядѣ на душевную жизнь; различіе между временемъ абсолютнымъ и психологическимъ. Понятіе сверхвременнаго внутренне единаго синтеза, объединяющаго въ себѣ настоящее съ прошлымъ, какъ непремѣнное условіе возможности сознанія длительныхъ психическихъ фактовъ; непосредственное выраженіе въ актахъ этого синтеза единой субстанціальной силы душевной жизни; психическій синтезъ, какъ воспріятіе нашимъ Я своего собственнаго внутренняго единства и тожества въ разнообразіи испытываемыхъ имъ смѣняющихся состояній; психическій синтезъ, какъ непосредственный предметъ нашего сознанія и переживанія. Противопоставленіе общепринятому: мы сознаемъ въ себѣ только явленія - истины о томъ, что постояннымъ и единственнымъ предметомъ нашего внутренняго опыта всегда оказывается субстанціальное тожество нашего сознанія въ его разнообразныхъ выраженіяхъ. Значеніе психическаго синтеза во всѣхъ проявленіяхъ душевной жизни и особенно въ явленіяхъ памяти (92 - 98).

8). Проблема памяти. Фактъ сознанія реальности нашего прошлаго, какъ основная и наиболѣе загадочная сторона этого вопроса. Возможность узнанія въ моихъ теперешнихъ представленіяхъ прошлой дѣйствительности и обсужденіе этого вопроса въ вопросѣ о томъ, какъ вообще оказывается возможнымъ сознаніе времени? Сознаніе реальности времени, какъ самое очевидное доказательство сверхвременной природы нашего Я; сознаніе времени, какъ субстанціальная функція души. Память и сознаніе времени, какъ a priori необходимые аттрибуты единой дѣятельной субстанціи, сознающей себя. Единство сознанія, какъ трансцендентальный фактъ внутренняго опыта. Трудность въ объясненіи феноменовъ памяти, связанныя съ воззрѣніемъ на душу, какъ на сверхвременное существо. Три гипотезы, представляющіяся при объясненіи фактовъ нашей памяти: гипотеза феноменистическая, гипотеза спиритуалистическая и гипотеза непрерывнаго взаимодѣйствія души и тѣла (99 - 104).

9). Единство сознанія и связанные съ нимъ сознаніе реальности времени и сознаніе нашей активности, какъ трансцендентальные факты нашего внутренняго опыта. Неправильность Кантовскаго воззрѣнія на духъ, какъ на вещь въ себѣ: конкретная интуиція нашего духа, даваемая намъ во всей совокупности и въ каждомъ ,отдѣльномъ актѣ нашей душевной жизни (105 - 107).

III.

ОТНОШЕНІЕ ДУШИ КЪ ТѢЛУ
(107 - 144).

1). Дуалистическій и монистическій взглядъ на человѣческое существо. Двоякая форма монистическаго воззрѣнія: чистый спиритуализмъ или субъективный идеализмъ и физіологическій монизмъ. Двоякая форма физіологическаго монизма : матеріалистическій монизмъ и феноменистическій монизмъ или параллелизмъ. Невозможность практическаго примѣненія въ психологіи гипотезы чистаго спиритуализма или субъективнаго идеализма. Совмѣстимость метафизическаго монизма съ антропологическимъ дуализмомъ (107 - 109).

2). Гипотеза физіологическаго монизма . Ея основное достоинство вызванныя ею психофизическія и психофизіологическія изслѣдованія - и недостатки: порожденіе стремленія къ физіологическому схематизму и неизбѣжное утвержденіе абсолютной пассивности душевнаго существованія (109 - 113). Важное методологическое значеніе гипотезы физіологическаго монизма и невозможность ея догматическаго употребленія въ психологіи; ея причастность ко всѣмъ принципіальнымъ противорѣчіямъ догматическаго матеріализма : невозможность установленія въ ней мыслимаго перехода отъ физическихъ процессовъ къ психическимъ. Преобразованія монистической гипотезы : несостоятельная гипотеза потенціальной психической жизни въ элементахъ вещества; монадологическая теорія и свобода ея отъ противорѣчій лишь на дуалистической почвѣ; теорія параллелизма и ея дуалистическая тенденція (113 - 121). Еще одинъ важный недостатокъ гипотезы физіологическаго монизма : обиліе въ ней окончательныхъ фактовъ, далѣе необъяснимыхъ изъ законовъ и данныхъ психической жизни (121 - 123).

3). Разрѣшеніе всѣхъ основныхъ трудностей монистическаго воззрѣнія въ гипотезѣ дуалистической или спиритуалистической ; наиболѣе общая форма спиритуалистическаго міросозерцанія и даваемая имъ картина нашей душевной жизни ; главныя соображенія въ пользу предпочтенія спиритуалистической гипотезы всякимъ инымъ (121 - 129).

4). Резюме всего предыдущаго общаго хода мыслей, приведшаго къ утвержденію спиритуалистической теоріи. Новый аргументъ за монистическое воззрѣніе во взглядѣ на душевную жизнь, какъ на функцію нашего организма ; четыре типа функцій ; возможность мыслить отношеніе душевной жизни къ тѣлесному организму лишь по типу функцій, неизбѣжно

предполагающихъ дуалистическое объясненіе (129 - 134).

5). Монистическая тенденція какъ источникъ важныхъ недоразумѣній и предразсудковъ въ современной психологіи (134 - 138). Главный упрекъ противъ спиритуалистической гипотезы : ея пренебреженіе психическими и психофизіологическими изслѣдованіями и преувеличенная и невѣрная оцѣнка въ ней многихъ фактовъ нашего внутренняго опыта ; устраненіе этого упрека черезъ признаніе въ спиритуалистической гипотезѣ тѣсной связи духа и тѣла. Проблема взаимодѣйствія духовнаго и тѣлеснаго началъ, какъ выходящая за предѣлы опытныхъ наукъ (138 - 142).

6). Картезіанское затрудненіе въ проблемѣ взаимоотношенія духа и тѣлъ и устраненіе его съ монадологической точки зрѣнія.(142 - 144).

IV.

БЕЗСОЗНАТЕЛЬНАЯ ДУШЕВНАЯ ЖИЗНЬ. (144-157).

1). Необходимость преобразованія обычнаго понятія о веществѣ въ психологіи; различіе представленій о нашемъ тѣлесномъ организмѣ у физика и у насъ самихъ, какъ непосредственно переживающихъ его качественно разнообразныя реакціи на окружающій міръ; традиціонное различеніе духа и души (144 - 146).

2). Проблема о безсознательной психикѣ человѣка. Проявленія безсознательной психики : a) въ ощущеніяхъ b) въ физическихъ чувствованіяхъ c) въ явленіяхъ памяти d) въ безотчетной дѣятельности воображенія e) въ несознаваемыхъ умственныхъ процессахъ f) въ высшихъ явленіяхъ безотчетнаго вдохновенія и озаренія (147 - 149).

3). Осложненіе труднаго вопроса о безсознательной психикѣ присутствіемъ въ нашей душевной жизни разнообразныхъ слитно и смутно сознаваемыхъ психическихъ процессовъ. Склонность психологовъ слишкомъ сужывать область сознаваемаго. Законъ обратной характеристики, какъ практическій критерій для выдѣленія наиболѣе яркихъ и рельефныхъ проявленій безсознательной психики въ насъ изъ среды процессовъ, смутно и слитно нами сознаваемыхъ (149 - 153).

4). Безсознательные въ насъ душевные процессы, какъ въ себѣ сознательные, но протекающіе помимо нашего сознательнаго Я; гипотеза Дю-Прель и ея несостоятельность. Рѣшеніе вопроса съ монадологической точки зрѣнія; необходимость признанія одного или нѣсколькихъ центровъ не сознаваемой душевной дѣятельности въ насъ, отличныхъ отъ нашего созна

тельнаго Я.

Картезіанскій и лейбниціанскій или монадологическій типъ спиритуалистическаго воззрѣнія на человѣческую природу; преимущества этого послѣдняго (153 - 157).

V.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДѢЙСТВІЯ ДУХОВНАГО И ТѢЛЕСНАГО НАЧАЛЪ. (157 - 164).

Эпифеноменистическая и параллелистическая гипотеза и гипотеза реализаціи нашей психической жизни въ объективныхъ проявленіяхъ нашего бытія. Законъ сохраненія энергіи, какъ аргументъ за эпифеноменистическое воззрѣніе ; двоякій смыслъ этого закона ; непримѣнимость его къ нашей душевной жизни (157 - 161). Невозможность эмпирическаго обоснованія теоріи механическаго фатализма и внутреннія противорѣчія этой послѣдней. Законъ естественнаго подбора Дарвина, какъ аргументъ въ пользу происхожденія цѣлесообразныхъ дѣйствій у живыхъ существъ изъ механическихъ отношеній; несостоятельность такой точки зрѣнія (161 - -164).

СПЕЦІАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ПСИХОЛОГІИ УМА ПО ДАННЫМЪ ВНУТРЕННЯГО ОПЫТА (164 - 217).

1). Нервно-мозговой аппаратъ. Психологическое значеніе физіологоанатомическихъ познаній о строеніи нервной системы. Теорія нейроновъ, въ ея примѣненіи къ составу мозга (164 - 167).

2). Значеніе ощущеній въ психической жизни. Опредѣленіе ощущенія. Область безсознательной психики, какъ источникъ ощущеній, во всѣхъ особенностяхъ ихъ психической природы. Свойства ощущеній : качество, сила и тонъ. Законъ Вебера - Фехнера (167 - 170).

3). Условія сознаваемости ощущеній : a) психическій синтезъ ; b) сосредоточеніе вниманія ; c) различающая способность; d) ото -

жествляющая способность (170 - 173).

4). Классификація ощущеній. Ощущенія органическія. Ощущенія мускульныя и ихъ значеніе для познанія внѣшняго міра : доставляемыя ими отчетливая идея внѣшней силы и понятіе о протяженіи предметовъ и объ ихъ разстояніи между собой. Связь мускульныхъ ощущеній съ дѣятельностью другихъ чувствъ (173 - 176). Чувство осязанія и его значеніе Чувство вкуса и его значеніе. Чувство обонянія и его значеніе. Чувство слуха; субъективная и объективная природа звуковъ; значеніе чувства слуха. Чувство зрѣнія; качественное различіе зрительныхъ ощущеній и количественныя различія вызывающихъ ихъ причинъ; основныя и дополнительные цвѣта ; связь зрительныхъ ощущеній съ мускульными ;роль зрѣнія въ познаніи внѣшняго міра (177 - 183).

5). Ощущенія, какъ матеріалъ для синтезирующей дѣятельности сознанія. Воспріятіе. Представляемый нами внѣшній міръ, какъ субъективное отраженіе міра дѣйствительнаго. Вопросъ о возможности воспріятія наблюдаемаго міра, какъ внѣшняго, и о пространственномъ характерѣ ощущеній: нативистическая и генетическая теоріи и несостоятельность этой второй. Два необходимыхъ элемента въ представленіи внѣшняго міра : пространство и идея внѣшней силы или сопротивленія ; раскрытіе реальности внѣшняго міра въ реальности нашей воли (183 - 190).

6). Память и условія запоминаемости. Законы ассоціаціи идей. Законъ смежности и его различныя проявленія. Законъ сходства. Законъ контраста (190 - 195).

7). Законы ассоціаціи, какъ единственный двигатель всѣхъ душевныхъ процессовъ, по представленію англійской школы; преувеличенность такой оцѣнки законовъ ассоціаціи идей. Консервативная роль законовъ ассоціаціи въ нашемъ духѣ. Стремленіе къ преобразованію сочетаній между идеями, какъ другая коренная черта нашего душевнаго существованія рядомъ съ силой устойчиваго сцѣпленія; примѣры : воспоминанія, мечты о прошломъ, грезы о прошломъ, сновидѣнія, другіе виды безотчетнаго преобразованія сочетаній идей.

Телеологическій принципъ перераспредѣленія представленій въ подвижныхъ ассоціаціяхъ (195 - 204).

8). Безсознательныя и сознательныя перераспредѣленія идей. Текучія или бѣглыя ассоціаціи; ихъ громадная роль въ душевномъ обиходѣ: наличность ихъ, какъ необходимое условіе нашихъ идей о будущемъ и возможномъ, а также нашего общаго мышленія и идей съ непредставимымъ содержаніемъ. Волевой факторъ логическаго смысла отвлеченныхъ идей; моментъ произвольности или междупредѣльности въ зависимости, какъ физическихъ измѣненій нашего организма отъ нашихъ психическихъ состоя-

ній, такъ и психическихъ состояній между собою, и связанная съ нимъ свобода нашего мышленія. Двѣ группы подвижныхъ ассоціацій и ихъ основное различіе между собой. Наше Я, какъ представленіе, возникшее въ результатѣ сложной работы механизма ассоціацій, и какъ условіе и двигатель ассоціацій, предшествующій всѣмъ синтезамъ какихъ бы то ни было представленій; необходимость утвержденія въ психологіи второй точки зрѣнія на наше сознающее существо . (204 - 217).

П Р О Г Р А М М А .

1). Предметъ психологіи. Ея значеніе и положеніе среди другихъ наукъ и философскихъ дисциплинъ . Ея несовершенное состояніе (Лекц. 3- - 11).

2). Самонаблюденіе, какъ основной методъ психологіи; его главное преимущество и недостатокъ. Объективный методъ, какъ дополненіе метода чистаго самонаблюденія. Примѣненіе объективнаго метода въ изслѣдованіи связей между состояніями психическими и физіологическими; физіологическая психологія и психологія экспериментальная . Первенствующее значеніе самонаблюденія въ психологіи (Лекц. 11- 21).

3). Основныя достоинства метода самонаблюденія. Три типа послѣдовательности психическихъ явленій. Общія отличительныя свойства душевныхъ фактовъ третьей группы. Теорія эпифеноменизма и ея неудовлетворительность (Лекц. 21 - 29).

4). Основные недостатки метода самонаблюденія ; непространственность психическихъ процессовъ и громадная роль воспоминаній въ нашей интроспекціи. Общіе и спеціальные недостатки нашей памяти. (Лекц. 29- - 36).

5). Значеніе и неизбѣжныя несовершенства самонаблюденія въ самый моментъ совершенія въ насъ психическихъ процессовъ. Коренной недостатокъ самонаблюденія : отсутствіе наглядности во многихъ группахъ психическихъ явленій. Частое игнорированіе не имѣющихъ наглядности элементовъ нашего внутренняго опыта въ психическихъ теоріяхъ; примѣры Лекц. 37 - 44).

6). Споръ между номиналистами и универсалистами. Несостоятельность номиналистической теоріи. Теорія символизма и ея неудовлетворительность. (лекц. 45 - 51).

7). Главныя руководящія и предостерегающія правила въ психологическихъ изысканіяхъ. Безпристрастное описаніе данныхъ душевной жизни, какъ главная задача психолога. Возможность психологіи, какъ науки. (Лекц. 51 - 58).

8). Основныя различія психическихъ фактовъ отъ физическихъ (Лекц. 58 - 64). Классификація душевныхъ явленій : познавательная способность, чувствованія и воля ; взаимная противоположность этихъ классовъ душевныхъ явленій и ихъ внутренняя связь. Виды познанія, чувствованія и хотѣнія или различныя душевныя способности Истины или законы души (Джемс Селли стр. 30 - 36).

9). Принципъ актуальности Вундта его значеніе для вопроса о существѣ всякаго психическаго процесса вообще. Общій смыслъ этого принципа актуальности и теоретическія трудности феноменистическаго взгляда на душевную жизнь; признанія въ этихъ трудностяхъ самихъ сторонниковъ феноменистической теоріи. (Лекц. 65- 73). Опредѣленіе вниманія и мѣсто его въ ряду другихъ душевныхъ способностей. Направленіе и дѣйствіе вниманія. Физіологія вниманія. Объемъ вниманія. Условія вниманія и его стимулы (внѣшнее и внутреннее). Непроизвольное и произвольное вниманіе. Рефлективное вниманіе. Законъ контраста и новости впечатлѣній. Интересъ и переходъ къ произвольному вниманію. Функціи воли въ актѣ вниманія (Д. Сел. 56 - 64).

10. Гипотеза непостижимой сущности духаи ея несостоятельность.Лекц. 73 - 77).

Память. Удерживаніе и воспроизведеніе впечатлѣній. Воспроизведеніе и представленіе. Условія воспроизведенія. Глубина впечатлѣній : вниманіе и удерживаніе. Повтореніе и удерживаніе впечатлѣній. Ассоціація впечатлѣній. Разные роды ассоціацій (Дж. Сел. 108 - 114). Степени памяти. Развитіе способности воспроизведенія. Повтореніе опытовъ. Новые опыты. Какъ совершенствуется память ? Причины роста памяти. Различія памяти - общія и спеціальныя (Дж. Сел. 124 - 130).

11). Несостоятельность феноменистическихъ предположеній вообще въ области психологіи. Матеріалистическая гипотеза души и ея противорѣчія (77 - 87).

Репродуктивное и конструктивное воображеніе. Процессъ творчества. Различныя формы построенія. Интеллектуальное воображеніе. Воображеніе и пріобрѣтеніе знанія. Приведеніе абстрактнаго къ конкретному. Воображеніе и открываніе новыхъ фактовъ (Дж. Сел. 143 - 147).

12). Спиритуалистическое воззрѣніе на душу. Противоположность субстанціи и явленій въ ихъ отношеніяхъ къ опредѣленіямъ времени (87 - 92

Общее знаніе : мысль. Стадіи мышленія. Общее понятіе или концепція.

Какъ образуются концепціи ? Сравниваніе. Условія сравниванія. Абстракція. Обобщеніе. Концепція и наименованіе классовъ (Дж. Сел. 163 - 180). Природа сужденія. Отношеніе концепціи къ сужденію (Дж. Сел. 195 - 198). 313). Отраженіе въ фактахъ и законахъ душевной жизни субстанціальной природы души; психическій синтезъ (92 - 98).

Процессъ сужденія. Утвержденіе и отрицаніе . Вѣра и сомнѣніе. Объемъ сужденія. Степень совершенства сужденій : ясность. Точность сужденія. Другія достоинства сужденія. Заключеніе и разсужденіе. Отношеніе сужденія къ разсужденію. Индуктивное и дедуктивное разсужденіе .(Дж. Сел. 198 - 207 А).

14). Проблема памяти и связанный съ нею вопросъ о возможности сознанія времени вообще. Трансцендентальные факты нашего внутренняго опыта (98 - 107).

15). Монистическій и дуалистическій взглядъ на человѣческое существо. Различные виды монизма : чистый спиритуализмъ и физіологическій монизмъ въ его двоякой формѣ. Методологическія достоинства и недостатки гипотезы физіологическаго монизма (107 - 113).

Опредѣленіе чувствованія. Распространеніе и дѣйствіе чувствованія. Удовольствіе и страданіе . Дѣйствіе ихъ. Однообразіе и перемѣна. Приспособленіе къ обстановкѣ. Виды удовольствія и страданія. Чувственныя чувствованія. Эмоціи. Развитіе эмоцій. Инстинктивный и наслѣдственный элементы. Вліяніе упражненія , опыта и т.д. Ассоціаціи чувствованій. Привычки чувствованія. Порядокъ развитія эмоцій (Дж. Сел. 227 - 240).

16). Критика монистической гипотезы. Необходимость признанія дуалистической гипотезы въ психологіи (113 - 129).

Эгоистическія чувствованія : страхъ. Гнѣвъ, антипатія. Любовь къ дѣятельности и могуществу. Чувство соперничества. Любовь къ одобренію и самоуваженіе . Соціальныя чувствованія: Любовь и уваженіе . Условія симпатіи. Примѣненія симпатіи (Дж. Сел. 246 - 265.

17). Критическая оцѣнка различныхъ возраженій противъ спиритуалистической гипотезы. Упрощеніе проблемы взаимодѣйствія духовнаго и тѣлеснаго началъ съ точки зрѣнія монадологической (138 - 144)

Интеллектуальное чувство. Чувство невѣдѣнія и удивленія. Наслажденіе пріобрѣтеніемъ знанія. Развитіе интеллектуальныхъ чувствованій. Высшія степени развитія интеллектуальнаго чувства. Элементы эстетическаго наслажденія. Эстетическое сужденіе: Вкусъ.Мѣрило эстетическаго вкуса (Дж. Сел. 268 - 275). Нравственное или этическое чувство. Нравственное чувство и нравственное сужденіе. Мѣрило нравственности (Дж. Сел. 281 -283)

18). Необходимость преобразованія обычнаго понятія о веществѣ въ психологіи; монадологическій или динамическій взглядъ на природу вещества. Безсознательная психика и ея различныя проявленія (144- 149).

Опредѣленіе воли. Отношеніе ея къ знанію и чувствованію. Основаніе хотѣнія : желаніе. Желаніе и дѣятельность. Желаніе и хотѣніе. Развитіе хотѣнія. Инстинктивный факторъ въ хотѣніи (Дж. Сел. 209 - 294). Переходъ къ произвольнымъ движеніямъ (295). Внутреннее управленіе движеніями (299 - 300 до словъ "отъ умѣнья"). Движеніе и привычка (301- - 303).

19). Слитно и смутно сознаваемые психическіе процессы ; законъ обратной характеристики. Рѣшеніе проблемы о безсознательной психикѣ въ насъ съ монадологической точки зрѣнія (149 - 157).

Характеръ. Вліяніе развитія интеллекта и чувствованій. Сложныя дѣйствія. Обсужденіе и выборъ, рѣшимость и настойчивость.(Дж. Сел. 307= -311).

20). Проблема взаимодѣйствія духовнаго и тѣлеснаго началъ. Несостоятельность теоріи механическаго фатализма (157 - 164).

21) Нервно-мозговая система. Значеніе физіологическихъ познаній для психологіи. Ощущеніе. Источникъ психической природы ощущеній (164 - 168).

22). Свойства ощущеній. Законъ Вебера . Условія сознаваемости ощущеній (168 - 173).

23). Классификація ощущеній. Ощущенія органическія и мускульныя. Значеніе мускульнаго чувства для познанія внѣшняго міра (173 - - 176).

24). Чувства осязанія. Вкусъ. Чувство обонянія. Чувство слуха и чувство зрѣнія; ихъ роль въ познаніи внѣшняго міра (177 - 183).

25). Ощущенія и воспріятіе . Идеальная природа нашихъ воспріятій. Психологическое происхожденіе . Воспріятіе реальности внѣшняго міра (183 - 190).

26). Память. Законы ассоціаціи идей. Законъ смежности. Законъ сходства. Законъ контраста (190 - 195).

27). Подвижныя ассоціаціи и ихъ различныя проявленія въ душевной жизни (195 - 204).

28). Текучія или бѣглыя ассоціаціи.